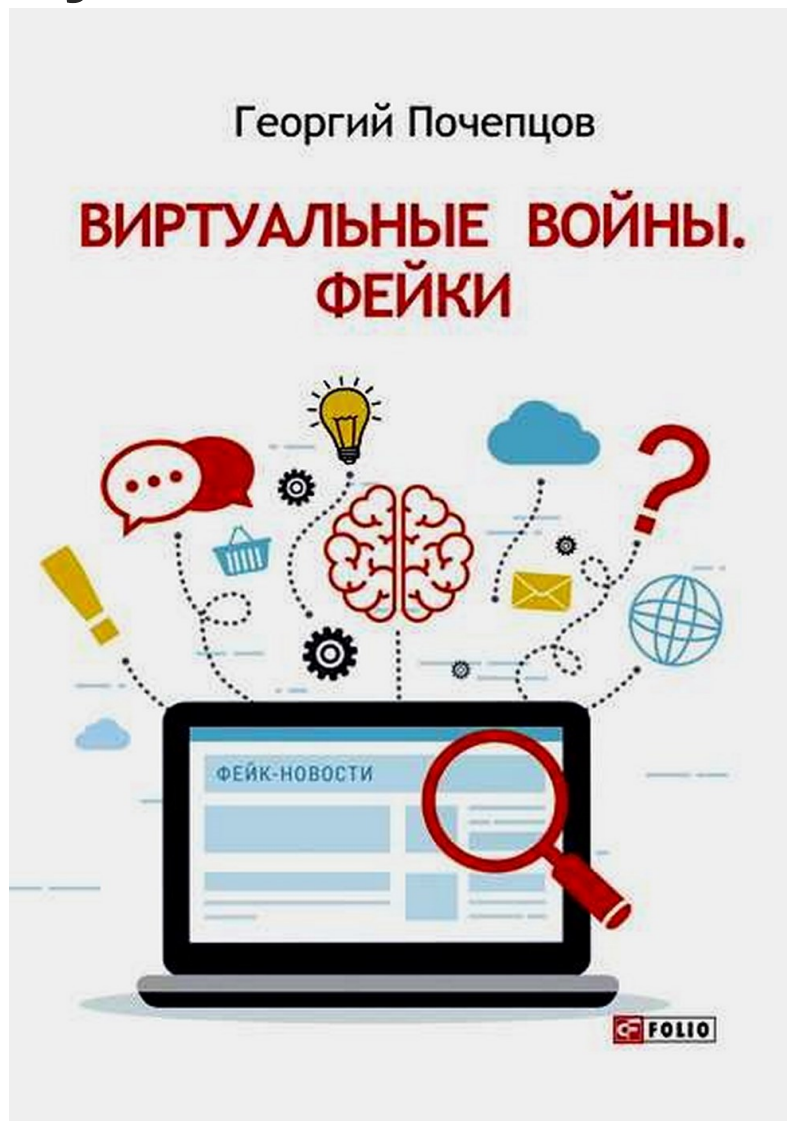

Георгий Почепцов Виртуальные войны. Фейки

© Г. Г. Почепцов, 2019

© М. С. Мендор, художественное оформление, 2019

© Издавництво «Фолио», марка серии, 2019

Введение

Всему поколению, жившему в СССР, была хорошо известна песня «Если завтра война», житейская мудрость «Лишь бы не было войны», раскрывающие войну как главную опасность, к которой надо быть всегда готовыми. Но это не касается виртуальных войн, поскольку те происходят и во время мира, а потому сопровождают человечество все

время. Физическая война может развиваться молниеносно, виртуальная война может длиться десятилетиями.

Любая цивилизация всегда стремилась к своему расширению. Она делает это либо физическим инструментарием, захватывая чужие территории, либо информационным инструментарием, бомбардируя нас рассказами о происшествиях в других странах, либо виртуальным инструментарием, например, с помощью телесериалов, поработавшая наши головы так, как раньше это делали чужие религия и идеология. И сегодня именно виртуальный инструментарий стал основным средством, часть его в виде образования, культуры, спорта даже была выделена в инструментарий мягкой силы, которую все страны используют, особенно там, куда собирается идти их бизнес, как это делает, к примеру, Япония.

Виртуальное оставляет свои физические следы в виде памятников, названий улиц и городов. Виртуальное порождает новые поколения, которые живут с другой картиной мира в голове. А при другой карте они идут совершенно другими дорогами.

Мир сегодня столкнулся с ускорением всех ситуаций, как развития, так и угасания стран. Традиционные методы государственного управления могут лишь фиксировать происходящее, но практически не способны повлиять на него. Мир движется вне государственного контроля, поскольку он приходит слишком поздно, когда уже ничего изменить нельзя. Это связано с возрастанием роли как информационного, так и виртуального компонентов, которые способны трансформироваться быстрее физического компонента, на который и было ориентировано госуправление. Государство пытается решить эту задачу увеличением числа госслужащих, но это путь тупиковый, поскольку никак не меняет инструментарий, которым они оперируют.

Автор выражает благодарность интернет-изданию «Детектор медиа» за многолетнее сотрудничество.

Глава первая

Виртуальные коммуникации

1. Как виртуальные коммуникации строят и разрушают миры

Мы привыкли к тому, что виртуальные объекты не имеют того влияния, что физические или информационные. Направленный на тебя пистолет со словами «гони монету», несомненно, очень убедителен. И даже в теории принудительной дипломатии есть требование подкреплять угрозы реальным передвижением войск, чтобы быть убедительнее [1].

Физическое оружие направлено на уничтожение физического объекта – тела человека. Информационное и виртуальное влияют на принятие решений человеком: одно предоставляет для этого текущую информацию, другое – неизменные характеристики.

Информационная картина мира – это сегодняшняя картина мира, завтра она будет другой. По этой причине мало кому нужна вчерашняя газета. Виртуальная картина мира носит более долговременный характер: она была вчера и будет такой завтра. Это, скорее, понимание мира, чем его сегодняшнее видение.

Информационная картина мира встретится в газете, в теленовостях, на сайте. Виртуальная картина мира будет реализовываться в книгах, телесериалах, памятниках. Это все то, что не изменится, как правило, на завтра, а останется и для следующих поколений, поскольку является не кратковременным, а долговременным продуктом. Несколько утрируя, можно утверждать, что информационный мир работает на нынешнее поколение, виртуальный – на завтрашнее. То есть каждое поколение пользуется новым сегодняшним информационным представлением, которое динамично меняется, и пришедшим из вчера виртуальным, трансформирующимся очень медленно.

Информационное отличается от виртуального, как тактическое воздействие от стратегического. Ведь виртуальное пространство – это религия и идеология, которые имеют дело с сакральными ценностями, за покушение на которые любое общество серьезно наказывает. Это защищенные ценности, которые удерживаются при переходе от поколения к поколению.

В ситуации революций происходит смена сразу двух картин мира – информационной и виртуальной, с помощью которых реинтерпретируется и физическое пространство. Ведь не зря после 1917 года выполнялось требование футуристов «сбросить с корабля современности» всю старую культуру. Хотя, как отмечала Г. Иванкина, СССР парадоксальным образом сохранил «дворянскую культуру» в виде литературы и искусства [2–5].

В подтверждение можно привести такую ее цитату: «Большевистский СССР оказался единственным социумом XX века (за исключением Англии, наверное), где хранились и пестовались аристократические вкусы. Но есть нюанс: в советской системе эти привычки прививались всему народу, а не только высшей элите».

Таким образом, увеличивается разрыв между информационным представлением, где буржуев и дворян надо было уничтожать, и виртуальным, где они не прямо, а косвенно становятся образцом для подражания, ведь все классические герои типа Евгения Онегина являются «врагами» с точки зрения новой виртуальной картины мира. То есть песенный призыв «мы наш, мы новый мир построим» сработал только для информационной картины мира, а виртуальная была

существенно сохранена, хотя и подвергалась массовому разрушению на первых порах.

Следует признать, что перед нами определенный вариант квазипостколониальной модели, когда освобождение от колониальной зависимости сохраняет чужую культуру. Правда, колонизаторов в классическом виде в этом случае не было.

И все это, кстати, объясняет странный феномен достаточно высоких образцов советского искусства в кино и литературе. С одной стороны, новых творцов воспитывали те, кто сами получили образование в старой России. С другой – виртуальные образцы оказались не затронутыми революционными трансформациями из-за данного странного симбиоза «дворянское + революционное».

Виртуальное живет отдельно от информационного и физического. Голодающий человек, то есть физически находящийся на нуле, может обладать высокими виртуальными ценностями. Существует даже условная истина, что художнику голод полезен. И Сталин, урезая гонорары писателям, обосновал это тем, что при больших гонорарах писатели, написав одну книгу, ничего больше делать не будут.

Виртуальные ценности очень хорошо транслируются через любые кордоны и запреты. Но, как оказывается, и через времена. Вот еще одна цитата из Г. Иванкиной: «В Советском Союзе победила именно эта концепция культурничества – привитие победившему классу утонченных вкусов и лучших навыков побежденных, уничтоженных сословий. Не отрицание, но тщательная фильтрация. Так, Пушкин из бытописателя праздных денди, барышень-крестьянок и легконогих нимф превратился в яростного борца с самодержавием, а говоря о придворном композиторе Людовика XIV – Жане-Батисте Люлли, всегда подчеркивалось, что он – родом из флорентийских крестьян (сейчас о нем непременно сообщают, что он был гомосексуалистом – почувствуйте разницу)» [3]. Кстати, как видим, в биографиях прошлого акцентируется виртуальный элемент, который значим для сегодняшнего дня. Однотипно история России времен Сталина стала историей не царей, а народно-освободительного движения.

Сегодня все говорят об информационных интервенциях, но большая часть из них была смысловыми интервенциями, когда информационно переносились именно смыслы, то есть смысловая интервенция представляет собой сочетание информационной и виртуальной составляющих. Чисто информационная интервенция нужна для воздействия, например, на принятие решений военным, но воздействие на население всегда будет смысловой интервенцией.

Кибератаку мы можем рассматривать как сочетание информационного и физического, поскольку она направлена на физическую трансформацию информационных ресурсов. В отличие от нее чисто информационная и

виртуальная интервенция имеют своей целью когнитивное пространство или массового, или индивидуального сознания.

Украина обладает общей информационной картиной мира, но разные ее регионы имеют разную виртуальную картину мира, хотя каждый майдан способствовал выравниванию этой виртуальной картины мира, увеличивая долю общих представлений и оттесняя различающиеся.

Виртуальная картина мира носит не просто ценностный характер, в ней содержатся причины и следствия событий, которые фиксирует информационная картина мира. Тогда в голове возникает нарратив, из которого становится ясно, почему это произошло и каковы могут быть последствия. Именно на этом уровне происходит определение того, является ли страна, вторгшаяся на территорию другой, «захватчиком» или «освободителем».

Тоталитарные государства очень серьезно относятся к своей виртуальной картине мира. Сталин повторил модель экспансии из геополитики к виртуальной политике, когда все изобретения, например, оказывались родом из России, а СССР был впереди планеты всей.

Несогласные с этой виртуальной моделью могли распрощаться с жизнью, как это произошло с талантливым физиком М. Бронштейном, который стал врагом народа, поскольку «отказался от требования издательства переделать повесть «Изобретатели радиотелеграфа» и написать, что Маркони просто-напросто украл у Попова его изобретение. Бронштейн в ответ назвал подобный «патриотизм» фашистским» [6].

Логика физического мира легко нарушается в логике мира виртуального. В советской модели многие отрицательные события превращались в позитивные, поскольку акцентировался героизм преодоления трудностей, а отрицательные аспекты отходили на второй план, а то и вовсе исчезали. Наиболее ярким примером этого можно считать превращение гибели Челюскина в героический процесс спасения челюскинцев, что даже привело к появлению первых героев СССР – летчиков, награжденных соответствующим званием и орденом Ленина.

Физический мир трансформируется под потребности виртуального. Гитлеру перед концом войны, например, сооружали кабинет размером в тысячу метров. Гитлер хотел отказаться от проведения Олимпиады, но Геббельс убедил его не делать этого: «Министр объясняет Гитлеру, что Олимпиада может стать мощным двигателем нацистской пропаганды. Масштабное событие окажет влияние на репутацию страны и покажет ее величие. По мнению Геббельса, Олимпийские игры представят новую Германию: стремящуюся к миру, не раздираемую внутренними политическими конфликтами, с сильным народом и лидером. Положительный имидж для страны – это выход из политической изоляции, налаживание экономических контактов и, как следствие, –

приток капиталов, в которых Германия так остро нуждается. Гитлер соглашается с помощником и дает добро на подготовку к Играм» [7].

Виртуальность тогда выстраивалась по следующим лекалам: «необходимо развить идею о взаимосвязи между Олимпиадой в Древней Греции и Третьем рейхе. В СМИ культивируют образ идеального, в том числе и физически, арийца. Ориентиром выбрана античность, в скульптурах которой подчеркнута сила. Немцам твердят: Третий рейх – наследник Священной Римской империи германской нации, а следовательно, ее культуры и мощи. Выступая по радио с обращением к немецкому народу, Пьер де Кубертен говорит: олимпизм станет новой религией».

Особенно чувствительны к виртуальности литература, кино, архитектура и искусство. Их произведения наглядны, визуальны и эмоциональны, что позволяет влиять на человека непосредственно, вне его контроля. Эмоцио «гасит» рацию, делая свободным перемещение смыслов.

Сталинские высотки росли ввысь, метро поражало своими подземельями. Как отмечают сегодня, вспоминая ключевые виртуальности того времени: «Если пользоваться стереотипными определениями газетных передовиц – в стране существовали «нерушимые границы», содержащиеся исключительно «на замке»; «братские народы», число которых старательно сводилось к минимуму (как с помощью уловок в переписи, так и чисто физически), окружали «старшего брата» – «великий русский народ». В «сердце страны» располагался великий город – «порт пяти морей» и, наконец, в точке схода всех линий помещался Кремль с вечно бодрствующим Сталиным» ([8], см. также [9-13]).

Самая высшая точка СССР именовалась пик Сталина, потом она стала пиком Коммунизма, а после распада СССР уже в Таджикистане пиком Исмаила Самани, эмира из династии Саманидов. То есть изменить физическую реальность нельзя, зато ее можно бесконечное число раз переименовывать, чтобы удовлетворять требованиям новой виртуальности. Именно виртуальность приносит радость массовому сознанию.

Смены виртуальности можно увидеть не только по своим произведениям, но и по тем, которые переводятся в стране. Возьмем переводы американской литературы в СССР. Понятно, что любовь довоенного времени отражает «Десять дней, которые потрясли мир» Джона Рида. Потом героиню подвига сменила героиня труда. На смену Павке Корчагину пришли живые герои из жизни – Паша Ангелина и другие. Следующие два американских текста – это Джек Лондон, повествующий о сильных и бесстрашных людях. А потом появляется Хемингуэй, борода которого даже перекечевывала с портретов в жизнь. Это было время начального периода безгероики, стилига, впитывания элементов чужой жизни.

Виртуальность усиливается средствами литературы, искусства, кино. В этом случае она обретает материальность, доступную для глаз. И это происходит во все эпохи. Вспомним, что строительство соборов подрывало экономику средневековья, но все равно происходило. Это было наглядной иллюстрацией мощности данной религиозной доктрины в эпоху отсутствия кино и телевидения.

Виртуальность распространяет свою силу в разные стороны. Протестантизм плюс капитализм создал сильные страны, чего не удалось сделать другим религиям, даже близкому католицизму. Если не на религии, то на идеологическом стержне был выстроен и СССР. И эту идеологическую квазирелигию следовало создавать с чистого листа. Падение СССР можно было осуществить только изнутри с помощью перестройки за счет введения новых виртуальностей и свержения старой. Причем делал это так называемый «архитектор перестройки» А. Яковлев, который большую часть своей жизни занимался в ЦК именно пропагандой, то есть, по сути, руководил виртуальной квазирелигией советского времени.

Причем через века повторяются и формы, в которые облекается виртуальность. Понятно, что в первую очередь это нарратив, который носит универсальный характер. Но, как оказалось, это и сериальность, поскольку литературные произведения девятнадцатого века печатались в медиа своего времени по частям (см. анализ с этой точки зрения «Войны и мира» и «Евгения Онегина» [14–15]).

Новая послереволюционная литература подвергалась суровой политической цензуре. Даже детская литература в СССР не оставалась без подобного присмотра. Ярким примером объекта политических нападков были, к примеру, сказки К. Чуковского [16–18]. Н. Крупская даже выступила в 1928 г. в газете «Правда» со страшными для того времени словами, громившими «Крокодила»: «Звери под влиянием пожирателя детей, мещанина-крокодила, курившего сигары и гулявшего по Невскому, идут освобождать своих томящихся в клетках братьев-зверей. Все перед ними разбегаются в страхе, но зверей побеждает герой Ваня Васильчиков. Однако звери взяли в заложницы Лялю, и, чтобы освободить ее, Ваня дает свободу зверям:

«Вашему народу
Я даю свободу,
Свободу я даю!»

Что вся эта чепуха обозначает? Какой политической смысл она имеет? Какой-то явно имеет. Но он так заботливо замаскирован, что угадать его довольно трудновато. Или это простой набор слов? Однако набор слов не столь уже невинный. Герой, дарующий свободу народу, чтобы выкупить Лялю, – это такой буржуазный мазок, который бесследно не

пройдет для ребенка. Приучать ребенка болтать всякую чепуху, читать всякий вздор, может быть, и принято в буржуазных семьях, но это ничего общего не имеет с тем воспитанием, которое мы хотим дать нашему подрастающему поколению. Такая болтовня – неуважение к ребенку. Сначала его манят пряником – веселыми, невинными рифмами и комичными образами, а попутно дают глотать какую-то муть, которая не пройдет бесследно для него. Я думаю, «Крокодил» ребятам нашим давать не надо, не потому, что это сказка, а потому, что это буржуазная муть» [19].

Сегодня это воспринимается как какая-то пародия. Но тогда все это было достаточно серьезно. К травле подключилась и А. Барто. Все это было достаточно серьезным обвинением в накаленной политической обстановке того времени.

В 1929 году Чуковскому пришлось публично выступить с такими покаянными словами: «Я писал плохие сказки. Я признаю, что мои сказки не годятся для строительства социалистического строя. Я понял, что всякий, кто уклоняется сейчас от участия в коллективной работе по созданию нового быта, есть или преступник, или труп. Поэтому теперь я не могу писать ни о каких «крокодилах», мне хочется разрабатывать новые темы, волнующие новых читателей. В числе книг, которые я наметил для своей «пяtilетки», первое место занимает теперь «Веселая колхозия» [20].

Крупская обвиняла текст для детей по программе строительства мира для взрослых. Она хотела внедрения новой виртуальности, которая была нужна, например, газете, не просто в художественный текст, а в текст для детей. Обратим внимание также и на то, что до 1937 года было почти десять лет, так что репрессивная машина удержания новой виртуальности работала все время. Печать книг Чуковского приостановилась, некоторые книги подверглись запрету.

Появление статьи в «Правде» имело предысторию. Когда Чуковскому задержали печатание «Крокодила», и он узнал, что текст находится у Крупской, то пошел к ней. И вот запись из его дневника 1927 года: «Приняла любезно и сказала, что сам Ильич улыбался, когда его племянш читал ему моего «Мойдодыра». Я сказал ей, что педагоги не могут быть судьями литературных произведений, что волокита с «Крокодилом» показывает, что у педагогов нет твердо установленного мнения, нет устойчивых твердых критериев (...). Эта речь ужаснула Крупскую. Она так далека от искусства, она такой заядлый «педагог», что мои слова, слова литератора, показались ей наглыми. Потом я узнал, что она так и написала Венгрову в записке: «Был у меня Чуковский и вел себя нагло»».

Эта борьба на, казалось бы, самом узком участке литературы была важна, поскольку и здесь был свой пантеон, и его приходилось все время менять: «Основоположники советской детской литературы Чуковский, Маршак», потом «Маршак, Чуковский», затем – «Маршак, Михалков,

Барто, Чуковский», а после войны – «Михалков, Барто, Маршак и др.» [21].

Художественные произведения в принципе сопротивляются вторжению прямой пропаганды, поскольку это уничтожает саму суть художественного. Как следствие, оно теряет своего читателя в случае книги или зрителя в случае кино. В художественной книге читатель хочет видеть не повтор действительности или пропаганды, как это было с соцреализмом, а иной мир.

Виртуальный мир в любом случае присутствует в разуме человека. Он может повторять доминирующий в обществе и государстве вариант, а может противоречить ему. Противоречащие взгляды сразу начинают корректироваться мощными медиа, оставляя тем, кто против, только слабые возможности для тиражирования своих взглядов.

Более тридцати лет назад Н. Постман предупреждал о последствиях телевидения, говоря, что мы становимся культурой, в которой информация, идеи и эпистемология порождаются телевидением, а не книгами [22].

Л. Стрейт объясняет его подход двумя составляющими [23]. С одной стороны, базируясь на картинке, телевидение не поддерживает рациональный, логический дискурс. С другой стороны, это скорость подачи информации, которая не дает возможности раздумывать.

Сегодня можно сказать, что соцмедиа во многом усилили предложенные телевидением правила информационной игры, сделав человечество заложником.

Литература

1. George A. L. Forceful persuasion. Coercive Diplomacy as an Alternative to War. – Washington, 1991.
2. Иванкина Г. Честь, служение, самоотречение. Дворянские ритуалы советского общества // zavtra.ru/blogs/galina-ivankina-chest-sluzhenie-samootrechenie-2013-01-24-014706.
3. Иванкина Г. Советская культура как дворянская эстетика // www.ridus.ru/news/191190.
4. Иванкина Г. Хруст французской булки // zavtra.ru/blogs/hrust-frantsuzskoj-bulki.
5. Иванкина Г. СССР как новое прочтение Российской империи // cont.ws/@russkoeobozrenie/90985.
6. Риц Е. Расстрел рядового гения // jewish.ru/ru/people/science/185722/.
7. Борисова А. Раса чемпионов. Кто разрешил Гитлеру провести олимпиаду, и чем это закончилось // lenta.ru/articles/2018/03/30/hitler_olympic/.

8. Тарханов А. и др. Сталинская архитектура: образы рая и ада // archvuz.ru/2012_33/7.
9. Комарова М. Архитектура партии: как сталинский ампи́р вел страну к светлoму // style.rbc.ru/impressions/571f2edb9a79473d66b83793.
10. Хмельницкий Д. Сталин и архитектура // ricolor.org/history/rsv/good/arhi/.
11. Векслер Ю. Архитекторы Гитлер и Сталин // www.svoboda.org/a/27765862.html.
12. Басырова М. Жан-Кристоф Маснада: «Сталинская архитектура заслуживает того, чтобы ее сохранить» // theoryandpractice.ru/posts/1457-zhan-kristof-masnada-stalinskaya-arkhitektura-zasluzhivaet-togo-chtoby-ee-sokhranit.
13. Крылов А. Н. Сталинская архитектурная Византия // stalearch.ru/2017/12/26/stalinskaya-arhitekturnaya-vizantiya/.
14. Трофимова Т. Война и мир как сериал // gorky.media/context/vojna-i-mir-kak-serial/.
15. «Что будет дальше – не знаю, а пока это и манерно, и мелко». Как читали «Анну Каренину» и «Евгения Онегина» до того, как они были дописаны // www.kommersant.ru/doc/3586853.
16. Почему в СССР запрещали сказки Чуковского // arzamas.academy/materials/372.
17. Лукьянова И. В. Корней Чуковский. Тайный политический смысл // chukovskiy.lit-info.ru/chukovskiy/bio/lukyanova/tajnyj-politicheskij-smysl.htm.
18. «Полная безыдейность, переходящая в идейность обратного порядка». Борьба с «чуковщиной» // www.kommersant.ru/doc/2675093.
19. Крупская Н. К. О «Крокодиле» Чуковского // www.chukfamily.ru/kornei/pro-et-contra/borba-za-skazku/nk-krupskaya-o-krokodile-chukovskogo.
20. Недетский детский писатель // www.myjane.ru/articles/text/?id=15950.
21. Новикова Л. Михалков, Барто, Маршак и др. // iz.ru/news/521167.
22. Postman N. Amusing Ourselves to Death. – New York, 1986.
23. Illing S. How TV trivialized our culture and politics // www.vox.com/conversations/2017/5/8/15440292/donald-trump-politics-culture-neil-postman-television-media.

2. Виртуальные войны: непобедимых в них не бывает

Виртуальное пространство имеет важное отличие от пространств информационного и физического: оно всегда привлекает, а не отталкивает, как это иногда бывает с информационным или физическим, которые часто навязываются человеку. Мы сами стремимся в виртуальность, даже отдавая свои деньги за то, чтобы погрузиться в нее: увидеть фильм, прочесть книгу, сыграть в видеоигру и т. д. Правда, виртуальное пространство на одном полюсе имеет «Гарри Поттера» как пример виртуальной продукции, добровольной для потребления, но на другом – религию и идеологию, которые в далеком прошлом были более чем обязательны для каждого.

Сегодня потребление в виртуальном пространстве формируется в основном на добровольной основе, однако те или иные виртуальные продукты, приходящие извне, могут конфликтовать с национальной виртуальной системой. Реально радикальный исламизм стал ответом на столкновение двух виртуальных систем: западной и исламской.

Эту же сложную ситуацию можно увидеть на примере Ирана, который пытается выйти из подобной культурной войны созданием своих аналогов из мира виртуальности. Взамен западных кукол Барби и Кена выпускают своих Дара и Сару [1–3], взамен западной анимации развивается своя, благодаря специально созданному Институту интеллектуального развития детей и подростков (Institute for Intellectual Development of Children and Young Adults) ([4], см. подробнее о деятельности этого института [5]). Все это для того, чтобы в результате ребенок остался в окружении национального виртуального продукта вне конфликта виртуальностей, своей и чужой.

При этом анимационные фильмы работают не только для детей, например, в них Иран вступает в вооруженную борьбу то с США, то с Израилем, побеждая своих врагов [6–8]. Причем считается, что это иранский ответ на западные видеоигры. Оберегают и взрослых. При трансляции футбольного матча «размазали» сосцы волчицы на эмблеме футбольного клуба «Рома» [9]. При посещении иранским президентом римского музея обнаженные античные статуи прикрыли коробками [10]. Трансляция вручения Оскара заставила прикрыть обнаженные плечи актрисы Ш. Терон [11]. Такое столкновение двух виртуальностей можно увидеть и в российском примере, когда архимандрит спел в храме «Мурку», за что был отправлен из Московской епархии в Тирасполь [12–13]. Такое же столкновение виртуальностей можно увидеть в ситуации, когда молодые люди пытались поджарить яичницу на Вечном огне в Киеве.

Кстати, у историка В. Ключевского есть интересное наблюдение. Когда мы берем в руки иностранную вещь, мы невольно перенимаем ментальность ее создателя. Он замечал, что первые иноземные куклы появлялись в руках царевичей.

Китай в дополнение к своему кинопроизводству влияет на американское, и он может осуществлять такое влияние на американский виртуальный продукт в свою пользу, поскольку является одним из главных его потребителей [14–16]. Это явно цензура, которую можно назвать при желании мягкой. Например, из «Пиратов Карибского моря: На краю света» в китайской версии исчез лысый китайский пират. В «Людах в черном – 3» произошло то же самое, когда неприятные инопланетяне оделись, как китайские работники ресторана. В китайской версии «Скайфолла» исчезли ссылки на коррупцию и проституцию в Китае. И все это потому, что Голливуд зарабатывает на продаже билетов в Китае больше, чем где бы то ни было, кроме Северной Америки.

Это влияние на фильмы, получившие прокат в Китае. Но есть более широкий спектр китайского влияния, который можно выразить заголовком одной из газет: «Россия захватила наши выборы, Китай забирает все остальное» [17–20]. Австралия, Новая Зеландия, США, Канада фиксируют попытки Китая коррумпируют своих политиков и бизнес, университеты и think tank'и, обозначая это мягко как политику влияния, которая сильно активизировалась.

Сенатор М. Рубио говорит: «Мы много обсуждали российское вмешательство в наши выборы, но китайские попытки влияния на нашу публичную политику и наши основные свободы являются более распространенными, чем многие люди себе представляют». Возможно, в этом также лежит причина резкой реакции США в отношении тарифов [21–22]. При этом Трамп заявляет, что Америка не начинает торговую войну с Китаем, поскольку давно ее проиграла.

Теоретикам из-за этих действий Китая и России по отношению к США пришлось внести в известную классификацию Дж. Ная очередной вид силы после мягкой, жесткой и умной [23]. Новая сила обозначена как «острая» (sharp), именно она исходит от авторитарных стран.

Острая сила объясняется следующим образом: «Усилия авторитарного влияния «остры» в том смысле, что они пронзают, проникают или перфорируют информационные среды в странах-целях. В безжалостном новом соревновании, которое происходит между автократическими и демократическими государствами, методы «сильной власти» репрессивных режимов следует рассматривать как наконечник кинжала или шприц. Эти режимы не обязательно стремятся «завоевать сердца и умы», что является обычной целью для усилий «мягкой силы», но они, безусловно, ищут способы управления своей целевой аудиторией, манипулируя или отравляя информацию, которая их достигает».

Среди других характеристик острой силы называются направленность на точки разделения общества, а также, в отличие от жесткой силы, острая сила обладает определенной незаметностью. И еще одна характеристика: «С помощью острой силы обычно непривлекательные ценности авторитарных систем, которые поощряют монополию власти,

контроль сверху вниз, цензуру и принудительную или купленную лояльность, направляются вовне, а те, на кого они повлияли, представляют собой не так аудиторию, как жертв».

Исследователи предлагают следующие пути борьбы, которые должны взять на вооружение все демократические государства:

- преодолевать малую информированность граждан о Китае и США,
- разоблачать авторитарное влияние,
- прививать демократические общества против вредного авторитарного влияния,
- подтверждать поддержку демократических ценностей и идеалов,
- переосмыслить понятие «мягкой силы».

Нам представляется все это достаточно важным как первый этап осмысления происходящего. Объединив разные типы подобных влияний, мы сможем четче представлять, с чем именно имеем дело, что облегчает выработку противодействия. Когда в голове есть подобный концепт, мы скорее заметим его в реальности.

Виртуальное пространство своим активным функционированием без особых дополнительных усилий выступает и в атакующей роли, и в защищающей. В норме даже в своем пассивном состоянии оно реагирует на чужое появление и проявление, как организм реагирует на инфекцию. Но такая ситуация была более характерной для прошлого, чем для сегодняшнего дня. Современность характеризуется более терпимым отношением к чужим виртуальным продуктам, если они не вторгаются в область сакральных ценностей.

В этой сфере поиска объективного понимания сакральности с помощью нейropsихологии работает С. Этрэн с коллегами, которые изучили как конфликт Израиль – Палестина, так и возникновение новой сакральности – ядерной проблемы для Ирана [24–27]. Как оказалось, сакральные ценности не поддаются обмену на материальные, их невозможно оценить по монетарной шкале.

Эти исследования финансируют в том числе и военные, которые не могли понять, почему в процессе мирных переговоров невозможно поменять одни территории на другие, даже большие по размеру. Военные гранты лежат также в исследованиях по структурированию событий в нарративах с точки зрения обращения к ценностям [28].

Исследователи отмечают другой тип человеческого мышления, связанный с сакральностью: «Нарративное структурирование, которое нацелено на сакральные ценности слушателя, включая ядерные личностные, национальные и/или религиозные ценности, могут быть особенно эффективны при влиянии на интерпретацию слушателем излагаемых событий. Сакральные ценности являются такими, которые сопротивляются компромиссу, они в сильной степени связаны с

психологией идентичности, эмоций, морального принятия решений и социального мышления. Мы смотрим на нарративное структурирование, которое использует сакральные отсылки, как на сакральное структурирование. Когда сакральное структурирование применяется к обычным проблемам, слушатели могут реагировать на эти проблемы по-другому, опираясь на сакральные принципы вместо использования утилитарных рассуждений» [29]. Активность мозга испытуемых при чтении разного типа историй фиксировалась с помощью МРТ.

Защитные действия против чужого вторжения можно понять, поскольку виртуальная война является сложным многоканальным и многофакторным воздействием на виртуальное пространство с целью получения результата в трансформации когнитивного пространства, который приведет к изменениям в поведении.

Опыт СССР показал, что его разрушение шло по линии массовой культуры и продуктов массового потребления. Область идеологии надежно охранялась, поэтому «иное» пришло через менее охраняемые каналы влияния. Молодежь слушала западную музыку, смотрела западные фильмы, ходила в джинсах. Она жила как бы в другом мире, физически находясь в советском.

Воздействие на массовое сознание идет, как правило, сквозь воздействие на целевые группы, которые на следующем шаге будут воздействовать на все население. Такой подход полностью соответствует теоретически проработанным вариантам воздействия. С одной стороны, это теория гегемонии А. Грамши, в рамках которой правящий класс удерживает нужную виртуальную модель мира с помощью интеллигенции, продукция которой базируется на модели мира доминирующего класса, а значит, служит упрочению сложившегося положения вещей.

С другой стороны, это приход либеральной экономики на Западе, развернутая кампания по продвижению которой, направляемая Хайеком, в свое время заменила госкапитализм Рейгана и Тэтчер. Здесь также основной была роль интеллектуалов как работающих с чужими идеями и распространяющими их.

Интеллигенция/интеллектуалы не только занимают позиции в публичном дискурсе, но и их основной работой является тиражирование своих и чужих мыслей, причем часто трудно отделить свое от чужого, поскольку все они находятся в рамках определенных школ и догм, действуя в их русле.

Г. Шпеер, немецкий эмигрант, работавший после войны в РЭНД, видел еще более простое объяснение – рабочий повторяет поведение буржуазии, борясь за престиж [30]. А учитывая уже давно открытые, но в наше время, а не во время Шпеера, зеркальные нейроны, которые проигрывают любое физическое действие, которое мы видим, у нас в мозгу, то становится понятным, что перед нами череда заимствований,

которая социально будет идти сверху вниз. Хотя некие революционные события могут менять направление такого социального повтора, но они бывают редко.

Виртуальные войны прошлого в продвижении и удержании религии или идеологии были очень успешными, хотя и достаточно кровавыми. Они активно опирались на физическую составляющую принуждения, и это заставляло подчиняться тело человека, но не всегда – его душу или разум. Они боролись за его разум или душу мечом и сладкими речами, хотя реальные миссионеры, обращавшие в христианство в далекие времена, достигали успеха только тогда, когда обращаемый чувствовал мистический огонь у себя в душе.

Сегодняшние войны имеют часто не религиозные или идеологические цели, а банальные экономические. Но и первые, и вторые, и третьи направлены на гомогенизацию населения, поскольку удерживать разнообразие часто или неинтересно политически, или экономически невыгодно. Мир естественным образом стремится к единообразию. Мы читаем одни политические новости, смотрим те же сериалы, обсуждаем те же спортивные события или новости шоу-бизнеса. В результате любая страна живет все меньше своей собственной жизнью, большой объем новостей отдается под события извне. Как следствие, мы не знаем своих соседей по лестничной клетке так, как знаем жизнь какой-нибудь американской кинозвезды, когда со всех каналов мы слышали, например, что Анджелина Джоли родила двойню.

Гомогенизация мира резко усилилась с приходом социальных платформ, поскольку они выводят управление информационными потоками из-под всевидящего ока государства. И демократическое, и авторитарное государства хотели бы все контролировать. Они однотипно не любят неподчинения. По этой причине приход социальных платформ типа Фейсбука меняет правила игры не только для авторитарных, но и для демократических государств. Они привнесли даже новую профессию – «тролля» – как оплачиваемого участника, пишущего по заданию в социальных медиа. А если тролли еще скрываются за анонимностью или чужой индивидуальностью, то, когда они действуют коллективно, они начинают представлять собой серьезную опасность. Коллективный тролль становится сильным, как обычные медиа, продолжая сохранять анонимность как свою, так и своего заказчика. А анонимного игрока в его действиях ничего связать не может.

И даже с негативом, который они принесли и продолжают нести, ибо, как пишет один из авторов «New York Times», нам некуда больше пойти [31]. Соцмедиа едины в своем позитиве и в своем негативе. И даже последние электронные вмешательства в выборы в США и Европе не стали последней каплей.

Нам песня, то есть виртуальность, и строить, и жить помогает, поскольку с ее помощью интерпретируется и реинтерпретируется

действительность. Человек всегда нуждается и нуждался в переходе от хаоса к порядку. Даже соответствие порядка действительности стоит на втором месте, первым является упорядоченная картина мира вокруг нас. Именно в целях упорядочивания всегда возникают «враги», которые мешают идти вперед семимильными шагами.

Виртуальность помогает нам жить не в физическом мире с его недостатками и проблемами, а в мире идеальном, где все хорошо, а если и не хорошо, то только временно, и завтра все будет по-другому.

Виртуальные миры разных стран могут объединяться в цивилизации. С одной стороны, это усиливает нашу виртуальность, поскольку мы становимся сплоченными, у нас увеличивается число защитников нашей виртуальности. С другой – усиливается и такая же параллельная, но другая цивилизация, поэтому конфликты с ней могут становиться более опасными. Но без виртуальности никак нельзя, нам без нее не прожить. Как вообще считает Ю. Харари, оперирование виртуальностями является единственным, что отличает человека от животных.

Литература

1. Cosgrove-Mother B. Iran's answer to Barbie // www.cbsnews.com/news/irans-answer-to-barbie/.
2. Thompson C. Ken and Barbie, Not Welcome in Iran // clearingcustoms.net/2012/03/22/ken-and-barbie-2/.
3. Bailey C. Muslim «Barbie and Ken» dolls created by Iranian government // www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/iran/3071622/Muslim-Barbie-and-Ken-dolls-created-by-Iranian-government.html.
4. History of Iranian animation // en.wikipedia.org/wiki/History_of_Iranian_animation.
5. The Iran project // theiranproject.com/blog/tag/institute-for-the-intellectual-development-of-children-and-young-adults-iidcya/.
6. Karimi N. a. o. New Iranian animated film shows Iran destroying the US Navy with rockets, quips // www.businessinsider.com/new-iranian-animated-film-shows-iran-destroying-the-us-navy-with-rockets-quips-2017-3.
7. Alijani E. The mysterious origins of Iran's animated anti-Israel films // observers.france24.com/en/20140519-iran-mysterious-israel-cartoons.
8. Yaakov Y. Persian film shows nuke war with Israel // www.timesofisrael.com/persian-clip-shows-nuclear-war-with-israel/.
9. Иранский телеканал замазал сосцы волчицы на эмблеме футбольного клуба «Рома» // meduza.io/shapito/2018/04/06/iranskiy-telekanal-zamazal-sostsy-volchitsy-na-embleme-futbolnogo-kluba-roma.
10. Наготу античных статуй в Риме скрыли от президента Ирана // meduza.io/shapito/2016/01/26/nagotu-antichnyh-statuy-v-rime-skryli-ot-prezidenta-irana.

11. Иранское телевидение прикрыло чересчур откровенное платье Шарлиз Терон на «Оскаре». Но вышло не очень // medialeaks.ru/0103stost-iranskoe-televidenie-poschitalo-plate-sharliz-teron-na-oskare-slishkom-otkrovennyim/.
12. Александров Д. Кто такой архимандрит Венедикт Цирковский, спевший «Мурку» в храме, и что еще о нем известно // medialeaks.ru/0504dalexmurka/.
13. Гурьянов С. Спевшего «Мурку» священника «сослали» в Тирасполь // vz.ru/news/2018/4/4/915950.html.
14. Beech H. How China Is Remaking the Global Film Industry // time.com/4649913/china-remaking-global-film-industry/.
15. Cox D. Why Hollywood kowtows to China // www.theguardian.com/film/filmblog/2013/mar/11/hollywood-kowtows-to-china.
16. Landreth J. Hollywood and China: In Figures // www.theatlantic.com/china/archive/2013/11/hollywood-and-china-in-figures/281222/.
17. Zhu Y. Film as soft power and hard currency: The Sino-Hollywood courtship // cpianalysis.org/2017/07/05/film-as-soft-power-and-hard-currency-the-sino-hollywood-courtship/.
18. Lu Z. How Washington's allegations of 'overseas influence' shifted to China from Russia // www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2126927/how-washingtons-allegations-overseas-influence-shifted.
19. Rogin J. Russia grabbed our elections; China is taking the rest // www.miamiherald.com/opinion/op-ed/article189265619.html.
20. Rogin J. China's foreign influence operations are causing alarm in Washington // www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/chinas-foreign-influencers-are-causing-alarm-in-washington/2017/12/10/98227264-dc58-11e7-b859-fb0995360725_story.html?utm_term=.f38f04cc788d.
21. Moore S. «America First» surrenders the world to Chinese influence // thehill.com/opinion/international/373334-america-first-surrenders-the-world-to-chinese-influence.
22. Sheetz M. Trump: «We are not in a trade war with China, that war was lost many years ago» // www.cnn.com/2018/04/04/donald-trump-we-are-not-in-a-trade-war-with-china-we-lost-that-war-many-years-ago.html.
23. Walker C. a. o. From «Soft Power» to «Sharp Power»: Rising Authoritarian Influence in the Democratic World // Sharp power. Rising authoritarian influence – www.ned.org/wp-content/uploads/2017/12/Sharp-Power-Rising-Authoritarian-Influence-Full-Report.pdf.
24. Sheikh H. a. o. Sacred values in the Israeli – Palestinian conflict: resistance to social influence, temporal discounting, and exit strategies //

- sites.lsa.umich.edu/satran/wp-content/uploads/sites/330/2015/10/nyasssheikh_etal_2013_proof.pdf.
25. Gingesand J., Atran S. Sacred Values and Cultural Conflict // sites.lsa.umich.edu/satran/wp-content/uploads/sites/330/2015/10/michelejgelfand_ch06_copy_2.pdf.
26. Sheikh H. a. o. Religion, group threat and sacred values // journal.sjdm.org/12/12305/jdm12305.pdf.
27. Dehghani M. a. o. Sacred values and conflict over Iran's nuclear program // journal.sjdm.org/10/101203/jdm101203.pdf.
28. Project: Neurobiology of Narrative Framing // narrative.ict.usc.edu/neurobiology-of-narrative-framing.html.
29. Gimbel S. I. a. o. Neural responses to narratives framed with sacred values // people.ict.usc.edu/~gordon/publications/SFN13.pdf.
30. Bessner D. Democracy in Exile. Hans Speier and the Rise of the Defense Intellectual. – Ithaca – London, 2018.
31. Nicas J. They tried to boycott Facebook, Apple and Google. They failed // www.nytimes.com.

3. Особенности виртуальных интервенций

Воздействие на разум несут смыслы, поскольку они существуют не сами по себе, а за ними стоят целые виртуальные системы. Усвоение одного из смыслов на следующем шаге вводит в действие всю систему, связанную с ним. Но виртуальность сама по себе прийти не может, она является контентом, который может принести либо объекты физического пространства, либо информационного. Например, человека поразили храм, что в результате привело его к религии. Здесь смыслы были вложены в особую физическую структуру. А если представить себе не сегодняшнего человека, а человека средневековья, то понятно, что собор даже как чисто физический объект должен был произвести на него ошеломляющее впечатление своими размерами, своим величием.

Однако более четким и более выгодным является передача смыслов через информационное пространство, которое, собственно говоря, и было создано для такой передачи. Ведь не зря письменностью в далеком прошлом владели только жрецы. Отдельный человек никогда не мог быть сильнее зафиксированного в больших объемах коллективного знания, поскольку мог обладать только его малой частью. А коллективное знание уже может контролироваться, когда часть его будет уводиться из поля внимания, а часть, наоборот, максимально акцентироваться. Так всегда происходит в религии и идеологии в их взаимоотношениях с массовым сознанием.

Виртуальные интервенции не трактуются получателями принципиально как интервенции, поскольку инструкция по программированию поведения

спрятана там за высоким барьером эмоциональности, как, например, это происходит в телесериале или видеоигре. Информация идет фоновым сообщением, а зритель следит за сюжетом как за основным сообщением.

В Университете Южной Калифорнии создан Центр Нормана Лира, который, с одной стороны, отслеживает влияние кино- и телепродукции на каждодневную практику людей в сфере здорового образа жизни [1–5]. С другой стороны, здесь сводят вместе продюсеров, сценаристов, медиков и благотворительные организации, чтобы такие нужные «кванты правильного поведения» сознательно оказывались на экране, причем не нарушая сюжетной линии.

Влияние экранной информации изучают сегодня многие [6–7]. Например, исследование показывает корреляцию того, что частые зрители медицинских сериалов испытывают большую боязнь хирургических операций, чем другие пациенты.

Такая «закодированная» в ткань киноповествования информация воспринимается автоматически, по этой причине она не может вызывать сопротивления у зрителя.

Точно так кодируют нас и «высокого» уровня коммуникации, сопровождающие действия религиозных и идеологических структур, которые достаточно частотно проявляли себя в истории человечества. Они завышают свои смыслы, превращая их в сакральные, которые защищены от любых трансформаций. Человек в этом случае «прикасается» к иной нематериальной действительности.

При этом и подобные «высокие» коммуникации также могут навести на негативные цели. Российский историк А. Кузнецов говорит: «Пока народ будет получать удовольствие от таких вещей, как присоединение Крыма, а не от того, что у него растет реальное благосостояние, страна обречена. Это просто замкнутый круг какой-то. Если сейчас в общество будет вброшена какая-то мессианская идея, боюсь, это будет злая идея. Потому что для реализации злой идеи требуется гораздо меньше ума и сил» [8].

Смысловые интервенции должны избирать такую точку воздействия, которая вызовет наименьшее сопротивление, но приведет к нужной цели. Это может быть даже первый шаг, из которого массовое сознание само сделает вывод.

Кстати, современные избирательные технологии привели к определенному вырождению политики, поскольку кандидаты теперь говорят слова, которые просчитаны как такие, что не вызовут отрицательной реакции у избирателей. В том числе и это стало причиной прихода популизма в странах Европы и США, поскольку избиратели наслаждаются услышанным и зачарованно идут голосовать.

Последние вмешательства в выборы не только в Америке, но и в Европе сталкивали противоположные точки зрения, создавая у избирателя ощущение хаоса в стране [9-12]. Это и стало результатом массового прихода к власти популистов, поскольку население испугалось хаоса.

Такая ситуация уже была в истории – это парижские студенческие волнения в мае 1968. Де Голль объявил тогда внеочередные парламентские выборы, и обыватель, увидев разгул хаоса, проголосовал правильно – за партию порядка, то есть де Голля.

Хаос ведет либо к восстановлению порядка, либо к революции, поскольку жить в хаосе не хочет никто (см. историю протеста 1968 г. [13–17]).

В прошлом подобные дезинформационные кампании были важным инструментарием советских спецслужб [18]. При этом основным условием достижения успеха, как сказал Л. Биттман из разведки Чехословакии, является следующее: «любая дезинформация должна хотя бы частично соответствовать действительности и ожиданиям публики» [21]. Свою книгу он начинает с констатации того, что советский аппарат пропаганды и дезинформации являлся самым крупным и наиболее эффективным в мире. А в разведке Чехословакии он был заместителем начальника отдела активных мероприятий до своего перехода на Запад в 1968 г., после входа советских войск. Кстати, эта ситуация входа очень похожа на Крым, поскольку у себя дома чехи также не могли оказывать сопротивления.

Биттман отмечает, что советские офицеры КГБ были более натренированы в области культуры и языка/диалектов страны, чем американцы, поэтому у них всегда образовывался более широкий круг контактов.

Он приводит мнение И. Агаянца, который возглавлял такое же подразделение активных мероприятий в КГБ СССР: «Иногда я удивляюсь, как легко играть в эти игры, если бы у них не было свободы прессы, мы были бы должны придумать ее для них».

Мне встретилось его интервью 2017 года, когда уже под именем профессора на пенсии Ларри Мартина он живет в Рокпорте штата Массачусетс [22]. Он говорит, что для того чтобы дезинформация смогла изменить мир, необходимо иметь историю, правдивую на 60, 70 или даже 80 процентов. Даже образованные люди купятся на нее, если она усиливает их уже существующие представления.

Л. Биттман считает, что хотя элемент правды и есть, но дезинформация создается так, чтобы привести в результате к ложному выводу. Он приводит такой реальный пример времен холодной войны. Спецслужба нашла несколько сотен немцев, которые бы хотели эмигрировать. Им дали такую возможность, взяв с них согласие, что они станут шпионами. Попав за границу, большинство из них сразу же призналось в том, что они шпионы. Но реально они были фиктивными шпионами, поскольку их

использовали лишь для того, чтобы увести внимание от реальных шпионов, уже работающих в стране.

По поводу сегодняшней ситуации он говорит, что Путин занимается обманом: «Россияне думают на перспективу. Сегодня вместо подделок они используют хакерство. Это может быть особенно эффективно, поскольку подлинные документы, обычно личные эмейлы, могут подтолкнуть конкретную повестку дня. Дезинформация и пропаганда существовали всегда, но редко обманщики имели такую высокую поддержку».

О чем здесь идет речь? Успешность связывается с имеющейся в голове предрасположенностью, то есть с виртуальной картиной мира в первую очередь. Это однотипно слухам, которые получают распространение, когда соответствуют представлениям или желаниям населения. Слух о Романове, пользующимся царским сервисом на свадьбе дочери, который запустило ведомство Андропова, соответствовал ожиданиям граждан о типе жизни членов Политбюро.

Понятно, что легче изменить в имеющейся картине мира малую ее часть, чем всю картину мира. Именно так и строилась дезинформация КГБ. Именно такими были российские виртуальные интервенции в избирательную кампанию США. Это были ценностные столкновения граждан, которых удалось вывести на улицу друг против друга: за мигрантов – против мигрантов, за ислам – против ислама. Это не столкновение разных информационных картин мира, это столкновение разных виртуальных картин мира.

Если мы возьмем современную украинскую социологию, то видим ту же проблему сохранения старой виртуальной картины мира, которая выражается в неприятии следующих ограничений, возникших в результате военного конфликта [23–25]:

- 44 % опрошенных не поддерживают запрет российских телеканалов (поддерживают – 37 %),
- 46 % не поддерживают запрета российских социальных сетей (поддерживают – 30 %),
- 53 % не поддерживают запрета российских фильмов и актеров (поддерживают – 29 %).

Соответственно, не столь однозначны и причинно-следственные связи войны. Если мнение запада Украины коррелирует с мнением власти, а на востоке и юге, например, считают, что войну начала Россия, только треть опрошенных, а 17–18 % перекладывают вину на Украину. То есть виртуальные картины мира разных регионов Украины разнятся. Плюс к этому надо добавить, что по большинству острых вопросов треть опрошенных выбирала ответ «не определился».

Эти же тенденции присутствуют в поддержке квот на украинский язык в эфире радио и телевидения: поддерживают – 33 %, не поддерживают –

43 %. На западе – 50 % поддерживают, 24 % – против, в центре – 36 % за, 39 % – против, юг и восток – 57 % и 67 % – против, поддерживают – 22 % и 14 %. Это снова диагностические параметры, косвенно отражающие ту или иную картину мира человека.

Мы видим, что именно виртуальный мир вносит несовпадение. Поскольку по информационному миру есть почти полное совпадение, так как война есть для всех. А вот объяснение ее как постановка в тот или иной нарратив становится разной.

Все это требует соответствующей работы. Однако чисто пропагандистские тексты, когда пропаганда становится содержанием виртуального продукта типа кино или телесериала, здесь не помогут. Они имеют воздействующую силу, скорее, на тех, чье мнение совпадает с мнением создателей.

Виртуальные интервенции могут прийти из литературы. Есть множество примеров, когда литературные герои создавали в результате в массовом сознании те или иные типы поведения, которых придерживался данный литературный герой.

Причем переходы могут быть как к негативному, так и позитивному поведению. Известен феномен роста самоубийств молодежи после прочтения «Страданий юного Вертера» Гете и «Бедной Лизы» Карамзина. Кстати, известен феномен роста числа самоубийств после сообщений о самоубийстве в СМИ. Даже была найдена корреляция с числом автомобильных аварий, которую объясняют тем, что водитель в глубине души хочет умереть.

Причем действуют и тексты нашего времени. Так, демонстрации 2018 г. в США после очередного школьного расстрела в Паркленде пестрели плакатами с отсылками на Гарри Поттера. Автор ВВС, кстати, в рубрике «книги» цитирует высказывание Шарлотты Альтер из журнала «*Time*», которая написала в своем Twitter'е: «Это не просто поколение, которое выросло с выстрелами в школах – это также поколение, которое выросло, читая Гарри Поттера» [26–27]. То есть виртуальное побеждает информационное в этой ситуации.

Молодежь является важной целевой аудиторией. Именно этим объясняется изучение, к примеру, миллениалов, их целей и интересов. И это делают не только бизнес и политика, но даже сфера национальной безопасности [28]. В отдельной главе анализируется, как именно это поколение обрабатывает и использует информацию: «Миллениалы, которые постоянно включены в новости и социальные медиа, также предпочитают открытые коммуникации и постоянную обратную связь с командами и организациями, в которых они участвуют. Они предпочитают быстрые ответы на вопросы, у них есть неотложное чувство непосредственности, им не нравится медленное движение организаций, которые не находятся на переднем крае в использовании технологий. Когда они получают информацию, они хотят делиться ею и

обсуждать ее. Миллениалы не будут принимать политику организаций, которые ограничивают доступ к информации, эта тенденция прямо противоположна политике и мышлению разведки».

Миллениалы идут во власть, в ближайшие десять лет они станут основной работающей силой. По этой причине они и интересны представителям сферы национальной безопасности.

Юность, в принципе, носит временный характер. В девятнадцатом веке молодые того времени создали институты, которые помогли защитить молодых двадцатого столетия [29]. Такая же ситуация будет наблюдаться и в будущем.

С другой стороны, это целевая аудитория, которая может нести нужные смыслы в массы, причем они легко убеждаемы и не имеют жесткой приверженности идеям, закрепленным в прошлом, поскольку этого прошлого у них не было. И самое главное, у них нет того объема отрицательного опыта, который накоплен у старших поколений. Они готовы дерзать и побеждать.

Контексты, в которых растет это поколение, определяют будущее. По этой причине, например, российский «Военторг» решил заменить Snickers и Coca-Cola в российской армии. Его директор заявляет: «Неправильно, когда у военнослужащего в воинской части самый любимый напиток – это Coca-Cola, а самый любимый батончик – это Snickers. Это наша задача. Пока на Coca-Cola не замахнулись, но на батончики замахиваемся. Надеюсь, что в ближайшее время мы сможем это сделать» [30].

Виртуальность активно работает с воображением. Ведь все изобретения и инновации, с одной стороны, а также революции с другой, являются результатом работы именно воображения. И это должны учитывать государственные деятели. Например, министр иностранных дел Великобритании Б. Джонсон заговорил о силе воображения даже в контексте отравления Скрипаля: «В этом и есть разница между современной Великобританией и правительством Владимира Путина. Они создают «Новичок», а мы создаем световые мечи. Первое – ужасное оружие специально для убийства, второе – вымышленный реквизит, который странно гудит. Но какое из этих орудий более эффективно в современном мире? Какое принесло больше пользы для экономики? Какое поразило воображение трех поколений детей и заработало миллиарды? Какое из них можно подарить, а какое можно только презирать? Могу вас заверить, что арсеналы нашей страны забиты не ядом, но чем-то более мощным: силой воображения, изобретения и инновации, которая возможна в свободном обществе, где мы с вами живем. Именно эта сила одержит верх» [31].

Мир завтрашнего дня уже стоит у порога, а в некоторые страны он уже даже пришел. Виртуальные интервенции могут ускорить его приход в ту или иную страну, а могут – отстрочить. И уходящая вперед страна не

будет оглядываться на отстающих, потому что она будет уже в другом мире, и ее не будут интересовать отдаленные полустанки.

Литература

1. Hollywood, health and society // hollywoodhealthandsociety.org/.
2. Impact studies // hollywoodhealthandsociety.org/impact-studies.
3. Highlights: Hollywood and Dine // hollywoodhealthandsociety.org/highlights-hollywood-and-dine.
4. The Food We See, The Food They Eat: The Image of Food in Entertainment // hollywoodhealthandsociety.org/sites/default/files/attachments/page/The%20Food%20We%20See%20Report.pdf.
5. Fake News, Real Knowledge: The Impact of Food and Nutrition Messages on The Daily Show with Jon Stewart // hollywoodhealthandsociety.org/sites/default/files/attachments/page/Fake%20News_Real%20Knowledge%20Report.pdf.
6. Witzel K. a. o. Impact of Medical TV Shows on Preprocedural Fear of Surgical In-House Patients // European Surgery Research. – 2017. – Vol. 58. № 3–4.
7. Gilkes M. Medical drama shows – good or bad influence on everyday practice // www.ausmed.com/articles/medical-tv-dramas/.
8. Волошина В. «Для злой идеи требуется гораздо меньше ума и сил». Мешает ли «советский человек» развитию страны // www.gazeta.ru/comments/2017/11/18_a_10992854.shtml.
9. Guimon P. «Brexit wouldn't have happened without Cambridge Analytica» // elpais.com/elpais/2018/03/27/inenglish/1522142310_757589.html.
10. Zafra I. «Putin's goal is for Europeans to lose faith in their democratic institutions» // elpais.com/elpais/2018/03/23/inenglish/1521798651_320278.html.
11. Ромеро А. Мы выявили аномалии, анализируя общественное мнение в Каталонии // www.inopressa.ru/article/30mar2018/elpais/media.html.
12. The construction of anti-immigration electoral messages in Italy // www.alto-analytics.com/en_US/the-construction-of-anti-immigration-messages-in-italy/.
13. Steinfels P. Paris, May 1968: The revolution that never was // www.nytimes.com/2008/05/11/world/europe/11iht-paris.4.12777919.html.
14. Grundy C. J. Why did students and workers protest in 1968? // historyhub.info/students-workers-protest-1968/.
15. Poggioly S. Marking the French Social Revolution of '68 // www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=90330162.

16. 1968 Protests mount in France // www.history.com/this-day-in-history/protests-mount-in-france.
17. History of French protests // news.bbc.co.uk/2/hi/europe/4865034.stm.
18. Професіональні лгуни: Особое бюро по дезинформации // zen.yandex.ru/media/wearewatchingyou/professionalnye-lguny-osoboe-biuro-po-dezinformacii-5a8ac6159e29a2a27355268f.
19. Boghardt T. Soviet Bloc Intelligence and Its AIDS Disinformation Campaign // www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol53no4/pdf/U-%20Boghardt-AIDS-Made%20in%20the%20USA-17Dec.pdf.
20. «СПИД. Сделано в США»: Как советская пропаганда «возлагала» на Америку вину за появление чумы XX века – история спецоперации // newsader.com/44026-spid-sdelano-v-ssha-kak-sovetskaya-prop/.
21. Bittman L. The KGB and Soviet disinformation. An Insider's view. – Washington etc., 1985.
22. Flam F. How the pros make fake news (Soviet style) // www.post-gazette.com/opinion/Op-Ed/2017/03/05/How-the-pros-make-fake-news-Soviet-style/stories/201703050082.
23. Протидія російській пропаганді та медіаграмотність: результати всеукраїнського опитування громадської думки // detector.media/infospace/article/136017/2018-03-27-protidiya-rosiiskii-propagandi-ta-mediagramotnist-rezultati-vseukrainskogo-opituvannya-gromadskoi-dumki/.
24. Протидія російській пропаганді та медіаграмотність: результати всеукраїнського опитування громадської думки // detector.media/doc/images/news/archive/2016/136017/AReport_Massmedia_Feb2018_v2.pdf.
25. Закусило М. Українці дивляться ТБ, не довіряють, не перевіряють, але продовжують дивитися – дослідження «Детектора медіа» та КМІС // detector.media/infospace/article/136076/2018-03-28-ukrainsi-divlyatsya-tb-ne-doviryayut-ne-perevirayut-ale-prodovzhuyut-divititsya-doslidzhennya-detektora-media-ta-kmis/.
26. Sklar R. Harry Potter inspired the Parkland generation // www.cnn.com/2018/03/26/opinions/parkland-march-harry-potter-generation-opinion-sklar/index.html.
27. Anderson H. How Harry Potter became a rallying cry // www.bbc.com/culture/story/20180326-the-links-between-harry-potter-and-millennial-protest.
28. Weinbaum C. a. o. The millennial generation. Implications for the intelligence and policy communities. – Santa Monica, 2016.

29. Grinspan J. Can teenagers save America? They've done it before // www.nytimes.com/2018/03/26/opinion/teenagers-gun-rally.html?hpw&rref=opinion&action=click&pgtype=Homepage&module=well-region@ion=bottom-well&WT.nav=bottom-well.

30. «Военторг» хочет заменить в российской армии Snickers и Coca-Cola своими продуктами // tass.ru/armiya-i-opk/5072093.

31. Джонсон Б. «Они создают «Новичок», а мы создаем световые мечи» // meduza.io/feature/2018/03/29/oni-sozdayut-novichok-a-my-sozdaem-svetovye-mechi-boris-dzhonson-rasskazal-pochemu-mir-protivostoit-rossii.

Глава вторая

Использование виртуальности

1. Игры взрослых людей, или виртуальность и ее моделирование с помощью политических игр

Виртуальность – это не только религия или идеология. Это любое продвижение той или иной картины мира в когнитивное пространство индивидуального или массового сознания. Это внесение изменений в картину мира человека, как это происходит во время конкурентных выборов или даже просто с помощью чтения книги, как это произошло с «Гарри Поттером», когда поколение прочитавших эти книги стало более спокойно относиться к стигматизированным социальным группам, чем перешли на позиции демократов, а не республиканцев, отдав в свое время голоса в пользу избрания Обамы президентом (см. новую информацию об использовании плакатов с Гарри Поттером на митингах после расстрелов в американской школе в Паркленде [1]).

Виртуальность моделируется в зависимости от задач. Это может быть разработка сценариев для кино и телесериалов. Это может быть разработка сценариев виртуальной реальности для терапевтических целей, чем отличается Институт креативных технологий (см., например, [2–3]). Это может быть игровая стимуляция для того, чтобы понять развитие сложной будущей ситуации в динамике.

Военные игры (симуляции) появились в Америке с подачи немецких иммигрантов, а холодная война подняла этот инструментарий на новый уровень. В момент ядерного противостояния возникла даже более сильная потребность в такой инструментарии, как и в разработке стратегии. И тут первенство было у корпорации РЕНД.

Исходно Эрих фон Манштейн, будущий генерал-фельдмаршал, организовал в 1929 году игру, в которой немцы защищались от польской атаки. В эту чисто военную ситуацию сознательно была включена политическая игра, чтобы политические и военные лидеры учились друг от друга. При этом они играли как от Лиги наций, так и от Польши, Франции и Чехословакии, что принципиально меняло процессы принятия решений ([4–6], см. библиографию работ по стратегическим играм [7]).

Япония в учрежденном в 1940 году Институте тотальной войны развивала разные варианты агрессии, проигрывая координацию армии, военно-морских сил и правительства в разных ситуациях. С приходом на пост президента Кеннеди играм придали большее значение, их стали проводить по четыре в год.

В РЕНДе был и такой американский участник, как Л. Блумфилд ([8], см. также [9-10]), который увидел важность проведения политических игр в том, что они дают возможность заранее узнать проблемные ситуации для страны в будущем. Он также видел одно принципиальное отличие от типичных военно-штабных игр, считая последние больше тактическими, чем стратегическими.

Блумфилд пишет о соотношении игрового времени с настоящим: «Время может со странной простотой сжиматься, расширяться и делаться прошлым, настоящим и будущим. Некоторые игры были направлены в будущее, чтобы избежать замешательства игроков из-за современных событий. Другие игры принимают мир таким, каким он есть, разрешая влиять на игру тем, что игроки читают каждое утро в «*New York Times*». В каждом случае есть тенденция развития шизоидной ментальности, пытающейся отделить то, что происходит в игре, от того, что есть в реальной жизни. Это, между тем, иллюстрирует степень включенности, которую индивиды получают в игре. Для того, кто не является психологическим экспертом, это не что иное, как поразительное состояние увидеть взрослых людей, отказавшихся от своих семей, забывших свои мирские обязательства и полностью включивших свои личности и интеллекты в игровую роли. Наверное, шоу-бизнес научился этому достаточно давно».

Кстати, эти ощущения в сильной степени напоминают воспоминания участников организационно-деятельностных игр Г. Щедровицкого.

Исследователи отмечают несколько конфронтаций между разными группами участников, которые стояли на пути этого инструментария. С точки зрения Д. Бесснера, это было противоречие с математиками и физиками, которые все видели исключительно сквозь возможность квантификации [4]. Создатели теории политических игр – что для понимания войны нужно знание контекстов, что не поддается числительному выражению (см. историю использования этого инструментария с другой стороны – математиков и физиков [11]). Шпееру и Голдхамеру не нравилось абстрагирование принятия решений из

исторических контекстов, в которых оно происходило. Еще одной характеристикой, которая была у немецких эмигрантов, но не было у американцев, была педагогика К. Маннгейма, которая повлияла на Шпеера и Голдхамера.

У Маннгейма была интересная идея, что социальные группы соревнуются между собой за то, чтобы именно их интерпретация действительности была доминирующей ([12], см. также [13–14]).

Еще одним камнем преткновения стали трения между учеными и профессиональными военными [15]. Сторонники нового игрового подхода вообще требовали забыть о прошлом профессиональном опыте военных, что, конечно, вызывало у тех раздражение и непонимание.

После войны Шпеер вошел в проект «Троя» при госдепартаменте, который давал рекомендации по ведению психологической войны ([16], см. подробнее об этом проекте [17–18]). Шпеер работал как против СССР, так и против Восточной Германии.

Воздействовать на массовое сознание мирными способами можно исключительно через виртуальность. Она может быть материальной, как, например, известные кухонные дебаты между Хрущевым и Никсоном, основой которых стала американская кухня, представленная на известной выставке США в Москве. Это тот уровень пропаганды, видимый вашими глазами вокруг, который Ж. Эллюль определял как социологическую пропаганду горизонтального порядка в отличие от пропаганды политической, идущей сверху [19–20].

Виртуальность может получать разные формы: от телесериала до, как мы видели выше, политической игры. Человек, погружаясь в виртуальность, перенимает многие характеристики, заложенные там, тем самым как получая информацию о поведении в новых ситуациях, так и трансформируя себя самого.

Литература

1. Anderson H. The links between Harry Potter and recent protests // www.bbc.com/culture/story/20180326-the-links-between-harry-potter-and-millennial-protest.
2. Rizzo A. a. o. Virtual Reality Applications for the Assessment and Treatment of PTSD // Handbook of Military Psychology. Ed. by S. Bowles, P. Bartone. – Cham, 2017.
3. Rizzo A. a. o. Clinical Virtual Reality tools to advance the prevention, assessment, and treatment of PTSD // European Journal of Psychotraumatology. – 2018. – Vol. 8. – I. 5.
4. Bessner D. Weimar social science in cold war America: the case of political-military game // www.ghi-dc.org/fileadmin/user_upload/GHI_Washington/Publications/Supplements/Supplement_10/bu-supp10_091.pdf.

5. Bessner D. Democracy in Exile. Hans Speier and the Rise of the Defense Intellectual. – Ithaca – London, 2018.
6. Goldhammer H., Speier H. 1959. Some observations on political gaming // www.rand.org/content/dam/rand/pubs/papers/2008/P1679.pdfCASL.
7. Strategic Gaming Bibliography – History of Gaming // casl.ndu.edu/Portals/81/Documents/CASL-Strategic-Gaming-Bibliography-History-of-Gaming.pdf.
8. Bloomfield L. P. Political gaming // dspace.mit.edu/bitstream/handle/1721.1/83139/24959022.pdf.
9. Marquard B. Lincoln P. Bloomfield, 93; helped create tools to contain conflict // www.bostonglobe.com/metro/obituaries/2013/11/12/lincoln-bloomfield-mit-professor-helped-create-tools-for-international-conflict-containment/SqkjNG61kMBIHbYeCk4ogP/story.html.
10. Orbis Forum on Political and Military Gaming // ahorseofpeas.blogspot.com/2007/03/orbis-forum-on-political-and-military.html.
11. Erickson P. The World the Game Theorists Made. – Chicago, 2015.
12. Mannheim K. Competition as a cultural phenomenon // From Karl Mannheim. Ed by K. H. Wolff. – New York etc., 2017.
13. Casavecchia A. Connecting Education to Society through Karl Mannheim's Approach // ijse.padovauniversitypress.it/system/files/papers/2017_3_11.pdf.
14. Lundberg H. Karl Mannheim's sociology of political knowledge // www.e-ir.info/2013/10/26/karl-mannheims-sociology-of-political-knowledge/.
15. Ghamari-Tabrizi S. Simulating the Unthinkable: Gaming Future War in the 1950s and 1960s // Social Studies of Science. – 2000. – Vol. 30. – № 2.
16. Bessner D. M. The Night Watchman Hans Speier and the Making of the American National Security State // dukespace.lib.duke.edu/dspace/bitstream/handle/10161/7101/Bessner_duke_0066D_11739.pdf?sequence=1.
17. Project TROY // en.wikipedia.org/wiki/Project_Troy.
18. Needell A. A. «Truth Is Our Weapon»: Project TROY, Political Warfare, and Government-Academic Relations in the National Security State // Diplomatic History. – 1993. – Vol. 17. – I. 3.
19. Ellul J. Propaganda. The formation of men's attitudes. – New York, 1973.
20. Почепцов Г. Модель пропаганды Жака Эллюля // psyfactor.org/lib/propaganda28.htm.

2. Перестройка как вариант виртуальной войны

Виртуальные интервенции всегда опираются на уже имеющиеся представления, когда они являются продолжением сформированной в массовом сознании модели мира, в которую добавляется новый элемент, не нарушающий основные параметры. Однако виртуальная война в целом имеет целью полную смену модели мира, обычно в ее политическом компоненте, который напрямую связан с цивилизационным.

Серьезные изменения виртуальной модели мира встречаются в истории. Это следующие примеры, в рамках которых происходит так называемая промывка мозгов:

- тоталитарные секты,
- китайская работа с американскими военнопленными времен войны в Корее,
- христианское миссионерство,
- революции,
- тоталитарные государства.

Первые два примера характерны тем, что воздействие осуществляется 24 часа в сутки в закрытой среде, от него невозможно уклониться. Тоталитарная секта специально создает условия, понижающие уровень сопротивляемости новых членов. Это отсутствие белковой еды, не более четырех часов сна, отсутствие внешних источников коммуникации (телевизор, родители исключены).

Тоталитарные государства также являются закрытой средой, в рамках которой функционирует только информация, поддерживающая нужную модель мира. Сомневающиеся в ней изымаются и передаются на перевоспитание. Это пропаганда монологического типа, которой намного легче достичь результата, чем пропаганде диалогического типа, характерной для демократии, при которой допускаются контрмесседжи. Хотя они оттесняются на периферию, не допускаясь в мейнстримные медиа, потребитель такой информации все равно в состоянии ее найти, приложив дополнительные усилия.

Перестройку мы можем также трактовать как организованную виртуальную войну, целью которой была трансформация массового сознания населения СССР, сделанная таким образом, чтобы учесть следующее:

- а) найти точки уязвимости массового сознания,
- б) подавить сопротивление вводимым изменениям, тем самым облегчить их проведение,

в) выделить целевые аудитории, на которые надо направить воздействие,

г) подготовить новые «говорящие головы», которые придут на смену старым.

Систему, конечно, ломают люди, как те, что сидят наверху, так и те, которые поднимаются снизу. Но без организующей роли верхов низы не смогут прийти к результату.

На фоне отношения, возникшего за последние десятилетия к сетевым структурам, как принципиально безлидерским, неким диссонансом прозвучит такая фраза: «Прогрессисты скромно уходят от определения, что хорошо и что плохо. Восходящие, низовые и ультра-местные – популярные модные слова. Никто не ожидается во главе, по крайней мере, на бумаге [...]. Отсутствие структуры является причиной того, что движение Оссиру провалилось. Без лидерства невозможно запустить последовательные, продолжительные изменения» [1].

И стопроцентно это касается перестройки, тем более что она оказалась успешным проектом, по крайней мере, в плане разрушения прошлой структуры. Построение нового на постсоветском пространстве уже не было столь успешным. Ф. Фукуяма, выступая в Киеве, назвал, например, такую ошибку: «Главная проблема Украины и других постсоветских стран в том, что во время приватизации здесь срослись политическая и экономическая элита. Люди приходят во власть не для того, чтобы служить на благо других, но для того, чтобы побольше украсть для себя и своей семьи. Это и есть основа коррупционной схемы» [2].

Архитектором перестройки странным образом называют не М. Горбачева, а А. Яковлева. Про Горбачева в воспоминаниях чаще пишут, что никакого плана в голове у него не было. Но что касается Яковлева, то странности и необъяснимые явления сопровождают всю его биографию (см., например, не очень доброжелательный взгляд даже на его военную биографию [3]).

В ЦК Яковлев начинает работать в качестве инструктора отдела пропаганды. Понятно, что это рутинная работа в самом низу иерархии, когда ты полностью зависишь от вышестоящих. Но была и такая линия – он был интерпретатором происходящего, корректируя и наказывая отклоняющихся от генеральной линии партии. То есть это та роль, которую выполняли М. Суслов и его подчиненные, среди которых был и А. Яковлев.

Постфактум также нужны были интерпретации ключевых событий, чтобы нужная интерпретация первой оказалась в головах читателей/зрителей. В биографии А. Яковлева о его работе в ЦК был такой эпизод, что М. Суслов поручил ему написать для «Правды» объяснение причин снятия Хрущева (волютаризм и т. д.) до того, как это событие произошло. И в запечатанном конверте на следующий день Яковлев оставил свой текст. Это не очень понятно, учитывая достаточно низкий ранг Яковлева на тот

момент, только если это не было разработкой самого Сулова, к чему он мог привлекать и своих сотрудников. Кстати, М. Сулов выступал и с основным докладом на пленуме по снятию Хрущева, что вызвало множество обсуждений на Западе [4].

Яковлев вообще дважды входил в одну и ту же реку создания виртуальностей СССР. Один раз он дошел до уровня и. о. заведующего отделом пропаганды ЦК, второй раз вообще стал «архитектором перестройки». Во всем этом много странного, например, какие такие ошибки нашлись в его статье «Против антиисторизма», если он был уже прожженным аппаратчиком уровня заведующего отделом пропаганды. Саму эту статью нужно долго читать, чтобы обнаружить намеки на ошибки. Уже первый абзац статьи дает нам полное понимание ее соответствия своему времени: «Особым смыслом исполнен приближающийся пятидесятилетний юбилей Союза Советских Социалистических Республик. Эти полвека – блестящее доказательство той истины, что история человечества развивается по восходящей линии, в полном соответствии с объективными законами общественной жизни, открытыми великими учеными К. Марксом и Ф. Энгельсом» (см. [5]). Или такая цитата: «Партия всегда была непримирима по отношению ко всему, что может нанести ущерб единству нашего общества, в том числе к любым националистическим поветриям, откуда и от кого они ни исходили бы. Одним из таких поветрий являются рассуждения о внеклассовом «национальном духе», «национальном чувстве», «народном национальном характере», «зове природной цельности», содержащиеся в некоторых статьях, отмеченных объективистским подходом к прошлому. Их примечательная особенность – отрыв современной социальной практики от тех исторических перемен, которые произошли в нашей стране за годы после Великого Октября, игнорирование или непонимание того решающего факта, что в нашей стране возникла новая историческая общность людей – советский народ».

И за эту статью Яковлева наказывают странным образом – отправляют послом в Канаду. Как мы все понимаем, людей так не наказывают, а, скорее, поощряют. Конспирологически возможно, что так был создан прецедент, чтобы ему можно было отправиться официально за пределы страны.

Одной из версий биографии А. Яковлева является интерпретация его поведения как западного «агента влияния», но это мы оставим за пределами нашего обсуждения, поскольку чем дальше уходит время, тем меньше остается живых свидетелей тех событий (см., мнение его обвинителей ([6-11], см. также коллекции разных его документов [12–13]).

Правда, точку зрения недавно скончавшегося В. Фалина придется привести, поскольку он был одним из последних живых свидетелей тех событий: «О том, что Яковлев сидит в кармане у американцев, я узнал еще в 1961 году. Мне об этом поведал один мой знакомый, работавший

тогда в КГБ СССР. Почти 10 лет Александр Николаевич работал послом СССР в Канаде. Он не был американским шпионом в обычном смысле этого слова. К тому времени, когда Горбачев стал генеральным секретарем, Яковлев был в СССР одним из важнейших агентов американского влияния. Отмечу ради правды, он был очень одаренным и умным человеком, на два порядка умнее и талантливее Горбачева. Впрочем, его хозяева за океаном тоже не были дураками и бездарями и обладали хорошим представлением о том, что творилось тогда в политических верхах СССР. А в Москве в то время председатель КГБ Владимир Крючков, собрав компрометирующие материалы на Яковлева, пришел с ними к Яковлеву в кабинет. На все расспросы Владимира Александровича Яковлев отвечал молчанием, и Крючков отправился потом на доклад к Горбачеву. Михаил Сергеевич, пожевав губами, вынес поразительное по глубокомыслию резюме. Дескать, у кого не бывает грехов молодости? Яковлев – полезный для перестройки человек, поэтому он нужен стране и его нужно пустить в большую политику. И пустили. Как козла в огород» [6].

Яковлев становится послом в Канаде, и, кстати, если продумывать конспирологическую версию, то можно отметить странное внимание М. Суслова именно к канадской компартии, поскольку партия была совершенно невлиятельной, а встречи с ее лидерами М. Суслова – регулярными [14].

Характерной для Яковлева манерой выступления была модель «и вашим, и нашим». Например, отвечая на вопросы слушателей Высшей партшколы в Москве, он, с одной стороны, заявляет, что шестая статья Конституции не нужна, но тут же звучит, что партийные организации должны остаться на предприятиях.

Эту двойственность подтверждает и Л. Сумароков, ссылаясь на разговор с академиком А. Егоровым в 1986 г., который сказал, что «Яковлев, получив большую власть, в конце концов, со своим хитроумием сам запутается и других запутает. Что и произошло. А еще было великое словоблудие. И оно очень пригодились, когда сочинялись двусмысленные перестроечные лозунги, типа «что не запрещено, то можно» [15].

В. Легостаев, выдвинув множество обвинений Яковлеву, по крайней мере одну «непонятность» объяснил – как удалось Яковлеву, вернувшись из Канады, устроиться работать директором весьма важного академического института при негативном отношении к нему Андропова, бывшего на тот момент генсеком [16]. Оказывается, в свое время Яковлев и Черненко были коллегами в отделе пропаганды, и Яковлев обратился за помощью к Черненко, который был на тот момент вторым человеком в партии.

Все это личностная линия проблемы, откуда пошла перестройка. Есть, конечно, и экономическая, и политическая. Кстати, китайцы осадили

Горбачева, когда он сказал, что они пошли по его пути, дав политическую и экономическую свободы. Китайские руководители в ответ сказали, что они отпустили только экономическую составляющую, а политическую будут удерживать, и что Советский Союз поступил ошибочно.

Горбачев, по мнению В. Фалина, вообще появился в результате договоренности: «Горбачев был приведен к власти в СССР в результате сделки на самом верху. Эта сделка должна была позволить каждому из претендентов на голос в руководстве страной продолжать играть свою роль в политике СССР. Почему в 1964 году был приведен к власти Леонид Брежнев? Потому что Леонид Ильич был человеком, не способным на конфронтации. В 1964 году сложился триумвират, куда вошли Генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев, председатель Президиума Верховного Совета Подгорный и председатель Совета Министров СССР Косыгин. Все они имели равные права [...]. Рядовые члены ЦК говорили между собой: в СССР правит не Брежнев, а наша доморощенная «банда четырех». В эту «банду» входили: председатель КГБ СССР Юрий Андропов, министр обороны СССР Дмитрий Устинов, главный идеолог КПСС Михаил Сулов и министр иностранных дел СССР Андрей Громыко. Называя этих людей «бандой четырех», коллеги были правы. Эта четверка по своим сусекам и растащила всю власть в нашей стране. Вот тогда-то, в сущности, и начались упадок и агония Советского Союза» [6].

И о Горбачеве: «Главная проблема Горбачева – это отсутствие в человеке человеческой личности. Так получилось, что именно он стал главой Советского государства, и именно в то сложное время. Время, когда в СССР разрыв между словом и делом уже достиг такого состояния, что партии и правительству нельзя было более игнорировать самые элементарные запросы и чаяния советских людей. [...] Горбачев пришел к власти, не имея лично никакой программы. Его тезисом был принцип Наполеона: ввяжемся в драку, а там будет видно. После того как Михаил Сергеевич потерял себя в политике, он во что бы то ни стало пытался сохранить свое реноме или хотя бы видимость этого реноме. Он был готов платить за это, как шекспировский герой, с той разницей, что за коня в итоге отдал все царство. Горбачев был для нашей Родины жуком-короедом. Он действовал по принципу Клаузевица: Россию можно победить только изнутри. Вот и побеждал, грыз корни, а дерево сохло и умирало. Ему помогали в этом Эдуард Шеварднадзе, Александр Яковлев и другие пристяжные к ним личности».

Охватить массовое сознание, а именно этого требовала перестройка, могут два типа институтов общества, столь же массовых. Это образование и медиа. Образование требует долгих временных сроков, оно готовит только будущие поколения. Поэтому именно медиа, тем более в структуре СССР, когда они были непререкаемыми глашатаями истины, стали главной опорой перестройки. Отсюда и дописанный к слову «перестройка» термин «гласность».

По этим причинам можно констатировать особую роль медиа в развале СССР. Людей уже невозможно было удерживать взаперти. Конечно, не было возможностей Интернета по свободному перемещению информации. Но даже телевидение расширяло возможности чтения между строк, позволяло видеть не только то, что хотели бы пропагандисты.

СССР был закрыт физически, но информационно и виртуально он был «приоткрыт», здесь, как оказалось, невозможно было удерживать «границу на замке». Информация несла иные смыслы, за которыми начинала проглядывать иная виртуальная система.

Медиа закладывали два типа ростков. С одной стороны, они создавали образ процветающего Запада, а он действительно был заманчивым, поскольку основной визуальной картинкой был Запад из кинофильмов, который никто не мог отделить от реальности, поскольку с ней не пересекался. В результате конкурировали два Запада: Запад западного кинофильма и Запад советской пропаганды. Никому в голову не приходило, что фильм тоже может быть продуктом виртуальной действительности.

С другой стороны, мощная советская система пропаганды стала заложником своих незыблемых правил, в соответствии с которыми с экрана не должны были сходить руководители партии. Поэтому отдельным компонентом развала СССР стал образ деградирующей власти времен Брежнева и персонально Брежнева, который создавался своими же медиа. Перед советским человеком развернулся не популярный в то время фильм «Старики на уборке хмеля» (художественный музыкальный фильм чехословацкого производства 1964 года), а целый телесериал «Старики во главе СССР» (производства Политбюро СССР).

Телевидение внесло свою лепту также в демонстрацию деградации советской власти, отразив во всей полноте время геронтократии. И это было бы невозможным во времена Сталина, когда газетные коммуникации качественнее отбирали нужный материал и блокировали любую другую информацию. Телевидение резко расширило возможности так называемого «чтения между строк», когда стало не чтением, а «смотрением». А у телевизоров сидели абсолютно все: и не только перед «Просто Марией», но и перед программой «Время».

Это был период исчезновения страха перед властью, страха перед репрессиями. Получалось, что советская система могла существовать только в случае жесткой власти. То есть жесткая система удерживала советскую власть, а без нее это было бы другое государство.

И даже основные перестроечные СМИ («Взгляд» и «До и после полуночи») были сформированы ЦК, КГБ и Гостелерадио для того, чтобы привлечь молодежь к экрану в момент прекращения глушения западных радиоголосов [17–18]. Обратим внимание на то, что в момент

монологичности советской власти в этом не было нужды, так как ничего другого человек услышать или посмотреть не мог. Минимальная возможность появления диалога заставляет власти вдруг создать нормальное телевидение, интересное не только пропагандистам, но и населению.

Председатель Гостелерадио Л. Кравченко говорит о Горбачеве: «Весной 1991 года мы с Болдиным случайно оказались на дне рождения Михаила Сергеевича, где Горбачев с теми же самыми людьми, которые позже оказались в списке ГКЧП, открыто обсуждал три варианта введения чрезвычайного положения в стране. Долго наблюдая Горбачева, я за пару лет до ГКЧП пришел к выводу, что в его природе, в его психологии заложен опаснейший для большого политика изъян. Об этом мне рассказали и те, кто с ним долго работал в Ставропольском крае, его ближайшие сподвижники тех лет. Они говорили, что Горбачев умел подбирать команду, впитывать интересные инициативы, но для того, чтобы лавры этих инициатив были записаны за ним, возглавлял сам процесс их внедрения и, ввиду отсутствия всяких организаторских качеств, тем самым губил дело. А потом разгонял всю команду, перекаладывая на нее свою вину» [19].

О создании молодежных передач, которые стали новым типом информирования населения: «В 1987 году секретарь ЦК КПСС Александр Яковлев пригласил к себе первого зампреда КГБ Бобкова, Афанасьева от «Правды» и меня, и объявляет нам: «Через три месяца мы прекращаем глушить западные радиоголоса. Поэтому сейчас самое главное – убереечь молодежь от тлетворного влияния Запада», – эту фразу Яковлева я записал в блокнот, который у меня цел и сегодня, – и поэтому мы должны за короткое время создать свои программы, особенно для утреннего и вечернего эфира». Я, в свою очередь, собрал у себя в кабинете талантливых ребят из молодежной редакции и предложил им сделать эти музыкальные информационно-развлекательные программы. Смелые по сюжетам и фактам, неожиданные по интерпретации этих фактов». В результате именно так было создано одно из орудий разрушения страны, причем снова с помощью А. Яковлева.

Правда, Кравченко защищает себя тем, говоря, что при процессах разрушения это были уже другие «взглядовцы», они на тот момент стали депутатами. И у них были дополнительно и другие документы. Он вспоминает: «Между прочим, после падения ГКЧП именно съемочная группа «Взгляда» во главе с одним из ведущих программы (Кравченко просил не называть имя) сделала самое доброжелательное интервью с уходящим в отставку главой Гостелерадио, которого тогда никто иначе, как пособником путчистов не называл. Но Леонид Петрович уверен – это интервью было обусловлено необходимостью: просто телеведущий работал на КГБ и боялся, что Кравченко об этом кому-нибудь расскажет.

– Все боялись. У нас же у каждого второго политобозревателя, и это не преувеличение – у каждого второго, – была корочка. Но я никого сдавать не стал».

У советского человека было только два пути: или стать потребителем пропагандистского потока, или уйти, как это говорится, во «внутреннюю эмиграцию», что соответствует современному «дауншифтингу». Но люди нерабочих профессий не могли уклониться от пропагандистского потока, тем более власть все время входила со своей информацией даже в свободное время человека. Нужно было посещать собрания, и если не выступать, то слушать, были придуманы агитплощадки во дворах, где вывешивались свежие номера газет. Копеечные цены на газеты приводили к очередям перед киосками Союзпечати по утрам. Разбирали, конечно, не газету «Правда», а газеты, хоть как-то отклоняющиеся от официоза. И на первом месте здесь были «Литературная газета», «Неделя», «Комсомольская правда», «Известия». Люди хотели информации и получали ее.

Историк А. Савин подчеркивает следующее в роли медиа: «Бывший председатель Гостелерадио Николай Месяцев вспоминал, что с конца 1960-х годов телевизионщикам строго предписывалось показывать Леонида Ильича втрое больше, чем остальных руководителей партии и правительства. Поначалу, когда Леонид Ильич был бодр и относительно здоров, телевизионная картинка работала в пользу улыбчивого и энергичного генсека. Но когда Брежнев стал дряхлеть, и особенно когда у него из-за проблем с зубными протезами нарушилась дикция, люди видели на экране старого и больного человека, вынужденного присутствовать на многочасовых официальных церемониях. В итоге телевидение из самого действенного инструмента пропаганды в позднем СССР постепенно превратилось в главный способ десакрализации власти и ее первого лица. И тут даже цензура не помогала. За четыре дня до своей смерти, 6 ноября 1982 года, Брежнев вручал в Кремле орден Ленина и звезду Героя Социалистического Труда председателю Гостелерадио Сергею Лапину. Во время торжественной церемонии коробочка с наградой упала на пол. Лапин поднял ее и заверил Брежнева: «Ничего, ребята вырежут из кадра». Конечно, из телесюжета для программы «Время» можно было вырезать все что угодно, но это уже никак не могло изменить укоренившегося в сознании народа образа дряхлого и немощного генсека» [20].

Андропова многие обвиняют в том, что он сознательно создал миф о диссидентской угрозе, поскольку диссиденты реально не ставили политических задач, они избрали самую мягкую форму сопротивления – этическую. Благодаря новому врагу (внутреннему) значимость Андропова возрастала (и в финансировании КГБ, и в увеличении числа сотрудников). Все это представлялось руководству страны единственной возможностью удержания власти.

Вот мнение Л. Сумарокова, который как зять Суслова винит Андропова и в его смерти: «Сегодня это, возможно, звучит, как парадокс, но реально дело обстояло так, что раздувание деятельности, посвященной диссидентскому движению, Андропову было выгодно для достижения поставленной цели. Диссиденты – это ловко разыгранная с помощью любимого им 5-го управления КГБ – «андроповская страшилка», направленная против плюрализма мнений, а в конечном итоге, против демократии и идеологии социализма в целом. «Дело» Солженицына и Сахарова – прямое порождение андроповщины» [21].

Мы разобрали, кто возглавлял процесс, откуда пришли перестроечные телепередачи. Всем понятна также особая роль медиа, когда огромный пропагандистский аппарат вдруг развернул направление своей атаки, начав стрелять по тому, что до этого столь же яростно защищал. Но все это происходило постепенно, поскольку Горбачев тоже двигался долгое время строго по ленинскому пути в своих речах, реально начав вести население в другую сторону.

У нас остался нерасмотренным только один вопрос – контента. Какой контент мог повернуть страну? Общая идея его понятна. Как и во всяком революционном изменении действует поворот на 180 градусов. Это и «кто был ничем, тот станет всем» 1917 года, это и «белое стало черным, а черное – белым», условно говоря, если Троцкий был плохим, то теперь он должен был стать хорошим.

Виртуальная война – это в первую очередь контент, причем контент системного порядка. В этом случае введение одного контрсмысла тянет за собой остальные, поскольку идет борьба с такой же виртуальной системой, где каждый элемент намертво сцеплен с другими.

Следует признать, что Советский Союз был более силен в «комфортной» борьбе с противниками, когда они не допускались до диалога. А монолог легко объявлялся победой. В то же время Западом был накоплен опыт более серьезной идеологической борьбы с СССР, который сразу пустили в дело. А. Ципко вспоминал, как А. Яковлев дал ему задание как своему сотруднику подобрать все, что известно из критики марксизма (кстати, потом Ципко становится помощником секретаря ЦК Яковлева в 1988–1990 гг. [22], его сайт – tsipko.ru).

И у него есть такое же воспоминание более позднего порядка по поводу беспокойства или боязни ЦК из-за убыстряющихся событий в соцстранах: «Помню, как-то в начале 1989, скорее всего в феврале, попросил меня прийти в первый подъезд ЦК, в приемную Яковлева, его главный помощник, «правая» и «левая» рука, Николай Алексеевич Косолапов. Он только что вышел от шефа, был озабочен. “Александр Николаевич просит помочь, чем можете, – обратился он ко мне. – Нужны материалы, записки, старые, новые, где бы раскрывалась реальная картина положения в странах Восточной Европы, реальные перспективы правящих партий удержаться у власти. Шеф намерен добиваться на

Политбюро пересмотра всей нашей стратегии в отношении Восточной Европы. Пора, пока не поздно, принимать серьезные решения. Иначе конец”» ([23], см. также [24]).

Это показывает нарастание проблем, которые приходилось решать, не имея для этого ни опыта, ни инструментария, поскольку старый опыт в виде танков в Праге уже был невозможен. То есть растерянность пришла и в ЦК.

Ципко интересно рассуждает о разнице между Горбачевым и Яковлевым: «Между ними была качественная разница. Я в ЦК больше общался с Яковлевым, был его консультантом. Его план тоже был абстрактным, но у него другие были интенции – он ставил задачу провести реформы, которые подтолкнут к смене советской системы. Но никто из них при этом не думал о гибели СССР! Я тоже полагал когда-то, что можно разрушить идеологию и систему, но оставить целостной страну... В этом пункте и кроется качественная разница между командами Горбачева-Яковлева, а затем Ельцина, идея которого заключалась в отказе от системы и ее разрушении благодаря распаду СССР. Горбачев и Яковлев хотели, по сути, провести контрреволюцию, когда-то не осуществленную Деникиным. Хотя Горбачев, в отличие от Яковлева, долгое время перестройку так не воспринимал. Я глубоко убежден – перестройка рождена, в том числе, и студенческими годами Горбачева, его опытом и философскими идеями, которые он почерпнул в МГУ; он решил использовать власть для облегчения участи интеллигенции» [25].

Следует признать, что связка со студенческими годами Горбачева кажется несколько натянутой, как и желание Горбачева облегчить жизнь интеллигенции. Перед ним стояла задача удержания власти, а интеллигенция никогда не была в СССР решающим фактором, даже боялись выделить ее в качестве отдельного класса.

Очень интересна его характеристика самого Горбачева: «Горбачев был стерильно советским человеком. Он долго не понимал, что без железного занавеса, без цензуры, без политического сыска советская система, которую он получил в наследство, не может существовать. Но он шел за настроениями интеллигенции, пытаясь реализовать эту мечту о некоем новом социализме. А интеллигенция в то время читала запрещенные книги Солженицына, Самиздат, Сергея Булгакова или тот же «Котлован» Платонова, была наполнена и вдохновлена идеями этой литературы. Горбачев подхватил эти настроения, имея за душой лишь несколько идей, суть которых лежала в создании невероятного коктейля – сохранение того позитивного, что имелось при советском социализме, взять то же равенство или систему соцобеспечения, и заимствование у Запада их завоеваний – их рынков, магазинов».

И мы видим еще один фактор перестройки – желание Горбачева что-то изменить, хотя и непонятно, что и как, но так, чтобы это ему не

навредило. Ему и жене хотелось понравиться той же интеллигенции, а не только Западу. Горбачев выглядит как типичный собиратель «лайков», правда, в доинтернетную эпоху.

И совершенно неожиданное от А. Ципко: «Уже мало кто вспомнит, что инициатива критического переосмысления марксизма принадлежала профессору политекономии социализма Вадиму Медведеву, а не антикоммунисту Александру Яковлеву. И что в конце 1980-х Горбачев идейно порвал с Яковлевым и ставку делал на обновленный именно Медведевым отдел пропаганды ЦК партии. В то время я лучше знал Александра Яковлева. Он сильно изменился с годами и, когда начал смотреть на Гайдара и Чубайса преданными глазами школьника, стал мне... непонятен. Но в 1988–1989 годах мы часто общались с ним в его кабинете на Старой площади, и он говорил совсем другое».

Не думаю, что он смотрел преданными глазами школьника. Просто власть в этот момент смещалась от Горбачева в новый центр, где уже восседали Гайдар и Чубайс.

Контент тоже бывает разный. Перестройка опиралась на контент массовой культуры и массовой литературы, например, мемуары Троцкого вряд ли можно считать научным произведением. Это были тексты широкого употребления, а интеллигенция, как любительница писать свое и читать чужое, активно включилась в эти процессы.

Вместо сердитых партийных функционеров, запинаящихся даже при чтении по бумажке, на телеэкраны вышли легко тараторящие, новые типы «говорящих голов», которые стали быстро перетягивать на свою сторону зрителей, привычно сидящих перед экранами в надежде понять, что же происходит.

Наиболее обсуждаемыми на тот момент фильмами были «Покаяние» Абуладзе и «Маленькая Вера» Пичула. Лидером советского проката 1989 года стала «Интердевочка» П. Тодоровского. «Покаяние» делалось скрытно в Грузии как республиканский фильм под покровительством Шеварднадзе, чтобы раньше времени его не «зарезали» в Москве.

Фильмы задают не факты, а правила, по которым живут события-факты в реальной жизни. Советский фильм не столько описывал жизнь, сколько управлял ею. Этот набор фильмов должен был положить начало новой постсоветской эре. С одной стороны, без Сталина, с другой – эры разрешенности того, что было запрещено, к сожалению, не самого лучшего.

По поводу Абуладзе у Ципко есть следующее мнение: «Команда Горбачева, за редкими исключениями, не признавала, что на самом деле своей политикой гласности стимулирует контрреволюцию. Понимал это Георгий Лукич Смирнов, которого Горбачев в начале 1987 года отправил в почетную ссылку директором Института марксизма-ленинизма. Георгий Лукич был противником широкого показа фильма Абуладзе «Покаяние». После просмотра этого фильма помощниками Горбачева здесь же, на

шестом этаже второго подъезда, в самом конце 1986 года Смирнов сказал мне: «Александр Сергеевич, надо понимать, что мы играем в опасные игры: сегодня мы доводим до конца разоблачения преступлений Сталина, затем займемся разоблачением зверств «ленинской гвардии», а потом люди спросят нас: “А зачем нам эта партия, которая пришла к власти на крови?”». Но тогда, в конце 1986-го – начале 1987-го, консерваторы не могли и даже не пытались остановить горбачевско-яковлевский порыв гласности, порыв снять все старые запреты, разрушить все «зоны, закрытые для критики»» [26].

Правда, была и такая фраза: «Уже с июля 1988 года Вадим Андреевич Медведев просил меня написать, как он говорил, «аналитический текст» о тех сторонах учения Маркса о коммунизме, которые не оправдались на практике. В сентябре 1988 года такое же задание дает мне новый заведующий Международным отделом, секретарь ЦК КПСС Александр Николаевич Яковлев».

Как видим, складывается странная ситуация, когда Горбачев не знал своего следующего шага, но его чувствовали его коллеги. Однако принцип демократического централизма в КПСС всегда был, скорее, централистическим, чем демократическим.

А о фильме «Интердевочка» есть мнение культуролога О. Чепруновой: «Все началось, очевидно, с фильма «Интердевочка». Я помню, что в научном сообществе был шок, когда проводился какой-то опрос в школах и довольно значительная часть старшеклассниц написали, что они хотят стать проститутками. Это, конечно, был результат того, что в Советском Союзе именно на дискурсивном уровне не было секса. Поэтому сразу, как секс появился, он занял такое огромное место в сознании. Возникло ощущение, что это какой-то принципиально новый, чудесный инструмент, с помощью которого можно наилучшим образом устроить жизнь» (цит. по [27]).

И это говорит о том, что многие действия Горбачева-Яковлева имели не те последствия, которые широко провозглашались. Однотипно «великая» антиалкогольная кампания, дав в первые месяцы планируемые результаты, потом привела к двум последствиям: а) люди перешли на потребление суррогатов, б) началось наркотическое наступление на население. То есть вроде хорошая и красивая программа дала два негатива, с которыми бороться надо по сегодняшний день.

Горбачева все время ругали за отсутствие плана перестройки. Был он или не был, чьей рукой был написан, история умалчивает. Правда, тут Яковлев выступает на его защиту: «Интересно, как вы себе представляете «план перестройки»? Это что, перечень мероприятий, утвержденный политбюро, согласованный с министерствами и ведомствами, включая КГБ? Такого плана действительно не было, и быть не могло. Того, кто его предложил бы, тут же поставили бы к стенке.

Вообще говоря, ни одна революция, ни одна серьезная политическая реформа нигде и никогда не проходила по строго заданному плану. Всегда реформаторам приходится импровизировать по ходу дела. Но что касается идеологии перестройки, то это неправда, будто ее не было. Есть документальное свидетельство – моя записка Горбачеву, написанная в декабре 1985 года, то есть в самом начале перестройки. В ней все расписано: альтернативные выборы, гласность, независимое судопроизводство, права человека, плюрализм форм собственности, интеграция со странами Запада. Михаил Сергеевич прочитал и сказал: рано. Мне кажется, он не думал, что с советским строем пора кончать, и удовлетворился бы ликвидацией наиболее очевидных несуразностей. Не знаю. Но факт, что, в конце концов, нам пришлось выполнить практически все, что было в той записке. Разумеется, не обошлось без глупостей, без виляний в сторону, нередко общество получало «сверху» совершенно ложные сигналы. Это было неизбежно, потому что нам приходилось преодолевать жестокое сопротивление консервативной части партаппарата, а это не всегда удавалось с первой попытки».

Для пользы дела приходилось и отступать, и лукавить. Я сам грешен – лукавил не раз. Говорил про «обновление социализма», а сам знал, к чему дело идет. А как было иначе? Стоило мне в Перми высказаться в пользу рыночной экономики – сразу же получил взбучку от Политбюро. Помню, Николай Иванович Рыжков возмущался: как это можно говорить такие вещи без разрешения ЦК!» [28].

Экономический развал, который шел под эти идеологические рассказы, создавал давление, подталкивающее и самих Горбачева и Яковлева к нужному решению. Дж. Мейджор, например, даже не ответил на обращение Горбачева о финансовой помощи от 2 ноября 1991 г. [29]. И это было даже не письмо, а скорее крик о помощи.

Экономика рушилась, тем самым население готово было к любому варианту выхода из ситуации. Это снова попадание в ситуацию хаоса, когда даже незначительные усилия могут привести к нужному результату.

И вот серия высказываний самого А. Яковлева, уже в роли победителя [30]:

– «Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработали (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» – по революционаризму вообще»,

– «Начался новый виток разоблачения «культа личности Сталина». Но не эмоциональным выкриком, как это сделал Хрущев, а с четким подтекстом: преступник не только Сталин, но и сама система преступна»,

– «Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма»,

– «Оглядываясь назад, могу с гордостью сказать, что хитроумная, но весьма простая тактика – механизмы тоталитаризма против системы тоталитаризма – сработала. Иного способа политической борьбы у нас не было: большевизм напрочь отвергал любые демократические преобразования, любое инакомыслие. Например, мои работы и выступления 1987–1988 годов, частично и 1989 года были густо напичканы цитатами из Маркса и особенно из Ленина. Благо, что у Ленина можно найти сколько угодно взаимоисключающих высказываний и практически по любому принципиальному вопросу».

Так что план был, и еще какой. Идеология Яковлева должна была победить идеологию старого порядка. ЦК поручало уничтожить само ЦК. Можно вспомнить и фразу Горбачева про удар по штабам, но Горбачев, хоть и был выпускником философского факультета МГУ, вряд ли понимал последствия всех своих действий и слов, предлагаемых ему его подчиненными.

Яковлев, например, активно пугает Горбачева в своем письме на 22 машинописных страницах в марте 1991 г.: «Успехи неосталинского крыла на сегодняшний день: 1) нейтрализовав пассивную часть партийных масс, реакционная часть номенклатуры захватила контроль над крупнейшей – российской – организацией КПСС; 2) многие из идей и лозунгов этого крыла переключались в основные документы КПСС в целом; 3) в КПСС сформировалась антиперестроечная коалиция, в которой объединились элементы парт- и госбюрократии, военной элиты, верхушки военно-промышленного комплекса; 4) этой коалиции удалось оказать сильное давление на формирование и политику союзного руководства, впервые с начала перестройки изолировав его в значительной мере от радикально-демократического лагеря.

Оборотная сторона этих успехов: 1) резкое обострение политической ситуации в стране, углубление конфликта между центром и республиками; 2) падение влияния Президента как внутри страны, так и в международных делах; 3) подъем настроений против КПСС, больше воспринимаемой народом как партии, готовой уничтожить демократию ради спасения власти номенклатуры; 4) блокирование развивавшегося до этого нормально процесса становления демократических институтов и норм» [31].

Мы уже забыли, а во многом и не знали накала тех страстей, которые вели к Беловежской встрече, в результате которой Горбачев потеряет все. Но это была еще одна конкурирующая линия событий, которая, вероятно, была запасным вариантом.

Яковлев предлагает Горбачеву даже отказаться от поста генсека. А общий его вывод таков: «Нужны новые план, стратегия, стиль,

информационный облик перестройки. В чем-то преемственные по отношению к идеям и формам 1985–1990 годов. Но во многом и делающие шаг вперед в практике, теории, дающие новому, решающему этапу перестройки активное и постоянное лидирующее начало».

Есть даже сильная аналитическая бумага от 2 апреля 1991 г., тоже адресованная Горбачеву под очень серьезным названием «Перестройка и оппозиция. Точки соприкосновения, узлы противостояния» [32]. Если это текст самого Яковлева, а не просто коллективный труд его аппарата, то это достойное произведение, кстати, демонстрирующее то, насколько подчиненный был сильнее своего начальства.

Последний абзац этого текста таков: «Наступил момент, когда перестройка должна определиться с собственной политической лояльностью. Ее идеологическая лояльность неизменна – это приверженность социалистической идее. Политически же предстоит выбор: что ей дороже – КПСС ли, независимо от ее реального облика; или же идеи социализма, благо народа, цели и идеалы обновления?».

Кстати, Ципко вспоминал следующее из более раннего этапа: «в 1987–1988 годах ни у кого из вождей КПСС не хватило бы духу даже подумать о покушении на святое, на идейные основы. В начале 1988 года Горбачев под давлением консерваторов начал отгрести назад, к «единственно верному учению». Он стал требовать, чтобы в проектах его выступлений, даже перед польской интеллигенцией в зале восстановленного Королевского замка во время визита в Польшу в июне 1988 года, прозвучал тезис о «верности социалистическому выбору советского народа», о еще «неиспользованных резервах социализма». Помню, как мой коллега по группе консультантов, покойный Ян Шмераль, за ночь умудрился создать в Горках-Х, где поселилась группа доклада, целых пять вариантов тезиса о преимуществах социалистического строя. А на пороге был май 1988 года» [26].

Глядя в прошлое, представляется, что Запад в тот момент уже поставил на другого лидера – Б. Ельцина, поэтому даже не хотел давать экономическую помощь Горбачеву. И это тоже понятно, поскольку разные этапы развития требуют иных руководителей той или иной структуры. Горбачев стал «тормозом», его нерешительность могла повернуть весь процесс назад. По этой причине был запущен, как представляется сегодня, странный процесс ГКЧП, который и привел к выходу на арену Б. Ельцина. Это был инструментарий по убиению Горбачева и поднятию Ельцина.

Несомненным плюсом Горбачева следует признать элемент новизны, пришедший в мир брежневского и постбрежневского застоя. Люди зашевелились, просто почувствовав что-то новое. Особенно это касалось молодежи.

А. Гельман справедливо вспоминает об этом ветре перемен: «Мне кажется, что при Горбачеве очень много умных людей – ученых,

писателей, режиссеров – принимали участие в политике. Значительная их часть были народными депутатами СССР. Была какая-то интеллектуальная атмосфера не только вокруг Горбачева, надо вспомнить Александра Николаевича Яковлева, всю команду Горбачева. И это имело огромное значение. Это были люди, которым другие люди доверяли, их уважали. Поэтому возникала какая-то нравственная атмосфера. К сожалению, это исчезло. Причем нельзя сказать, что это исчезло только по вине Ельцина и Путина. Это исчезло еще и потому, что объективно не вошли в жизнь те ожидания людей, которые появились при Горбачеве, – я имею в виду ожидания экономически лучшей жизни. Поэтому казалось, что все было напрасно, что «перестройка» была не нужна. А сейчас это даже как-то культивируется. И иногда мы видим просто вражеское отношение к «перестройке», в ходу утверждения, что те, кто делал «перестройку», привели ко всем несчастьям, они во всем виноваты» [33].

При этом вовсе не Горбачев или Яковлев реально и юридически разрушили СССР, это ведь сделал Б. Ельцин. Он же отодвинул Горбачева от руководства. Вся история с его отречением от власти выглядела пошаговой просчитанной постановкой, за которой стояли реальные режиссеры и первым шагом которой был ГКЧП.

Вот список «прегрешений» Горбачева, который в борьбе за свое место потерял все, включая доверие людей: «Горбачев оказался слишком привержен «социалистическому выбору» и категорически отказывался от радикального скачка к рыночной экономике. Близким людям президент СССР признавался, что не хочет навязывать народу шоковую терапию, своего рода «коллективизацию» наоборот. Эти помыслы были гуманны, но экономика и финансы катились в тартарары, и к лету 1991 года Горбачев с его длинными путаными речами надоел людям хуже горькой редьки. Росло число тех, кто начал тосковать по «твердой руке», говорить о необходимости установить в стране чрезвычайное положение, диктатуру. Горбачев всерьез надеялся на финансовую помощь Запада, но в этом он просчитался. За месяц августовских событий он поехал на встречу «Семерки» в Лондон, рассчитывая, что западные страны, хотя бы на будущее, пообещают Советскому Союзу новый «план Маршалла», чтобы облегчить его рыночную трансформацию. Но до этого Горбачев уже получил десятки миллиардов от Западной Германии и Южной Кореи. Все эти деньги ушли в песок, так, что и сам президент не знал, как это объяснить. В стране нужно было наводить административно-политический порядок. Но вместо этого нарастал политический хаос» [34].

Сюда можно добавить, что в это время ускорились многие процессы: новые веяния шли и из соцстран, и из нового парламента, и из собственных медиа. Тот же А. Любимов говорит о «Взгляде», что «это было антисоветское телевидение. Не в смысле, что мы всегда были политически антисоветскими, в плане того, что у нас были гости и «про»,

и «контра», но просто страна не запомнила тех, кто «про», а тех, кто «контра» – всех запомнили, потому что такое было настроение в обществе, общество искало какие-то выходы из того духовного тупика, в котором оно находилось» [35]. И еще: «Дело не в том, что мы говорили, а именно как. То есть, все это стилистически выглядело настолько странно и настолько не так, что люди додумывали и читали – мы там говорили между строк, а они слышали между букв».

Или в другом интервью: «В программах «Взгляд» и «12-й этаж» впервые на советском ТВ появились люди неформатные. На фоне советских дикторов в галстуках, читающих по бумажке, мы выглядели иначе. Мы говорили и про ужасы сталинского времени, но у нас в эфире часто были и представители компартии. Всегда соблюдался баланс. Плюс у нас в студии висел генератор точного времени. Потому что люди не могли поверить, что мы работали в прямом эфире. Мы все время снимали и показывали звонки в студию, сами на них отвечали, чтобы телезрители потом могли сказать: «Я говорил с Листьевым». Такого на советском телевидении до этого не было» [36].

Как ни странно, но основной революцией, которая реализовалась тогда, была революция медийная. Люди слышали другие речи, как с экранов телевизора, так и с трибуны парламента. Это были не только другие речи, но и совершенно новые люди. Вот этот синтез людей и речей с тех пор потерян. И была вера в этих людей. Сегодня почти все, или многие, уже научились говорить, но у нас нет веры в этих людей.

Горбачев, подталкиваемый Яковлевым, сделал только первый шаг в трансформации страны. Он явно медлил и все время останавливался, боясь потерять не столько поддержку населения, сколько свое кресло. Поэтому на сцену был выведен игрок № 2 Ельцин, который и довел ситуацию до логического конца, и одна команда сменила другую.

Много интересного можно увидеть и в книге воспоминаний самого А. Яковлева «Сумерки» [37]: и как он знакомил Горбачева с Трюдо, и как это повлияло на англичан, правда, непонятно, почему он это делал, да еще представлял Горбачева при этом в роли будущего лидера страны.

Получается, что это Яковлев сделал из секретаря ЦК по сельскому хозяйству великого «Горби». Вот как это выглядело по модели Яковлева: «Я думаю, что именно после поездки в Канаду политическая элита на Западе стала присматриваться к Горбачеву как к будущему лидеру. Позднее бывший министр иностранных дел Великобритании Джеффри Хау рассказывал мне, что, когда английское правительство обсуждало вопрос о приглашении возможного будущего советского лидера, информация из Советского Союза была противоречивой. Рассматривались кандидатуры Горбачева, Гришина, Романова. Решили посоветоваться с Трюдо. Последний высказался за Горбачева. Англичане прислушались к совету канадцев».

И институт, который он возглавил, вернувшись из Канады, тоже был не просто академическим институтом. Это был think tank по обслуживанию советской верхушки. Вот как он о нем рассказал в своих воспоминаниях: «Практически институт считался как бы научно-исследовательской базой ЦК, выполнял разные поручения, готовил десятки справок (например, работники международного отдела ЦК очень любили переключать собственную работу на институты). Институтские ученые часто привлекались к подготовке выступлений и докладов для высшего начальства, что считалось «большим доверием». А те, кому «доверяли», были людьми, как правило, с юмором. Когда начальство произносило «свой» текст, его авторы садились у телевизора и комментировали это театральное представление: «А вот этот кусок мой», «А вот эту чушь ты придумал», «А теперь меня читает». Смеялись. А на самом-то деле на глазах творился постыдный спектакль абсурда».

Но все они пытались не оторваться от Ленина, уйдя от Сталина, что и явилось причиной торможения. А Ципко вспоминал: «Доклад Горбачева на переломном январском Пленуме ЦК КПСС 1987 года буквально пронизан ссылками на труды В. И. Ленина. Автор этой книги еще в июне 1986 года по заданию Наиля Бикенина, тогда заместителя заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС, подготовил материал, живописующий Ленина как реформатора. Горбачев тогда так обильно цитировал Ленина не только для того, чтобы придать легитимность своим реформаторским планам, но и потому, что искренне, как и все шестидесятники, верил, что не будь Сталина, исходная демократическая основа социализма зацвела бы пышным цветом. Концепция «гуманного демократического социализма», которая становится идеологией КПСС уже после XIX партийной конференции, разделялась одновременно и лидерами первой советской легитимной оппозиции, и лидерами Межрегиональной депутатской группы. И Горбачев прав, настаивая до сих пор, что в идеологии Межрегиональной группы, сформулированной в сборнике статей «Иного не дано», нет ничего, что бы выходило за рамки философии перестройки» [38].

Ципко также вспоминал, как в марте 1985 г. его вызвал помощник Горбачева по идеологическим вопросам Г. Смирнов и сказал: «Михаил Сергеевич считает, что наша трагедия состоит в том, что в 1929 г. победил Сталин, а не Бухарин, что мы сошли с того пути строительства социализма, который был начертан Лениным».

Все это означало, что они хотели остаться на месте в то время, когда все вокруг зашевелилось и забурило, в том числе с их помощью. И когда систему прорвало, Горбачев просто поплыл по этому течению.

Несколько отличающуюся картину событий нарисовал В. Медведев, которого Горбачев на очередном витке сделал главным идеологом, подчинив ему и А. Яковлева. Это было в 1988 г., что многие сегодня уже забыли [39–41]. В книге своих воспоминаний В. Медведев дает другую версию ухода А. Яковлева из ЦК: «Для Брежнева взгляды человека не

были самым важным, среди его доверенных лиц были люди с различными, можно сказать даже противоположными убеждениями. Главное для него – личная преданность. Вот и в данном случае дело скорее было в том, что Яковлев, как и удаленный до него Степаков, рассматривался как выдвигенец «московской группы», поддерживался А. Н. Шелепиным, который был соперником Брежнева за влияние и власть в партии в послехрущевский период. Прошло немного времени и Яковлев вообще был удален из ЦК» [42]. Интересно, что в конце жизни А. Яковлев принял буддизм [43].

* * *

Со Сталиным во главе режиссеры и писатели в довоенное время создавали один формат человека, работая над максимальным отрывом его от дореволюционного формата. И это соответствовало общей советской логике трансформации, когда Лысенко и Мичурин, к примеру, создавали новые типы растений [44], а Макаренко исправлял малолетних преступников. При Брежневе был зафиксирован конечный результат этой трансформации – советский народ. И этот результат сохраняется по каким-то параметрам и сегодня.

Была создана новая «социальная идентичность», которую перестройка принялась разрушать. Интересно, что только сегодня, а точнее в 2016 г., американское военное агентство по научным исследованиям DARPA объявило программу по созданию принципиально новых социальных наук более объективного порядка, перед которыми стоит задача прикладных разработок в сфере «социальной идентичности» [45–47].

Опыт перестройки – это не столько новое мышление, сколько опыт освобождения от догматического мышления, державшего страну то в ежовых рукавицах, то в пропаганде, то в цензурировании всего, что хоть на каплю отличалось от принятой нормы. Результаты существенного отставания СССР в развитии новых технологий тоже были причиной перестройки, поскольку страна, не поставив на первое место развитие своей интеллектуальной составляющей, стала все проигрывать. Паритет в гонке вооружений удерживался все более затратными методами.

И вот очередное свидетельство ошибочности таких приоритетов, высказанное в связи с появлением «секретной» школы Илона Маска: «Илон Маск убежден, что главная война в будущем развернется за талантливых людей. Интеллектуальный капитал превращается в самый дефицитный ресурс. Действительно, за время после окончания Второй мировой войны соотношение между материальными и интеллектуальными активами в мировой экономике изменилось с 30 к 70 на 65 к 35. Мозги превращаются в производительную силу, а инновационное мышление обеспечивает прогресс экономики» ([48], см. также [49–50]).

Мир всегда будет двигаться вперед. Вопрос только в том, какие из избранных приоритетов будут помогать ему, а какие мешать. Сильные страны давно вынесли на первое место человеческий капитал. Но им также следует заниматься, вкладывая ресурсы, как это происходит с любым ресурсом: от зерна до нефти и газа. Не вкладывая ничего, не получится ничего и на выходе. И именно так сегодня происходит с наукой и образованием, тем самым закладывая еще большее отставание и на будущее.

Литература

1. Glaser E. We went too far in toppling authority. Some is good for us // www.theguardian.com/commentisfree/2018/apr/09/toppling-authority-populism.
2. О чем говорил в Киеве Фрэнсис Фукуяма // delo.ua/economyandpoliticsinukraine/o-chem-govoril-v-kieve-frensis-fukujama-glavnye-tezisy-327709/.
3. Петрушенко Н. Почему Яковлев пришелся Брежневу не ко двору // imhoclub.by/ru/material/pochemu_jakovlev_prishelsja_brezhnevu_ne_ko_dvoru.
4. Сумароков Л. Штрихи к личностному портрету Суслова // old.nasledie.ru/persstr/persona/symarokov/article.php?art=28.
5. Яковлев А. Против антиисторизма // left.ru/2005/15/yakovlev132.phtml?print.
6. Латунский И. «Банда четырех» и Горбачев. Интервью В. Фалина // www.sovsekretno.ru/articles/id/5367/.
7. Филин Г. Двойное назначение. Александр Яковлев двойной агент или честный пособник западных разведок? // versia.ru/aleksandr-yakovlev-dvojnoj-agent-ili-chestnyj-posobnik-zapadnyx-razvedok.
8. Над Н. Бывший первый заместитель Председателя КГБ СССР Филипп Бобков: Развалом СССР руководил член Политбюро Яковлев // www.kp.ru/daily/26656/3677031/.
9. Яковлев А. Перестройка: 1985–1991. Неизданное, малоизвестное, забытое // www.alexanderyakovlev.org/fond/issues/parts/73229/1023310/pages/1.
10. Документы Яковлева. Период с 1983 по 1991 // nsarchive2.gwu.edu/rus/Yakovlev.html.
11. Аггеева И. А. Канадское досье М. А. Суслова: идеология во внешней политике СССР // cyberleninka.ru/article/v/kanadskoe-dosie-m-a-suslova-ideologiya-vo-vneshney-politike-sssr.
12. Сумароков Л. Сумерки архитектора Яковлева // old.nasledie.ru/persstr/persona/symarokov/article.php?art=97.

13. Легостаев В. Теневик демократии // zavtra.ru/blogs/1998-12-013all.
14. Кравченко Л. Лебединая песня ГКЧП. – М., 2010.
15. Кашин О. Медиаменеджер перестройки. Л. Кравченко, освободитель и душитель // rulife.ru/mode/article/830/.
16. Кравченко Л. СССР разрушили Яковлев и Шеварднадзе. Интервью // www.fontanka.ru/2010/08/17/080/.
17. «Люди видели старого и больного человека». Брежневу не дали уйти на пенсию. Это закончилось войной и позором // lenta.ru/articles/2018/04/12/leonardo/.
18. Сумароков Л. Андропов. Дальше, дальше, дальше // old.nasledie.ru/persstr/persona/symarokov/article.php?art=64.
19. Ципко, Александр Сергеевич // ru.wikipedia.org.
20. Ципко А. Публикация разделов книги «Прощание с социализмом» // tsipko.ru.
21. Ципко А. История ИМЭСС глазами «невыездного» // tsipko.ru25.
Кузьмина О. Я пришел дать вам волю. Интервью А. Ципко // vm.ru/news/2015/04/02/ya-prishel-dat-vam-volyu-282788.html.
22. Ципко А. Перестройка, или бунт против марксистских запретов // sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1130136140&archive=1130138106&start_from=&ucat=14&.
23. Дранкина Е. Древнейшая мужская профессия // www.kommersant.ru/doc/3579535.
24. Яковлев А. Я говорил про обновление социализма, а сам знал, к чему дело идет. Интервью // www.ng.ru/ideas/2003-12-02/1_yakovlev.html.
25. Медведев Ж. Необъявленный дефолт СССР // www.2000.ua/specproekty_ru/opasnaja-professija/glavy-iz-knigi-opasnja-professija/neobjavlennyj-defolt-sssr.htm.
26. Яковлев А. Большевизм – социальная болезнь XX века // Черная книга коммунизма // krotov.info/libr_min/24_ch/er/naya_kn_01.htm.
27. Яковлев А. Письмо М. С. Горбачеву. Март 1991 // nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Yakovlev/1991-03-Yakovlev-Gorbachev.pdf.
28. Яковлев А. Письмо М. С. Горбачеву. 2 апреля 1991.
29. Отставка Михаила Горбачева: трагедия или драма? // www.svoboda.org/a/27449083.html.
30. Зубок В. ГКЧП 25 лет спустя. Разрушение советского Левиафана // www.bbc.com/russian/features-37113785.
31. Любимов А. 30 лет программе «Взгляд» // echo.msk.ru/programs/tv/2064086-echo/.

32. Любимов А. В журналистике сейчас тотальный разврат. Интервью // www.aif.ru/culture/person/aleksandr_lyubimov_v_zhurnalistike_seychas_totalnyy_razvrat.
33. Ципко А. Перестройка как русский проект. – М., 2014.
34. Медведев В. Идеолог. Интервью // www.itogi.ru/nashe/2011/52/173122.html.
35. Медведев В. Сопротивление реформам зрело в недрах партийно-государственного аппарата // www.ng.ru/ng_politics/2010-05-18/10_medvedev2.html.
36. Медведев В. Осмысленный и поэтапный план перестройки так и не был создан. Интервью // www.ng.ru/ng_politics/2015-05-19/9_medvedev.html.
37. Медведев В. А. В команде Горбачева: взгляд изнутри. – М., 1994.
38. Андреев Б. Метаморфоза. Перед смертью «архитектор перестройки» принял буддизм // www.kp.ru/daily/26656/3677031/.
39. Tucker R. C. Stalin and the uses of psychology. – Santa Monica, 1955.
40. Next generation social science (NGS2) // www.darpa.mil/program/next-generation-social-science.
41. DARPA next generation social science program seek new models, theories and tools for predictive science of social phenomena // idstch.com/home5/international-defence-security-and-technology/technology/ict/darpa-next-generation-social-science-program-look-for-new-models-theories-tools-predictive-science-social-phenomena/.
42. DARPA Support for Penn-led Team to Develop 'Next Generation' Social Science // almanac.upenn.edu/articles/darpa-support-for-penn-led-team-to-develop-next-generation-social-science.
43. Лесков С. Наша война и секретная школа Маска // www.rosbalt.ru/blogs/2018/04/14/1696262.html.
44. Romeyn K. Details emerge on Elon Musk's super-secret L. A. school // www.hollywoodreporter.com/news/details-emerge-elon-musks-super-secret-la-school-1029882.
45. Jackson A. Elon Musk launched a secretive LA private school for his kids 4 years ago and there are still almost no details available // www.businessinsider.com/elon-musk-ad-astra-school-2017-11.

3. Мы идем не только от правды к постправде, но и от фейка – к постфейку

Когда мы получаем понимание новой реальности, нам становится легче с ней бороться, если она нас не устраивает. Первой в наш мир пришла постправда, раскрыв то, что специалисты по постмодернизму давно рассказывали. Из мира ушли большие нарративы, теперь в нем царят нарративы маленькие. А нарратив невозможен без собственной борьбы за правду, поэтому тысячи маленьких нарративов обросли тысячами своих правд.

Но все это началось еще до прихода Интернета и соцмедиа. Когда же они появились, возникла технологическая возможность для следующего шага – каждый пользователь Фейсбука может запустить в мир свою собственную правду или то, что он считает правдой. Эта «миниправда» существовала всегда, но новые возможности по ее тиражированию подняли ее на более высокий уровень. Вера в эту «миниправду» вполне соответствует наблюдению советского времени: раз про это написано в газете, значит, это правда.

То есть правда имеет свою градацию. Условно говоря, правда уровня энциклопедии отличается от правды уровня кухни. Правда не столько проверяема на соответствие действительности, поскольку новости Зимбабве, например, все равно остаются для нас непроверяемыми, мы не видим их собственными глазами, сколько достоверность ей придают источники и тиражирование.

В советское время было еще одно правило рекламы. Раз рекламируется, значит, плохое, поэтому покупать его нельзя. Или раз ругают Запад, то там все нормально. Это еще одно правило опоры на источник, только обратного свойства. Плохому источнику доверять нельзя. Всегда пользовались успехом книги по критике зарубежной философии, поскольку других книг по зарубежной философии (социологии, политологии) в принципе не было. Кстати, для серии книг издательства «Прогресс», которое издавало только переводы, под названием «Новое в лингвистике» пришлось изменить название серии на «Новое в зарубежной лингвистике», поскольку получалось, что все новое делается только за рубежом.

В советское время существовала тенденция, называемая чтением между строк, что позволяло выносить из критических рассуждений, например, комментатора в телепрограмме «Международная панорама», противоположное суждение. Сейчас мы уже забыли их фамилии и лица, а тогда они были властителями дум, поскольку другой информации о Западе у советского человека не было.

Таким образом, если суммировать, правдой становится то, что: а) тиражируется, б) исходит от достоверного источника, в) отрицается в недостоверном источнике. То есть информация в результате своего движения к потребителю получает характеристики, на которые можно ориентироваться для определения ее достоверности. При этом есть информация, которая достоверна во всех контекстах (типа дважды два –

четыре), есть информация, которая достоверна только в некоторых контекстах, а есть информация, которая никогда не является достоверной. Обычному человеку трудно ориентироваться, определяя, что есть что.

Слухи были в советское время теми же фейками, о которых нельзя было знать заранее, являются ли они правдой или нет. И слухи точно так, как фейки, передавались устно, поскольку очень часто они отражали уязвимости массового сознания. Например, сегодня считается, что Андропов в своем движении к власти пользовался слухами, чтобы убрать со своего пути конкурентов. Так, против первого секретаря Ленинградского обкома Романова был запущен слух, что тот якобы использовал на свадьбе дочери царский сервис из Зимнего дворца.

Российская информационная интервенция в американские выборы продемонстрировала, хоть и в искусственном виде, как бы разговор массового сознания с самим собой, поскольку люди хотели услышать именно это, и пересказать дальше. Коллективное мнение не нуждается в проверке фактов. Факт – это то, что признается таковым моим соседом и мной. Ведь мы, не бывая, например, в Японии, все равно можем обсуждать факты оттуда. Коллективное сознание своим обсуждением уже легитимизирует факт.

Многие факты мы не можем найти в энциклопедии, они – газетные, то есть текущие, которые завтра будут заменены другими в следующем номере газеты. Третий уровень фактов, помимо энциклопедического и газетного, принадлежит малым социальным группам, четвертый – вообще индивидам. К последнему типу отнесем знание того, что знает лично человек и никто больше. Или такой пример удивившей меня информации в газете «New York Times», что чихать следует не в ладонь, а в локоть, чтобы инфекция не передавалась дальше. Это явно не информация для такой газеты.

Мы как бы верим, что земля круглая. Но одновременно в мире проходят конгрессы, где доказывается, что земля на самом деле плоская. Конспирологи удерживают свой пласт знаний, которые расходятся с общепризнанными.

Реальное знание, то есть как бы не из источников, а непосредственное, есть только на четвертом и пятом уровнях фактов (социальной группы и личностное). Поэтому все остальное мы принимаем в некотором роде на веру. Мы верим в достоверность фактов из данного конкретного источника, говоря, например, что так написано в энциклопедии.

Религия и идеология тиражировали свои факты вне возможности их проверки на достоверность. Им либо веришь, либо нет. Для усиления веры в свои факты и религия, и идеология применяли в прошлом мощные репрессивные методы. И счастье человека в том, что только в наше время появляются первые попытки считывания того, что на самом деле думает человек.

При этом целые сферы человеческого творчества строятся принципиально не на соответствии действительности, а, наоборот, на праве на отклонение от нее. И это не только фэнтези или телесериал, а и в принципе литература и искусство в целом. Даже советский соцреализм был не столько отражением действительности, сколько моделированием идеальной действительности, которой должен был следовать советский человек. Это был такой «тоннель» разрешенного поведения, из которого не могла выходить ни литература, ни жизнь. И если подходить строго, то это тоже был фейк, связь которого с действительностью была достаточно условной.

Индивидуальные фейки отражают ту модель мира, которая записана в голове у конкретного человека. Школа корректирует эти представления в единую для всех форму, а медиа занимаются этим вообще ежедневно и ежечасно.

Фейк представляет опасность, когда он появляется в публичном поле не случайно или стихийно, а индустриально и целенаправленно. Его автором является не индивид, а целая группа людей, которая таким образом пытается увести внимание аудитории в другую сторону.

Конечно, в таком случае, когда индивид противостоит коллективу, перед нами возникает нечто вроде соревнования олимпийского чемпиона с победителем районного масштаба. Результат такого поединка заранее известен. Тем более, здесь работает и статистика. Как говорят специалисты по большим данным, предсказать поведение индивида нельзя, а вот больших масс людей можно, поскольку семьдесят процентов из них поступят так, как прогнозируется.

Люди сильны и предсказуемы своим общим поведением, а не индивидуальным. Все важные события «маркируются» именно массовым повтором. Это демонстрации протеста, которые стали массовыми в наши дни, или демонстрации поддержки власти, которые реализовывались в советское время в виде парадов и праздничных шествий.

Фейк внес сумятицу в наше понимание действительности. Человек оказался слишком доверчивым, поскольку к этому его приучила эпоха доминирования СМИ.

Когда фейк оказался «засвечен», он перестал быть опасным. К нам пришла эпоха пост-фейка, поскольку мы уже получили нужное предупреждение. Мы верим в победу правды, но все равно боимся лжи. Эпоха пост-фейка не так страшна, как эпоха фейка, поскольку мы с осторожностью будем относиться к любой информации.

При этом искусственная правда может вести к настоящей победе. Есть интересное высказывание Г. Честертона: «Сказки не рассказывают детям о том, что существуют драконы. Дети уже об этом знают. Сказки рассказывают детям, что драконов можно убить». Кстати, новое поколение миллениалов в США выходит на протестные демонстрации с

плакатами на тему Гарри Поттера, то есть сказка может помогать и в реальной жизни.

Глава третья

Внешние информационные и виртуальные воздействия

1. Войны без войн и мир без мира. Как ведутся войны без оружия

Мы живем в мире, который все меньше старается применять оружие. Однако оружие, но другое, все равно применяется. Это просто смена кинетического оружия на некинетическое. Однако без крови и смертей достигаются те же политические цели, которые заложены как цели и в случае использования военного инструментария.

Просто военный инструментарий пришел к нам из прошлого, являясь наиболее сильным средством работы в физическом пространстве. Но когда сегодня столь же активно используются и другие пространства, например, информационное и виртуальное, которые на новые высоты были подняты современными технологиями, то совершенно естественно, что сегодня активно используются и они. Тем более что население своей собственной страны очень плохо относится к жертвам, как к своим, так и противника, особенно к жертвам среди мирного населения.

Сегодня практически любой принципиально невоенный ресурс может быть использован как инструмент давления на страну: от финансов до спорта, от искусства до кибератак. Битвы за историю Украина ведет, к примеру, с Россией и Польшей, археологические битвы есть с Россией. С Россией также – не только языковые, но даже лингвистические, когда ведется борьба мнений, какой именно протоязык лежит в основе украинского и русского.

Ситуация становится вообще идеальной для давления, если это дефицитный ресурс, который есть у одной страны, и нет у других, как это произошло с энергетическими ресурсами, где главным игроком оказалась Россия, а зависимыми от нее оказались не только постсоветские страны, но и все европейское пространство.

Есть сферы, которые еще недостаточно очерчены международным правом, в плане реагирования на акты агрессии. Вот как, к примеру, определяется кибертерроризм современной наукой: «Хотя сегодня нет единого или всеми принятого определения кибертерроризма, теоретически он включает в себя политически мотивированные экстремистские группы или негосударственного актора, использующих

кибертехнологии для того, чтобы напугать, принудить или повлиять на аудиторию; заставить произвести политические изменения; вызывать страх или физическую боль» [1].

Государственные акторы тоже вписаны в эту модель кибердействий, поскольку они могут продвигать интересы своего государства, например, политические. При этом констатируется, что «они могут иметь те же цели (напугать, принудить, стимулировать политические изменения), но они сами являются политической силой, а другие нет».

Атака в одной сфере может давать результат в другой. Например, выделяются следующие политические последствия кибератак [2]:

- изменение решения о голосовании за кого-то,
- манипуляция мнениями, из которых следует голосование,
- вмешательство в сам акт голосования,
- подрыв доверия к честности голосования.

Кибератаки несут угрозы в таких сферах [3]: демократические выборы, права человека, электронное управление.

Несомненной сложностью в этой сфере является достаточно мощное участие негосударственных акторов, которые превратили свои атаки в бизнес. По этой причине их не так легко остановить. И это мощные силы, которые часто переплетены с государством.

Косвенной оценкой «хакерской силы» спецслужб и связанных с ними структур может служить российский «черный рынок» киберуслуг. М. Гончаров сделал несколько таких исследований, где объясняется, что может предложить такой рынок в России, и за какую цену [4–6]. При этом делается интересный вывод: «Киберкриминальная подпольная экономика во многом похожа на обычную экономику бизнеса. В ней вверх-вниз меняются цены в зависимости от спроса и предложения. Однако в отличие от легитимных бизнесменов, киберпреступники должны сохранять, насколько это возможно, свои личности втайне и прятать все следы своих бизнес-операций. Даже если цены на большинство продуктов и услуг, предлагаемых на российском подпольном рынке, снизились, это не значит, что бизнес идет плохо для киберпреступников. Это может даже означать, что рынок растет, поскольку с течением времени мы видим все больше предложений продуктов и услуг. Киберпреступники, как и легитимные бизнесмены, также автоматизируют свои процессы, что приводит к понижению цен на продукты и услуги. Несомненно, что «особые» продукты и услуги остаются дорогими, поскольку требуют специализированных знаний и умений для их создания, которые имеют немногие из плохих парней» [5].

Еще одной причиной, объясняющей успех российских информационных интервенций в избирательный процесс в США, является то, что избиратели Трампа более активно читают и «поглощают» фейковые новости, чем демократические. Их еще обозначают как «мусорные»,

давая им следующее определение: «Мусорные новостные источники определяются как такие, которые сознательно публикуют вводящую в заблуждение, обманную или неправильную информацию, подаваемую как реальные новости о политике, экономике и культуре. Этот тип контента может включать разные формы экстремистского, сенсационного и конспирологического материала, как и замаскированные комментарии и фейки» [7].

Лиза-Мария Нейдерт, работающая в проекте по компьютерной пропаганде в Оксфордском институте Интернета, говорит следующее: «Хотя американские выборы остались далеко позади, через год после занятия офиса Дональдом Трампом пользователи социальных медиа в Твиттере и Фейсбуке все еще распространяют большой объем мусорных новостей» [8].

Еще одним фактором, которым можно объяснить успешность работы именно российских троллей, является предварительная обкатка подобных методов воздействия внутри страны. Исходя из мнения Г. Павловского, что Россия как структура сформирована в результате откатанных политтехнологий президентских выборов, можно считать, что такой опыт можно переносить с внутреннего использования на международный. Прошло семь президентских кампаний в России, сформировавших инструментарий, в котором несущественной стала, например, достоверность информации. Павловский пишет: «Исчезло само понятие морально неприемлемого факта, притом, что симуляции моральных возмущений поставлены на поток. Создание проектных коллективов, затрудненное в бизнесе, а тем более в гражданской активности, стало безудержным в предпринимательстве оказания неконвенциональных услуг властям. Управление такими группами потеряно. Они ведут бои то в Подмосковье за полигоны для девелопмента, то в Сирии за чужие нефтепереработки. Они вторгаются в американские сети и могут по усмотрению карать “предателей”» [9].

И войн такого рода достаточно много. К примеру, Украина во взаимоотношениях с Россией прошла через войны газовые, торговые, экономические, финансовые и даже культурные, не говоря уже об информационных. В этот список добавляются даже такие экзотические войны, как исторические и археологические, о которых мы упоминали выше. И задолго до военного конфликта российские фантасты активно стали описывать войну России с Украиной [10–11]. И, вероятно, они не столько накликали беду, сколько, как люди творческие, отразили царящую в своем обществе атмосферу.

Есть также и то, что мы хотели бы обозначить термином демографические войны, которые особенно ярко проявляются между странами-соседями. В этой сфере есть даже понятие демографической угрозы или бомбы, которая возникает, когда малая этническая группа воспринимается как способная изменить идентичность населения [12]. В качестве примера анализируется Эстония советского времени, когда

приход чужих этнических групп в рамках индустриального развития менял этнические пропорции. Канада 19 века резко усилила франкоговорящее католическое население. Соотношение католиков и протестантов в Северной Ирландии изменилось из-за разного уровня рождаемости.

Отдельная проблема – демография и война [13]. Здесь важным и изучаемым моментом являются имеющиеся в стране соотношения по возрасту и полу. В исследованиях возраста пытаются выяснить, имеет ли связь большой объем молодежи с вероятностью революций и войны. А дисбаланс в сторону мужчин также может увеличивать вероятность нестабильности и войны. Демографические факторы сыграли не последнюю роль в арабской весне.

В принципе, есть реакции не только на революцию или на войну. Еще можно менять страну или эмигрировать за рубеж. В. Кожин связал «оттепель» с большим количеством молодежи в этот период: «Необходимо обратить внимание на очень существенную демографическую особенность хрущевского периода, о коей, кажется, не сказано до сих пор ни слова. В результате тяжелейших потерь во время войны молодых людей от 15 до 29 лет в 1953 году имелось на 40 % (!) больше, чем зрелых людей в расцвете сил – в возрасте от 30 до 44 лет (первых – 55,7 млн человек, вторых – всего 35,6 млн); что же касается молодых мужчин, их было почти в два раза больше (!), чем зрелых (то есть тех, кому от 30 до 44-х) – 26,5 млн против всего лишь 13,9 млн человек, – не говоря уже о том, что немалая часть людей зрелого возраста принадлежала к инвалидам войны. И это огромное преобладание молодых людей не могло не сказаться самым весомым образом на характере времени, на самом ходе истории во второй половине 1950 – первой половине 1960-х годов. Закономерно, например, что в литературе и кинематографии этого периода молодежь появляется, безусловно, на первом плане» [14].

Есть интересное исследование, связывающее вместе молодежные бунты в Беркли, Париже, Праге, Пекине и СССР [15]. В нем констатируется, что сама по себе демография не работает на социальные изменения. Во всех странах «избыток» молодежи привел к резкому росту высшего образования. В графиках, приведенных в книге, виден резкий скачок в росте числа студентов в шестидесятые в следующих странах: США, СССР, Западная Германия, Франция, Великобритания и Китай, у которого тоже произошла своя культурная революция, правда, инспирированная сверху самим Мао Цзэдуном.

Поскольку в Советском Союзе никто за границу не уезжал, то создаваемое напряжение, отражающее то, что хоть Сталин и был низвергнут, но дело его жило, реализовывалось в молодежном давлении на власть в пользу больших свобод. Это были не политические свободы: поэты хотели читать свои стихи, художники – выставлять свои картины.

Так в очередной раз в истории количество молодежи перешло в качество.

Украина сегодня тоже испытывает молодежное давление. Ю. Романенко пишет: «активная часть населения начинает бежать за границу, а пассивная, вот эти бюджетники, они недовольно бубнят, ненавидят власть. 70 % украинцев, согласно исследованиям нашего Института будущего, говорят о том, что они не верят ни одному из украинских политиков» [16]. И еще: «Массовый исход рабочей силы за границу начинает обваливать всю модель, на которой был построен украинский бизнес. Например, именно дешевая рабочая сила усиливала позиции украинских экспортеров на внешних рынках».

Украина отдает более образованных и более инициативных, а остается другая половина. И она, к тому же, серьезно зависит от государства и его денег, поэтому власти управлять таким населением легче. Во все прошлые времена государственная политика состояла в том, чтобы увеличивать число зависимых от государства. Сталин, например, вычеркнул высокий уровень гонораров писателей, мотивируя это тем, что человек, написав одну книгу, перестанет работать. Государство все время хочет удерживать эту роль «отца», чтобы иметь право то поощрять, то наказывать своих нерадивых «детей».

Демография является серьезной проблемой и для России: «Сейчас численность поколения двадцатилетних в два раза ниже численности поколения тридцатилетних, а ведь на женщин в так называемом активном репродуктивном возрасте от 20 до 29 лет приходится более 60 % всех рождений детей. То есть какие бы меры на сегодняшний день ни предпринимались, понятно, что показателей рождаемости, которые мы наблюдали в 2014–2015 годах, будет трудно достичь. Скорее всего, в ближайшее десятилетие они недостижимы» [17].

Румыния, Польша, Венгрия, Чехия забирают подготовленную украинскую рабочую силу, в результате чего Украина теряет свой потенциал. Это выглядит как переезд спортсмена-чемпиона в другую страну. При этом никто не компенсирует стране-донору финансирование всей системы подготовки чемпионов со школьного возраста. Уже начался переток высококвалифицированной рабочей силы, например, наших докторов уже ждут в Германии и Эстонии.

Россия использует для политического давления любой ресурс, которым обладает. Особенно это касается энергетического сектора. Шведское оборонное ведомство подсчитало, что с 1992-го по 2006 г. Россия 55 раз отключала поставки [18]. И хотя российские официальные лица говорили о технических причинах, они почти всегда совпадали с политическими интересами по влиянию на выборы или заключению договоров в Центральной и Восточной Европе.

Еще один вариант кибератаки на энергетическую инфраструктуру в Европе, особенно в Украине и странах Балтии. При этом Украина использовалась как полигон для отработки таких атак.

В марте 2018 г. администрация Трампа обвинила Россию в серии атак в Европе и США на ядерные станции, а также электрические и водные системы [19]. США рассматривают это как сигнал Москвы, что она может прервать работу этих структур в случае конфликта.

Министерство внутренней безопасности США акцентирует, что с марта 2016-го зафиксированы российские атаки на критическую инфраструктуру США, включая сферы энергетическую, ядерную, водную, авиационную и др. [20]. Действия осуществляются по единой схеме. Атака идет на периферийные организации с менее защищенными сетями, откуда осуществляется переход на основные организационные структуры. Причем сегодня становится очевидным, что даже на расстоянии можно подорвать любое опасное производство [21].

Сегодняшний мир стал резко опаснее, поскольку любой серьезный агрессивный инструментарий может сейчас быть использован не только государствами, но и экстремистами-одиночками. А многие действия, начиная с демографической войны, к примеру, вообще не подпадают под юридические ограничения.

Литература

1. Ablon L. Data Thieves: The Motivations of Cyber Threat Actors and Their Use and Monetization of Stolen Data // www.rand.org/pubs/testimonies/CT490.html.
2. Bund J. Cybersecurity and democracy Hacking, leaking and voting // www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief_30_Cyber.pdf.
3. Piccone T. Democracy and cybersecurity // www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/08/fp_20170905_democracy_cyber_security.pdf.
4. Goncharov M. Russian underground 101 // www.trendmicro.de/cloud-content/us/pdfs/security-intelligence/white-papers/wp-russian-underground-101.pdf.
5. Goncharov M. Russian underground revisited // www.trendmicro.co.nz/cloud-content/us/pdfs/security-intelligence/white-papers/wp-russian-underground-revisited.pdf.
6. Paganini P. Evolution of the Russian underground // securityaffairs.co/wordpress/24440/cyber-crime/evolution-russian-underground.html.
7. Narayanan V. a. o. Polarization, Partisanship and Junk News Consumption over Social Media in the US // comprop.oii.ox.ac.uk/wp-content/uploads/sites/93/2018/02/Polarization-Partisanship-JunkNews.pdf.

8. Trump supporters and extreme right «share widest range of junk news» // www.ox.ac.uk/news/2018-02-06-trump-supporters-and-extreme-right-share-widest-range-junk-news.
9. Павловский Г. Осадок политтехнологий. Как семь предвыборных кампаний сформировали Россию // carnegie.ru/commentary/75808.
10. Быков Д. Война писателей // www.novayagazeta.ru/articles/2014/07/08/60261-voyna-pisateley.
11. Гуткин М. Войну в Украине придумали писатели-фантасты? // www.golos-ameriki.ru/a/ukraine-war-writer-fantast-mg/2406591.html.
12. Demographic threat // en.wikipedia.org/wiki/Demographic_threat.
13. Toft M. The State of the Field: Demography and War // www.wilsoncenter.org/sites/default/files/Toft.pdf.
14. Кожин В. «Оттепель» породила в том числе и молодежный взрыв // tema.in.ua/article/11297.html.
15. Suri J. Power and protest. Global revolution and the rise of detente. – Cambridge etc., 2003.
16. Романенко Ю. Демография ставит точку на существующей модели государственности Украины // hvylya.net/interview/politics2/yuriy-romanenko-demografiya-stavit-tochku-na-sushhestvuyushhey-modeli-gosudarstvennosti-ukrainyi.html.
17. Рыбальченко С. Мы упали в демографическую яму. Интервью // www.gazeta.ru/comments/2018/02/09_a_11643235.shtml.
18. Putin's asymmetric assault on democracy in Russia and Europe: implications for U. S. national security // www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/FinalRR.pdf.
19. Perlroth N. a. o. Cyberattacks put Russian fingers on the switch at power plants, U. S. says // www.nytimes.com/2018/03/15/us/politics/russia-cyberattacks.html?smid=fb-nytimes&smtyp=cur.
20. Russian Government Cyber Activity Targeting Energy and Other Critical Infrastructure Sectors // www.us-cert.gov/ncas/alerts/TA18-074A.
21. Чи можуть хакери віддалено підірвати хімічний завод. Історія однієї кібератаки // espresso.tv/news/2018/03/19/chy_mozhut_khakery_viddaleno_pidirvaty_khimi_chnyy_zavod_istoriya_odniyeyi_kiberataky.

2. Войны без войн: внешние информационные интервенции

Наиболее серьезные последствия для массового сознания создают как внешние, так и внутренние информационные интервенции. Сегодня анализ российского вмешательства в американские президентские выборы (а также французские и ряд других европейских) не сходит со страниц медиа. Российская информационная работа в Европе находится в центре подобных расследований [1–2].

Россия активно действует как в регионах бывшего СССР, как и в бывших соцстранах. И тут проявилось уже два тренда [3]. С одной стороны, Россия агрессивно нацеливается на страны, которые пытаются взаимодействовать с западными институтами типа ЕС и НАТО, примерами чего стали Грузия, Украина и Черногория. С другой – российские вхождения в страны типа Сербии носят менее агрессивный характер и направлены на создание общественных элементов, которые будут сдерживать правительство в его интеграции с Западом. И все это происходит на фоне использования энергетического ресурса как инструментария воздействия. И конечно, как все постсоветское пространство, так и постсоциалистическое, по-настоящему переполнены агентами влияния, достаточно посмотреть, например, на взрывной характер реакции, возникшей в Литве в результате раскрытия списков информаторов КГБ, где почти все оказались достаточно известными лицами.

В случае США дискуссии углубились в то, как именно персональные данные миллионов из Facebook перешли в руки штаба кампании Трампа [4–7]. При этом Cambridge Analytica отрицала всякую связь с Фейсбуком. И тут всплыло имя Александра Когана, родившегося в Молдове, потом с родителями переехавшего в Россию, откуда он и эмигрировал [8–9]. Сейчас оказалось, что он параллельно работал и в Санкт-Петербургском университете, имея исследовательскую программу «Стресс, здоровье и психологическое состояние в социальных сетях», обеспеченную государственным грантом, о чем он не рассказал в своем CV. Именно через него данные пользователей Фейсбука попали в Cambridge Analytica. Одновременно вспомним, что «ферма ольгинских троллей» тоже петербургская. Коган говорит, что работа в Петербурге подвернулась случайно, он просто написал письмо на факультет психологии, что, правда, выглядит как-то недостоверно.

Для будущей кампании Трампа был придуман фейковый офис в Кембридже, который в 2016 г. до выборов посетил Бэннон во время приезда в Британию, все для того, чтобы создать имидж независимой компании, имеющей престижную связь с университетом. И Бэннон же придумал вписать в название фирмы слово Кембридж. Именно Коган передал этой «независимой» фирме данные из Фейсбука.

Сам он их получал, установив приложение thisisyourdigitallife, которое дало ему возможность скачать информацию 270 тысяч человек в Фейсбуке, однако одновременно он получил информацию и об их друзьях. Он должен был уничтожить информацию, но не сделал этого.

Отдавая право на свою информацию добровольно, люди проверяли идею о том, что по ней можно получить свой психологический портрет.

Как показывает исследование 2011 года, пользователь в среднем имеет 190 друзей [10–11]. 270 тысяч человек и их друзья и дают в результате ту огромную цифру в 51,3 миллиона людей, к личным данным которых получил доступ А. Коган.

Получив данные, дальше для Cambridge Analytica все было делом техники по таргетингу избирателей [12]. «Лайки» позволили связывать то, что, казалось, не имеет связи. Например, фраза «Я ненавижу Израиль» связана с любовью к KitKat и туфлям Nike. Никто не знает, почему так, но находятся сотни таких соответствий, что позволяет, зная одно, автоматически постулировать другое.

К. Уайли заинтересовал Бэннона своей идеей, что политика – как мода, поскольку Бэннон сам считает, что политика является порождением культуры [13]. Для изменения политики надо поменять культуру. И мода является хорошим скрытым инструментом. Уайли сейчас включился в военные информационные операции в рамках борьбы с экстремизмом.

М. Косински, с которым связано вообще это направление, разместил в Фейсбуке библиографию статей о Cambridge Analytica [14]. Его собственные статьи, написанные в соавторстве, из Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America (PNAS) есть в открытом доступе ([15–16], см. также о его методе [17]). Кстати, Косински доказывает, что компьютерный анализ дает более точные предсказания, чем человек.

Как великое достижение почему-то рассматривается то, что Фейсбук заморозил страницу Cambridge Analytica [18]. И все еще остается открытым вопрос, кто передал фейсбучные данные ольгинским троллям, если это вообще имело место. Сегодня уже обнаружено, что Лукойл ознакомился с презентацией Cambridge Analytica еще в 2014 г., обсуждая, в числе прочего, микротаргетинг во время выборов [19]. Руководящее лицо Cambridge Analytica А. Никс писал коллегам в электронной переписке после этой встречи: «Они понимают бихевиористский микротаргетинг в контексте выборов, но они не могут уловить связь между избирателями и их потребителями».

В то же время Никс отрицал всякую связь, выступая перед парламентариями. Его слова таковы: «Мы никогда не работали с российской организацией в России или другой компанией. У нас нет никаких отношений с Россией или российскими гражданами». Что касается Когана, то одно из его выступлений в России звучало как «Новые методы коммуникации как эффективный политический инструмент».

Дж. Ченселлор, который работал вместе с А. Коганом, сейчас трудится в Фейсбуке [20]. У них была общая фирма Global Science Research, и проблема состоит в том, что 30 миллионов пользователей даже не

подозревали, что их «лайки» и демографическая информация из профиля в Фейсбуке использовались для влияния на американских избирателей [21]. Правда, Cambridge Analytica отвечала на запросы, что никакой работы с «лайками» она не ведет.

Коган создал свою фирму Global Science Research в 2014 г. из-за того, что факультет психологии в Кембридже не дал ему использовать его собственные данные для коммерческих целей. И тут возникает одна по-настоящему известная фирма Strategic Communication Laboratories (SCL), работающая на военных. Ее заинтересовала возможность создавать месседжи, отталкиваясь от демографических и других данных.

2 декабря 2014 г. Коган выступал в Сингапуре на тему «Социальная наука больших данных: как большие данные революционизируют нашу науку» [22]. Он рассказал, что работает с двумя базами данных. В одной пятьдесят миллионов индивидов, по которым они могут предсказывать любую характеристику. Во второй – зафиксирована всякая дружба в Фейсбуке, появившаяся в 2006–2012 г. Здесь можно определить просоциальность, психологическое состояние и здоровье.

Не надо думать, что перед нами какая-то подпольная и запрещенная технология. Обаму дважды избирали таким способом (см. нашу статью на эту тему [23]). Просто всеобщее внимание к выборам в 2016 г. привлекло то, что было российское вмешательство, которое также базировалось на личной информации из Фейсбука.

Российские журналисты сами опасаются определенного развития события, подчеркивая, что «не исключен сценарий, в котором Cambridge Analytica свяжут не только с кембриджским профессором, но и с Кремлем» [24]. И вполне возможно, что они окажутся правы, поскольку уже появились первые статьи, более детально рассказывающие о времени его пребывания в России [25]. Тем более в краже документов Клинтон из Демократического национального комитета и дальнейшей передаче их в Викиликс засветились офицеры ГРУ [26].

Информационные интервенции являются принципиально новым инструментарием, роль которого будет только возрастать в дальнейшем, поскольку они не только являются относительно дешевыми, но и позволяют хорошо прятать основных заказчиков.

Литература

1. Wilkinson T. Democrats' report details Russian meddling in European elections and threats to U. S. campaigns // www.latimes.com/nation/la-na-pol-russia-meddling-senate-report-20180110-story.html.
2. Harris G. State Dept. was granted \$120 million to fight Russian meddling. It has spent \$0 // www.nytimes.com/2018/03/04/world/europe/state-department-russia-global-engagement-center.html.

3. Putin's asymmetric assault on democracy in Russia and Europe: implications for U. S. national security // www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/FinalRR.pdf.
4. Rosenberg M. a. o. How Trump consultants exploited the Facebook data on millions // www.nytimes.com/2018/03/17/us/politics/cambridge-analytica-trump-campaign.html?hp&action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-heading&module=first-column-region@ion=top-news&WT.nav=top-news.
5. Hakim D. a. o. Data firm tied to Trump campaign talked business with Russians // www.nytimes.com/2018/03/17/us/politics/cambridge-analytica-russia.html?action=click&contentCollection=Politics&module=RelatedCoverage@ion=Marginalia&pgtype=article.
6. Cadwalladr C. a. o. How Cambridge Analytica turned Facebook 'likes' into a lucrative political tool // www.theguardian.com/technology/2018/mar/17/facebook-cambridge-analytica-kogan-data-algorithm.
7. Cadwalladr C. a. o. Revealed: 50 million Facebook profiles harvested for Cambridge Analytica in major data breach // www.theguardian.com/news/2018/mar/17/cambridge-analytica-facebook-influence-us-election.
8. Ashworth L. a. o. Who is Dr. Aleksandr Kogan, the Cambridge academic accused of misusing Facebook data? // www.varsity.co.uk/news/15192.
9. Ashworth L. a. o. Cambridge neuroscientist banned from Facebook for illicit data harvesting // www.varsity.co.uk/news/15193.
10. Ugander J. a. o. The Anatomy of the Facebook Social Graph // arxiv.org/pdf/1111.4503v1.pdf.
11. Seetharaman D. Facebook Ignites Debate Over Third-Party Access to User Data // www.wsj.com/articles/facebook-ignites-debate-over-third-party-access-to-user-data-1521414746?mod=rsswn&reflink=fbmsg.
12. Kirchgaessner S. Cambridge Analytica used data from Facebook and Politico to help Trump // www.theguardian.com/technology/2017/oct/26/cambridge-analytica-used-data-from-facebook-and-politico-to-help-trump.
13. Cadwalladr C. The Cambridge Analytica files. «I made Steve Bannon's psychological warfare tool»: meet the data war whistleblower // www.theguardian.com/news/2018/mar/17/data-war-whistleblower-christopher-wylie-faceook-nix-bannon-trump.
14. Dehaye P. O. Cambridge Analytica background research (public) // docs.google.com/document/d/1O1c7pQjN1VCCenmFT3GRNpJWNsggPcsVI0CRvFGD4gA/edit#heading=h.akfwp2unzs.
15. Kosinski M. a. o. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // www.pnas.org/content/110/15/5802.full.

16. Youyou Wu a. o. Computer-based personality judgments are more accurate than those made by humans // www.pnas.org/content/112/4/1036.full.
17. Grassegger H. a. o. The Data That Turned the World Upside Down // motherboard.vice.com/en_us/article/mg9vvn/how-our-likes-helped-trump-win.
18. Facebook заблокировал фирму, работавшую на Трампа во время выборов // www.bbc.com/russian/news-43441655.
19. Cadwalladr C. a. o. Cambridge Analytica: links to Moscow oil firm and St Petersburg university // www.theguardian.com/news/2018/mar/17/cambridge-academic-trawling-facebook-had-links-to-russian-university.
20. Lewis P. a. o. Facebook employs psychologist whose firm sold data to Cambridge Analytica // www.theguardian.com/news/2018/mar/18/facebook-cambridge-analytica-joseph-chancellor-gsr.
21. Schwartz N. Facebook fails to protect 30 million users from having their data harvested by Trump campaign affiliate // theintercept.com/2017/03/30/facebook-failed-to-protect-30-million-users-from-having-their-data-harvested-by-trump-campaign-affiliate/.
22. Brown Bag Guest Speaker Dr. Alex Kogan on 2 December // blog.nus.edu.sg/psychology/2014/11/24/brown-bag-guest-speaker-dr-alex-kogan-on-2-december/.
23. Почепцов Г. Выборы Обамы как новый этап развития избирательных технологий // psyfactor.org/lib/obama4.htm.
24. Герасюкова М. Не только русские: кто помог Трампу победить на выборах // www.gazeta.ru/tech/2018/03/19/11688307/facebook_leak.shtml.
25. Алекс Коган продавал данные пользователей Фейсбука, которые использовались в политических целях. Что он делал в России? // meduza.io/feature/2018/03/20/aleks-kogan-prodaval-dannye-polzovateley-feysbuka-kotorye-ispolzovalis-v-politicheskikh-tselyah-chto-on-delal-v-rossii.
26. EXCLUSIVE: «Lone DNC Hacker» Guccifer 2.0 Slipped Up and Revealed He Was a Russian Intelligence Officer // www.thedailybeast.com/exclusive-lone-dnc-hacker-guccifer-20-slipped-up-and-revealed-he-was-a-russian-intelligence-officer.

3. Войны без войн: от экономических к финансовым битвам

Экономическая война нас сопровождает все время, по крайней мере, в новостях мы слышим о ней очень часто. Трамп объявляет рост пошлин, Европа действует в ответ [1–4]. Китай и США перманентно находятся в подобной ситуации, причем позиция Китая сильнее, поскольку он может

управлять своими государственно зависимыми крупными предприятиями [5]. Китай рассматривается как победитель в экономической войне с США и другими аналитиками [6]. Но все это в рамках экономики, а на поверхности между всеми царит дружба.

На что же нацелена экономическая война? В одном из исследований в первом же предложении говорится, что экономическая война преследует те же цели, что и война обычная. И эта цель названа – разгром наших врагов [7]. И это естественно. Когда у тебя есть враг, реальный или ощущаемый, ты будешь использовать любой инструментарий, который работает против него.

Н. Ламберт подчеркивает разницу сегодняшней экономической войны со стратегическими бомбардировками немецких заводов союзниками во Вторую мировую войну. Он пишет: «В то время как стратегическая бомбардировка была нацелена на способность государства вести войну, и работала с помощью уничтожения, экономическая война нацелена на вражеское общество путем выведения из строя национальной экономики, имея целью быстрый подрыв легитимности и домашней поддержки вражеского государства. И еще – в стратегической бомбардировке гражданские жертвы типично рассматриваются как сопутствующий ущерб, в экономической войне гражданские являются целью» [8].

Это достаточно открытая и откровенная формулировка, когда целью является именно гражданское население, которое призвано в ответ усилить давление на свое собственное правительство. Правда, следует вспомнить, что и в варианте стратегических бомбардировок во Вторую мировую войну население все равно не выступило против Гитлера. Это при том, что в Управлении стратегических служб Донована к 1942 г. работало 16 психологов с задачей «собирать и коррелировать все существующие данные, относящиеся к психологическим факторам, работающим на национальной и международной арене» [9]. К примеру, успех нацистов они выводили из следующего: «Успех нацизма зависит от кризиса немецкого общества после Первой мировой войны, от способности нацистской партии породить отношения и символы, отвечающие этому кризису, а больше всего от воплощения широко распространенных тревог и желаний в личности Гитлера».

Стратегические бомбардировки были новым явлением в военной доктрине. На определение таких точек работали историки, экономисты, географы, инженеры. Единственное, к чему пришли психологи, что наибольшее воздействие давали не регулярные тяжелые бомбардировки, а нерегулярные умеренные, поскольку они не позволяли образовываться новым моделям жизни. Но в целом бомбардировки не дали того дестабилизирующего эффекта, который предсказывался [10]. Или такой вывод под рубрикой истории войны: «влияние на состояние нации является наименее понимаемым и определяемым аспектом кампании» ([11], см. также [12]). Костяк Управления стратегических служб

составили профессора из Йельского университета, а это привело, среди прочего, к тому, что месторасположение ЦРУ его работники по сегодня называют «кампусом» [13].

У Ламберта присутствует интересная сопоставительная таблица в пользу экономической войны против стратегических бомбардировок, при том, что сегодня вообще речь не может идти о стратегических бомбардировках вне ситуации войны [8]:

Экономическая война – Стратегические бомбардировки

Нацелена на общество – Нацелена на государство

Быстрое действие – Медленное действие

Психологический ущерб – Материальный ущерб

Стратегия шока – Стратегия уничтожения

Можно добавить еще одну фразу из этого исследования, но из другой его части: «Новая экономическая война нацелена на вражеское общество (не государство) психологически (не физически), и поэтому может сработать быстро. Эта концептуальная модель является фундаментально новой».

Гражданские цели были вообще-то использованы СССР и на своем населении. Можно вспомнить следующие примеры:

– возникновение определенной нехватки продуктов питания в период перед снятием Хрущева с тем, чтобы после ухода Хрущева вновь воцарилось изобилие на прилавках;

– Ельцин, ведя к распаду СССР, закрыл 16 из 17 табачных фабрик в России;

– была также нехватка продуктов в период перестройки. Жена маршала Язова рассказывала, что продукты не довозились до Москвы сознательно, а разгружались на подходах, поэтому Язов отправлял солдат довозить продукты.

Так что это модель того, что можно обозначить как «физиологическое раздражение», и она была работающей.

В добавление к экономической войне, которая более-менее известна, у военных сегодня даже возникло понятие финансовой войны. Причем отталкиваются они при этом и от действий России в Крыму: «финансовые возможности могут дать Соединенным Штатам наилучшие возможности противостоять «маленьким зеленым» и «маленьким голубым человечкам» [14]. В качестве целей финансовой войны называется снижение способности финансировать производство и распределение, финансовая война также работает на понижение желания атакуемой страны воевать, заставляя ее выбирать между «пушками» и «маслом». Журнал «*Newsweek*» называет это новым

военным пространством [15]. Этот подход именуют способом ведения войны двадцать первого столетия.

Интересно, что США вели свою первую такую войну не во взаимоотношениях с СССР. Хотя в это время и был вход в Венгрию для подавления венгерской революции 4 ноября 1956 года. Одновременно 5 ноября союзники по НАТО, Британия и Франция, захватили Суэцкий канал. Дипломатия не смогла заставить союзников уйти, а против них нельзя было воевать, и тогда Д. Эйзенхауэр прибегнул к финансовой войне. Он сделал три шага. Заблокировал выделение кредитных денег Британии Международным валютным фондом (561 миллион долларов), заблокировал выделение американского кредита Британии (600 миллионов долларов), угрожал сбросить британские бонды в США.

И все это, если Британия не уйдет из Суэца. В 1956 г. Британия серьезно зависела от кредитов. У нее был долг перед Америкой и был долг по Второй мировой войне, который она взяла у стран Содружества. В результате Британия отступила, поступив так, как ее принуждали, а за ней последовала и Франция.

Исследователи финансовой войны подчеркивают, что она подрывает право суверенности, либо атакуя деньги, либо блокируя доступ к деньгам и кредитам [16].

Однако проанализировав американские санкции в рамках экономической войны, исследователи пришли к неутешительным выводам – они не оказали существенного влияния на ВВП стран под санкциями [17]. Практически все они повлияли в основном на взаимоотношения с международным финансовым сообществом. Пример Ирака вообще показал, что санкции не работают.

При этом общий вывод все-таки положительный. Это можно понять, хотя бы в контексте того, что наложение санкций – это все же не втягивание в войну. И вывод этот таков: «В последние годы санкции стали предпочтительным и часто используемым средством для продвижения американских национальных приоритетов и приоритетов в сфере безопасности, часто с существенными результатами и иногда очень эффективным способом. Санкции могут стать одним из наиболее важных инструментов экономического соревнования или гибридной войны в будущем, с неоспоримым сохранением силы из-за их полезности в опоре на силу для достижения желаемых политических результатов. Однако использование современных санкций пришло с беспокоящими издержками и вызовами, некоторые из которых подрывают иные цели американской политики, а также мощь и лидерство Соединенных Штатов как экономического и стратегического игрока».

Р. Пейп, проанализировав серию экономических санкций, пришел к выводу, что они оказались действенными только в 5 % случаев [18]. Правда, вся эта исследуемая серия относится ко временам холодной войны.

Х. Зарате подчеркивает главное качество финансовых транзакций: «Деньги создают уязвимости. Необходимость денег для выживания и оперирования в двадцать первом столетии, как в локальной экономике, так и глобально, создает финансовые следы, которые не лгут, и зависимости, которые нельзя спрятать» [19]. Он считает Китай главным победителем в валютных войнах.

В своей книге Зарате рассказывает о новой эре финансовой войны, которая пришла после 11 сентября [20]. Сам он работает в американском Казначействе в сфере национальной безопасности. Эту войну он определяет как «использование финансового инструментария, давления и рыночных сил для давления на банковский сектор, интересы частного сектора и иностранных партнеров для изоляции акторов-изгоев от международных финансовых и коммерческих систем и уничтожения их источников финансирования». Он говорит о ней как о новом типе войны.

Правда, не только изгои попадают в финансовые зависимости. Финансовое давление мы видим и в случае Украины, когда МВФ увязывает выдачу очередного транша с выполнением определенных условий. И все это вызывает вполне понятное сопротивление.

В своих свидетельских показаниях в сенате США в 2003 г. Х. Зарате сказал: «Мы должны поддерживать политическое и дипломатическое давление на наших партнеров за рубежом и на международные институты, с которыми мы сотрудничаем, чтобы фокусироваться на проблемах финансирования террористов. Чем дальше будет уходить память мира об 11 сентября, тем сложнее будет удерживать чувство срочной необходимости в международных масштабах, чтобы действовать против терроризма» [21].

Мир, получив новые формы связности, стал более уязвимым. Ведь теперь зависимости стран одна от другой стали не только более явными, но и более реальными. Сегодня та страна, которая получит «черную метку», обречена влачить жалкое существование. И Северная Корея, и Иран ощущают это постоянно.

Интересную книгу о войнах связности (Connectivity wars) не так давно представили научной общественности. Ее редактор М. Леонард приводит интересный пример из недавнего прошлого, иллюстрируя эту идею. Когда Турция сбила российский самолет, то в ответ Россия не начала войну, а стала перекрывать все виды связей: от импорта турецких помидоров до поездок туристов.

М. Леонард констатирует: «Самым важным полем битвы этого конфликта не были воздух или земля, а скорее взаимозависимая инфраструктура глобальной экономики: прерывание торговли и инвестиций, международное право, интернет, транспортные пути и движение людей. Добро пожаловать в войны связности!» [22].

Опасность современного мира он видит в гиперсвязности. Во время холодной войны глобальная экономика повторяла глобальный порядок.

Все связи перекрывались железным занавесом. Потом мир стал взаимозависимым и взаимосвязанным, а Фукуяма заговорил о конце истории.

А упомянутый выше Хосе Зарате говорит в своей статье в книге «Новая геοэкономическая игра», что Китай и Россия уже играют в геοэкономическую, когда экономическая сила агрессивной страны используется для своих национальных интересов. Он пишет: «В более недавнем конфликте с Украиной и российской аннексии Крыма Россия продолжает использовать свои нефтяные ресурсы и финансовое влияние, чтобы давить на Киев, в то же время угрожая также таким соседям, как страны Прибалтики. Перед лицом западных экономических санкций и давления Москва использует свои собственные экономические меры и угрозы как меч и щит» [23].

И, конечно, раз речь зашла о связности, то не обошлось без мнения П. Ханна, известного футуролога связности. В своей статье «Эра инфраструктурных альянсов» П. Ханна делает интересное замечание: «Если США измеряют свою силу своими военными расходами, то Европа и Азия измеряют свою инфраструктурными расходами» [24]. То есть все они вкладывают в связность, к чему во многих своих работах и призывает Ханна [25]. Кстати, Ханна подчеркивает, что инфраструктурные альянсы не имеют идеологии. С этим можно и поспорить, но как тенденция такой вариант развития присутствует.

Элементы современного мира стали более зависимыми друг от друга. По этой причине и возникает множество разнообразных способов воздействия, которые отсутствовали во времена автаркий, когда страны могли существовать в полной независимости друг от друга. Но в то время сложно уже будет вернуться. И это говорит также о том, что время экономических и финансовых войн и санкций отнюдь не исчерпано.

Мир в принципе стал интереснее. Он дает гораздо больше возможностей для атаки, но и для защиты также. Любая сфера сегодня может стать опасной. И для каждой надо готовить соответствующих специалистов и по войне, и по обороне.

Литература

1. Donald Trump's Attack on German Prosperity // www.spiegel.de/international/world/donald-trump-trade-war-threatens-germany-and-europe-a-1197357.html.
2. Peker E. Europe's Pitch to Trump: You Already Have a Good Trade Deal // www.wsj.com/articles/eu-aims-to-persuade-trump-the-u-s-already-has-a-good-trade-deal-1521538200.
3. Revive trade deal talks to avoid trade war, EU urges Trump // www.reuters.com/article/us-usa-trade-eu/revive-trade-deal-talks-to-avoid-trade-war-eu-urges-trump-idUSKCN1GQ1BO.

4. Osborne S. Trump trade war SPIRALS: EU ready to PUNISH 200 brands as US threatened with tech tax // www.express.co.uk/news/world/933129/trump-trade-war-news-tariffs-EU-deficit.
5. Furchtgott-Roth H. 5G, Economic Warfare, and How to Win // www.forbes.com/sites/haroldfurchtgottroth/2018/02/05/5g-economic-warfare-and-how-to-win/#5826a8bb3c4d.
6. Long H. China is crushing the U. S. in «economic warfare» // money.cnn.com/2016/06/30/news/economy/china-us-war-by-other-means/index.html.
7. Bidwell P. W. Our economic warfare // www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1942-04-01/our-economic-warfare.
8. Lambert N. A. Brits-Krieg: The Strategy of Economic Warfare // carnegieendowment.org/files/GUP_Perkovich_Levite_UnderstandingCyberConflict_Ch8.pdf.
9. Hoffman L. E. American Psychologists and Wartime Research on Germany, 1941–1945 // pdfs.semanticscholar.org/f05f/02296df48cbb949650ad1b381a7a0f502ef.pdf.
10. Gee A. Aerial bombing: Turns out, it almost never works // ideas.ted.com/the-warfare-tactic-that-crushed-cities-but-not-spirits/.
11. Patton J. L. The failure of strategic bombing and the Emergence of the Fighter as the Preiminent Weapon in Aerial Warfare // www.militaryhistoryonline.com/wwii/articles/failurestratbombing.aspx.
12. Rigole J. The strategic bombing campaign against Germany during World War II // digitalcommons.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4267&context=gradschool_theses.
13. Winks R. W. Cloak&Gown: Scholars in the Secret War, 1939–1961. – New Haven – London, 1996.
14. Katz D. J. Waging Financial Warfare: Why and How // Parameters. – 2013–2014. – Vol. 43. – № 4.
15. Goodman L. M. The art of financial warfare: how the West is pushing Putin’s buttons // www.newsweek.com/2014/05/02/art-financial-warfare-how-west-pushing-putins-buttons-248424.html.
16. Fenaroli G. C. Financial Warfare: Money as an Instrument of Conflict and Tension in the International Arena https://digitalcommons.bard.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1106&context=seproj_s2016.
17. Rosenberg E. a. o. The New Tools of Economic Warfare. Effects and Effectiveness of Contemporary U. S. Financial Sanctions //

s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/CNASReport-EconomicWarfare-160408v02.pdf?mtime=20161010171125.

18. Pape R. A. Why economic sanctions do not work // web.stanford.edu/class/ips216/Readings/pape_97%20(jstor). pdf.

19. Zarate J. C. The Coming Financial Wars // Parameters. – 2013–2014. – Vol. 43. – № 4.

20. Zarate J. C. Treasury's War. The Unleashing of a New Era of Financial Warfare. – Philadelphia, 2015.

21. Testimony of Juan C. Zarate Deputy Assistant Secretary Executive Office Terrorist Financing and Financial Crime U. S. Department of the Treasury Senate Foreign Relations Committee // www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/js139.aspx.

22. Leonard M. Introduction: connectivity wars // Connectivity wars. Why migration, finance and trade are the geo-economic battlegrounds of the future. Ed. by M. Leonard. – London, 2016.

23. Zarate J. The new geo-economic game // Ibid.

24. Khanna P. The era of infrastructure alliances // Ibid.

25. Khanna P. Connectography. Mapping the future of global civilization. – New York, 2016.

Глава четвертая

Внутренние информационно-виртуальные воздействия

1. Домашние войны во время мира: политика как цель внутреннего информационно-виртуального воздействия

Главной областью применения войны без войны все же являются внутренние информационные (или информационно-виртуальные, поскольку информация опирается на смыслы) интервенции как работа со своим собственным населением. Здесь нет никакого настоящего опасного врага. Просто наиболее часто так действуют те, кто имеет либо много власти, либо много денег. И они, как правило, готовы на все, чтобы сохранить либо то, либо другое, при этом всегда подают свое правление как безальтернативное.

Управление внутренним миром человека очень важно, поскольку внутренний мир задает его поведение в мире внешнем. Когда религия

или идеология занимают позицию монополиста, конфликтует только меньшинство, которое недовольно таким положением, а большинство спокойно покоряется доминирующим ценностям.

Дж. Сури посвящает отдельную главу своей книги «Власть и протест» языку несогласия [1]. Он считает, что поскольку политика – это форма контролируемого конфликта, должен появиться язык несогласия (language of dissent), чтобы люди могли выражать свой гнев так, как они не могли делать этого раньше.

И это снова изменение модели мира, в которую не была вписана такая возможность. Когда она появляется в «прописях», можно ожидать ее появления в мире.

В мире есть только то, что есть в голове. Индивидуальный опыт слабо кодируется в опыт коллективный. Опыт протеста заблокирован, что хорошо описывает теория гегемонии А. Грамши. В соответствии с ней правящие классы с помощью интеллигенции транслируют образ справедливой страны во главе с доминирующим классом в головы бедных и обездоленных. В этом плане олигархи всегда правы и в случае Украины. Они легитимизированы существующей моделью мира, вложенной в массовое сознание.

Если общества заинтересованы в разнообразии, поскольку это порождает в результате и инновации, и свободу, то для государств это дополнительная работа, поскольку легче управлять единым, например, армией, а не университетом, где каждый старается иметь собственные законы. Как правило, государства и общества прошлого только тем и занимались, что активно «гасили» разнообразие. По этой причине люди часто бежали от государственного давления, как это произошло со староверами. Или японский премьер сегодня может говорить гражданам, что им следует смириться с тем, что для развития экономики им нужны в городах иностранцы, хоть они и «другие».

Государства, наоборот, в своих первичных формах максимально поддерживают единообразие, поскольку оно облегчает для них управление. Когда Украина «уничтожает» средний класс или отправляет его в эмиграцию, она создает облегченное для управления пространство зависимых от него бюджетников и пенсионеров. Однотипно растет единообразие в результате глобализации, с которым приходят не только товары, но и те же рекламные ролики и кампании в сфере паблик рилейшнз. Падает стоимость «мостика» от товара к покупателю, что ведет к росту прибыли.

Огромную роль в создании одинакового мышления играют СМИ. Когда-то эту роль унификации мышления выполняли религия и идеология, сегодня это делают медиа. Вот как, например, описывается в очередной раз телевизионное порождение новостей в России. Это слова С. Кордонского: «Здесь создана очень интересная социальная машина. В администрации проходит совещание, на котором определяют, что будут

показывать в ближайшие 10 дней, и кто это будет показывать, какой канал. Потом идет совещание с каналами, уже в другом составе, где до них доводят задание. Потом включается телевизор, вещает. После того как он отвечал, в дело вступают ФОМ и ВЦИОМ. Они проверяют, как люди в ответах на жестко сформулированные вопросы повторяют формулировки, которые идут из телевизора. Если хорошо повторяют – значит, хорошо сработали. Вот это – машина воспроизводства якобы общественного мнения. А на самом деле – его унификации» [2].

Как видим, в отличие от американцев, здесь хорошо выстроена работа с массовым сознанием, а США создают психологические портреты индивидуальных избирателей. Возможно, это также связано с тем, что в США микротаргетинг пришел из бизнеса, а оттуда уже в политику, а бизнес строится на отслеживании и последующем влиянии на своих покупателей. Исходя из этого тренда, прорывные технологии, даже в негативном смысле, у россиян будут в первую очередь в политике, а у американцев – в бизнесе.

Когда соцмедиа смогли войти в этот процесс распределения информации на правильную и неправильную, у нас и возникли вмешательства в выборы и референдумы сквозь анонимизированный аналог СМИ, спрятавшийся в соцмедиа.

При этом интересно, что когда человек получает дополнительную информацию о том, почему именно ему пришло данное сообщение, воздействие этой, например, рекламы резко понижается. Эти исследования провели ученые в Гарварде [3–4].

В принципе, влияние может идти по множеству направлений. И многие такие виды, которые используются для давления извне, могут быть использованы и внутри страны. Мы можем спокойно брать их из внешне ориентированного списка, например, поддержка оппонентов, экономическое давление, кибератаки [5].

Манипуляции с российскими природными ресурсами как элемент давления рассматриваются в анализе современной политической войны корпорации РЭНД, при этом политическая война задается как такая, которая действует в тени [6]. В случае Украины, например, часть игроков получала более дешевые нефть и газ, а другая часть – нет. Имея такую финансовую поддержку, можно удерживать телекомпании и сайты, которые будут проводить нужный вид политики, что особенно важно в период выборов. Здесь ЭКОНОМИКА кодируется в ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ, направленные на ПОЛИТИКУ.

Мы живем в мире, когда виртуальное выстраивает реальное. Это было и раньше, когда неизменные религия и идеология столетиями строили мир под себя. Сегодня эти процессы резко ускорились и облегчились, поскольку информационный компонент не просто получил способность достигать всего и всех, но и делает это достаточно дешево.

То, что религия или идеология делали раньше столетиями, сегодня можно достичь за недели. Вероятно, по этой причине репрессивный аппарат теперь не так нужен для внутреннего употребления, как раньше. Вместо него работают медиа, в первую очередь Интернет и телевидение. Они создают в массовом сознании те типы связей, которые в прошлом удерживались силовыми методами.

Мне встретилось интересное мнение М. Фишера: «На протяжении определенного времени наиболее успешной тактикой господствующего класса было перекалывание ответственности. Каждого индивида, принадлежащего к угнетенным классам, заставляют почувствовать, что бедность, отсутствие возможностей или отсутствие работы – это только их собственная вина. Люди начинают винить себя, а не социальные структуры, в отсутствие существования которых их так или иначе заставляют верить (существование этих структур – «оправдание для слабаков»). То, что Смейл называет «магическим волюнтаризмом» – представление о том, что человек может стать тем, кем он хочет, что это в его власти – являет собой господствующую идеологию и неофициальную религию современного капиталистического общества, которую продвигают «эксперты» в телешоу и бизнес-гуру в не меньшей степени, чем политики. Магический волюнтаризм является и следствием, и причиной слабо развитого классового сознания, свойственного текущему историческому моменту. Он является оборотной стороной депрессии, за которой стоит убежденность в том, что все мы несем уникальную ответственность за свое несчастье, и потому заслуживаем его. Жертвы застойной безработицы в Британии сейчас втянуты в особенно порочную дилемму: люди, которым всю жизнь говорили, что они ни на что не годятся, в то же время слышат, что они в состоянии сделать все, что хотят» [7].

Отвечая на вопрос интервью, как капитализм добился того, что его признали единственной реальной политико-экономической системой, Фишер говорит: «Одним из путей является форсированное ритуальное подчинение, когда нет другого доступного языка или концептуальной модели того, как мы понимаем мир, работу, общество, кроме бизнеса» [8]. Практически и постсоветское пространство все время строится на том, что акцентируется отсутствие альтернативы. Сначала перестройке не было альтернативы, а потом и всему, что последовало после нее.

Путина в России всегда подают как безальтернативного кандидата. Дальше всех пошел В. Володин, на момент произнесения этой исторической фразы бывший первым замглавы Администрации Президента, а сегодня – главой Госдумы. Он сказал: «Есть Путин – есть Россия, нет Путина – нет России» [9].

Фишер объясняет ситуацию с выстраиванием безальтернативности капитализма и с точки зрения экономического устройства общества, когда он замечает: «Высокое потребление проходит на один этап дальше, хотя и не на более тонкий: чем играть на боли и беспокойстве,

которые порождают наказание и дисциплина, индивид становится манипулируемым с помощью предоставления возможностей для неограниченного удовольствия. Что можно было бы назвать дерегулированием привыкания, баловством, которое имело место в последние годы и которое обращено непосредственно к самым основным телесным ощущениям удовольствия (порнографический секс, наркотики, искусственное усиление вкуса продуктов и т. д.). Это, конечно же, затрагивает интересы человека в развитии системы, которая в более длительный (экономический) срок приносит пользу лишь очень небольшой части населения» [10].

Это очень интересная и правильная идея, поскольку регулирование, выстроенное на силе и репрессиях, всегда внешнее, оно всегда порождает недовольных. А вот управление, выстроенное на порождении удовольствия, носит совершенно обратный характер – оно по своей модели порождает довольных. Это как две модели пропаганды у Ж. Эллюля. Одна – «вертикальная», встречающая сопротивление. Другая – «горизонтальная», воздействующая даже без слов, поскольку здесь работает то, что мы видим вокруг себя. Получается, что холодная война знаменовала победу «горизонтальной» пропаганды над «вертикальной», хотя, по сути, и та, и другая являются государственными.

Чтобы описать сложившуюся модель капитализма, Фишер по аналогии с социалистическим реализмом вводит понятие капиталистического реализма [11]. Кстати, он повторяет вслед за приписываемой то ли Ф. Джеймисону, то ли С. Жижеку фразу, что легче представить себе конец мира, чем конец капитализма. Он подчеркивает, что это означает одно – невозможно вообразить альтернативу капитализму.

Фишер считает, что окончательный проигрыш произошел в Британии, когда лейбористы приняли чужую игру, заплатив за это потерей власти [12]. Он имеет в виду, что бизнес-интересы стали организовывать и формировать всю жизнь.

Получается, что созданное еще в довоенное время на Западе общество потребления имеет под собой четкие политические цели. В устройстве СССР такой базой было понятие врага, которое позволяет всю историю иметь мобилизационную экономику и мобилизационную политику. Все позитивное откладывалось на будущее. А капитализм дает этот позитив сегодня, чем «цементирует» любые попытки альтернативы. СССР «цементирует» их светлым будущим для всего человечества как вариантом мягкой силы, а в качестве жесткой силы всю работу репрессивный аппарат и цензура.

Кстати, чем отличалась методология цветных революций Дж. Шарпа? Она с помощью внедрения модели ненасильственных действий разрушала «невидимую» стену страха, которая удерживала людей от любых протестных выступлений.

Не только Украина сформирована украинскими Майданами, но и вся политика Путина, поскольку он всегда видит и будет видеть во всем происки внешних врагов. Это естественная реакция человека, долго находящегося у власти, как, например, было у Сталина. Ему приходится читать много «негатива», поставляемого спецслужбами, которые всегда «играют» на страхах первого лица, являясь от него максимально зависимыми.

Вот мнение Г. Павловского о реакции Путина на последний Майдан: «Как вдруг – Майдан и бегство Януковича. Успех исчезает. Испаряется успех. А Путин привык считать себя любимцем успеха. Он испугался, конечно, не Майдана. Он же не верит в силу слабых, нет, там за кулисами должен быть кто-то сильный. Реальный враг силен, и Путин его знает» ([13], см. также [14–15]).

По этой причине возникают попытки разработки контрстратегии, даже сегодня. Станный набор академических институтов Новосибирска стал в 2015 г. работать над технологией предотвращения цветных революций. Все это институты, которые никогда не работали в сфере социальных наук. Это Институт цитологии и генетики СО РАН, Институт вычислительной математики и математической геофизики СО РАН, Институт физиологии СО РАН и Институт математики СО РАН.

Директор первого из них Н. Колчанов говорит, что началась разработка «технологии моделирования поведения людей», призванная противодействовать «западному влиянию на поведение граждан России». Влияние Запада «направлено на расшатывание устойчивости общества». «Возникла возможность управления общественным мнением. А если эта революция управляемая, то она называется «цветной революцией»... Есть технологии, позволяющие провести переполюсацию мнений от состояний «немыслимо» до состояний «так должно быть»... Для нашей страны... сейчас одной из самых важных задач является создание механизмов, которые позволили бы нам выйти из-под контроля тех, кто на нас оказывает это воздействие» [16].

Еще две цитаты из выступления директора института цитологии и генетики: «Сейчас исключительно высокие скорости движения информации. Каждый человек находится в мощном информационном потоке, в котором он должен выбирать свою позицию – что хорошо, а что плохо, что добро, а что зло. В этих условиях возникла возможность управления общественным мнением. Предположим, есть группа А – эти люди считают, что небо должно быть синим, и есть группа Б – те, кто думают, что хорошо, когда небо голубое, и есть группа нейтральных, тех, кто соглашается с А и Б одновременно. Людей с устойчивым мнением, которые будут в любых обстоятельствах отстаивать свою точку зрения, как правило, всего 3–4 %. Но если, например, в группе А эту подгруппу жестких носителей идеи искусственно «подкачать», увеличить ее до 10 %, то количество людей, имеющих мнение А, резко вырастет. Это и

есть то, что называется революцией мнения. Если эта революция управляемая, то она называется цветной революцией» [17–18].

И еще: «Современная цивилизация характеризуется несколькими базовыми особенностями, которых раньше не было. Например, концентрация огромной части населения в городах. Как следствие, высокая плотность контактов, межличностных взаимодействий и существенно более высокая скорость распространения информации благодаря интернету и телевидению. Для общества роль иммунной системы играет когнитивное окно. Когнитивное, то есть связанное с познанием, а «окно» в данном случае – это некоторые границы, круг понятий, которые в обществе остаются неизменными. И если человека пытаются убедить в том, что черное – это белое, то он просто блокирует эту информацию. По разным причинам – психоэмоциональным, семейным – у человека может произойти слом когнитивного окна. Снимается блокировка и информация о том, что черное – это белое, проникает в сознание. Есть технологии, позволяющие провести переполюсовку мнений от состояния «немыслимо» до состояния «так и должно быть», а взлом информационного поля на уровне стран приводит к тому, что принято называть «оранжевой революцией». Для нашей страны, да и для всего человечества, сейчас одной из самых важных задач является создание механизмов, которые позволили бы нам выйти из-под глобального контроля тех, кто на нас оказывает это воздействие».

Поднялся понятный скандал, ведь Новосибирск даже в советское время был очень свободололюбивым городом. Но на защиту поднялся зам. директора института генетики, заодно раскрыв, что на конференции присутствовали ученые Института теплофизики СО РАН, Института гидродинамики имени М. А. Лаврентьева СО РАН и Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН [19].

Предложенная модель ясна – довести количество «правильно» думающих до 10 %, а дальше, как давно отмечено, идея зашагает сама без поддержки. Теория распространения инноваций Роджерса говорит о 10–25 % [20–21]. Интересно, что у него появилась также теория превентивных инноваций [22]. Как превентивные инновации он рассматривает такие новые идеи, которые вводятся в одной временной точке, чтобы избежать последствий в другой последующей временной точке.

Но, по сути, порог в 10–25 % делают сегодня и без ботов, ведь телевидение как раз «накачивает» правильными шаблонами, получая в результате явно больше процентов. А российское телевидение остается основным источником информации для жителей [23]. Оно находится первым по уровню доверия, получив 59 % граждан. На втором месте интернет-издания с 20 %, на третьем – друзья и родные (12 %). Наиболее объективную информацию, по мнению опрошенных, телевидение дает о внешней политике (так считают 58 %), о внутренней

политике (27 %), о «жизни простых россиян и общества» (по 25 %). Как видим, разрыв между ТВ и Интернетом трехкратный.

Л. Гудков, возглавляющий Левада-центр, следующим образом объясняет эффективность российской пропаганды, то есть реально российского телевидения, поскольку других более мощных источников пропаганды нет: «Почему пропаганда так эффективна? Потому что она ничего не придумывает (на это она не способна), она говорит то, что люди хотят слышать, она использует те стереотипы массового сознания, которые уже давно существуют, а потому воспринимаются как само собой разумеющаяся реальность. Что наши люди знают (могут знать) о действительности американской жизни, о резонах американской политики? Очень мало или ничего. Американцам приписываются привычные и потому понятные мотивы действия наших государственных мужей – от членов брежневского Политбюро до Жириновского или Лаврова. На них проецируется вытесняемая оценка самих себя. Когда мы вот так спрашиваем, а как, по-вашему мнению, люди на Западе относятся к России? И большинство говорит: с презрением, нас не уважают, либо безразлично. А как в России относятся к Западу? До Крыма – большая часть говорила: с симпатией, интересом, с уважением. Сегодня: в лучшем случае – без особых чувств, спокойно, а чаще – враждебно, неприязненно. Другими словами, воображаемому Западу (виртуальным США, Европе) приписываются внутренние вытесняемые самооценки нас самих» [24].

Его сопоставление ТВ и Интернета в России таково: «За коммуникатором стоит авторитет канала, в том числе и авторитет власти. В сетях вы общаетесь, ну, если не с равным себе, то, во всяком случае, с подобными себе, за ними не стоит авторитет конструирующего реальность суверена, как за Первым каналом. Поэтому интернет выступает как дополнение к ТВ, а не как его конкурент, даже у молодежи. Когда я слышу, что молодежь не смотрит телевизор – это самоутешение. Они его смотрят меньше, чем пожилые люди, но не настолько меньше, как думают. 75–85 % пожилых смотрят преимущественно только ТВ, среди молодежи эти цифры снижаются до 60–65 %, но это все равно большинство. Да, пожилые меньше пользуются интернетом. Но это не значит, что молодежь не смотрит телевизор. И смотрит, и доверяет ящику больше, чем информации по сетям или интернет-порталам. Вообще в интернете политическая, социальная тематики привлекает очень небольшую часть, где-то 12–15 % пользователей».

Однако интернет не является таким четким управляющим массовым сознанием средством. Он вводит информацию, но не может реализовать в полной мере мобилизирующую функцию. Например, последняя армянская революция, как и все другие, потребовала серьезного организационного компонента, как это было и в Украине. «New York Times» пишет: «Армяне до 30 лет, известные как поколение независимости, поскольку большинство их было рождено до отделения

от Советского Союза в 1991, сформировали главную опору протестов. Внутри этой широкой группы работники технического сектора оказались наиболее эффективными в поддержке демонстраций. Они использовали приложения типа Телеграма для координации протестов. Они препятствовали движению, организовывая бесконечное движение пешеходов на уличных переходах, не контролируемых светофорами. Они давали деньги на простые вещи, такие как звуковая система и вода на площади Республики, центре протестов» [25].

Выше мы упоминали Фишера в контексте того, каким образом капитализм сделал себя безальтернативным вариантом. Однако о том же инструментарии говорил и А. Грамши, и даже «товарищ Жданов», создав из интеллигенции профессиональную группу людей, которые удерживают в массовом сознании нужную картину мира.

Фишер же постфактум стал читать психолога Д. Смейла, который приходит к тем же выводам: «По настоятельной просьбе одного из читателей моей книги «Капиталистический реализм» я стал изучать труды Дэвида Смейла. Смейл – психотерапевт, но вопрос власти занимает центральное место в его практике. Он подтвердил гипотезы о депрессии, к которым я осторожно двигался. В своей важнейшей работе «Истоки несчастья» Смейл пишет, что маркеры класса рассчитаны на то, чтобы от них невозможно было избавиться. Тому, кто с рождения приучен думать о себе как о человеке менее значительном, редко достаточно приобрести определенные квалификации или разбогатеть для того, чтобы избавиться от извечного ощущения собственной никчемности – существует ли оно в их собственной голове или в головах посторонних – ощущения, которым их жизнь отмечена с раннего возраста. Тот, кто выходит из социального круга, в котором ему «положено» находиться, всегда находится перед лицом опасности – головокружение, паника и ужас могут завладеть им» [7].

В своей книге Фишер пишет, что проблемой капитализма является сдерживание и поглощение внешней энергии. Это интересная проблема для любой страны. Кстати, это было проблемой, которая разрушила СССР в сознании граждан. С одной стороны, соцстраны все время давали свои примеры решения проблем, к которым СССР боялся прикоснуться. С другой – нам придется признать, что энергетика капитализма в результате «раздавила» СССР, поскольку советский человек начинал понимать, что «неправильный» капитализм работает лучше, чем «правильный» СССР.

Все это странно, но, с другой стороны, достаточно просто. По сути, СССР все время пытался компенсировать этот разрыв «бытового» уровня прорывами в других областях: в космосе и т. д. Свой выигрыш на одном уровне он пытался переложить на другой. И этот эмоциональный «прорыв» эксплуатируется по сегодняшний день Россией, когда отставание в одной точке блокируется прорывом в другой. К сожалению,

уровень жизни людей оказывается как раз тем, что затушевывается на фоне реальных или вымышленных побед.

Получается, что человек держится заранее проложенных «рельсов». Еще один психолог, С. Чахотин, попытался разобрать пропаганду, опираясь на учение Павлова, у которого в свое время работал. Его главная работа «Изнасилование масс» [26], появившаяся на свет еще в довоенное время.

Как пишет Д. Петров, который готовит целую книгу о Чахотине: «В ту пору пропагандисты шли наугад – искали пути к внедрению в массовое сознание рамок поведения и деятельности. И постепенно понимали: их цель – не распространение взглядов, аргументов и фактов ради создания общественного мнения о проблемах, людях, планах и т. п. (как порой считают и сейчас). Цель – дать людям общую картину мира. А после вставлять в нее любые образы – бойцов и вождей, врагов и друзей, предателей и патриотов, добро и зло, цели и преграды, казни и награды, беды и победы. А при нужде – менять. Говори, что хочешь: «мы в кольце, но мы – сильнее»; «в войне погибнет две трети человечества, но враг будет уничтожен» и т. п. Не важно, из какой эпохи образ. Важно, что аплодируют» ([27], см. также [28]).

Чахотин, поставив перед собой задачу создания объективной пропаганды, выделяет четыре основных инстинкта, которыми можно управлять с помощью условных рефлексов Павлова: борьбы, питания, размножения, материнства [26]. Чахотин как ученик Павлова был готов по максимуму объективизировать пропаганду и занимался этим, пытаясь противостоять нацизму. Кстати, он начинает свою книгу со слов, что насилие может быть не только физическим, но и психическим.

Он приводит пример немецкого гусиного шага, который пытались повторить итальянцы, но они имеют более живой характер, поэтому парад такого типа вызвал у итальянцев только смех. Такое же механическое использование военных у Гитлера стало элементом пропаганды, символом страха для окружающих.

Чахотин строит условную пирамиду, чтобы показать место символа. В широком основании пирамиды лежит Доктрина, за ней следует Программа, дальше Слоган. И завершает эту пирамиду на самой вершине Символ. Символ легко передает активную идею движения, которое представляет. Фашистский итальянский символ – прутья – передает идею наказания заслушание, насилие в руках правых сил.

Сам Чахотин создал символ для социалистов Германии – три параллельные стрелы, поражающие врагов. Его легко мог нарисовать мелом даже ребенок. Чем символ проще, тем лучше. На первое место в этом плане он ставит христианский крест, на второе – свои три стрелы, на третье – свастику. Три стрелы и свастика использовались в политической борьбе на улицах Германии в 1932 г. (см. о Чахотине еще [29–30]).

Давайте теперь согласимся с тем, что существует набор разрешенного поведения и набор поведения запрещенного. Религия, идеология, общество и государство в разные периоды и с разной силой удерживают те или иные типы поведения как правильные или неправильные.

Стабильность этой границы между плохим и хорошим не может быть нерушимой, например, что было запрещенным в советское время, стало разрешенным в постсоветское. То есть перестройка поменяла эти правила, что привело, к примеру, диссидентов в парламент. Это же делают и цветные революции, за что их не любит ни одна власть.

Менять правила можно за счет разного рода давления государства и общества на индивидуальное и массовое сознание: политическое, информационное и виртуальное. В последнем случае на экране появляются герои, тип поведения которых не особенно поощряется. Например, после появления фильма «Интердевочка» произошло следующее изменение в массовом сознании: «Фильм внес свой вклад в мифологизирование профессии валютной проститутки. Как показывали социологические опросы среди советских школьников в 1989 году, профессия валютной проститутки входила в десятку самых престижных, 35–40 % московских школьниц на протяжении нескольких лет после просмотра фильма «Интердевочка» упорно мечтали стать путанами» [31]. А фильмы «Бригада» и «Бандитский Петербург» привели в результате к мифологизации преступности [32–34]. После «Бригады», как говорили полицейские, произошел всплеск подростковой преступности, причем подростки собирались в настоящие банды, а не действовали поодиночке.

Кстати, и первое избрание Путина также связано с киномифологизацией КГБ, которая была сделана Андроповым, активно поддержавшим сериал «Семнадцать мгновений весны». И на следующем витке истории виртуальный герой Штирлиц помогает избрать реального президента. Об этом переходе во многих своих интервью рассказывает Г. Павловский, который занимался операцией «Преимник» [35–37]. В опросе, который производил в мае 1999 года Ромир и ВЦИОМ, был вопрос: «За какого персонажа фильма вы бы проголосовали на ближайших президентских выборах?». Там можно было давать несколько вариантов ответа. Три персонажа вышли вперед: Юрий Жуков, который часто изображался в кино, Глеб Жеглов из сериала «Место встречи изменить нельзя», и на третьем месте оказался Штирлиц из популярного сериала «Семнадцать мгновений весны».

Команда «Преимника» в этот момент тоже искала кандидата из числа силовиков, поскольку страна разваливалась, и нужен был новый типаж, способный в глазах избирателей остановить этот развал.

Г. Павловский говорит: «Ельцин сильно переживал катастрофу Беловежских соглашений. Без этого, думаю, он бы не пошел на выдвижение в главы государства человека из КГБ. Здесь есть что-то

личное. Что-то советское вдруг откликнулось в нем, как потом откликнется на самого Путина избиратель 1999 года. Замечу: Путин – безусловно, радикально личное решение Ельцина. Советчиков теперь много, все настаивают на авторстве наперебой. Но кто бы что ему ни советовал, про Путина Ельцин решил сам. Ельцин вообще был сценарист власти, это у него общее со Сталиным. Однако Ельцин своих актеров не убивал, а просто их увольнял. Думаю, если бы Примаков не пошел на союз с Лужковым, он тоже мог стать преемником. Примаков породил всплеск массовых ожиданий, и этим многое подсказал для кампании Путина. Стало ясно, где массовый нерв, каковы запросы. Нужен был тот, кто отыграет Чечню обратно, поскольку без этого Россия не верила в свое существование. Когда в 99-м году проводили социологическое исследование, кого из киногероев хотят в президенты, в первую тройку популярности попали Штирлиц с Жегловым. Была даже шуточная обложка «Коммерсанта-Власть» со Штирлицем: «Президент-2000» [38].

Мы видим, глядя из сегодняшнего дня, как виртуальная интервенция, произведенная Андроповым, кстати, превентивная в терминологии Роджерса, через десятилетия принесла результат. Избирательную кампанию Путина уже подгоняли под образ Штирлица, который находился в массовом сознании. Разведчик, ГДР и подобное. Кстати, Г. Павловский считает, что Ельцину Путина порекомендовал первым М. Лесин, то есть также еще один создатель виртуальностей.

Есть такой же интересный американский пример. Дж. Байден, в свою бытность вице-президентом, поблагодарил создателей сериала «Will and Grace» за то, что они больше сделали для снятия стигматизованности с ЛГБТ-сообщества, чем американское государство [39–42]. Тут следует также напомнить, что сериал выходил еще в 1998 г., когда такие разговоры вообще были невозможны.

Определенное несоответствие существует в отображении на экране женщин в фильмах, телесериалах и рекламе [43–46]. Для проверки этого даже создана компьютерная программа, делающая эту оценку на уровне сценария [47]. Причем есть уже не одна такая программа.

Стереотипы в показе на экране старшего поколения не учитывают, что они давно уже пользуются и интернетом, и YouTube [48]. При этом врачи жалуются на неадекватное отображение болезней стариков. Женщины старшего возраста уже не нужны на экране. Как пишет газета «*Guardian*»: «В наборе из 12 кинорелизов этого месяца есть 9 ведущих актрис в возрасте от 19 до 30, но только в трех фильмах героиням больше 40. Их мужчины-партнеры не связаны этой формулой. Почему наши экранные герои среднего возраста не в состоянии рассматривать отношения с женщиной их собственного возраста» [49].

Особая тема – отображение расовых стереотипов [50–51]. Тут даже родители детей жалуются, что не могут найти себе детскую книгу с

ребенком-афроамериканцем. Книжная индустрия обходится без таких героев [52–53]. По статистике, из 3200 детских книг, опубликованных в 2013 г. у, афроамериканские дети были только в 93 [54]. Правда, в 2017-м они уже были в 340 книгах из 3700 напечатанных.

Все это два вида попыток. С одной стороны, виртуальный мир влияет на реальный, подчиняя его себе. С другой – реальный мир требует адекватного отражения в мире реальном. Это уже сложнее, поскольку бандитский сериал, по определению, всегда будет зрелищнее сериала о жизни пенсионеров.

Виртуальный мир, выстраиваемый в разрыве с миром реальным, с неизбежностью придет к краху. Мы это все увидели на примере Советского Союза, когда сильная пропаганда не смогла удержать на плаву не менее сильное государство. Реальность победила и государство, и пропаганду.

Сегодня в такой же отрыв от реальности смещается Россия, пользуясь советской институциональной памятью, в рамках которой считалось, что население можно убедить во всем. Но тогда жестко удерживалась монологичность разговора с населением. Сегодня этого добиться сложнее, но удастся, пока российское население отдает предпочтение телевидению как основному источнику информации. Это та же монологичность, хотя и достигнутая путем победы над интернетом.

С. Тарошина справедливо замечает: «Интересно наблюдать за делящимися годами процессом самообмана. Соловьев почти не врет, когда утверждает, что в своих передачах говорит только правду. Соловьев верит, что говорит правду – так, как он ее сегодня понимает. А иначе в империи симулякров невозможно решать глобальную задачу воспроизводства власти для поддержания самой власти. Они пока еще не научились в прямом эфире претворять воду в вино, но считать себя единственными носителями истины научились» [55].

При этом следует сказать, что подобного рода тенденции уже фиксировались в прошлом. Автор исследования «Упадок правды» Дж. Каванаг видит опасность этого в следующем: «Политика не может нормально функционировать, когда дебаты не базируются на разделяемых фактах. В случае правительства это может вести к отложенным решениям, ушедшим экономическим инвестициям и меньшему дипломатическому доверию. И мы видим проявления этого сегодня» [56].

В целом это приоритет мнения над фактами. Для США это были времена желтой журналистики 1880-1990-х, таблоидной журналистики и радио 1920-1930-х, субъективной новой журналистики, возникшей во времена вьетнамской войны. Новую журналистику, а она в основном печаталась в журналах (см. о ней [57]), основал Том Вулф, умерший в мае 2018. Он писал об этом подходе, что это «написание нонфикшн от газетной статьи до книги, используя сбор информации для собирания материала, но с

помощью техник, связанных с художественной литературой, конструирование ситуаций, рассказывание и т. д.» [58]. Вулф добавлял: «В нонфикшн я объединяю оба свои пристрастия: журналистику и социологические понятия [...], особенно теорию статуса, впервые предложенную немецким социологом Максом Вебером».

Наверное, надо выделить и предыдущий период, существовавший до журналистики. Условно обозначим его как период путешественника, приносившего в селение новые рассказы о мире. Это были единственно возможные рассказы, поэтому здесь существовали любые искажения типа кентавров. Это были неопровержимые сообщения, поскольку они полностью зависели от рассказчика. Если он говорил, что это правда, то всем остальным приходилось с этим соглашаться, поскольку сообщения были уникальными, никто не мог их опровергнуть. К тому же они были непериодическими, поэтому проверка не могла прийти и от сопоставления разных фактов об одном объекте.

Приход газет сделал порождение сообщений периодическим и неуникальным, поскольку они могли встретиться в какой-то другой газете, и каждое сообщение могло иметь продолжение. Слухи и тогда имели цену, и первые газетные листки наполнялись слухами, которые собирались по базарам и площадям специальными людьми.

В исследовании «Упадок правды» выделяются четыре основные причины появления победы мнения над фактом сегодня: когнитивные искажения, изменения в информационной системе (появление соцмедиа и 24-часового новостного цикла), отставание образовательной системы от изменений в информационной, политическая, социодемографическая и экономическая поляризация [59].

Авторы выделяют четыре тренда:

- растущее несовпадение между фактами и аналитическими интерпретациями фактов и информации;
- стирание границ между мнением и фактом;
- относительное увеличение объема и результирующего влияния мнения и личного опыта над фактом;
- падающее доверие к ранее авторитетным источникам фактической информации.

Почему мнение вдруг стало сильнее факта? Мы также готовы предложить свое видение этой ситуации победы мнения над фактом, выделяя четыре типа объяснений.

Одной из причин этого может быть то, что мнение всегда ближе личному и массовому сознанию, чем факт. Факт может раздражать своим несоответствием, зато мнение точно отражает то, что на данный момент считает правильным сознание.

Еще одной из причин роста роли мнения, как нам кажется, является то, что мы имеем сегодня очень поляризованные общества, где каждый считает свое мнение правильным и не допускает, что правильным может быть чье-то чужое мнение. Сегодня странным образом мы не хотим соглашаться с другим мнением, настаивая исключительно на своей правоте. Мы не умеем спорить, а можем только обвинять или хвалить.

Косвенным свидетельством этого является практическое исчезновение авторитетов, говоря современными словами – публичных интеллектуалов. Лев Толстой практически невозможен в наше время, его бы никто не стал слушать. В президенты готовы идти актеры и певцы, но они не понимают, что к ним есть внимание, но за ними нет авторитета в политической сфере. Они хотят «перекодировать» свой авторитет актера, но это очень затруднительно. Пример Рейгана не показателен, поскольку до президентства он поработал губернатором. Все это эксплуатация феномена внимания как ресурса.

Еще одной причиной является исчезновение прошлых «жестких» матриц, в рамках которых жил и мыслил человек. Сегодня даже религия перестала быть таким механизмом, задающим интерпретации правильного и неправильного поведения и мышления.

Суммируем еще раз эти четыре причины:

- мнение ближе индивидуальному и массовому сознанию, чем факт, поскольку оно зависит от него, а факт – нет;
- общества стали более поляризованными, где каждый считает только свое мнение единственно правильным, то есть существует мое мнение и неправильное, нет желания и умения спорить;
- исчезновение публичных интеллектуалов, к голосу которых прислушивались раньше;
- исчезновение жестких матриц мышления и поведения, вызванное размыванием роли религий и идеологий.

При этом мы постоянно акцентируем появление экономики внимания, но ведь одновременно действует и политика переключения внимания, позволяющая властям закрывать от общества негативы за счет усиленной трансляции рассказов о каком-то другом событии с более сильной эмоциональностью и с меньшими потерями для власти.

Сегодняшний мир стал еще сложнее, чем мир прошлого. Отсюда появление фейков и других отклонений от мира реальности. Поэтому возникает потребность в развитии медиаграмотности как инструментария, отделяющего правду от лжи.

Еще одним примером такого инструментария является опыт консервативных евангелистов, которые хотят сами докапываться до сути. Анализ их подхода лежит в следующем: «Библейское понимание далеко уходит от текстуального перевода Библии, конституции, президентских речей или освещения мейнстримными медиа. Оно

коренится в идее, что для нахождения истины надо покопаться, надо, говоря словами моих респондентов, “провести свое собственное исследование”» [60].

При этом автор анализа критикует Гугл как способ поиска истинного положения вещей, поскольку Гугл подтверждает представления, уже существующие у людей. Информация подается с учетом того, какие слова были использованы в запросе.

Или такое высказывание: «Я встречала сотни консервативных евангелистов, применяющих тот же критерий, который они используют для Библии, возможно, постмодерный способ распаковки текста, к медиа мейнстрима – отдавая предпочтение своему исследованию проблемы, а не вере авторитету медиа» [61].

Политика занята совмещением интересов разных групп населения. Это всегда конфликтная ситуация, где все уступки носят вынужденный характер, и победа приходит, к сожалению, не к тому, кто разумнее, а к тому, кто сильнее.

М. Хазин подчеркивает, например, что «власть – это система взаимодействия малых организованных групп, властных группировок, которые, соответственно, за эту власть борются» [62]. И еще: «Властные группировки борются за власть, и решение конкретных хозяйственных задач для них – вопрос второстепенный». Возразить на это можно то, что решение хозяйственных задач также может быть встроено как элемент в борьбу за власть.

Мир находится в сложной ситуации, где фейки и постправда заняли неподобающее им место. М. Маринович даже заговорил о Третьей мировой войне, где оружием стала не ядерная, а фейковая бомба [63]. Сегодня все страны от Востока до Запада включились в борьбу с противником, которого до этого просто не замечали (см., например, [64–65]). Трудно побеждать в войне, основные действия и параметры которой остаются не до конца известными. Тем более каждый новый технологический шаг готов подбросить в этот набор новый параметр типа входящегося в наш мир семимильными шагами искусственного интеллекта.

Литература

1. Suri J. Power and protest. Global revolution and the rise of detente. – Cambridge etc., 2003.
2. Кордонский С. Промысел и бунт // zen.yandex.ru/media/id/5a783d2648c85ea02f62cc7e/promysel-i-bunt-5aaa2184a8673145f483cacd.
3. Kim T. a. o. Why Am I Seeing This Ad? The Effect of Ad Transparency on Ad Effectiveness //

www.hbs.edu/faculty/Publication%20Files/KimBaraszJohn18_be5ba706-b8c3-4ac4-bb48-3cc462bb0e08.pdf.

4. Biddle S. You can't handle the truth about Facebook ads, new Harvard study shows // theintercept.com/2018/05/09/facebook-ads-tracking-algorithm/.

5. Gompertz D. C. a. o. The power to coerce. Countering adversaries without going to war. – Santa Monica, 2016.

6. Robinson L. a. o. Modern Political Warfare. Current Practices and Possible Responses. – Santa Monica, 2018.

7. Фишер М. Никчемный человек // openleft.ru/?p=8911.

8. Capitalist realism. An interview with Mark Fisher // archive.org/stream/CapitalistRealismAnInterviewWithMarkFisher_736/Mark_Fisher_Capitalist_Realism_Interview_djvu.txt.

9. Володин: «Есть Путин – есть Россия, нет Путина – нет России» // www.mk.ru/politics/2014/10/23/volodin-est-putin-est-rossiya-net-putina-net-rossii.html.

10. Fisher M. Power, responsibility and freedom // the-eye.eu/public/WorldTracker.org/Sociology/David%20Smail%20-%20Power%2C%20Responsibility%20and%20Freedom%20-%20Internet%20Publication%20%282005%29.pdf.

11. Fisher M. Capitalist realism. Is there no alternative? – Winchester, 2009.

12. Fisher M. The privatisation of stress // www.newleftproject.org/index.php/site/article_comments/the_privatisation_of_stress.

13. Давыдов И. «Все, что в мире происходит, осмысляется как спецоперация врага». Глеб Павловский об эволюции Владимира Путина // newtimes.ru/articles/detail/160874.

14. Путин был готов остановить «оранжевую революцию» силой // www.bbc.com/russian/international/2012/01/120126_putin_russia_west_part_t wo.

15. Глеб Павловский: Путин заигрался в украинского контрреволюционера в ущерб собственной стране // www.0564.ua/news/504873.

16. Словецкий В. Прививка от «цветных революций» // newizv.ru/news/society/17-07-2015/224005-privivka-ot-cvetnyh-revoljucij.

17. Новосибирские генетики ищут противоядие от «цветных революций» // regnum.ru/news/1939714.html.

18. Сердцев Д. Противоядие от оранжевых революций разрабатывают в Академгородке // nsknews.info/materials/protivoyadie-ot-oranzhevykh-revoljutsiy-razrabatyvayut-v-akademgorodke-152458/.

19. Лаврюшев С. Хамская атака // academcity.org/content/hamskaya-ataka.

20. Rogers E. M. Diffusion of innovation. – New York – London, 1983.
21. K4Health Theory Primer: Diffusion of Innovations // www.k4health.org/sites/default/files/theory-brief-final.pdf.
22. Rogers E. M. Diffusion of preventive innovations // www.sietmanagement.fr/wp-content/uploads/2017/05/Rogers2002.pdf.
23. Телевидение остается основным источником новостей // www.levada.ru/2016/08/12/televidenie-ostaetsya-tem-istochnikom-novostej/.
24. Гудков Л. Россияне чувствуют, что входят в Третью мировую // www.levada.ru/2018/04/16/rossiyane-chuvstvuyut-cto-vhodyat-v-tretyu-mirovuyu/.
25. MacFarquhar N. Behind Armenia's Revolt, Young Shock Troops From the Tech Sector // www.nytimes.com/2018/05/19/world/europe/armenia-revolt-tech-sector.html?hp&action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-heading&module=second-column-region&ion=top-news&WT.nav=top-news.
26. Chakotin S. The rape of the masses. The psychology of the totalitarian political propaganda. – London, 1940.
27. Петров Д. Изнасилование масс. История «красного Геббельса» // www.novayagazeta.ru/articles/2014/04/10/59140-iznasilovanie-mass-istoriya-171-krasnogo-gebbelsa-187.
28. Петров Д. «Подчинять сознание»: как нацисты взяли власть // www.gazeta.ru/comments/2018/04/27_a_11732143.shtml.
29. Глушик Е. Оружие диктатуры // zavtra.ru/blogs/oruzhie-diktaturyi.
30. Посудин Ю. Сергей Чахотин. Научная и общественная деятельность. – Киев, 2015.
31. Интердевочка (фильм) <http://www.cultin.ru/films-interdevochka-film-p4>.
32. Володихин А. Посмотрев сериал «Бригада», подростки пошли в банды, а после «Глухаря» – в полицию // www.kp.ru/daily/25813/2792319/.
33. «Бригада» – это преступление перед Россией, в котором я участвовал // pikabu.ru/story/quotbrigadaquot__yeto_prestuplenie_pered_rossiey_v_kotorem_ya_uchastvovalquot_c_pavel_maykov_5705599.
34. Раззаков Ф. За кулисами «бандитского» кино // www.sovross.ru/articles/690/11261.
35. Проект «Путин» глазами Глеба Павловского: «В воздухе запахло погонами» // www.mk.ru/politics/2017/11/23/proekt-putin-glazami-ego-razrabotchika-v-vozdukhe-zapakhlo-pogonami.html.
36. Вайль П. Штирлиц // www.svoboda.org/a/24204527.html.
37. Простаков С. Александр Дугин и приход Путина к власти // openrussia.org/notes/709677/.

38. Глеб Павловский рассказал о себе // www.online812.ru/2011/07/14/006/.
39. Vary A. B. Joe Biden on gay marriage: «Will and Grace» helped educate America // ew.com/article/2012/05/06/joe-biden-will-and-grace-gay-marriage/.
40. Wagmeister E. How «Will&Grace's» Relatable Vibe Helped Audiences Accept Gay Characters // variety.com/2015/tv/news/will-grace-gay-characters-lgbt-1201530893/.
41. Nakamura R. How «Will&Grace» Had a Real-Life Political Impact on Marriage Equality // www.thewrap.com/will-grace-real-life-political-impact-marriage-equality/.
42. Weiner R. Biden: Jewish leaders helped gay marriage succeed // www.washingtonpost.com/news/post-politics/wp/2013/05/22/biden-jewish-leaders-helped-gay-marriage-succeed/?utm_term=.097e17941e60.
43. The Reel Truth: Women Aren't Seen or Heard. An Automated Analysis of Gender Representation in Popular Films // seejane.org/research-informs-empowers/data/.
44. The Reel Truth: Women Aren't Seen or Heard. An Automated Analysis of Gender Representation in Popular Films // seejane.org/wp-content/uploads/gdiq-reel-truth-women-arent-seen-or-heard-automated-analysis.pdf.
45. Lauzen M. M. Boxed In 2016-17: Women On Screen and Behind the Scenes in Television // womenintvfilm.sdsu.edu/wp-content/uploads/2017/09/2016-17_Boxed_In_Report.pdf.
46. The Geena Davis Institute on Gender in Media and J. Walter Thompson present revealing findings about women's representation in advertising at Cannes Lions // seejane.org/gender-in-media-news-release/geena-davis-institute-gender-media-j-walter-thompson-present-revealing-findings-womens-representation-advertising-cannes-lions/.
47. Ryzik M. Is your script gender balanced? Try this test // www.nytimes.com/2018/05/11/movies/is-your-script-gender-balanced-try-this-test.html?module=WatchingPortal@ion=c-column-middle-span-region&pgType=Homepage&action=click&mediald=thumb_square&state=standard&contentPlacement=11&version=internal&contentCollection=www.nytimes.com&contentId=https%3A%2F%2Fwww.nytimes.com%2F2018%2F05%2F11%2Fmovies%2Fis-your-script-gender-balanced-try-this-test.html&eventName=Watching-article-click.
48. Saffron A. We're tired of these stereotypes of older people in the media // www.telegraph.co.uk/goodlife/living/were-tired-of-these-stereotypes-of-older-people-in-the-media/.
49. Clark N. Middle-aged women are invisible on screen. I'm taking on this ageism // www.theguardian.com/commentisfree/2018/may/18/middle-aged-women-invisible-on-screen-campaign-acting-casting.

50. Harwell D. The staggering numbers that prove Hollywood has a serious race problem // www.washingtonpost.com/news/the-switch/wp/2016/02/23/its-too-loud-and-other-reasons-oscar-voters-ignore-black-movies/?utm_term=.1faf5cd2a700.
51. Horton Y. a. o. Portrayal of Minorities in the Film, Media and Entertainment Industries // web.stanford.edu/class/e297c/poverty_prejudice/mediarace/portrayal.htm.
52. Farley C. Children's Fantasy Fiction Needs More Characters of Color // www.theroot.com/children-s-fantasy-fiction-needs-more-characters-of-col-1790875375.
53. Myers W. D. Where Are the People of Color in Children's Books? // www.nytimes.com/2014/03/16/opinion/sunday/where-are-the-people-of-color-in-childrens-books.html.
54. Publishing Statistics on Children's Books about People of Color and First/Native Nations and by People of Color and First/Native Nations Authors and Illustrators // ccbc.education.wisc.edu/books/pcstats.asp.
55. Тароцина С. Танк наехал на человека. Как телевидение готовится к прорывному развитию // www.novayagazeta.ru/articles/2018/05/16/76477-tank-naehal-na-cheloveka.
56. How to increase immunity to truth decay // www.rand.org/blog/articles/2018/05/how-to-increase-immunity-to-truth-decay.html.
57. New Journalism // en.wikipedia.org/wiki/New_Journalism.
58. Carmody D. a. o. Tom Wolfe, 88, «New Journalist» With Electric Style and Acid Pen, Dies // www.nytimes.com/2018/05/15/obituaries/tom-wolfe-pyrotechnic-nonfiction-writer-and-novelist-dies-at-88.html?hpw&rref=books&action=click&pgtype=Homepage&module=well-region@ion=bottom-well&WT.nav=bottom-well.
59. Kavanagh J. a. o. Truth Decay. An Initial Exploration of the Diminishing Role of Facts and Analysis in American Public Life. – Santa Monica, 2018.
60. Tripodi F. Searching for alternative facts. Analyzing Scriptural Inference in Conservative News Practices // datasociety.net/wp-content/uploads/2018/05/Data_Society_Searching-for-Alternative-Facts.pdf.
61. Alternative Facts, Alternative Truths // medium.com/@ftripodi.
62. Хазин М. Как все устроено, или Притча о вреде избыточного романтизма // izborsk-club.ru/15260.
63. Маринович М. Обличчя Третьої світової війни // zbruc.eu/node/79928.
64. Marwick A. a. o. Media manipulation and disinformation online // datasociety.net/pubs/oh/DataAndSociety_MediaManipulationAndDisinformationOnline.pdf.

2. Домашние войны во время мира: организация жизни как цель внутреннего информационно-виртуального воздействия

Мир вокруг нас не является таким системным и однородным, как это нам всегда представляется. Он полон отклонений и вариантов, которые многочисленные институты государства и общества пытаются приглушить, изменить, запретить, возвращая всех в единое движение. Протесты редко приходят к победам, они, скорее, представляют собой эмоциональные взрывы, которые с большой долей вероятности затихают. Ведь против них работают мощные организационные структуры государства или общества, которых нет у протестов.

Правда, А. Михник справедливо заметил: «Протесты не обязательно должны заканчиваться успехом. Важно, что появилась достаточно широкая среда, как правило, молодых людей, у которых есть опыт участия в подобных протестах. Придет момент, когда это станет бесценным капиталом» [1]. То есть речь идет о создании иной азбуки поведения, чем та, которая навязана населению правящим классом.

Все это модель изменения поведения больших массивов людей. Она может реализоваться для страны или группы стран, когда, например, 1968 г. стал таким открытием нового языка поведения, прокатившись по многим странам: от Парижа до Праги. Это может быть также воздействием в конкретных сферах (политика, экономика, сфера здоровья и т. д.).

Либеральная модель экономики, царящая сегодня, была не всегда, она тоже пришла в борьбе с моделью государственного капитализма. И в результате победила либеральная модель, которую исповедовали Р. Рейган и М. Тэтчер. Однако сегодня возникло мнение, что госкапитализм китайский развивается лучше либерального американского, поскольку ему удастся решать многие проблемы быстрее [2]. Китай задерживает свое демократическое развитие, вероятно, видя свои будущие цели несколько в ином контексте.

Либеральная модель возникает в результате жесткого давления на массовое сознание, которое было организовано с подачи будущего лауреата Нобелевской премии Ф. Хайека, получившего в результате также и свой приз – лауреатство.

Хайек работал по следующему способу продвижения либеральной модели. Он предложил Э. Фишеру создать серию think tank'ов, с

помощью которых можно обработать публичных интеллектуалов, являющихся любителями чужих идей, а они уже в свою очередь будут говорить с населением [3–6]. И Фишер за свою жизнь создал не один и не два, а несколько сотен think tank'ов. Практически перед нами способ, о котором мы уже несколько раз писали. Так проблему воздействия на население видел Грамши с его теорией гегемонии, которая была реализована западными странами, так работал Советский Союз со своим населением, контролируя создание любой виртуальной продукции, предложив для этого свою модель видения мира – социалистический реализм. Человек видит вокруг то, что выписано в его модели мира, все остальное пробивается в его мозги с трудом. И модель мира входит не только с помощью репрессий, а и вполне естественным путем.

Об истории вхождения либерального капитализма мы много раз уже писали. По сути, главным здесь является использование в качестве рупора уже проверенных средств воздействия, контент для которых и поставляли think tank'и своими подтверждающими научными исследованиями. Кстати, Хайек отговорил Фишера от попытки политического воздействия с помощью выборов, поскольку выборы реагируют на уже царящее мнение, а не формируют его.

Вот его аргументация: «Если Фишер хочет изменить мир, он должен вместо этого создать think tank, рассматривающий проблему капиталистического свободного рынка без страха или благосклонности. Он должен производить научные исследования, которые были бы доступны и убедительны. Ему нужно было привлечь и нанять так называемых продавцов подержанных товаров в идеях – учителей, журналистов, ученых, политиков, которые смогут распространять эти идеи для широкой аудитории. Ему не следует руководствоваться тем, что является политически приемлемым на данный момент. Вместо этого надо сфокусироваться на полном изменении параметров экономических дискуссий, что является политически возможным или невозможным через более длительный период» [7].

Если вслушаться в эти слова, то можно понять, что, по сути, эта же модель лежит в основе, к примеру, цветных революций, которые также являются попыткой смены границ разрешенного/неразрешенного поведения. Они строятся на разрушении базового правила – безусловного подчинения граждан, на котором зиждется любая власть. И Дж. Шарп своими методами как раз разрушал эту безусловность, вводя несколько сотен методов ненасильственного сопротивления власти.

Директор одного из таких институтов, созданных Фишером, Дж. Бланделл как раз рассказывает о том, как вести эти войны идей ([8], см. также [9-10]). Вот названия некоторых разделов из его книги: «Как повести за собой нацию», «Ведение войны идей: почему здесь нет короткого пути», «Хайек и продавцы подержанных товаров в идеях»,

«Сила идей» и т. д. Этот подход особо актуален и сегодня, когда происходит как повтор холодной войны, так и повтор именно войны идей.

Об идеологах think tank'ов говорят следующее: «поскольку они не являются членами правящего класса (у них нет в собственности или в управлении средств производства), им следует действовать в их [правящего класса – Г. П.] интересах. Они не могут, как бы им ни хотелось думать, действовать как индивиды, поскольку в условиях выбора они в сильной степени зависят от поддержки бизнеса для своего выживания» [11].

Весь мир построен с помощью самых разных операций влияния, которые исследователи видят как развертывание ресурсов для когнитивных целей, способствующих или изменяющих поведение целевой аудитории [12]. Вопрос, видимо, только в охвате аудитории. И в данном случае с либеральной экономикой аудиторией становится весь мир.

Вероятно, по этой же причине привычный путь «газета + политика» показался Хайеку больше тактическим, а не стратегическим, поскольку не позволял ввести существенные изменения. Именно поэтому его система начинает процесс влияния как бы на шаг раньше, условно говоря, не на уровне созревших плодов, а на уровне корней высаживаемых деревьев. Тогда в результате не отдельные личности, а абсолютно все становятся адептами новой теории или нового поведения.

Сегодня есть попытки вычислить уровень глобального влияния страны в мире [13]. Здесь оказались сильными только 10 государств, на которые приходится почти половина силы влияния в мире. Результаты 2016 года таковы: США – 11,2 %, Германия – 8,6 %, Франция – 6,9 %, Китай – 6,0 %, Италия – 4,9 %, Великобритания – 4,5 %, Голландия – 4,2 %, Россия – 4,0 %, Испания – 3,4 %, Бельгия – 2,4 %. Если мы посмотрим на такой же индекс в 1963 г., то список первых пяти стран будет такой: США – 25,1 %, Великобритания – 15,0 %, Франция – 12,3 %, СССР – 5,8 %, Западная Германия – 5,7 %.

Как видим, самые большие потери влияния получила Великобритания, сместившись со второго места на шестое. В списке появился Китай, будущий рост влияния которого также вполне предсказуем.

Бизнес как открыто, так и скрыто формирует привычки и предпочтения населения, которые были бы интересны в первую очередь для бизнеса. Именно производители товаров придумали рекламу и паблик рилейшнз, чтобы продолжить управляемую производственную цепочку до каждой квартиры.

Но существенной разницей еще является то, что Хайек вводил новое понимание/поведение, а табачная и другие индустрии защищают старое. И они используют модель управления наукой, чтобы уничтожить опасные для их бизнеса факты.

Управляя научными результатами путем их финансирования, табачная и другие индустрии затем делают следующий шаг: они популяризируют нужные им результаты и подвергают сомнению ненужные. Они знают, как воздействовать на население, опираясь на те психографические модели, которые используют в микротаргетинге, когда «ведут» нужного кандидата или вмешиваются в выборы, как это было в случае российских интервенций в американские выборы.

Большая часть аргументов вертится вокруг проблемы здоровья, поскольку именно это в первую очередь волнует людей и в случае воздействия как табачного дыма, так и в случае воздействия сладких газированных напитков. Сахар, например, их усилиями выведен из списка опасных веществ, ведущих к ожирению, поскольку дискуссию увели в сторону физических упражнений.

Обобщая, можно сказать, что наука все время занималась тем, каким способом происходит представление мира, но на самом деле более актуальной задачей является то, каким образом происходит управление миром. В результате порождается тот тип информации, который удерживает сложившийся статус-кво. Условным ударом по массовому сознанию становятся специально подобранные научные исследования, поскольку люди им доверяют.

Табачная индустрия, например, в определенной степени пользуется той же моделью, которая была при продвижении либерального капитализма. В ней две составляющие:

- поддержка и распространение независимых исследований, которые поддерживают позицию табачной индустрии,
- финансирование дополнительных исследований, но с выборочной их публикацией [14–17].

Перед нами та же модель медиа-манипуляций, которая в норме осуждается, когда речь идет, например, о политике. Ее особенностью является опора на избирательно представленную науку, результаты которой совпадают с интересами табачных компаний. И, как видим, наука становится инструментом обмана или, в крайнем случае, сомнений в истинном положении вещей.

Как говорит один из авторов книги: «Сомнение – наш продукт, – говорится в печально известном меморандуме, написанном одним из руководителей индустрии в 1969, – поскольку это лучший способ борьбы с набором фактов, который существует в головах населения [...] Табачная индустрия сознательно поставила перед собой задачу борьбы с научными доказательствами путем производства сомнений».

Эта модель по производству сомнений работает во множестве областей, самой яркой из которых являются, например, грядущие климатические изменения. В этом случае речь даже не идет о коррупции, а о том, что Сорос назвал «фундаментализмом свободного рынка», то есть нельзя

вводить никаких ограничений, рынок сделает это сам, если это понадобится. Это такая вера в магию рынка, пришедшая в восьмидесятые с Тэтчер и Рейганом. Такой рынок напрямую связали с демократией. И снова можно говорить о магии демократии, хотя постсоветское пространство не пошло столь правильно, не получив в результате ни современной экономики, ни современной демократии.

Иногда человечество пользуется неуправляемыми процессами, которые приводят к важным результатам, правда, через десятилетия и столетия. Можно привести такие два примера:

– «Из-за меркантилистского подхода, свойственного экономистам XVIII века, с их постоянным поиском ренты, англичане ввели высокие пошлины на французские вина, после чего на островах стали варить пиво, а также массово употреблять эль и ром. С непривычки к крепким напиткам среди англичан начал развиваться алкоголизм, но кривая смертности и заболеваний (особенно в городах, где жило подавляющее число королевских подданных) пошла вниз. Тогда ведь и холеру победили, и тиф. Разумеется, в это неожиданное оздоровление нации внесла свой вклад и привычка к чаю, так как заварка, как и приготовление пива, требует кипячения воды» [18];

– «Если социальная среда требует людей определенного типа, они появляются, а если, наоборот, бракует – исчезают. На Западе люди вроде как более законопослушные, чем в России. Но 300–400 лет назад все было совершенно иначе. Во времена Тридцатилетней войны немцев считали лгунами и бездельниками. Новые практики сначала силой врываются в быт, ломают традиции, но постепенно становятся естественными, и следующие поколения уже не понимают, как можно по-другому» [19].

Иногда правительства из-за финансовых ограничений принимают решения, которые явно приведут к негативным последствиям, хотя и не сразу. К такому типу решений, вызванных экономическими причинами, относится, например, уже реализуемое намерение правительств Японии и Австралии сократить, а то и вовсе прекратить финансирование гуманитарных и социальных наук как таких, которые не помогают экономическому развитию [20–25].

Это более сильная по последствиям инициатива, чем многие другие, о которой все молчат. Она будет трансформировать мозги человечества, а не просто тела.

За столетия человечество потеряло мощное воздействие религии. Уход религии выглядит как бы вполне понятным и правильным с точки зрения человека рационального. Но многие сегодняшние процессы явно ставят под сомнение такую рациональность.

В защиту религии нам встретились интересные доводы вполне рационального порядка. Это статья в газете «*New York Times*» профессора философии С. Асмы «Что религия дает нам (чего не

может дать наука)» [26]. У него есть и книга 2018 года на эту же тему «Почему нам нужна религия» [27].

Его аргументы таковы: иррациональность религии вовсе не означает, что она неприемлема или не имеет ценности. Эта иррациональность может лежать в основе ее силы. У человека есть три операционных системы: самая древняя рептильная (драться или бежать), мозг млекопитающего (эмоции) и недавно возникший неокортекс с рациональностью. Религия раздражает рациональный ум, но вполне уживается с эмоциональным, поскольку может успокоить боли.

Асма пишет: «Религиозные практики являются формой социального взаимодействия, улучшающего психологическое здоровье. Когда вы потеряли кого-то, религия предоставляет терапевтический набор ритуалов и представлений, производящих окситоцин, внутренние опиоиды, допамин и другие позитивные последствия, которые помогают бороться и выживать. Религиозные представления играют роль, но они не являются первичным инструментом предоставления такой терапевтической силы. Эти религиозные практики (ритуалы, набожные действия, песни, молитвы, рассказы) управляют нашими эмоциями, давая нам возможность заботиться о других в печали, или давая нам направление и выход для гнева».

Общий его вывод таков, что религию нельзя оценивать на уровне неокортекса, как это делают современные ученые, опираясь на рациональные научные методы. В книге он подчеркивает, что проблема состоит не в противопоставлении правды и неправды, а в напряжении между потребностями эмоционального мозга и мозга рационального.

В одной из своих статей, посвященной роли эмоций, он подчеркивает, что людьми нас сделала семья ([28], см. также его статью о роли человеческого воображения, которое он считает более древним приобретением человечества, чем язык [29]).

Он считает, что «эволюция семьи сыграла огромную роль в создании стабильной, безопасной среды для появления человеческой информационной культуры. Более продолжительное и более безопасное детство должно было также способствовать росту внутреннего субъективного пространства головы – без сомнения, это привело к большей репрезентативной утонченности и, в конечном итоге, языку».

Тем не менее нам придется снова вернуться от духовного к физическому существованию человека. Сходная с производством и распространением табачных изделий проблема возникла и в случае производства продуктов питания, большая часть которых, по сути, несет угрозы здоровью человечества. Но бизнес есть бизнес, он не может бросить производство, которое приносит миллиарды. И опять запущена та же модель научной манипуляции.

М. Нестле пишет: «Исследование питания, идущее со стороны индустрии, как и исследования, спонсированные табачной, химической и

фармацевтической промышленностями, почти неизбежно производят результаты, подтверждающие преимущества или отсутствие вреда продукции спонсоров, даже когда исследования с независимым финансированием приходят к противоположным заключениям. Хотя достаточное количество доказательств демонстрирует, что эти индустрии сознательно влияют на разработку, результаты и интерпретацию оплаченных ими исследований, меньше известно о влиянии продуктовых компаний на спонсорство изучения питания» [30].

Все это часто трудно доказать. Однако время от времени в медиа всплывают внутренние документы. Например, «Кока-Кола» пытается минимизировать последствия сладких напитков для ожирения, а производители сладостей для детей пытаются доказать, что дети, которые едят сладости, имеют более здоровый вес, чем те, кто не ест сладости.

«Кока-Кола» спонсирует исследования, которые объясняют проблему ожирения отсутствием физических упражнений, а не тем, что человек ест [31]. В действительности все наоборот, у человека в результате упражнений даже увеличивается аппетит [32]. Однотипно физическая активность детей не является ключевой для веса. У взрослых также не удалось доказать, что физически активный человек скорее наберет вес, чем человек, ведущий сидячий образ жизни [33].

И это достаточно активные интервенции. Так было потрачено в одной из кампаний 600 000 долларов, а это соответствует 5,3 миллиона долларов 2016 года, чтобы обучить «людей, которые никогда не изучали биохимию, что сахар помогает выжить на своей энергии, необходимой для решения наших ежедневных проблем» [34].

Эта проблема получила новое развитие, когда Чили, оказавшись в центре эпидемии ожирения, законодательно ввела яркие объявления на упаковке, раскрывающие опасные объемы натрия, калорий, сахара, насыщенных жиров [35–38]. Продуктовые лоббисты заблокировали попытки сделать то же самое в других странах.

Две трети жителей Чили страдают от ожирения, это касается также ряда других латиноамериканских стран. В Мексике, например, ожирением страдают 74 % женщин и 70 % мужчин [39–40]. И это привело к настоящей войне с ожирением, но на научных основаниях [42–42].

Корпорация РЭНД вывела несколько правил из этого опыта [43]:

- необходимость действия (в Чили каждый час умирал один человек от последствий ожирения, в США – три человека каждые пятнадцать минут),
- понимание проблемы: ожирение является результатом потребления излишнего сахара, соли и жира из сверхобработанных продуктов и напитков, и было решено идти по пути указания на продукты, которых следует избегать,

– на первом месте люди: мнение промышленности учитывается, но на первом месте должны быть люди,

– простые коммуникации: у людей нет времени в магазине вычитывать то, что написано мелким шрифтом, и высчитывать калории, по этой причине были разработаны простые предупреждающие знаки: «Много сахара», «Много калорий», «Много жира», «Много соли». Эти знаки должны быть, если на 100 граммов продукта приходится 275 калорий, 400 миллиграммов соли, 10 граммов сахара или 4 грамма насыщенных жиров.

Правилом потребителей стало выбирать упаковку с продуктом, где меньше таких знаков, а еще лучше – когда их нет вовсе. Еда с такими черно-белыми знаками запрещена в школах, ее нельзя рекламировать детям младше 14 лет. Нельзя использовать изображения детских героев на таких упаковках и в рекламе, направленной на детей. В 2014 г. Чили ввела 18 % налог на сладкие напитки, Мексика – 10 %, что привело к падению продаж на 12 %. В Чили поставили целью изменить привычки питания 18 миллионов человек.

Ожирение влечет за собой рост расходов на медицину в связи с болезнями, вызываемыми излишним весом. В Чили в 2016 г. такая «медицинская цена» ожирения составила 800 миллионов долларов. Сейчас это 2,4 % расходов на медицину, но, по прогнозам, в 2030 г. эта цифра может достичь 4 %.

Главный борец с продуктовыми компаниями сенатор Жирарди говорит: «Сахар убивает больше людей, чем терроризм и автомобильные аварии вместе взятые». Самое важное в результате – чтобы избежать ужасных черных наклеек, продуктовые компании сами стали менять содержимое своих продуктов. В результате 20 % продуктов уменьшили опасное содержимое. Это сделала, например, «Нестле» со своим шоколадным напитком.

В принципе, первая десятка стран по потреблению сладких напитков такова: Чили, Мексика, США, Аргентина, Саудовская Аравия, Германия, Голландия, Словакия, Австрия, Бразилия [44]. Причем еще не совсем ясна и роль фруктовых соков.

Перед нами сегодня проходит бесконечная череда интервенций в человеческое сознание, призванная его изменить в лучшую сторону. Это, к примеру, работа с потенциальными самоубийцами [45]. Здесь хорошо себя показала диалектическая поведенческая терапия, когда человека пытаются выводить из исключительно черно-белого мира [46]. Поскольку продвигают не мир «или/или», а такой, который позволяет совместить хорошее и плохое в одном человеке, интересным выглядит сопоставление с телевизионным сериалом «Прослушка», где тоже нет исключительно позитивных или негативных героев, где все, включая полицейских, одновременно являются и плохими, и хорошими [47].

Нет ни одного отклонения в поведении, против которого не искалось бы практическое противоядие. Это и борьба с тем, что дети видят рекламу алкогольных напитков в среднем три раза в день [48]. Это и терапия по отношению к сексуальному насилию [49], это декриминализация наркотиков в Норвегии [50], это запрет продавать сладости у касс в Великобритании, поскольку здесь дети тоже страдают от ожирения [51], это опыты по изменению поведения гарвардского центра по коммуникациям в сфере здоровья, который выступил сейчас с очередной новой инициативой [52–54]. А до этого у него были по крайней мере три успешные инициативы, прошедшие проверку реальностью. Это также финский опыт по снижению уровня сердечных болезней [55].

Целые страны могут похвалиться успешным опытом в некоторых подобных областях. Исландия, например, занялась тем, что отучила своих подростков от алкоголя и наркотиков [56–58]. В результате число 15-16-летних, которые были пьяны в предыдущем месяце, снизилось с 42 % в 1998 до 5 % в 2016. Процент тех, кто когда-либо пробовал коноплю, упал с 17 процентов до семи. Ежедневно курящими перестали быть 23 %, таких осталось только 3 %.

В основе изменений лежала программа профессора психологии из США Х. Милкмана, которую он применил сначала в Денвере [59–60]. Идея Милкмана была в том, что наркотики и алкоголь люди используют для борьбы со стрессом. Дети должны были получить что-то, что даст альтернативу наркотикам и преступности. Их и стали обучать этому другому: музыке, танцам, искусству, боевым искусствам, правилам жизни. Милкмана позвали в Исландию для создания такой программы, и теперь он и живет там, где достигнут максимальный успех.

Милкман говорит: «Мы знаем, что мозг – это гигантская фармацевтическая фабрика, производящая свои собственные вещества, воздействующие на мозг. Если люди становятся зависимыми от самопорождаемых изменений в химии мозга, почему бы не начать естественное движение, когда химия мозга будет воздействовать на них в позитивном направлении, от чего выиграют и они, и общество?». То есть Милкман предложил заменить наркотический тип борьбы со стрессом другим, и выиграл (см. некоторые другие подробности этого эксперимента [61–65]).

Кстати, еще одной из его идей стала необходимость увеличения времени, которое родители проводят со своими детьми. Когда страна это поняла, то с 1997 по 2012 г. время, которое проводили со своими 15-16-летними детьми родители, возросло вдвое, и это тоже отразилось на сокращении неправильного поведения подростков.

Исландия напомнила нам об еще одном игроке, убеждающем население, что умеренное употребление его продукции не приведет ни к чему плохому. Это алкогольная индустрия, вкладывающая свои, а иногда и государственные деньги, как и табачники, в продуцирование сомнения с

помощью научных исследований [66–70]. При этом, когда нам говорят о пользе красного вина из-за содержащегося там ресвератрола, забывают рассказать, что его нужно получать 500 миллиграммов ежедневно, а поскольку вещества содержится лишь 12,59 мг в 1 литре, то выпивать нужно каждый день... 40 литров [71].

Мировой опыт борьбы с опасными для людей продуктами, причем с позитивными результатами, огромен во многих областях. Причем меняются не только отдельные индивиды, но и целые страны типа Исландии или Чили. Только такого опыта нет у нас. Его надо изучить, разложить на составляющие и собрать вариант, который подойдет нам. Приблизительно так, как говорит о социальных моделях В. Найшуль: «Я бы вообще уподобил культурное наследие, в том числе и в области хозяйственных отношений, конструктору «Lego». В нем есть много всяких деталей. И из них можно собрать самолет, а можно автомобильчик. Но для этого нужно детали знать. Для начала хотя бы отрефлексировать произведения Лескова и Салтыкова-Щедрина, потому что они полны наших институциональных моделей. Например, лесковский «кадетский монастырь» повторился в советское время в лучших математических школах. Очень много образцов, раз зародившихся, которые потом проходят через всю нашу историю. И пока мы их не осознаем и не проанализируем, мы не научимся самостоятельно собирать наши экономические, политические и общественные устройства» [72].

Трансформируется мир, меняются люди, все пришло в движение, заняв совершенно новые позиции. По этой причине старые методы управления часто перестают работать вообще. Они есть, их изучают в университетах, но они не имеют смысла в новых условиях. На новые вызовы нужно отвечать новым инструментарием, а не пытаться победить их по-старому. Ничего не делая или делая неверно, мы получим такое же «ничего» вместо результата.

Литература

1. Кувалдин С. Диктатура рушится, когда этого никто не ждет. Интервью с А. Михником // republic.ru/posts/90930.
2. Rattner S. Is China's version of capitalism winning? // www.nytimes.com/2018/03/27/opinion/china-economy-state-capitalism-winning.html?action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-heading&module=opinion-c-col-right-region&ion=opinion-c-col-right-region&WT.nav=opinion-c-col-right-region.
3. Chafuen A. F. A. Hayek, Free-Market Think Tanks, And Intellectual Entrepreneurs // www.forbes.com/sites/alejandrochafuen/2017/03/16/f-a-hayek-free-market-think-tanks-and-intellectual-entrepreneurs/#1161b4e652dc.
4. Chafuen A. Antony Fisher and think tanks // www.chafuen.com/home/free-market-think-tanks/antony-fisher-and-think-tanks/

tanks?tmpl=%2Fsystem%2Fapp%2Ftemplates%2Fprint%2F&showPrintDialog=1.

5. Antony Fisher // en.wikipedia.org/wiki/Antony_Fisher.
6. Frost G. Champion of liberty // www.iea.org.uk/sites/default/files/publications/files/upldbook443pdf.pdf.
7. Littlewood M. How free marketeers triumphed in the battle of ideas // www.telegraph.co.uk/news/general-election-2015/politics-blog/11683274/How-free-marketeers-triumphed-in-the-battle-of-ideas.html.
8. Blundell J. Waging the war of ideas. – London, 2001.
9. Blundell J. Hayek, Fisher and The Road to Serfdom // Hayek F. A. The Road to Serfdom. – London, 2001.
10. Blundell J. The life and work of Sir Antony Fisher // iea.org.uk/blog/the-life-and-work-of-sir-antony-fisher.
11. Murray G. Think Tanks, Economic Liberalism and Industrial Relations // research-repository.griffith.edu.au/bitstream/handle/10072/1964/27283.pdf.
12. Hollis D. B. The influence of war; the war for influence // poseidon01.ssrn.com.
13. Moyer J. D. a. o. Power and influence in a globalized world // hcss.nl/sites/default/files/files/reports/Power%20and%20Influence.pdf.
14. Oreskes N., Conway E. M. Merchants of Doubt: How a Handful of Scientists Obscured the Truth on Issues on tobacco smoking to global warming. – New York etc., 2010.
15. Oreskes N. Merchants of Doubt // www.columban.jp/upload_files/data/EE0016_MerchantsofDoubt.pdf.
16. H-Environment Roundtable Reviews // networks.h-net.org/system/files/contributed-files/env-roundtable-1-2.pdf.
17. Weatherall J. O. a. o. How to Beat Science and Influence People: Policy Makers and Propaganda in Epistemic Networks // philsci-archive.pitt.edu/14258/.
18. Бавильский Д. Когда все ружья стреляют. Почему у англичан все получилось, причем не только с ружьями // gorky.media/reviews/kogda-vse-ruzhya-strelyayut/.
19. Кулешов А. Цифророжденные // kot.sh/statya/3821/cifrorozhdyonnye.
20. Dean A. Japan's humanities chop sends shivers down academic spines // www.theguardian.com/higher-education-network/2015/sep/25/japans-humanities-chop-sends-shivers-down-academic-spines.
21. Grove J. Social sciences and humanities faculties 'to close' in Japan after ministerial intervention // www.timeshighereducation.com/news/social-sciences-and-humanities-faculties-close-japan-after-ministerial-intervention.

22. Japanese government asks universities to close social sciences and humanities faculties // monitor.icef.com/2015/09/japanese-government-asks-universities-to-close-social-sciences-and-humanities-faculties/.
23. Jump P. Tony Abbott win leads to humanities funding fears // www.timeshighereducation.com/news/tony-abbott-win-leads-to-humanities-funding-fears/2007137.article.
24. Barnett T. Are the humanities in crisis? In Australia, the sector is thriving // theconversation.com/are-the-humanities-in-crisis-in-australia-the-sector-is-thriving-39873.
25. Delany E. Humanities studies under strain around the globe // www.nytimes.com/2013/12/02/us/humanities-studies-under-strain-around-the-globe.html.
26. Asma S. T. What Religion Gives Us (That Science Can't) // www.nytimes.com/2018/06/03/opinion/why-we-need-religion.html?action=click&pgtype=Homepage&version=Moth-Visible&moduleDetail=inside-nyt-region-4&module=inside-nyt-region@ion=inside-nyt-region&WT.nav=inside-nyt-region.
27. Asma S. T. Why we need religion. – New York, 2018.
28. Asma S. T. Families made us human // aeon.co/essays/how-families-and-feelings-built-human-culture.
29. Asma S. T. Imagination is ancient // aeon.co/essays/imagination-is-such-an-ancient-ability-it-might-precede-language.
30. Nestle M. Food Industry Funding of Nutrition Research The Relevance of History for Current Debates // www.foodpolitics.com/wp-content/uploads/Sugar-Commentary_JAMA-IM_16-1.pdf.
31. O'Connor A. Coca Cola funds scientists who shift blame for obesity away from bad diets // well.blogs.nytimes.com/2015/08/09/coca-cola-funds-scientists-who-shift-blame-for-obesity-away-from-bad-diets/?_r=1.
32. Carroll A. E. To Lose Weight, Eating Less Is Far More Important Than Exercising More // www.nytimes.com/2015/06/16/upshot/to-lose-weight-eating-less-is-far-more-important-than-exercising-more.html.
33. Choi C. AP Exclusive: How candy makers shape nutrition science // apnews.com/f9483d554430445fa6566bb0aaa293d1.
34. Kearns C. a. o. Sugar Industry and Coronary Heart Disease Research. A Historical Analysis of Internal Industry Documents // www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5099084/.
35. Nestle M. Public health implications of front-of-package label // www.foodpolitics.com/wp-content/uploads/AJPH_FOP_18.pdf.
36. Chile Seeks to Fight Obesity With New Food Labeling Law // www.voanews.com/a/chile-seeks-to-fight-obesity-with-new-food-labeling-law/3395681.html.

37. Smith E. Chile Battles Obesity With Stop Signs On Packaged Foods // www.npr.org/sections/thesalt/2016/08/12/486898630/chile-battles-obesity-with-stop-signs-on-packaged-foods.
38. Corvalan C. What the World Will Learn from Chile's Bold Policy to Curb Obesity // www.bloomberg.org/blog/world-will-learn-chiles-bold-policy-curb-obesity/.
39. Two-thirds of people in Mexico, Chile and Ecuador are obese, UN finds // www.theguardian.com/society/2017/apr/25/obesity-epidemic-latin-america-mexico-chile-ecuador-un-report.
40. Owens M. Chile: one of the fattest nations on Earth // chileno.co.uk/science/chile-the-fattest-nation-on/.
41. Jacobs A. In sweeping war on obesity, Chile slays Tony the tiger // www.nytimes.com/2018/02/07/health/obesity-chile-sugar-regulations.html.
42. Chile's 'Radical' Approach to Addressing Obesity // www.nytimes.com/2018/02/21/opinion/obesity-chile.html.
43. Cohen D. What the world can learn from Chile's obesity – control strategies // www.rand.org/blog/2017/12/what-the-world-can-learn-from-chiles-obesity-control.html.
44. Luxton E. Which countries consume the most sugary drinks? // www.weforum.org/agenda/2015/12/which-countries-consume-the-most-sugary-drinks.
45. Ramchand R. Suicide Prevention in California: Three Goals for Developing a Statewide Plan // www.rand.org/pubs/testimonies/CT494.html.
46. Dialectical Behavior Therapy. What Is Dialectical Behavior Therapy? // www.psychologytoday.com/us/therapy-types/dialectical-behavior-therapy.
47. Clyman J. What Dialectical Behavior Therapy and HBO's «The Wire» Have In Common // www.psychologytoday.com/us/blog/reel-therapy/201107/what-dialectical-behavior-therapy-and-hbos-the-wire-have-in-common.
48. Martino S. a. o. Drinking it in. The impact of youth exposure to alcohol advertising // www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10015.html.
49. Dockterman E. Inside sex offender therapy // Time. – 2018. – May 21/.
50. Супермаркетам в Британии запретят продавать сладости у касс // www.znak.com/2018-06-02/supermarketam_v_britanii_zapretyat_prodavat_sladosti_u_kass.
51. Аскарян А. Лечебница вместо тюрьмы: Норвегия поддержала декриминализацию наркотиков // knife.media/norway-drugs/.
52. Center for Health Communication // www.hsph.harvard.edu/chc/.

53. With multitasking increasing behind the wheel, experts ponder how to keep drivers' eyes on the road // www.hsph.harvard.edu/news/features/distracted-driving-car-fatalities/.
54. Texting ourselves to death // www.hsph.harvard.edu/chc/texting-ourselves-to-death/.
55. Williamhang E. Finland's bold push to change the heart health of a nation // www.knowablemagazine.org/article/health-disease/2018/finlands-bold-push-change-heart-health-nation.
56. Young E. Iceland knows how to stop teen substance abuse but the rest of the world isn't listening // mosaicscience.com/story/iceland-prevent-teen-substance-abuse/.
57. Young E. How Iceland Got Teens to Say No to Drugs // www.theatlantic.com/health/archive/2017/01/teens-drugs-iceland/513668/.
58. «Мы решили предложить им кое-что получше». Как в Исландии подростков отучили пить и курить // mel.fm/novosti/4267305-alcohol.
59. Sorrel C. Iceland Fixed Its Teen Substance-Abuse Problem By Giving Them Something Better To Do // www.fastcompany.com/3067732/iceland-fixed-its-teen-substance-abuse-problem-by-giving-them-something-better-to-do.
60. How An American Helped Iceland Fix Its Teen Substance Abuse Problem // www.wbur.org/hereandnow/2017/03/09/iceland-teen-substanceabuse.
61. The Iceland Model: How the Country Turned around its Teen Drug Problem // www.sandstonecare.com/blog/iceland-turned-around-teen-drug-problem.
62. Poulos J. Why They Binge Drink. Their Responses Changed Everything // www.good.is/articles/iceland-teens-substance-abuse-solution.
63. What Can Parents Learn From The Icelandic Model of Preventing Drug Abuse // www.teentreatmentcenter.com/blog/the-icelandic-model-of-preventing-drug-abuse/.
64. Waugh R. Iceland has slashed levels of teenage drug use – here's how they did it // metro.co.uk/2017/01/18/iceland-has-slashed-levels-of-teenage-drug-use-heres-how-they-did-it-6388139/?ito=cbshare.
65. Harvey Milkman // redefineschool.com/harvey-milkman/.
66. Almendrala A. Alcohol Companies Are Funding Research To Convince You Drinking Is Healthy // www.huffingtonpost.com/entry/alcohol-companies-want-you-to-drink-more-and-theyre-funding-research-to-make-it-happen_us_5ad123bce4b077c89ce8a835.
67. Belluz J. The alcohol industry gave the government money to prove moderate drinking is safe // www.vox.com/science-and-health/2018/3/21/17139036/health-effects-alcohol-moderate-drinking-nih.

68. Shuchman M. A massive health study on booze, brought to you by big alcohol // www.wired.com/story/a-massive-health-study-on-booze-brought-to-you-by-big-alcohol/.

69. Marko K. Who's Really Funding Scientific Studies? NIH Study Funded By Alcohol Industry // www.thealternativedaily.com/who-is-really-funding-scientific-studies-for-the-nih/.

70. Rabin R. C. Federal agency courted alcohol industry to fund study on moderate drinking // www.nytimes.com/2018/03/17/health/nih-alcohol-study-liquor-industry.html?hp&action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-heading&module=second-column-region&ion=top-news&WT.nav=top-news.

71. Langton N. How Much Red Wine Do You Need to Get Enough Resveratrol? // www.livestrong.com/article/411745-how-much-red-wine-do-you-need-to-get-enough-resveratrol/.

72. Найшуль В. Назад в будущее // foma.ru/vitalij-najshul-nazad-v-budushhee.html.

3. Домашние войны во время мира: создание нового поведения как цель внутренних информационно-виртуальных интервенций

СССР все время жил в ситуации создания и закрепления нового поведения. Революция отменила старое поведение, а новое нужно было создать. Но, по сути, это сегодняшняя задача всех стран. Весь мир существенно изменился за последние двадцать-тридцать лет. Частично это вытекает из появления новых технологий. Ведь большая часть объектов, которыми мы пользуемся сегодня на бытовом уровне, была бы непонятной человеку из не столь далекого прошлого. Вероятно, мы оторвались от своего прошлого сильнее, чем какое бы то ни было поколение раньше.

При этом роль технологий мы сильно преувеличиваем. Гугл, например, дает нам только результат поиска, причем сделанного не нами [1]. Значит, интеллектуальная сила человека в результате такого действия никак не меняется. Ведь знания являются не просто сухой материей, они – результат трансформаций, которые проходит мышление, добывая их.

Аспект переключения поведения со старого на новое очень важен. В принципе, у государства есть две цели: удерживать стабильное состояние и трансформировать его. Существенная трансформация становится вообще революцией, переходя в иной класс трансформаций, поскольку меняет уже даже само государство. Долгое удержание одного состояния также является негативным, вспомним брежневский застой.

Но он был бы невозможен, если бы весь мир вокруг менялся сильнее, а коммуникации не были бы закрытыми. Вероятно, только Китаю сегодня удалось сохранить свою политическую модель, существенно трансформировав экономическую. СССР в свое время быстро свернул НЭП, испугавшись возможных последствий.

Некоторые явления программируются вне видимого участия конкретных лиц. Например, сегодняшней чуть ли не повсеместный приход популистов к власти во многих странах является запоздалой реакцией массового сознания на предыдущий шаг – резкое расширение миграции, в результате чего произошло столкновение виртуальностей в виде разных религий и культур. Раньше – при других скоростях вхождения и перемешивания «своего» и «чужого» – работающими были и американский «плавильный котел», и немецкий «мультикультурализм», которые сегодня уже не дают результата.

Это приводит к тому, что факторы религии и культуры становятся предметом рассмотрения и интереса спецслужб. Советский Союз вообще сделал иерархов православной церкви сотрудниками КГБ, то есть «привязал» вечное и стратегическое к текущему и тактическому. Сегодня есть исследования на тему «ФБР и религия после 11 сентября». Оно начинается с воспоминания о том, что Гувер переводил холодную войну в столкновение религиозного порядка между ориентированными на религию США и ориентированным на разрушение религии СССР [2].

Один из соредкторов книги так видит роль Гувера, кстати, считая, что после 11 сентября ФБР перешло больше на прогнозную работу в отношении преступлений: «Главным героем в этой истории является сам Дж. Эдгар Гувер, который был учителем воскресной школы. Он видел холодную войну как духовную борьбу. Он объединил Америку и демократию с иудео-христианской традицией, которая была искусственной конструкцией, но ее он считал основой американских ценностей. Коммунизм, с другой стороны, был агентом секуляризма и атеизма. Искажение состояло в том, что коммунисты, умные и хитрые в своем воображении, поняли, что они должны использовать религию в качестве своего рода прикрытия для своего поведения – как способ проникновения в американское общество. Он видел религиозных лидеров слева как замаскированных коммунистов или как людей, которые были наивно завербованы коммунистами. На этом основании он, главным образом, стремился дискредитировать людей из лагеря религиозных левых» [3].

Переключение поведения может быть скрытым, чтобы не вызывать сопротивления. Такой скрытый вариант характерен для литературы и искусства, когда человек погружается в виртуальный мир, не замечая, что он перенимает определенные мнения этого мира, делая их своими. Так было, например, с поколением, которое читало «Гарри Поттера». Чем больше книг из серии было прочитано, тем с большей вероятностью они голосовали за Обаму, поскольку приняли либеральную позицию

демократов по отношению к стигматизированным группам, к примеру, представителям ЛГБТ-сообщества [4–6]. Автор исследования считает, что «Гарри Поттер» повлиял на политические ценности поколения, поскольку чтение книги коррелирует с большим уровнем признания внегрупп, большей политической толерантностью, меньшим принятием авторитаризма, большей поддержкой равенства, большим неприятием насилия. В результате опрос 1000 студентов, родившихся после 1980 года, показал, что 60 % из них голосовали на выборах 2008 г. за Обаму, а 83 % негативно оценивают бывшего президента Дж. Буша.

Одно из объяснений воздействия состоит также в том, что молодежь проводит параллели между любимой ими поп-культурой и миром вокруг. В выборах Трампа также нашлись параллели: «Связь с политикой книг о Поттере не является новой, просто она стала более осязаемой в этом цикле выборов. Кроме сравнения Трампа с Волан-де-Мортом, сделанного самой Роулинг, другие звезды тоже сказали свое слово. Дж. Айзекс, который играл Малфоя, не ушел от твитов по поводу первых дебатов, а Д. Редклифф даже прокомментировал, что общего у Трампа и Волан-де-Морта. Эмма Уотсон, играющая Гермиону в фильмах о Поттере, заговорила в Инстаграмме и Твиттере, что выборы приведут к “эффекту волны по всему миру”» [7].

В качестве советского аналога влияния книг о Поттере хотелось бы вспомнить творчество А. Гайдара. Он тоже создал свой мир, который повлиял на миллионы детей. Тем более к нему сохраняется внимание сегодняшних журналистов и ученых [9-11]. Г. Иванкина вообще говорит, что Гайдар – это сюрреалист: «Он описывал не саму жизнь, а ее сказочный эталон. Почему? Потому что отчаянно лакировал действительность из страха? Или от непонимания? От восторга? Нет. Не поэтому. Они правы – Гайдар не был реалистом, потому что он был... сюрреалистом. Ничего диковинного и противоестественного тут нет – 1930-е годы вошли в историю искусств именно как эпоха сюрреализма. Да. В СССР этого направления *как бы* не было. Но, вместе с тем, оно ненавязчиво присутствует в большинстве знаменитых гайдаровских вещей».

Гайдар видит в сталинском времени вроде те же характеристики и объекты. У него также обязательно присутствие Врага. Но даже такого Врага с большой буквы может победить маленький мальчик. По той причине, что это честный и храбрый мальчик. И не он должен бояться врагов, а они его.

Большой Враг из сталинской модели мира автоматически переместился в малую детскую. Победа приходит только в конце, потому что враг слишком силен. Но Герой всегда победит Врага. При этом герой дерется честно, а Враг все время пытается втереться в доверие, превратившись в Не-врага.

Интересно, что экономист В. Найшуль также опирается на понятие врага при описании сталинской экономики: «У сталинской экономической системы были не только технологические, но и культурные предпосылки. В обществе господствовала социалистическая идеология, которая «требовала планового управления народным хозяйством», а его можно было применить только для создания крупномасштабных технологий и военно-промышленного комплекса. Ни в сельском хозяйстве, ни в потребительских секторах оно не дало бы результатов, оправдывающих свое существование. Поэтому для реализации социалистической идеи необходимо было чувство внешней опасности, ксенофобия, санкционирующая тотальное переключение экономики на военное строительство. В свою очередь, сама коммунистическая идея, имплантировавшаяся в Российскую Империю и провозгласившая своей целью борьбу с принятым в цивилизованном мире порядком, резко усиливала чувство внешней угрозы, укоренившееся в общественном сознании еще со времен татаро-монгольского ига и подтвержденное полустолетием неудачных войн. Социалистические идеи, империалистическое стремление расширить сферу влияния и ксенофобия нашли друг друга и вместе создали в обществе психологический и идеологический климат для проведения бесчеловечной хозяйственной политики».

И еще: «С конца 20-х годов вплоть до начала перестройки военное соперничество с внешним миром было важнейшим фактором, определявшим бытие социалистического общества. Именно достижения и провалы в военно-стратегическом соревновании с наибольшей силой воздействовали на принятие решений в экономике. Отсутствие сливочного масла в Воронеже было для руководства страны малозначимой проблемой по сравнению с отсутствием советского аналога американского оружия какого-либо типа «Х». Через имперскую военную мощь, направленную вовне и внутрь страны, происходила легитимизация власти. Военная гонка служила главным акселератором нововведений в советской экономике и, как мы увидим впоследствии, была одной из причин ее гибели. Новые технологии, необходимые для производства вооружений, должны были входить в хозяйственный обиход, даже если их применение противоречило логике экономической системы и разрушало сложившиеся формы планового управления» [12].

Но такова была модель мира, под которую подгонялись и политика, и экономика, и военное дело. Не было другого представления о мире, поэтому ничего другого нельзя было себе представить, а значит, и реализовать. Перестройка запустила иную модель мира, и оказалось, что ничего страшного не происходит. Люди даже могут ездить за границу и возвращаться. И, оказалось, что не надо даже глушить чужие радиоголоса.

Люди постсоветского пространства, точнее, их разные поколения по-разному видят ситуации взаимоотношений. Психологи попросили

представителей двух поколений X и Y (1967–1984 и 1985–2000 годов рождения) посмотреть фильм о Поттере и фильм о Штирлице [13–14]. Они должны были описать взаимоотношения героев. Психологи, анализируя ответы, искали в них индикаторы кооперации (например, слова «дружба», «помогает», «спасает», «совместная цель», «придут на помощь», «союзники» и т. д.) и конкуренции (например, слова «враг», «вражда», «конфликт», «противостояние», «борьба», «интриги», «охотится», «мстить» и др.).

Самым поразительным оказалось то, что одно и то же культурное содержание два поколения интерпретировали по-разному. Для своего описания поколение X наиболее часто использовало слова категории «конкуренция», а поколение Y – «кооперация».

Поколение X так описывало ситуации борьбы героев в фильме «Семнадцать мгновений весны»: «борьба интеллектов на высочайшем уровне»; «Штирлиц собирает разведданные, Мюллер пытается разоблачить Штирлица»; «Штирлиц – советский разведчик, играющий на поле врага»; «герои фильма двуличны: говорят одно, думают другое и пытаются подловить на этом оппонентов» и т. д.).

Поколение Y акцентировало союзников Штирлица: «Штирлиц помогает кому-нибудь выйти за пределы войны»; «Главный герой поддерживает внешне хорошие отношения с немецкими сослуживцами и соседями, по-человечески хорошо относится к своей соседке, возит ее посмотреть на весенний лес. При этом выполняет свою работу – шпионит для своей страны. Параллельно пытается помогать нескольким хорошим людям»; «помог радистке»; «он остается человеком и любыми путями стремится избежать жертв, даже вытаскивает радистку из плена»; «он сотрудничает с несколькими людьми, чтобы передавать информацию на родину» и т. д.).

Высказывания поколения X о взаимоотношениях героев в фильмах о Гарри Поттере были высказываниями о противостоянии Гарри Поттера и Волан-де-Морта (например: «Волан-де-Морт пытается восстать и убить Поттера, Поттер пытается убить Волан-де-Морта»; «у него была суперзадача – отомстить за родителей, ну и на протяжении всего фильма он этим и занимался – мстил»; «борьба со сверхзлом»;

«Гарри крут – ему повезло – он остался жив и выживает во всех фильмах и книгах, несмотря на происки Волан-де-Морта» и т. д.).

В высказываниях поколения Y лидирует тема дружеских отношений и отношений взаимопомощи между Гарри Поттером и другими «положительными» персонажами фильма: «Гарри, Гермиона, Рон – преданные друзья, в любое время суток придут на помощь»; «еще у них много союзников: Полумна, Хагрид»; «они лучшие друзья, учатся на одном факультете, практически все всегда делают вместе, помогают друг другу...»; «у них совместная цель» и т. д.) [15].

Если идти по этому пути до логического конца, то придется признать, что государства имеют возможность очень эффективно удерживать фальшивые или не совсем достоверные картины мира в головах. То есть внутри страны (СССР или Северная Корея, как пример), обладающей сильным уровнем закрытости от внешнего мира, вообще не возникает никаких противоречий. Более того, «враг» лишь «облегчает» как управление, так и экономические процессы, поскольку на «врага» можно списать все, не теряя достоверности картины мира. При этом враг разной степени опасности есть и сегодня у любой страны.

Естественно, что такой обязательный элемент системы, как враг, предопределял в довоенное время в СССР все: от политики и экономики до детской литературы. Враг хорош и для политики, и для детской литературы еще и тем, что ему можно придать любые формы и виды. Он подходит для объяснения и обоснования любых действий. Враг еще может быть невидим и коварен, что открывает для него невиданные сюжетные возможности.

Детская литература с точки зрения советского государства должна производить тот продукт, который нужен государству, и лишь затем – детям. СССР – производственный гигант, который в результате выдавал на-гора и трактора, и Врагов, и детскую литературу.

М. Елизаров подчеркивает особый статус Гайдара: «Из современных писателей вряд ли кто-то сможет повлиять на молодое поколение так, как повлиял когда-то на наше поколение Гайдар. СССР и современная Россия – принципиально разные парадигмы. Гайдар – представитель «красного» проекта марксистской парадигмы, которая ушла в прошлое. Мы сейчас существуем в другой реальности. Тогда существовала иная система ценностей, иные приоритеты. Его поэтика имела свою специфику. Гайдар словно «притворился» детским писателем, на самом деле он говорил о вещах больших, важных. Он создавал советскую метафизику. Но Гайдар – автор прошлого. Использовать его сейчас очень сложно. Красный проект современным детям не очень интересен. Жизнь тогда не отличалась комфортом и достатком, но была перспектива. Сейчас в жизни отсутствует какая-либо футурология, перспектива... Изменилось и качество подвига современного подростка» [16].

О своем опыте чтения Гайдара он вспоминает тот результат, который появился в его душе: «И пока я был ребенком, над смыслом жизни не бился. Он был как на ладони – смысл. Меня потрясло мое открытие – для чего нужны дети, зачем существую лично я! Ребенок – не тот, кто не любит манную кашу! Не плакса, не старушечий баловень, не зритель мультфильмов. Ребенок – это военная элита, духовный спецназ, воин часа Икс. Когда ночью постучит обессилевший гонец, я должен подняться с кровати, чтобы пойти и погибнуть за Родину. А за это она насыплет над мной зеленый курган у Синей Реки и водрузит красный флаг. И полетят самолеты, побегут паровозы, поплывут пароходы, промаршируют

пионеры – отдать герою последние почести. И, представьте себе, представьте себе, нет ничего лучше такого вот конца...» [17].

Сегодня такой результат выглядит вроде как чистая пропаганда. Но, по сути, это была игра на другом инструменте, который, возможно, также приводил к пропагандистскому результату. Но это был искренний текст, который пробуждал такие же искренние чувства у читателя. Если пропаганда такие чувства может сконструировать и выстроить, то Гайдар их просто пробуждал в душе ребенка. Если это и пропаганда, то пропаганда, не пришедшая извне, а пропаганда, идущая изнутри, не навязанная, а пробужденная.

Гайдар говорит с детьми о том, о чем не говорим мы. Это еще одна особенность его воздействия. Но перед детьми при этом возникают не новые объекты материального мира, это мир человеческой психологии. Это тот мир, ради которого и живет человек.

Елизаров говорит о смерти у Гайдара: «Взрослые частенько пускают Смерть на самотек – подрастешь, сам во всем разберешься... А если нет?! Гайдар лучше многих понимал, что именно трусость, в ядре которой заложен изначальный людской страх перед смертью, трусость как душевный недуг способна навсегда извратить личность. Выродить человека до существа. Трус в понимании Гайдара – опасный калека [...]. Можно перевоспитать вора, усюветить душегуба, но не вылечить сердца, пораженного спорами страха. Вот он – горький писательский вывод. Не случайно, многие гайдаровские герои проходят через инициацию выбора. Для мальчишки, что едва держится на воде, испытанием станет широкая река Кальва. Судьба барабанщика из одноименной повести – встать из спасительной травы под шпионские пули. У каждого «своя дорога, свой позор и своя слава». Но они входили в реку, поднимались под пули – его герои. И тогда страх терял над ними власть» [18].

При чтении Гайдара возникает даже какая-то крамольная мысль, что мы, современные люди, даже как-то недостойны жить той более чистой жизнью, созданной в воображении писателя. Мы потеряли чистоту помыслов. Это даже не просто погружение современного общества в пучину материального, это «запломбированная» душа современного человека. Гайдар эту душу открывал.

В споре с Пелевиным Елизаров напишет: «Гайдар действительно был дидактическим «суперфосфатом», идеологическим опиумом советского Храма, благодаря которому тысячи школьников просыпались утром счастливыми от мысли, что родились в СССР» [19].

Последняя фраза самая главная – с идеи советского счастья мы и хотели начать наше повествование. Да, Советский Союз создавал счастье виртуальное, оно было полностью оторванным от материальных трудностей, которые не уходили никогда. Но они были логически обоснованными наличием врагов, которые мешали нам жить.

Мир ужасен и жесток. В нем может быть больше плохого, чем хорошего. Но ребенок у Гайдара счастлив потому, что он не стал плохим, что он всегда на стороне хорошего и справедливого. Кстати, Гайдар первым упомянул репрессии в своих текстах, о чем нам напомнили М. Елизаров и Г. Хазагеров.

Г. Иванкина обратила внимание на еще одну характеристику: «Еще интересный момент – Гайдар никогда не упоминает в своих книгах товарища Сталина. Ворошилов, Буденный, Чапаев, но не Сталин. Вы думаете, что это имя оказалось вымарано хрущевской цензурой? Но в моей домашней библиотеке имеется громоздкий послевоенный том 1949 года «Избранное» – мне есть, с чем сравнивать. Тем не менее, вождь, учитель, советский Король-Солнце ни разу не фигурирует в повествовании. Почему? Гайдар ненавидел Сталина? А быть может, не хотел «просто так» поминать это имя? Ведь Культура-2 насквозь пронизана ритуальными смыслами...».

Д. Быков считает Гайдара великим стилистом русской прозы тридцатых, среди таких имен, как Добычин, Платонов, Житков, считая его ошибочно вписанным в ряды детских писателей [20]. Он также констатирует следующее: «Почему я говорю о том, что СССР – это страна, придуманная Гайдаром? Потому что он придумал три ее основных составляющих, три основных составляющих советской мифологии, которые мы впитывали с молоком матери. Первое: у нас очень большая и очень добрая страна, которая непрерывно о нас заботится. Разумеется, она подбрасывает нам разные испытания, но она все время зорким отеческим глазом за нами следит и в критическую минуту спасет».

Другие две составляющие мира, сконструированного Гайдаром, таковы:

– Гайдар любит книжного, романтического ребенка, который не приспособлен к жизни, но приспособлен к войне, где он гибнет за правое дело,

– гайдаровский мир полон добра, абсолютно щедрого добра.

Все писатели, режиссеры, художники конструируют мир. У одних он получается цельным и системным, у других – нет. У одних проступают литературные стропила, у других – нет. Писатель всегда сохраняет связь со своим временем, каким бы ужасным оно ни казалось его потомкам.

Гайдар совместил в определенной степени мир ребенка и мир взрослых. У кого еще может быть или подготовка ребенка к войне, или подготовка к смерти. Но Гайдар сделал это на достаточно качественном уровне. И даже в подобных темах он остается художником, а не публицистом. Подобная тематика «сломала» бы любого, но он делает ее и детской, и правильной с точки зрения взрослого.

Детскому писателю тяжело писать на настоящие взрослые темы. Особенно это тяжело было делать в тот довоенный период, когда даже

будущие корифеи Маршак или Чуковский ходили по струнке. Кстати, они, условно говоря, «прятались» в детскую литературу, чтобы не откликаться на взрослые темы. Гайдар же, наоборот, откликнулся на них именно в детской литературе.

Советское время в первые десятилетия серьезно приоткрыло творческие возможности людей. Они двигались вперед к счастливому будущему. Да, одновременно звучало «если завтра война», но движение вперед было очень четким и понятным. Тем более это было временем появления новых медиа – радио и кино как пример, которые сразу стали новыми средствами пропаганды.

Киновед Евгений Марголит говорит о сегодняшнем дне: «Самое страшное сейчас (и почему я ненавижу нынешнее кино) состоит в том, что мы впервые за три столетия опять лишились образа будущего. Не самого будущего, конечно, – мы существуем в истории, история, время так или иначе идут вперед – но мы лишились именно *образа* будущего. Мы не можем себе представить иной мир. Мы ощущаем себя в этом вечном квазинастоящем, как в тюрьме. Это комплекс человека, сидящего в замкнутом пространстве. Причем когда его убедили, что ничего за пределами этих стен уже нет. И это так давит на мозги, так разрушает личность. Нет ничего нынешнего, есть еще какие-то тени в окне, которые нам выдают за наше прошлое, будущее, но это же тени, в них никто не верит. И мы обречены общаться с сокамерниками – и только! В чем альтернатива? Ощущение истории» [21].

Он также говорит, что кино назначало человека героем, а реально это делало государство, а не кино: «Делало человека исполняющим обязанности героя. Вот это ужасно, «когда страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой». То есть «прикажет», а твой личный выбор здесь уже не нужен, немислим, предосудителен» [22].

И это уже есть пропаганда, поскольку именно таким искусственным путем формировались типы поведения людей. Понятно, что это идеальные типы, под которые подгоняется действительность. Это те шаблоны поведения, которые прописывает государство или общество для индивидуального человека.

Герой является существенной частью мифологии, поскольку он должен проявляться в мифологических событиях, а они лежат в основе любой национальной матрицы. Л. Гудков говорит, что за последние десятилетия растет роль войны в российской мифологии: «На протяжении тридцати лет, почти тридцать лет, осенью будет тридцать лет, мы видим, как это все растет, вытесняя другие события. Ушла революция вместе с распадом СССР как основное конститутивное событие советской власти, советского государства. А на ее место приходит Победа как символ торжества, моральной оправданности России в мире и права диктовать, соответственно, свою волю другим странам. Именно от этого» [23].

Вход победы в качестве новой точки отсчета относят к юбилею 1965 года, произошедшего на следующий год после снятия Хрущева. До этого СССР так не праздновал день победы. То есть наполнение символизаций тех или иных событий прошлого создают новые траектории истории. Сталинский вариант истории опирался на революционные точки в прошлом, например, декабристы были хорошими, поскольку выступили против царя. Соответственно менялись и герои как образцы для подражания. При этом интересно, как можно было удерживать революционеров в качестве героев? То есть это также может быть причиной нужды существования мощного репрессивного аппарата сталинского времени, который, среди прочего, «гасил» революционную модель в головах, чтобы она была «открыта» только в истории. Все революции могли быть вчера, сегодня наступила эра благоденствия.

Какие еще есть способы создания нового поведения? В целом это направление имеет большое развитие на Западе, где изучаются изменения и агенты изменений, где есть отдельный термин социального предпринимателя, который как раз занят введением изменений. Выделено отдельное направление социального маркетинга. Да и методология «подталкивания» Р. Талера лежит в этой же целевой направленности, заставляющей человека поступать так, а не иначе [24–25].

При этом нас интересуют скрытые пути воздействия, а не прямые, поскольку они не вызывают того уровня сопротивления. Телесериал, например, несет свои переобучающие эффекты в качестве фона, а не основного сообщения. Поэтому ничто не закрывает от зрителя его развлекательную функцию. Погрузившись в развлечение, человек получает как новую информацию, так и новые правила поведения.

Иные контексты, в которых проходят коммуникации, несут новые возможности для воздействия. Например, были проведены эксперименты по продвижению медицинской информации не в кабинете врача, а в парикмахерской [26–28]. Кстати, одновременно удалось охватить людей, которые не посещают врачей. Таким местом была избрана парикмахерская. Было достигнуто снижение уровня давления у пациентов в три раза эффективнее, чем в обычной коммуникации доктор – пациент, когда в роли информирующего выступал парикмахер.

Незаметной с точки зрения воздействия является также игровая реальность типа участия в видеоиграх [29–31]. Необходимо все время помнить, что перед нами не чисто ментальные операции, а участие в действиях, которые для человека столь же реальны, как и подлинны.

То есть прибыль стали приносить... даже игры людей. До этого игры пришли из военного дела в политику [32].

Ф. Джеймисон назвал одну из характеристик постмодернизма – стирание границ между высокой и массовой культурами [33]. В книге он

подчеркивает, что в постмодернизме культура стала настоящей второй природой [34]. У него также встречается термин «эстетическое производство», когда он говорит об архитектуре.

По этой причине, наверное, стираются и другие границы, например, между производством и культурой. Уже давно Голливуд давал больше финансов, чем автомобильная промышленность США. Сейчас на эту стезю вышли Нетфликс и Амазон. Производством как бы стало не то, что производит материальные объекты, а то, что производит деньги. По этой причине культура стала подчиняться тем же бизнес-проектам, что и все остальное. Профит побеждает эстетику, что сначала продемонстрировала массовая культура, а потом и все остальные нематериальные сферы, поскольку они тоже должны выходить на нужный уровень прибыли.

Джеймисон пишет: «Сегодняшнее эстетическое производство стало интегрированным в производство товаров: бешеная экономическая необходимость в производстве новых волн и еще более кажущихся новыми товаров (от одежды до самолетов) с еще большими уровнями возвратности все сильнее приписывают сегодня базовую структурную функцию и позицию эстетической инновации и экспериментов. Такая экономическая необходимость находит признание в разных видах институциональной поддержки новейшего искусства от фондов и грантов до музеев и других форм поддержки. Из всех искусств архитектура наиболее близка к экономике в форме заказов и цены на землю, это виртуально самое непосредственное отношение».

Можно задержать искусственно тот или иной тип поведения. Так, например, пытались помешать выйти на выборы тем избирателям, кто представляет опасность для кандидата. В свое время этот метод был использован на выборах Ельцина, когда в преддверии выборов россиянам-пенсионерам программа «Время» стала рассказывать об участившихся поджогах дач. И какой-то процент избирателей, бросившись на спасение дач, не попал на выборы. Украинских кандидатов в президенты иногда спасали тем, что распространяли слух среди противников, что их голос все равно никто не посчитает, поэтому нет смысла идти голосовать. Так происходило и с последним голосованием за Путина, когда избирательные участки в посольствах продемонстрировали ошеломительный процент «за», и это говорит снова о том, что люди не поверили, что их отрицательный голос сработает.

В случае выборов Трампа также была стратегия на уменьшение числа голосующих [35]. Это были такие три группы, в которых Клинтон нуждалась для своей победы: идеалистические белые либералы, молодые женщины и афроамериканцы. Для этого использовались: украденная почта Клинтон из WikiLeaks; выступления молодых женщин, которые говорили, что Билл Клинтон принудил их к связи, а Хиллари им угрожала; ее же высказывание 1996 г., что афроамериканцы мужчины –

суперхищники, что должно было убрать их от избирательных участков. Кстати, Х. Клинтон действительно так отозвалась о молодых афроамериканцах [36]. При этом понятно, что, убрав контекст, можно любую фразу превратить в убийственный компромат.

Все это примеры незаметного давления на разум, от которого трудно отклониться. Сегодня множество таких способов принесло использование для коммуникации социальных медиа. Вводится даже понятие стелс-медиа, подобное тому, как бомбардировщик стелс не виден для радаров, так и социальные платформы функционируют как стелс-медиа [37–38]. Собственно говоря, гибридная война – это тоже стелс-война, особенно на своих первых этапах. Придуман термин – Stealth Electioneering, то есть скрытые избирательные механизмы, среди которых называются анонимные группы, кампания по разделяющим ценностям и микротаргетинг. В ходе своего исследования они выделили «подозрительные» группы, 20 % которых потом оказались в списке российских троллей.

Есть очень важный и частотный эффект повтора чужого поведения, именуемый эффектом заражения. Например, это является одной из причин стрельбы в американских школах [39–40]. Ученые увидели возрастание вероятности повтора в течение 13 дней после сообщения об исходном инциденте.

Технологические факторы также переключают на новое поведение, не спрашивая нас об этом. Ю. Харари предсказывает даже возможность прихода фашизма из-за концентрации информации в одном месте, которая сегодня становится вполне возможной. Он пишет: «Фашизм и диктаторы могут прийти снова, но они вернуться в новой форме, которая больше подойдет к новым технологическим реалиям двадцать первого столетия. В давние времена земля была главной ценностью в мире. По этой причине политика была борьбой за контроль над землей. В современную эпоху машины стали более важны, чем земля. И политика стала борьбой за контроль над машинами. Диктаторство означает, что слишком много машин концентрируются в руках правительства или небольшой элиты. Сейчас информация заменила землю и машины как наиболее важная ценность. Политика стала борьбой за контроль над потоками данных. И диктаторство сейчас означает, что слишком много данных сконцентрировано в руках правительства или небольшой элиты. Самая большая опасность, которая сейчас стоит перед либеральной элитой, в том, что революция в информационных технологиях может сделать диктаторство более эффективным, чем демократии. В двадцатом столетии демократия и капитализм победили фашизм и коммунизм, потому что демократия была сильнее в обработке данных и принятии решений. Принимая во внимание технологию двадцатого века, было просто неэффективно пытаться сконцентрировать слишком много информации и слишком много власти в одном месте» [41].

Получается, что Делез давно предупреждал об этом, когда заговорил об обществах контроля, пришедших на смену дисциплинарным обществам. В дисциплинарном обществе были пространства изоляции (школа, тюрьма, больница, производство), теперь пришло общество контроля. Он писал: «В обществах контроля, напротив, важны уже не подпись или номер, но шифр. Шифр – это пароль, тогда как дисциплинарные общества управляются лозунгами (как с точки зрения интеграции, так и сопротивления). Цифровой язык обществ контроля основан на шифре, который допускает вас к информации или отказывает в доступе» [42].

На место завода, по его мнению, приходит корпорация: «Маркетинг становится центром или «душой» корпорации. Нас учат, что у корпораций есть душа, и это является самой страшной мировой новостью. Маркетинг отныне является инструментом социального контроля, именно он формирует бесстыдную расу наших хозяев. Контроль осуществляется через краткосрочные операции и молниеносные прибыли, но вместе с тем он непрерывен и безграничен. Дисциплинарные общества были, напротив, нацелены на долгосрочные проекты, действовавшие периодически. Человек отныне не человек-заключенный, но человек-должник. Справедливо, что капитализм удерживал в крайней нищете три четверти человечества, слишком бедного, чтобы стать должниками, и слишком многочисленного, чтобы находиться в заключении. Поэтому обществу контроля придется столкнуться не только с размыванием границ, но и с социальными взрывами в трущобах и гетто».

Мы начали с книг как средства контроля и хотим вернуться к ним же в конце. В принципе, есть тенденция, ведущая свое начало от Сенеки, провозглашающая опасность книг [43]. Но чаще мы признаем великую роль и полезность книг. Вероятно, и человечество стало человечеством под влиянием книг.

Поэтому продолжим наше рассмотрение, отталкиваясь от двух текстов. Это сказка «Волшебник страны Оз» Ф. Баума (у нас она более известна как «Волшебник Изумрудного города» А. Волкова) и сказка «Приключения Незнайки и его друзей» Н. Носова. Обе книги, видимо, не случайно стали в центр детского мира – советского и американского. Незнайка – герой отрицательного толка, зато Знайка вроде и положительный, но достаточно скучный, чтобы стать настоящим героем. Кстати, Н. Носов родился в Киеве, в 1927 г. поступил в Киевский художественный институт, потом, правда, перевелся. Первые главы Незнайки также были написаны у нас в Ирпене, в доме отдыха писателей.

«Волшебник» Баума даже официально входит в список книг, сформировавших Америку [44]. Как демонстрирует биография Баума, он был достаточно неудачен абсолютно во всем, кроме написания этих книг. Он закончил свою первую книгу из 14-ти об этом путешествии Дороти в 44 года, и было это 9 октября 1899 года [45]. Часто его влияние

отслеживают даже не столько от книги, как от фильма 1939 года. Эффекта Гарри Поттера от продаж книги не было, его издатель разорился через два года. Фильм впервые показали по телевидению в 1956 году, и его посмотрело 45 миллионов человек.

Ф. Баум был оккультистом и членом теософского общества, поэтому его и его книгу связывают с известным проектом по контролю над разумом – MKULTRA [46–49]. Он работает редактором, в 1892 году он и его жена вступают в теософическое общество [50]. Теософия, идущая повсеместно на Западе от Блаватской, тоже родившейся на Украине в Екатеринославле (сегодня – Днепр), характеризуется тем, что в наше время называют «позитивным мышлением», противоположным христианскому учению вины и греха.

Теософские авторы отмечают: «Дальнейшие доказательства пересечения Баума с Теософией можно найти в его детских книгах, особенно в «Волшебнике». Хотя читатели не смотрели на его сказки с точки зрения теософского содержания, важно то, что Баум стал известным автором детских книг после того, как познакомился с теософией. Теософскими идеями проникнута его работа, они же вдохновили его на эти сказки. В действительности «Волшебник» может рассматриваться как теософская аллегория, наполненная теософскими идеями от начала до конца. Эта история пришла Бауму как вдохновение, он воспринял ее как дар извне, а возможно, из глубины самого себя» ([51], см. также [52] и целую подборку статей на тему сказки Баума на сайте американского теософского общества [53]).

Получается, что мы читаем тексты, особо не задумываясь о тех моделях жизни, которые за ними стоят. Нас интересует тактическое в виде конкретных слов и действий героев, а стратегическое, являющееся источником этих слов и действий, проходит мимо нашего внимания.

Вся эта история «Волшебника» трактуется как путь души к просветлению, что и означает дорога из желтого кирпича, а в буддизме именуется «золотой тропой». Здесь также видят работу с конфликтующими идеями, подобные мифу, позволяющему породить в результате противоположные интерпретации (цит. по [54]). В книге находят также борьбу с популизмом [55]. То есть открыто множество интерпретаций этого классического на сегодня текста. Например, можно насчитать такие [56]:

- политическая сатира: дорога из желтого кирпича представляет золотой стандарт, ведьма – банкиры и промышленники, контролирующие людей,
- религиозная аллегория: здесь много разных интерпретаций, например, песню Дороти «Над радугой» связывают с рассказом о Ное, а Изумрудный город представляют как новый Иерусалим,
- феминистский манифест: Дороти трактуется как первая феминистская ролевая модель,

– теософская интерпретация: желтая дорога ведет к просветлению, серебряные туфельки соединяют физические тела с астральными, а также такая интерпретация, что Баум предвидел приход новой духовности вместо старых религий [46] (см. также [57]),

– наркотическое путешествие: сказку рассматривают как описание действия наркотиков на людей, которые никогда до этого не пробовали их, кстати, есть там и маковое поле, где засыпают герои (см. и другие нарко-отсылки [58]).

При этом сам Баум подчеркивал, что все было написано ради удовольствия детей [59]. И еще: у Баума Дороти носит серебряные туфли, Но создатели фильма поменяли их на красные, поскольку они лучше смотрелись на фоне дороги из желтого кирпича [60].

Эти интерпретации показывают, что наш и так сложный мир можно усложнить многократно, вводя в него дополнительные виртуальности. Есть и юнгианская интерпретация «Волшебника», причем интервью с автором этой концепции Дж. Бибом хорошо называется – «Чей миф изберет Америка» [61–62]. В этом интервью 2011 года он говорит: «В «Волшебнике из страны Оз» вы получаете совершенно новый американский миф, в котором никто не претендует на то, чтобы быть во главе чего бы то ни было. Люди бегут напуганными, и они не знают, как достичь своих целей. В конце фильма Дороти удается вернуться домой в Канзас и воссоединиться со своим миром реально. В фильме есть прекрасное качество простоты, как будто случайно найденное в маленьком магазинчике. Это характеристика, которую хотелось бы, чтобы нашла Америка – уйти от того, чтобы быть самой великой страной мира и стать достаточно хорошей страной; оставить позади героя и стать просто хорошим гражданином мира».

Об Обаме он говорит, что его не интересуют миф героя, поскольку он сам относится к постгероической эпохе. Его интересует архетип хорошего родителя. Он хочет, чтобы все вокруг были хорошими родителями, защищали инфраструктуру и страну.

В Дороти Дж. Биб видит лидера, создавшего успешную команду из всех, кто встретился ей по пути [63].

Как и в случае с американскими детьми, которые выросли с «Волшебником из страны Оз», не было ни одного ребенка в СССР, который не знал бы Незнайку.

Из Н. Носова с его Незнайкой исследователи также делают множество выводов. Приведем два из них:

– «Нам не дано помнить прошлые воплощения. Хороший пример вышеизложенного в детской книге Носова «Незнайка в Солнечном городе». Чтобы получить волшебную палочку, Незнайке нужно было сделать подряд три добрых дела, но при этом не думать, что он их делает ради волшебной палочки. И он начал делать добрые дела, но

сначала три подряд никак не получались, а потом он не мог не думать, что делает добро ради волшебной палочки, хоть и делал подряд по три добрых дела. И наконец так привык делать добрые дела, что перестал думать о волшебной палочке и получил ее. Приблизительно такой принцип и у Кармы, только вместо волшебной палочки «награда» – нравственность-праведность-святость. А в дальнейшем наша сущность переходит от человека в нового носителя, уже не человека (может, в ангела) и совершенствуется дальше. Нравственность как раз и есть то (если, конечно, человек нравственен), что заставляет нас добровольно держаться в пределах норм и стандартов. Для нравственного человека украсть или соврать так же противно, как, извиняюсь, нагадить в штаны. Нравственность зависит от количества перевоплощений, чем больше перевоплощений пережила сущность, тем выше нравственность индивида» [64].

– «Вспомните Незнайку! Более талантливое порождателя хаоса найти трудно. Практически все персонажи сказки Н. Носова о Незнайке знают о своем предназначении. Винтик – винтит, Пончик – гурманит, Знайка – информирует всех и вся. И только Незайка создает ситуацию хаоса и тем самым побуждает других выйти за пределы предлагаемых образцов. Потеря веры в успех, выученная беспомощность, отсутствие реальных возможностей для проявления индивидуальности – это лишь некоторые постсоветские реликты, влияющие на поведение в актуальной жизненной ситуации. От этого стремление регламентировать все и всех, прописать процедуры, контролировать ситуацию, страх делегировать полномочия – это лишь некоторые признаки неумения жить в неопределенности» [65].

Если поискать аналогии в традиционных сказках, то Незайка – это, по сути, современная реинкарнация Иванушки-дурачка. Вряд ли он может подходить под стандартизированные образы соцреализма типа рабочего или коммуниста. Ими Незайка никогда не станет. Его плюсом является то, что Незайка находит выход из любого положения в свою пользу. Мир как бы благоволит к нему, хотя он и не самый правильный его представитель.

Носов создает своих коротышек по аналогии с дореволюционной сказкой А. Хвольсон «Царство малюток. Приключения Мурзилки и лесных человечков», которая сама написала их по мотивам канадских комиксов [66–67]. Но это отнюдь не прямое заимствование, как в «Приключениях Буратино» А. Толстого или «Волшебника Изумрудного города» А. Волкова. У Хвольсон действуют эльфы, и это совсем другая атмосфера.

Незайка проверяет мир вокруг на прочность. Он вмешивается в жизнь почти каждого из коротышек. Это потому, что он – трикстер, роль которого, по мнению К. Кереньи, во внесении беспорядка в упорядоченность: «Беспорядок – неотъемлемая часть жизни, а Трикстер – воплощенный дух этого беспорядка. Его функцией в архаическом обществе, вернее, функцией мифологических сюжетов, о нем повествующих, является внесение беспорядка в порядок, и таким

образом, создание целого, включение в рамки дозволенного опыта недозволенного» [68].

Он еще говорит, что у трикстера хитрость и глупость идут рука об руку, упоминает его как дух беспорядка, врага любых границ. Г. Гусейнов перечисляет многие реальные персонажи современных политиков, играющих эту роль, начиная с В. Жириновского. Он также рассматривает ситуацию в историческом разрезе, говоря: «Трикстерская роль присуща многим историческим персонажам на всем протяжении античности, причем не только собственно мифологической. Но если мы посмотрим и на последние годы романовской, предреволюционной России и вчитаемся в журналы с 1905 по 1912 годы, мы увидим, что это первые годы широкого распространения настоящих масс-медиа, и мы поймем, что и здесь сквозь карикатурность пробивается настоящая новая мифология. Самый знаменитый персонаж тут – Распутин. В «Окаянных днях» Бунина и вовсе революционная Россия целиком предстает как трикстерская страна. А вот более поздние примеры раннего СССР: Тимур и его команда, Воланд и его команда, Левинсон и его команда, Бендер и его команда. Чужак, испытывающий социум на здравомыслие» [69].

И это вполне может быть, поскольку в дореволюционной ситуации создавались и вызревали новые типы поведения, как индивидуальные, так и массовые. Революция как новый тип поведения закладывается в предшествующие эпохи.

Г. Сатаров переносит функцию трикстера на общество в целом, когда говорит следующее: «Любой социальный порядок содержит встроенные в него подструктуры (роли, отношения, институты и т. п.), которые берут на себя функцию расшатывания и преодоления действующего социального порядка. Причем эти подструктуры существуют в обобщенном смысле легитимно, они охраняются обществом наряду с другими компонентами социального порядка, в том числе – отвечающими за его стабильность. Иными словами, любой социальный порядок содержит в себе зародыш своего отрицания. Будем использовать термин «преодоление структуры» для той роли (функции, миссии), которая осуществляется этими подструктурами в рамках социального порядка» [70]. Сатаров перечисляет в подобной роли шутов, скоморохов, юродивых.

В принципе, Сатаров считает, что хаос легендирован, что он «спрятан» в нашей действительности, например, в гаданиях, в игре, в выборах [71]. Но он нужен, поскольку таким образом общество сохраняет свою способность к изменениям.

Роль Трикстера играет и Буратино А. Толстого. М. Липовецкий пишет об этом: «Тень мифологического трикстера-медитатора, возникающая за плечами Буратино, и придает ему архетипический статус в советской и постсоветской культурах. Семантика этого архетипа значительно шире

толстовской утопии свободной марионетки. Буратино оказывается одним из ярчайших примеров медиаторов между советским и несоветским, официальным и неофициальным дискурсами. Но это как раз характерно практически для всех персонажей, обретших архетипический статус, будь то Чапаев или Штирлиц, – характерно и то, что все они так или иначе наделяются чертами трикстера. От этих героев Буратино отличает онтологическая чистота трикстерства – он абсолютный озорник, проказник, нарушитель конвенций, хулиган, наслаждающийся самой игрой превыше ее результатов. Он наиболее *безыдейный* персонаж советской культуры, никак не связанный ни с какими социальными или идеологическими моделями» [72].

Простые детские сказки оказываются не такими и простыми. Мы – рабы тех моделей мира, которые вкладывают в наши головы. А когда такая модель мира уже есть у нас в голове, мы рассматриваем ее как самую естественную, поэтому любые другие модели откидываем как недостоверные.

Как видим, тексты создают и хранят инструкции по новому поведению, поэтому в них и видят как опасную, так и положительную роль [73–74]. Погружение в виртуальный мир заставляет читателя или зрителя неосознанно перенимать новые правила, поскольку происходит его ассоциация с героем, и элементы его мышления переходят в чужие головы.

Еще одним примером управления будущим поведением является управление прошлым. Сквозь трансформацию прошлого создаются и обосновываются правила поведения в настоящем. Это известное направление, именуемое изобретением традиций, связано с именем британского историка-марксиста Э. Хобсбаума [75]. Как оказалось, например, шотландская юбка-килт является таким современным изобретением, искусственно вписанным в прошлое, чтобы отделиться от английских культурных традиций. Танец сиртаки был придуман для фильма «Грек Зорба». Таким же феноменом является придуманная история, которая через определенные промежутки времени начинает трактоваться как фактическая.

Хобсбаум говорит о феномене изобретения традиций, что они встречаются чаще, когда происходит быстрая трансформация общества, нарушаются социальные модели, для которых были созданы старые традиции. Новое поведение начинают выводить из придуманных традиций, таких же новых, как и само программируемое поведение.

Сегодняшний мир переходит на другие скорости жизни, требует других способов принятия решений. Новые поведенческие роли все время прорываются наружу. Ни общества, ни государства уже не могут выполнять ту роль сдерживающего начала, которая всегда была им свойственна. Старые механизмы поломаны, а новых – нет. И создается ощущение, что их уже и не будет.

Литература

1. Рівас М. Освічене неучтво // zbruc.eu/node/79945.
2. The FBI and Religion: Faith and National Security Before and After 9/11. Ed. by S. A. Johnson, S. Weitzman. – Oakland, 2017.
3. Green E. How the FBI Is Hobbled by Religious Illiteracy // www.theatlantic.com/politics/archive/2017/02/the-fbi-and-religion/517746/.
4. Gierzynski A. Harry Potter and the Millennials. Research Methods and the Politics of the Muggle Generation. – Baltimore, 2013.
5. Gierzynski A. Harry Potter did help shape the political culture of a generation // theconversation.com/harry-potter-did-help-shape-the-political-culture-of-a-generation-29513.
6. Griffiths S. Harry Potter cast a spell on the U. S. to propel Barack Obama to Presidency twice, professor claims // www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-2394636/Vermont-professor-Anthony-Gierzynski-claims-Harry-Potter-helped-Obamas-election.html.
7. Ross A. How Harry Potter Fans See the Presidential Election // time.com/4551438/harry-potter-donald-trump-voldemort-hillary-clinton-hermione/.
8. Главного врага Гарри Поттера зовут не Вольдеморт – Джоан Роулинг // news.flarus.ru/?topic=5178.
9. Иванкина Г. Магия Гайдара // zavtra.ru/blogs/magiya-gajdara.
10. Хазагеров Г. Бесы в судьбе барабанщика // www.khazagеров.com/gaidar/103-gaidar.html.
11. Елизаров М. На страже детской души // prochtenie.ru/news/27383.
12. Найшуль В. А. Высшая и последняя стадия социализма // libertarium.ru/l_libnaul_brezhnev?PRINT_VIEW=YES.
13. Зимина Т. Конфликтовать или кооперироваться? // www.nkj.ru/archive/articles/33680/.
14. Плахова А. Гарри Поттер против Штирлица: как люди разных поколений выстраивают взаимоотношения // knife.media/potter-vs-stierlitz/.
15. Рикель А. М., Тычинина М. И. Межпоколенческие различия стратегий межличностных отношений // docplayer.ru/amp/44825765-Problema-pokoleniy-v-kontekste-socialnyh-nauk.html.
16. Гайдар шагает впереди. «Пятидневка» с Вадимом Тихомировым // www.radiorus.ru/brand/episode/id/62331/episode_id/1672387/.
17. Елизаров М. Аркадий Гайдар, первая глава (эссе) // ru-elizarov.livejournal.com/237902.html.
18. Елизаров М. Аркадий Гайдар, вторая глава (эссе) // ru-elizarov.livejournal.com/238357.html.

19. Елизаров М. Аркадий Гайдар, пятая глава (эссе) // ru-elizarov.livejournal.com/239756.html.
20. Быков Д. СССР – страна, которую придумал Гайдар. Стенограмма лекции // gaidarfund.ru/articles/1154/.
21. Марголит Е. Почему я ненавижу современное кино? Интервью // archives.colta.ru/docs/13592.
22. Марголит Е. Советское кино, состоящее из орущего рта или из одних поднятых рук, – обидное заблуждение. Интервью // www.odnako.org/almanah/material/evgeniy-margolit-covetskoe-kino-sostoyashchee-iz-orushchego-rta-ili-iz-odnih-podnyatih-ruk-eto-obidnoe-zabluzhdenie/.
23. Современная память россиян о войне // www.levada.ru/2018/05/11/sovremennaya-pamyat-rossiyan-o-vojne/.
24. Талер Р. и др. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. – М., 2017.
25. Талер Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. – М., 2017.
26. Carroll A. E. What Barbershops Can Teach About Delivering Health Care // www.nytimes.com.
27. Victor R. G. a. o. A Cluster-Randomized Trial of Blood-Pressure Reduction in Black Barbershops // www.nejm.org.
29. Robinson N. Videogames, Persuasion and the War on Terror: Escaping or Embedding the Military-Entertainment Complex? // eprints.whiterose.ac.uk/127283/2/Videogames%20militarisation%20and%20persuasion%20%28revised%20version%29%20final.pdf.
30. Bogost I. Playing politics: videogames for politics, activism and advocacy // journals.uic.edu/ojs/index.php/fm/article/view/1617/1532.
31. Robinson N. a. o. Visualising War? Towards A Visual Analysis of Videogames and Social Media // eprints.whiterose.ac.uk/97841/3/Perspectives%20-%20Revised%20EssayRobinson%20and%20Schulzke.pdf.
32. Belletto S. The Game Theory Narrative and the Myth of the National Security State // sites.lafayette.edu/belletts/files/2010/06/61.2.belletto1.pdf.
33. Jameson F. Postmodernism and Consumer Society // art.ucsc.edu/sites/default/files/Jameson_Postmodernism_and_Consumer_Society.pdf.
34. Jameson F. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. – London – New York, 1991.
35. Green J. a. o. Inside the Trump Bunker, With Days to Go // www.bloomberg.com/news/articles/2016-10-27/inside-the-trump-bunker-with-12-days-to-go.

36. Graves A. Did Hillary Clinton call African-American youth 'superpredators?' <http://www.politifact.com/truth-o-meter/statements/2016/aug/28/reince-priebus/did-hillary-clinton-call-african-american-youth-su/>.
37. Kim Y. M. a. o. The stealth media? Groups and targets behind divisive issue campaigns on Facebook // journalism.wisc.edu/wp-content/blogs.dir/41/files/2018/04/Kim.FB_.StealthMedia.re_.3.two-columns.041718-1.pdf.
38. Professor Young Mie Kim publishes research on group and targets of divisive issue campaigns on Facebook // journalism.wisc.edu/2018/04/11/professor-young-mie-kim-publishes-research-on-groups-and-targets-of-divisive-issue-campaigns-on-facebook/.
39. Beckett L. Texas high school shooting prompts talk of 'contagion effect' // www.theguardian.com/us-news/2018/may/19/santa-fe-high-school-shooting-contagion-effect.
40. Towers S. Contagion in Mass Killings and School Shootings // journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0117259.
41. Harari Y. N. Why fascism is so tempting – and how your data could power it // www.ted.com/talks/yuval_noah_harari_why_fascism_is_so_tempting_and_how_your_data_could_power_it/transcript?utm_campaign=social&utm_medium=referral&utm_source=facebook.com&utm_content=talk&utm_term=global-social%20issues.
42. Делез Ж. Post scriptum к обществам контроля // aitrus.info/node/754.
43. Фуреди Ф. Книги опасны! // inosmi.ru/social/20180312/241674956.html.
44. Books that shaped America. 1900 to 1950 // www.loc.gov/exhibits/books-that-shaped-america/1900-to-1950.html.
45. L Frank Baum: the real Wizard of Oz // www.telegraph.co.uk/films/2016/05/06/l-frank-baum-the-real-wizard-of-oz/.
46. The Occult Roots of The Wizard of Oz // thenwrdor.blogspot.com/2012/09/the-occult-roots-of-wizard-of-oz-by-vc.html.
47. The link of Rainbows to MK Ultra // themanymfacesofthezodiac.com/2013/04/30/the-link-of-rainbows-to-mk-ultra/.
48. RDR: MK ULTRA at work in Tucson attack? // www.reddirtreport.com/general/rdr-mk-ultra-work-tucson-attack.
49. Springmeier F. a. o. The Illuminati Formula to Create an Undetectable Total Mind Control Slave // educate-yourself.org/mc/illumformula1chap.shtml.
50. Koupal N. T. On the road to Oz: L. Frank Baum as Western editor // www.sdhspress.com/journal/south-dakota-history-30-1/on-the-road-to-oz-l-frank-baum-as-western-editor/vol-30-no-1-on-the-road-to-oz.pdf.

51. Algeo J. Oz – A Notable Theosophist: L. Frank Baum // www.theosophical.org/publications/1583.
52. Algeo J. Oz as Myth and Mysticim // www.theosophical.org/publications/1550.
53. Articles on Oz from a Theosophical perspective // www.theosophical.org/42-publications/quest-magazine/1581-sp-1489238150.
54. Derry K. «Like You Could Read What Was Inside of Me»: Genocide, Hermeneutics, and Religion in The Wizard of Oz // www.researchgate.net/profile/Ken_Derry/publication/283895165_Like_You_Could_Read_What_Was_Inside_of_Me_Genocide_Hermeneutics_and_Religion_in_The_Wizard_of_Oz/links/579b520408ae5d5e1e137857/Like-You-Could-Read-What-Was-Inside-of-Me-Genocide-Hermeneutics-and-Religion-in-The-Wizard-of-Oz.pdf.
55. Parker D. B. The Rise and Fall of The Wonderful Wizard of Oz as a «Parable on Populism» // www.halcyon.com/piglet/Populism.htm.
56. The wizard of Oz: five alternative readings // www.bbc.com/culture/story/20140819-the-wizard-of-oz-hidden-meanings.
57. Parker D. B. Oz: L. Frank Baum's Theosophical Utopia // www.academia.edu/2511173/Oz_L_Frank_Baum_s_Theosophical_Utopia.
58. Trippy Films: The Wizard of Oz (1939) // turnmeondeadman.com/trippy-films-the-wizard-of-oz-1939/.
59. Over the rainbow. Meaning // www.shmoop.com/over-the-rainbow/meaning.html.
60. Nix E. 8 things you may not know about «The wizard of Oz» // www.history.com/news/8-things-you-may-not-know-about-the-wizard-of-oz.
61. Houlberg L. The Wizard of Oz: More Than Just a Children's Story // wr.english.fsu.edu/College-Composition/Our-Own-Words-The-James-M.-McCrimmon-Award/Our-Own-Words-2005-2006-Edition/The-Wizard-of-Oz-More-Than-Just-a-Children-s-Story-by-Lauren-Houlberg.
62. Peay P. Academy Awards 2011: Which Myth Will America Choose? // www.huffingtonpost.com/pythia-peay/academy-awards_b_826464.html.
63. Beebe J. Typing the group mind. Part 1 // typeindepth.com/2011/03/typing-the-group-mind-%E2%80%93part-i/.
64. Когда проснутся спящие // ezotera.ariom.ru/2014/05/24/ezoterika.html.
65. Ключева Н. В. От чего зависит успех в бизнесе? // textarchive.ru/c-2489357-pall.html.
66. Хвольсон А. Царство малюток. Приключения Мурзилки и лесных человечков // sheba.spb.ru/lib/hvolson.htm.
67. Казюлькина И. Незнайка // bibliogid.ru/muzej-knigi/lyubimye-geroi/362-neznajka.

68. Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К. Г. Юнга и К. К. Кереньи. – СПб., 1999.
69. Гусейнов Г. Трикстер нашего времени // www.openspace.ru/article/515.
70. Сатаров Г. Как возможны социальные изменения: обсуждение одной гипотезы // old.memo.ru/uploads/files/549.pdf.
71. Сатаров Г. А. Институты хаоса: проблема узнавания // cyberleninka.ru/article/v/instituty-haosa-problema-uznavaniya.
72. Липовецкий М. Утопия свободной марионетки, или как сделан архетип (Перечитывая «Золотой ключик» А. Н. Толстого) // magazines.russ.ru/nlo/2003/60/lipov.html.
73. Pombo R. F. How one hundred years of solitude redefined Latin America // www.bbc.com/culture/story/20180524-one-hundred-years-of-solitude-redefining-latin-america.
74. Морякова М. Книги опасны? // ne-text.ru/2018/04/02/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8-%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D1%8B/.
75. The Invention of Tradition. Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge etc., 2000.

Глава пятая

Инструментарий виртуальных воздействий

1. Когнитивный инструментарий гибридной войны, или гибридная война в головах и на экране

Гибридная война строится на управлении человеческим сознанием, в результате чего мы видим маркеры, которые определяют наше понимание того, что происходит. Не с точки зрения реальности, а с позиции того, кто управляет нашим восприятием. Эти маркеры не позволяют нам выходить за пределы проектируемого восприятия. Мы видим только то, что должны увидеть, и не видим того, чего увидеть не должны. Поэтому главным инструментом становится когнитивное воздействие, а сама гибридная война – когнитивной войной в нашем ментальном пространстве.

Когнитивные атаки направлены на трансформацию понимания и реинтерпретацию ситуации в индивидуальном и массовом сознании.

Одновременно используется эмоциональный стресс для отключения рационального мышления объекта воздействия. Например, в российско-украинской войне отображаемые действия были практически те же на экранах украинского, российского и международного телевидения, но в информационном и виртуальном пространствах они получали разные интерпретации, что вело к разным выводам.

Мы описывали когнитивный характер этой войны достаточно давно [1]. Это когнитивный инструментарий, поскольку основные действия, особенно на начальных этапах, происходят в информационном и виртуальном пространствах. Россия должна была сделать из Украины врага, чтобы оправдать свои действия, что является обычной предпосылкой войны.

Гибридная война становится все более обычным вариантом поведения на международной арене. Н. Шедлоу пишет: «Китайский, русский и иранский режимы активно продвигают свои долговременные цели с помощью сетей партнеров, суррогатов и прокси-сил» [2]. Все это оказывается возможным, поскольку, как подчеркивал Ф. Хоффман, гибридная война характеризуется стиранием границ войны и мира [3]. Хоффман также называет такие войны – сложными или составными (compound wars), поскольку в них присутствуют элементы традиционных и нетрадиционных войн. В то же самое время, выступая в роли агрессора, Россия обвиняет США в использовании инструментария гибридной войны [4–5].

В любом варианте войны, и особенно в случае гибридной войны, есть необходимость программировать и прогнозировать действия противника как реакцию на свои действия. Гибридная война не только прогнозирует, но и подталкивает противника к нужному поведению и пониманию происходящего.

Гибридная война строится на создании замедленного реагирования противника, чтобы выиграть время и достичь поставленных целей без явного применения силы. Реально это диффузная война по множеству направлений одновременно, в рамках которой мягкая сила принимает более серьезный характер. Обычная мягкая сила не имеет кратковременных целей, здесь же они налицо. Например, концепт «Русский мир», являясь чистой воды мягкой силой долговременного порядка, в случае Украины стал военным предлогом для российской интервенции, поскольку превратился в идею вооруженной защиты русскоговорящих, даже без их желания, превращая войну, с точки зрения подачи ее миру Россией, справедливой.

Аннексия Крыма показала очень ярко российскую модель информационной войны, базирующуюся на рефлексивном контроле оппонента [6]. Примеры этого контроля можно легко найти на разных коммуникативных уровнях и в разных пространствах: физическом, информационном и виртуальном. Если информационное пространство

работает с фактами, то виртуальное с трендами, правилами, моделями поведения. Именно поэтому с такими стратегическими продуктами на этом уровне работают религия, идеология, литература, культура.

Главной целью российской стороны была блокировка использования силы со стороны Украины, поскольку тогда кровь и смерти на картинке ситуации будут негативными для России. А все сегодняшние войны должны быть исключительно справедливыми. Поэтому Россия работала над имиджем добровольного присоединения Крыма к России вместо имиджа агрессии и аннексии. В случае Донбасса конструировался иной имидж – это был имидж гражданской войны между самими украинцами, где Россия вообще отсутствует.

Все эти цели имели перед собой три типа аудитории: украинскую, российскую и международную. Были возрождены многие приемы советской пропаганды, которые наполнили новыми идеями – когнитивным инструментами, которые объединялись с российским вариантом рефлексивного контроля, основанном на управлении восприятием. Это было не только вербальное восприятие, но также и визуальное, поскольку основным источником пропаганды стало телевидение.

Среди разных коммуникативных уровней можно назвать следующие: между руководителями парламентов двух стран, между офицерами противоположных армий, а также между семьями, особенно в Крыму, то есть на личностном уровне. На первом уровне российская сторона устами руководителя своего парламента говорила, что если Украина применит силу в ответ, то через два часа в Киеве высадится российский десант. Многие украинские и российские офицеры были в нормальных отношениях, участвуя в совместных парадах, так что психологически не так просто было открывать огонь, тем более Киев не давал прямого приказа. Та же ситуация была и на семейном уровне.

Для пропагандистских целей Россия и в этой войне повторила свой нарратив, который удерживала в случае Грузии, а также использует в отношении стран Балтии. Она вписывает себя в роль ЗАЩИТНИКА (СПАСИТЕЛЯ), оставляя законным властям роль АГРЕССОРА (ВРАГА), то есть вписывая ситуации в схему войны 1941–1945 гг., где были роли ОСВОБОДИТЕЛЯ И АГРЕССОРА:

ЗАЩИТНИК – ЖЕРТВА – АГРЕССОР

Россия – Осетинский народ – Власти Грузии

Россия – Русскоговорящие граждане Украины – Власти Украины

Россия – Русскоговорящие граждане (Эстонии, Латвии, Литвы) – Власти (Эстонии, Латвии, Литвы)

Современная война должна быть справедливой. Именно это заставляет создавать подобные нарративы, тем более, как оказалось, они хорошо вписываются в мифологию Отечественной войны, которая на

сегодняшний день осталась единственным не разрушенным советским мифом. Даже Сталин сохраняется на своих позициях в российском менталитете исключительно из-за войны. Именно отсюда идут истоки активного использования при описании событий в Украине слов-терминов той войны (нацисты, фашисты, каратели). Они несут самые негативные коннотации, поддерживаемые массовой культурой, поскольку вытекают из той же мифологии. Одновременно концепт ЗАЩИТНИК-СПАСИТЕЛЬ также имеет и религиозно-культурные параллели (см., например, [7]).

Когнитивный диссонанс не давал воспринимать Россию как врага, поскольку за советское время сложился четкий фрейм о двух славянских народах-братьях. Россия выходила из этой ситуации, задав разделение на ХУНТУ (этим и подобными словами обозначалась власть Украины) и НАРОД. Россия по этой интерпретации воевала не против НАРОДА, а против ХУНТЫ. А это обозначение без дополнительных разъяснений несет исключительно негативную окраску.

Правда, иногда люди не хотят попадать в когнитивный диссонанс, то предоставление им корректирующей информации может, наоборот, усиливать неверные представления. Этот феномен получил название обратного эффекта [8]. В данном случае, чтобы этого не было, об Украине на российском ТВ шла исключительно негативная информация.

Следует подчеркнуть, что многие вещи, которые выглядят странными или неадекватными, произносятся не из-за коммуникаций с миром, а исключительно для коммуникаций с российским населением, а еще точнее – российским избирателем. Аннексия Крыма стала ходом политтехнологов в помощь избранию Путина, поскольку это создало ему всплеск рейтинга как вариант реализации нетиражируемого вслух лозунга «Сделаем Россию снова великой». Психологам известен факт, что консервативное население объединяется вокруг сильного лидера как защитника, избирая его на пост президента.

Мы можем перечислить определенный медиа и пропагандистский инструментарий, позволивший работать в такой модели.

Медиа-инструментарий гибридной войны опирается на следующее:

- замена терминов для описания ситуации, взятых из прошлых негативных образцов-ситуаций,
- создание фейковых событий и объектов, поддерживающих линию обвинения противника,
- создание протестных акций разного порядка против власти противника для последующего показа своему телезрителю.

При этом также используется старый пропагандистский инструментарий советского образца:

- максимальное тиражирование своих интерпретаций, заглушающее опасную контринформацию,

– подключение к обсуждению заангажированных журналистов и экспертов,

– военные действия оправдываются исключительно благородными мотивами, противник же предстает исчадием ада.

Все это было направлено на главную цель – легализацию своих действий в глазах собственного населения, населения противника и международного мира.

Украина стала получать меньшую долю этих воздействий, когда прекратила вещание российских каналов на своей территории. Но интерес еще некоторое время к ним все равно существовал, и его легко было удовлетворить через Интернет.

Гибридные действия получили распространение во всем мире, начиная с мягкой силы, которую также можно трактовать как гибридную войну light. Но главной их характеристикой мы назовем как бы их невидимость до определенного предела. «Зеленые человечки», даже одним своим названием и фотографированием с гражданами, демонстрировали неопасный характер, правда, имея при себе при этом автомат, что полностью нивелировалось раздачей улыбок. Это и есть то управление противником, которое заложено в российской модели информационной войны под названием рефлексивного управления, по иному именуемого управлением противником.

В физическом пространстве незаметность на первом этапе демонстрировали действия российских военных без знаков различия. То есть действие становится заметным исключительно при завершении операции, а пока она идет запускается несколько противоречащих друг другу интерпретаций. Все это лишает возможности адекватного реагирования из-за противоречивости получаемых сигналов.

«Зеленые человечки» тем более говорили на том же языке, что крымчане, что было бы, например, невозможно в Эстонии, где такой военный сразу бы был признан иностранцем. Один раз на Донбассе прозвучало «чужое» слово «*порербрик*» при захвате админздания. Оно означает «бордюр» и абсолютно неизвестно в Украине, поскольку употребляется исключительно в Санкт-Петербурге. Откуда следует, что и отдававший приказы был оттуда.

Сходно происходили захваты административных зданий на Донбассе, где это делали якобы гражданские лица с военной выправкой. Это было целью продемонстрировать неприятие украинских властей гражданами.

Можно увидеть следующую модель действий, где каждый новый этап вытекает из предыдущего:

«Народная самооборона» → Солдаты без опознавательных знаков → Захват органов самоуправления → Квази-референдум

Генерал Кузьмук говорит о невозможности открывать огонь, поскольку Россия выстраивала защиту из гражданских лиц между своими и украинскими военнослужащими: «В кого в Крыму было стрелять? Так называемые зеленые человечки, или военнослужащие Российской Федерации, были очень надежно защищены. Представьте себе. Воинская часть, пункт постоянной дислокации, военный городок. Внутри – наши военнослужащие с оружием. Я когда был в Крыму, то с ними вместе рисовал план охраны и обороны военного городка, план охраны и обороны домов, где живут семьи военнослужащих. За забором воинской части – первое кольцо, местные жители. Гражданское население с российскими и крымскими флагами. За ними – казаки [...] Была четко разработанная система. Местное население, казаки, потом уже – русские военнослужащие» [9].

Невидимая война становится видимой только на последних ее этапах, когда остановить ее уже сложно. Но и в принципе современные войны стали менее выраженными и понятными, даже когда они ведутся традиционными методами, что связано с новой ролью населения в войне с повстанцами, когда Д. Килкаллен и другие признали, что не противник, а население является точкой отсчета, назвав это войной, centered on the population. А с населением военные не очень умеют работать.

Сегодня можно прийти в любое министерство обороны и сказать: ребята, вы войну давно проиграли, чего вы тут сидите. Сегодняшние типы войн, как это ни странно, не имеют четких параметров проигрыша или выигрыша. Д. Рамсфельд, будучи министром обороны США, требовал от подчиненных создать хоть какую-то метрику войны, чтобы понять, кто все же побеждает. Это также одна из примет гибридной войны, когда в настоящей войне военные не могут понять, кто победитель.

Гибридная война, как и всякая война, но особенно это касается, конечно, гибридного варианта, строится на усиленной медийной работе для трех аудиторий: на домашнем фронте, с населением противника и на международной арене.

Во всех своих пропагандистских потоках Россия воспользовалась механизмом переименования объектов в сторону усиления нужной ей символизации. В конфликте с Украиной таким активно используемым переименованием стало использование языка Второй мировой войны, который употреблялся тогда для обозначения врага.

Это были фашисты, нацисты, каратели, неонацисты как основной инструментарий, помогали им в этом также *бандеровцы*, которые также отсылают на время войны. Это было даже не информационной войной, где предполагается хоть какая-то искусственность, а простой пропагандой, причем с опорой на родную старую советскую пропаганду, которая как раз вся выстроена на понятии «врага». Информационное пространство в этом случае выстраивалось не столько с опорой на физическое, как на

виртуальное, откуда и брались все эти обозначения без всякой связи с реальностью.

В эпоху телевидения нельзя обойтись без видеоряда, тем более что теленовости были и есть основным источником информации для россиян. Фейковых новостей было так много, что стала совершенно понятна модель их порождения и использования. Поскольку просто слова могли вызвать подозрения, надо было создать определенные виртуальные события, которые должны были стать доказательством лживого освещения.

Д. Киселев, например, демонстрировал на экране удостоверение СС, выданное человеку с украинской фамилией, при этом удостоверение СС была написано с учетом современной немецкой орфографии, которая не соответствовала временам войны. Киселеву потом пришлось даже оправдываться перед телезрителями [10]. На другом российском телеканале прошел сюжет о распятом мальчике, что тоже впоследствии оказалось фейком [11–15]. В этих пиках противоречия с действительностью явно проступает военный характер конфликта, поскольку только такой тип конфликта позволяет себе не опираться на правду, а конструировать в информационном пространстве то, что требуется, а не отражать то, что есть.

Кстати, такой же странной выглядит дата российской социологии в Крыму, когда один из опросов проводился там 31 декабря 2015-1 января 2016 [16]. Как и использование одного и того же персонажа, в котором опознали «актрису» М. Ципко, выступающую в роли свидетельницы ужасных событий в разных точках и разных странах от Украины до Латвии [17–20].

Возвращаясь к проблеме когнитивных искажений, можно добавить следующие из длинного набора когнитивных отклонений, характерных для массового сознания:

- *первая интерпретация*: интерпретацию, которая приходит первой, не так легко изменить: российское телевидение всегда было первым для своей аудитории,
- *селективное восприятие*: мы видим то, что ожидаем увидеть: российские журналисты искали исключительно отрицательную информацию об Украине,
- *переоценка важности имеющейся информации*: все четыре российских государственных канала управлялись информационно из одного центра, поэтому у зрителя создавалось ощущение, что другой правды нет и быть не может,
- *эффект группового мышления*, который не позволяет высказывать индивидуальное мнение, если оно расходится с основным,

– *слепое пятно* – мы видим ошибки только в словах и аргументах других: российские журналисты все время говорят на тему «зомбированности» украинской аудитории.

Так мы можем идти по всему списку когнитивных искажений, и они все окажутся работающими. Это также связано с главным свойством тоталитарной пропаганды – повтором. Все это время российское телевидение постоянно обсуждало исключительно украинские события, забыв о собственных проблемах.

Российская ситуация является интересным примером, как в современном обществе телевидение может победить Интернет, в котором все же могут присутствовать альтернативные мнения, чего нет в официальном наборе, который пропаганда препарирует до уровня таблицы умножения, с которой невозможно спорить.

Новости и политические ток-шоу являются жестко контролируемым потоком информации, особо важным, так как большинство россиян отдадут предпочтение телевизионной информации. По СМС-переписке действующих лиц можно увидеть, как Администрация президента, например, подбирает выступающих для ток-шоу В. Соловьева и других [21].

Повтор и громкие голоса вместе с драками на российских политических ток-шоу переключают зрителей на эмоциональное восприятие и отключают рациональное. Хорошие и правильные «свои» во главе с играющим главную скрипку ведущим здесь всегда побеждают неуклюжих и неправильных противников, которые хоть и пытаются что-то сказать, но делают это совершенно неумело, к тому же получая время от времени за свои слова по голове.

Интересно, что в российских политических ток-шоу принимали участие не только фейковые украинские «эксперты» [22–24], но и такие же фейковые представители из других стран – постоянно живущий в Москве и пытающийся получить российское гражданство американец М. Бом, подаваемый как журналист, хотя он никогда не был таковым в США [25–26], и недавно выдворенный из России поляк Т. Мацейчук, который также никогда не был в Польше политологом [27]. Все это, скорее, «политические актеры», получающие высокие гонорары [28] одновременно с тумачами [29–30], что соответствующим образом связано.

Тут как бы действует основное правило, характерное для таких манипулятивных ток-шоу – зрители должны сидеть у телевизора, а вот какими методами их туда усаживают, честными или нет, это уже вторично. А наличие зрителей позволяет передавать нужную информацию, поскольку без замеревших у экранов это было бы сделать трудно. У американцев есть отдельный термин *soft news* для новостей, звучащих в ток-шоу, так как обычные новости туда попасть не могут, поскольку они не имеют того уровня эмоциональности.

Как в свое время была создана передача «актуального юмора» «Прожекторперисхилтон», чтобы привлечь к нужным акцентам политического поля молодежь, поому что она ушла от смотрения теленовостей, так и политические ток-шоу, нацеленные на конфликт с Украиной, возвращают к телевизору тех взрослых, кто не смотрит новости. Эта та же гибридная война, только на телеэкране. Даже если ты не хочешь смотреть новости, мы тебя все равно заставим.

Вся эта информационная модель управляется весьма серьезным способом из Администрации президента (см. некоторые подробности этой кухни, названной театром политических марионеток [31–33]). Специалистов этого профиля Д. Дондурей называл «смысловиками» по аналогии с силовиками, только из другой сферы [34–35]. Вчитываясь в его слова, хочется переиначить слова известной песни советского времени: «Смысловики, наденьте ордена». Так, кстати, и произошло, когда журналисты были награждены за Крым.

Приведем несколько важных мыслей Д. Дондурея:

- «Мы редко всматриваемся в колоссальную работу тех, кто мировоззренческие, моральные, ментальные, социально-психологические паттерны мышления и поведения имплантирует в сознание (и подсознание) миллионов людей»;
- «надежнее разделить представителей любых социальных сообществ всего на две группы – на «своих» и «чужих»; свои – это родственники, земляки, однокашники, друзья, проверенные знакомые, старые коллеги, они все партнеры родных неформальных отношений, а значит, им можно доверять, с ними сотрудничать (недоверие – главный бич российской экономики); а еще есть «чужие» – все остальные»;
- «нельзя забывать, что все иностранное, если это не инвестиции, туризм, еда и медпрепараты, потенциально враждебно для нас; что западные страны хотят лишить страну и людей права на уникальность через продвижение глубоко нам чуждых ценностей и нравственных убеждений»;
- «Эти профи негласно дали не отрефлексированное до сих пор указание стократно уменьшить или совсем не пользоваться такими опознавательными терминами минувшей эпохи, как «реформы», «модернизация», «инновации», «развитие личности», прекрасно осознавая, что это делается в безмерно чувствительной к словам-поводырям стране»;
- «Еще в конце минувшего века госсмысловики совершили открытие. Осознали невероятное: при умелом программировании массовой культуры предоставленные рыночной системой возможности совершенно не опасны для сохранения концепции «особого пути» российского «государства-цивилизации»».

Все это мы можем обозначить формулой когнитивная трансформация массового сознания. Она может быть направлена как вперед, к новому типу инновационного общества, так и обращена назад, создавая ретро-общество. Кстати, отсюда и важность фигуры Сталина для современного состояния российского общества.

Когнитивные атаки являются новым типом интервенций, особенно для случая работы с массовым сознанием. С этой точки зрения можно посмотреть также на российскую попытку вмешательства в американские президентские выборы. Она была направлена на создание хаоса в головах, поскольку ее результатом становился рост поляризации среди избирателей.

Суммарно можно сказать, что после Крыма [36] и Донбасса, где были и физические действия, российские информационные интервенции были обнаружены в американских и французских президентских выборах, референдумах (Брекзит, Каталония (о последнем см. [37]). Правда, при этом считается, что их воздействие не было столь решающим.

Однако имеется и другая точка зрения, которая акцентирует иной аспект: «Эффект социальной передачи был сильнее прямого эффекта самих сообщений. Уровень переубеждения избирателя составлял около 0,39 %, что представляется малой величиной, но реально он переводится в дополнительные 282 тысячи голосов. Если вспомнить основные голосования, такие как Брекзит с результатом 51,9 % против 48,1 %, или тот факт, что Хиллари проиграла выборы 77 тысячами голосов, то в зависимости от контекста такие малые эффекты могут значить очень много» [38–39].

В будущем воздействия будут с неизбежностью смещаться на все более незаметные сейчас уровни, сегодня дигитальное нападение – это все учебные атаки и учебные тревоги, но завтра для них будет найдено то, что послужит реальным боевым выстрелом, а не просто хлопком.

Данная гибридная война со стороны России оказалась возможной благодаря тому, что ее допустило российское массовое сознание. Но одновременно она сработала и на укрепление украинского самосознания. Сходная ситуация была привнесена в Чехословакию советскими танками: «Лидеры Пражской весны никогда не выступали против социализма – об этом потом писали и говорили все причастные к чехословацкой перестройке, от Александра Дубчека до Зденека Млынаржа. Сама Пражская весна не была протестом, и уж тем более чем-то антирусским или антисоветским. Чешская, точнее, чехословацкая идентичность обретет более внятные очертания только потом, после танков. Милан Кундера писал в романе «Неведение» о ЧССР после августа 1968-го: “Никогда страна не была до такой степени отечеством, чехи – до такой степени чехами”» [40].

Сильные события создают сильные результаты, слабые события происходят незамеченными. Украина получила урок, последствия которого еще долго будут оказывать влияние.

Литература

1. Pocheptsov G. The first cognitive war in the world (Ukraine, Crimea, Russia) // www.academia.edu/10057232/FIRST_COGNITIVE_WAR.
2. Schadlow N. Competitive engagement: upgrading America's influence // smallwarsjournal.com/jrnl/art/competitive-engagement-upgrading-america%E2%80%99s-influence.
3. Hoffman F. G. Conflict in 21st century: the rise of hybrid wars // www.potomac institute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf.
4. Ивашов Л. Гибридные войны // izborsk-club.ru/14997.
5. Бартош А. России не избежать гибридных войн // nvo.ng.ru/concepts/2018-03-09/1_987_hybridwar.html.
6. Thomas T. Russia's 21st century information war: working to undermine and destabilize polulation // www.stratcomcoe.org/timothy-thomas-russias-21st-century-information-war-working-undermine-and-destabilize-populations.
7. Буевич А. А. Концепт «Спаситель» в русской культуре // www.vsu.by/xmlui/bitstream/handle/123456789/991/t15pub156.pdf?sequence=1&isAllowed=y.
8. Nyhan B. When Corrections Fail: The persistence of political misperceptions // www.dartmouth.edu/~nyhan/nyhan-reifler.pdf.
9. Кузьмук: В армии «ЛДНР» из 10 человек – девять украинцев и один русский офицер. Два военных училища, в Луганске и Донецке, уже проводят выпуск офицеров // gordonua.com/publications/kuzmuk-v-armii-ldnr-iz-10-chelovek-devyat-ukraincev-i-odin-russkij-oficer-dva-voennih-uchilishcha-v-luganske-i-donecke-uzhe-provodyat-vipusk-oficerov-244628.html.
10. Киселев оправдался за поддельное удостоверение СС в «Вестях недели» // lenta.ru/news/2016/05/16/kiselev_galichina/.
11. Телесюжет о распятом мальчика // ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D1%81%D1%8E%D0%B6%D0%B5%D1%82_%D0%BE_%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BF%D1%8F%D1%82%D0%BE%D0%BC_%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%87%D0%B8%D0%BA%D0%B5.
12. Кашин О. Кровавый навет в эфире «Первого канала»: извинится ли Константин Эрнст перед зрителями // republic.ru/russia/krovavyy_navet_v_efire_pervogo_kanala_izvinitnya_li_konstantin_ernst_pered_zritelyami-1126862.xhtml.

13. Пономарев А. Журналисты не нашли подтверждение сюжету «Первого канала» о распятом в Славянске ребенке // republic.ru/fast/russia/zhurnalisty-ne-nashli-podtverzhdeniya-syuzhetu-pervogo-kanala-o-raspyatom-v-slavyanske-rebenke-1126851.xhtml.
14. Мусафилова О. и др. «Мальчика» не было, но он живет. Кто придумал самый кровавый фейк войны на Донбассе // www.novayagazeta.ru/articles/2015/07/15/64898-171-malchika-187-ne-bylo-no-on-zhivet.
15. «Оправдание» Первого канала за «распятого мальчика»: это «болезненная фантазия» женщины // zn.ua/WORLD/opravdanie-pervogo-kanala-za-raspyatogo-malchika-eto-boleznennaya-fantaziya-zhenschiny-162460_.html.
16. Калинин К. и др. Крымский опрос как зеркало русской социологии // trv-science.ru/2016/01/12/krymskij-opros-kak-zerkalo-rossijskoj-sociologii/.
17. Крупина Л. В деле и личности Ципко много темных пятен // fakty.ua/181649-skolko-tebe-zaplatili-chtoby-ty-syuda-priehala-idi-otseleva-govorili-moskovskie-starushki-izvestnoj-ukrainskoj-gastrolershe-separatistke-marii-cipko.
18. Известная «гастролерша» Ципко выступила в роли пострадавшей в одесской трагедии // www.stopfake.org/izvestnaya-gastrolersha-tsipko-vystupila-v-rol-i-postradavshej-v-odesskoj-tragedii/.
19. Профессиональная «плакальщица» Путина засветилась на пророссийской акции в Латвии // www.obozrevatel.com/crime/professionalnaya-plakalschitsa-putina-zasvetilas-na-prorossijskoj-aktsii-v-latvii.htm.
20. В РФ на мошенничестве и воровстве попала сепарская гастролерша Мария Ципко // andreistp.livejournal.com/8247998.html.
21. Современная история российской политики, рассказанная в СМС. Часть I // theins.ru/politika/5463/3.
22. Сабурова О. Битый политолог. Зачем российскому ТВ Вячеслав Ковтун // www.kp.ru/daily/26798.4/3833354/.
23. Голованов Р. Украинец-русофоб Ковтун терпит унижение на российских ток-шоу за миллионный гонорар // www.kp.ru/daily/26798.4/3833354/.
24. Рябов М. Украинский «политолог» Ковтун: в следующий раз меня пырнут ножом // www.politnavigator.net/ukrainskijj-politolog-kovtun-v-sleduyushhijj-raz-menya-pyrnut-nozhom.html.
25. Постоянно унижаемый на ток-шоу Майкл Бом рассказал о причине его «задержания» // lenta.ru/news/2017/12/07/bohm_disproof/.
26. Овчаров А. Кто такой Майкл Бом, зачем он ходит на политические передачи на Центральном телевидении, если его там постоянно

перебивают и не дают говорить? // thequestion.ru/questions/133680/kto-takoi-maikl-bom-zachem-on-khodit-na-politicheskie-peredachi-na-centralnom-televidenii-esli-ego-tam-postoyanno-perebivayut-i-ne-dayut-govorit.

27. Каштанова О. В Польше рассказали, кто такой выдворенный из России «эксперт» Мацейчук // nation-news.ru/364162-v-polshe-rasskazali-kto-takoi-vydvorenniy-iz-rossii-ekspert-maceichuk?utm_source=24smi&utm_medium=referral&utm_term=507&utm_content=1636859&utm_campaign=2605.

28. Раскрыты гонорары иностранных «мальчиков для битья» на российских ток-шоу // lenta.ru/news/2017/10/17/deneg_net/.

29. Майкл Бом объяснил, в чем ошибка подравшегося в эфире Норкина // www.mk.ru/politics/2018/02/23/maykl-bom-obyasnil-v-chem-oshibka-podravshegosya-v-efire-norkina.html.

30. Майкл Бом рассказал, как его постоянно провоцируют на драку в ток-шоу // ruposters.ru/news/23-02-2018/postoyanno-provotsiruyut-draku.

31. Исповедь пропагандиста. Часть I. Как делают новости на государственном ТВ // theins.ru/confession/59757.

32. Адамова С. Исповедь пропагандиста. Часть II. Как делают политические ток-шоу на государственном ТВ // theins.ru/confession/61361.

33. Лоренц Ю. Театр политических марионеток // inosmi.ru/politic/20170810/240020215.html.

34. Дондурей Д. Смысловики могущественнее политиков // www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/08/644510-smisloviki-moguschestvennee-politikov.

35. Дондурей Д. Российская смысловая матрица // www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/01/643174-rossiiskaya-smislovaya-matritsa.

36. Nakashima E. Inside the Russian desinformation campaign in Ukraine in 2014 // www.washingtonpost.com/world/national-security/inside-a-russian-disinformation-campaign-in-ukraine-in-2014/2017/12/25/f55b0408-e71d-11e7-ab50-621fe0588340_story.html?utm_term=.b802e2d17df0.

37. Почепцов Г. Каталонская спецоперация: последствия информационных атак как урок для Украины // hvylya.net/analytics/society/katalonskaya-spetsoperatsiya-posledstviya-informatsionnyih-atak-kak-urok-dlya-ukrainyi.html.

38. Bond R. M. a. o. A 61-million-person experiment in social influence and political mobilization // www.nature.com/articles/nature11421.epdf?referrer_access_token=Es4CZdG_oJJ2I5XrAGhJRQtRgN0jAjWel9jnR3ZoTv0O-9kUewX3bdNdtBQCWYxxxyT1mLWjysh846djlSzhdVcFDbyu7xDyoVYzlu8RFi5QpdtVdHGhFJUBy-zEOi4JFPQib7jQJezf36cFSGNHJIA5ZalvVwuZ-

iSS3B0fltTtMgFtxXUmXBeo_944zcZRxyP9P1r6Az5VLdxEc2wcJsjR7Y-a6NgHMxucIDtRkh1vTvrnhZIKObIGsXt7tPIG&tracking_referrer=www.scientificamerican.com.

39. Linden van der S. Psychological Weapons of Mass Persuasion // www.scientificamerican.com/article/psychological-weapons-of-mass-persuasion/.

40. Колесников А. Прага, Париж, Москва – бумеранг 1968-го. Чему учат революции полувековой давности // carnegie.ru/commentary/76337.

2. Инструментарий политической войны

Политическая война является часто встречающимся феноменом в любой стране. Правда, иногда она переходит и в область экономики, когда на постсоветском пространстве политических противников лишают бизнеса, осуществляя таким образом влияние на их политическую деятельность. Могут даже открывать уголовные дела, чтобы сделать депутата или политика послушнее. Но в целом политическая война бескровна и потому привлекательна. Она выполняет свои цели, не афишируя их.

В 1948 г. Джордж Кеннан выступил с обоснованием политической войны [1]. Он видел ее так, как мы сегодня видим войну гибридную: это применение любого невоенного инструментария для достижения национальных целей. Он считает, что Британская империя выжила благодаря инструментарию политической войны. Ленин также владел им прекрасно.

Для Кеннана политическая война – это политические союзы, экономические меры типа плана Маршалла, это белая пропаганда. Но главное деление все же идет на открытые и тайные операции. При этом совершенно четко политическая война направлена на поддержку антикоммунистических групп в других странах, которые угрожают США. К тайным операциям относятся поддержка «дружеских» зарубежных элементов, «черная» психологическая война и помощь повстанцам во враждебных государствах.

Ф. Хоффман, который первым увидел в конфликтах двадцать первого столетия преобладание гибридной войны [2], критикует Кеннана, с одной стороны, за то, что раз это «вне войны», то это уже и не война [3]. С другой – большая часть перечисленных им действий (пропаганда, санкции, подрывные действия) не останавливаются, когда война официально начинается.

В его понимании гибридной войны регулярный и иррегулярный инструментарий работают вместе на одном поле боя. При этом

нетрадиционный инструментарий является решающим, а не просто поддерживающим основной.

Представим также и другие мнения. Политическую войну представляют не только как скрытое применение силы, но и как разные варианты экономического давления: «подкупы, блокады или помощь с условиями, все это давние способы госуправления, которые используются теперь для политической войны. Информационное пространство также является важным полем боя. Благодаря относительно низким барьерам для входа в социальные медиа даже негосударственные акторы типа Исламского Государства могут вести сложные информационные кампании по рекрутированию и пропаганде» [4].

Такие информационные действия, вероятно, можно обозначить как использование «анонимных СМИ», если можно ввести такое понятие. Сюда же можно отнести варианты объединения типа ольгинских троллей. Такое анонимное СМИ выступает как множество отдельных пользователей, которые как бы не связаны друг с другом. Это СМИ, спрятанное для получателя информации в таком же, как он, пользователе. Это дисперсные коммуникации, контент которых объединяется уже в голове получателя, создавая ощущение массовой поддержки данного типа контента.

Кеннан своей собственной работой продемонстрировал связь политической войны и разведывательных операций. С 1942 г. он работал в Португалии, координируя американскую разведывательную деятельность. Интересно, что США во время войны отказались от термина «политическая война», считая его «слишком британским» [5]. Зато в 1948 г. термин «психологические операции» был заменен на «политическую войну», что было сделано с целью получить право на прямое вмешательство в избирательные процессы суверенных государств, а не просто заниматься работой с общественным мнением через прессу.

Еще один термин, представляющий интерес, это операции влияния. Политическую войну также трактуют как «битву нарративов», где как раз и проявляются операции влияния [6]. Политическая война предполагает, что в международных отношениях нет жесткого деления на войну и мир. Здесь действуют разные сочетания сотрудничества, примирения, конфронтации и конфликта. То есть это постоянный процесс.

По поводу действий России в Украине мнение аналитиков таково: «С ранней весны 2014 возникла российская форма политической войны как интенсивная гибридная война в Украине. В настоящее время Россия использует силы специальных операций, разведку, политических провокаторов и представителей медиа вместе с транснациональными криминальными элементами на востоке и юге Украины. Обеспечиваемая и управляемая Кремлем и действующая с разной степенью отказа и даже признания, российская гибридная война использует таких «зеленых

человечков» для классических целей. Эти цели включают в себя создание хаоса и разрушение гражданского порядка для провоцирования чрезмерной реакции от органов государственной безопасности для делегитимизации правительства в Киеве. Дополнительно российские элементы организовали пророссийских сепаратистов, наполнив их советниками и боевиками. Российский подход также включает финансирование, вооружение, тактическую координацию и огневую поддержку операций сепаратистов» [7].

Перед нами прямое описание гибридной войны, когда в структуре конвенциональной войны определенные составляющие изымаются и заменяются другими, которые не имеют прямых отсылок на государство-агрессор. А косвенными ссылками можно как угодно манипулировать, уходя от ответственности. В случае России это были ключевые фразы ухода типа «ихтамнет» и «купили в военторге».

Кстати, сегодня к набору средств политической войны добавились и кибератаки [8]. При этом подчеркивается, что следует разграничивать «кибер-помощь деятельности политического влияния» и «кибератаки в поддержку деятельности политического влияния». Первые, работая с контентом (дезинформация, троллинг, политическая реклама и под.), часто являются легальными, в то время как кибератаки, например, вторжение в информационную систему с целью шпионажа – криминальными.

С точки зрения М. Бута, США за период холодной войны потеряли понимание политической войны, поскольку в прошлом была определяющей публичная дипломатия как продвижение своих ценностей за рубежом [9]. Тогда США должны были доказывать другим странам, что их система лучше советской. Сегодня в столкновении с радикальным исламом нет потребности работать над тем, как мусульмане рассматривают США, задачей становится работа над тем, как мусульмане видят себя сами. Теперь следует поддерживать умеренных против экстремистов. Однако ни госдепартамент, ни Пентагон, ни ЦРУ не видят политическую войну в качестве своей миссии.

И еще одно важное замечание М. Бута с коллегой: «Трудно изменить последствия кампании политической войны – четкую метрику легче найти в кинетическом таргетинге, а не в операциях политического влияния, именно поэтому лидеры Америки предпочитают первое второму».

Советский Союз рассматривался Западом как страна, которая с помощью теорий И. Павлова хочет добиться управления человеком с помощью варианта контроля разума [10]. Для описания этого используется термин «ждановизм», который отражает то, как с помощью управляемой творческой интеллигенции работать с массовым сознанием. Так что то, что А. Жданов был «запевалой» борьбы с Зоценко, Ахматовой и другими, вполне укладывается в эту доктрину. Но,

по сути, перед нами вариант теории гегемонии А. Грамши, в соответствии с которой как раз интеллигенция удерживает в послушании рабочий класс, не давая тому поднять голову против доминирующего класса.

В условиях политической борьбы СССР мог действовать только так, создавая на всех уровнях скрытно работающие механизмы. Есть письмо И. Сталина профессору Ключникову о создании беспартийной газеты. Сталин пишет в далеком 1926 году: «Я думаю, что с газетой не выйдет ничего, не добьетесь цели. Дело не в намерениях, а в логике вещей. Беспартийная газета в наших условиях, в данный момент, обязательно должна превратиться либо в трибуну антисоветских настроений, либо в ухудшенную копию коммунистических газет, – все равно, хочет этого редакция, или не хочет. В первом случае – газета нежелательна, во втором случае – она умрет бесславно. Это мое личное мнение» [11].

Информационный уровень вообще был пропагандой, а на виртуальном уровне были созданы шаблоны типы соцреализма, где хорошее могло сражаться с лучшим. И горе тому, кто отклонялся от такого шаблона.

Для иллюстрации вот слова Жданова о Зощенко: «Если вы повнимательнее вчитаетесь и вдумаетесь в рассказ «Приключения обезьяны», то вы увидите, что Зощенко наделяет обезьяну ролью высшего судьи наших общественных порядков и заставляет читать нечто вроде морали советским людям. Обезьяна представлена как некое разумное начало, которой дано устанавливать оценки поведения людей. Изображение жизни советских людей, нарочито уродливое, карикатурное и пошлое, понадобилось Зощенко для того, чтобы вложить в уста обезьяне гаденькую, отравленную антисоветскую сентенцию насчет того, что в зоопарке жить лучше, чем на воле, и что в клетке легче дышится, чем среди советских людей» [12].

Перед нами понимание объекта виртуального уровня с позиции уровня информационного, который, как известно, был чисто пропагандистским. Соцреализм царил везде, где могло проявиться творческое отклонение. Кстати, сам термин и восходит к выступлению М. Горького на первом писательском съезде (см. о соцреализме, который Б. Гройс обозначил как «стиль Сталина» [13–16]).

Политическая война моделируется и просчитывается с той же четкостью, что и обычная. Корпорация РЭНД, которая начала заниматься не только военными играми, но и политическими, имела в своем составе людей в рамках подразделения социальных наук, которые во время войны анализировали газеты и пропагандистские материалы [17]. Это были Г. Шпеер, Н. Лейтес, П. Кешкемети. Г. Шпеер, возглавлявший это подразделение, привлекал к работе таких экспертов, которые имели непосредственное знание о жизни в исследуемых странах (эмигрантов или долго живших за рубежом). В наших условиях это было бы

странным, поскольку «иностранец» в глазах спецслужб всегда воспринимается с опаской.

Причиной такого решения Г. Шпеера было следующее: «Экспертам следовало интерпретировать культурные значения информации, содержащейся в материалах. Кроме непосредственного, фактического значения событий, о которых сообщали газеты, они часто незаметно отсылают к культурным слоям значений, которые не так легко декодировать чужому человеку».

Эксперт по стране может оценить значимость полученной информации, которая выходит за рамки просто факта. И это в очередной раз подчеркивает разграничение виртуального и информационного, о котором мы много говорили.

Кстати, можно вспомнить в этом плане советскую привычку чтения между строк. С. Кургинян также, описывая роль программы *Время* в советский период, подчеркивал, что она осуществляла управление по тенденциям [18]. То есть никакого официального документа еще не было, но хороший бюрократ уже понимал, что за этим последует.

В принципе, можно разделить политические сообщения на открытые и скрытые. Возникновение формулировки «культ личности», например, происходит до осуждения Сталина, но являлось сигналом к смене ситуации. Уже на следующий день после похорон Сталина (10 марта 1953 г.) Г. М. Маленков заявил на Пленуме ЦК: «Считаем обязательным прекратить политику культа личности» [19].

Скрытое сообщение, чтобы не пользоваться дважды словом информация, ждет нас на каждом из уровней: физическом, информационном, виртуальном. Можно привести такие примеры.

Физическое пространство:

– западные аналитики изучали живые эфиры телетрансляций прилета-отлета Брежнева, чтобы понять, кто с кем дружит среди членов Политбюро, ожидавших вождя,

– портреты Хрущева, Кириленко исчезли с улиц раньше, чем страна узнала об их снятии.

Информационное пространство:

– такая же судьба постигла книги Хрущева из киосков,

– страна узнавала о будущем вожде из того, кто возглавлял комиссию по похоронам предыдущего вождя.

Советскую работу в виртуальном пространстве мы процитируем отрывком из статьи Г. Бовта: «Сотни тысяч людей трактовали постановления пленумов и съездов. Десятки ученых советников на закрытых «цековских» дачах ломали головы над формулировками этих постановлений, речей вождей, стремясь заложить туда некий особый сакральный смысл, соответствующий, как им казалось, текущему

моменту. Им казалось, что они этими нюансами вносят штрихи в историю. Теперь это кажется особенно смешным. Для обывателей были посылы и попроче. С одной стороны, скажем, Московский фестиваль молодежи и студентов, впервые открывший Советский Союз для краткосрочного «братания» молодежи с иностранцами (часть хрущевской оттепели). С другой – борьба со «стилягами» и любыми проявлениями «западной культуры» – музыкой, жвачкой, джинсами и пр. Появление (раз в год примерно) гэдээровского «Фридрихштадтпаласа» (восточноевропейский вариант «Мулен-ружа») на телеэкране являло собой для некоторых чуть ли не сигнал о послаблениях. Как и появление тех или иных московских спектаклей – от «Так победим» Шатрова до всех без исключения постановок Любимовской Таганки [...]. Степень глушения «вражьих голосов» тоже кем-то трактовалась как некие то ли «посылки», то ли очередная уступка Западу (когда глушилки якобы чуть унимались). Как и разрешение еврейской эмиграции после 74-го года (ее потом волнами то разрешали, то опять прикрывали)» [20].

Несомненно частью политической войны является цензура, особенно официальная цензура, характерная для тоталитарных государств. Демократические государства тоже не любят критику, стараясь «закрыть» любое критическое выступление своей реинтерпретацией ситуации.

Сегодня считывание ситуации в обществе, имеющиеся настроения проводят по соцмедиа. Это достаточно разработанный на сегодня подход ([21–23], см. также вариант использования для этих целей контент-анализа в предыдущие периоды [24]).

СССР – это страна цензуры, наряду с космосом ли, наукой ли, образованием ли. Без цензуры СССР невозможен. И спецслужбы при этом тоже выполняли роль цензоров, наблюдая за теми, кто мог оказаться неблагонадежным.

На цензуру жаловались все. Стругацкие, выпускавшие свои книги сотысячными тиражами, тоже жаловались на цензуру. Так что жалобы могут быть разными: от диссидента, попавшего в лагерь, и от успешных писателей.

Стругацкие, например, пользовались чеками для магазинов «Березка», местом, где существовали все дефицитные товары, попадание туда являлось мечтой любого советского человека.

Вот, что пишет об этом А. Иванова: «Имели доступ к «Березке» через ВААП и братья Стругацкие, пользовавшиеся в 1960-е годы невероятной популярностью и одновременно одобрением властей, а затем впавшие в немилость. В эти годы чеки «Внешпосылторга» были для них не просто способом пропитания, но даже, как они вспоминают, позволяли жить вполне шикарно: «Был период в нашей жизни (70-е годы, почти целиком), когда нам пришлось здорово подтянуть пояса. Новые договоры с нами не заключались, а старые начальство не желало

исполнять. Аркадию пришлось поступить снова на работу, а мне – продать коллекцию марок, которую я собирал 25 лет. Но при всем при том мы были гораздо более благополучны, чем большинство наших знакомых писателей: ведь нас много печатали за рубежом, и, хотя восемьдесят процентов наших гонораров забирало государство, остатков (в виде так называемых чеков «Внешпосылторга») хватало, чтобы уверенно держаться на плаву. Я даже время от времени имел возможность обновлять себе автомашину на эти чеки». Действительно, в письме Бориса Стругацкого брату от 26 июня 1980 года читаем: «Получил приличную сумму из ВПТ [«Внешпосылторга»] – 1196 р[ублей] ч[еками]. – И еще оттуда же пришло письмо, что на моем счету 2477, за каковыми надо приехать. Ужо. В связи с этими новостями пошел и купил новую машину – жигуль 21011. Хоть эта польза будет от чеков”» [25].

Цензура была запретом текстов, а не исправлением мозгов. И Грамши, и Жданов нашли «болеву точку» в виде тех, кто производит именно виртуальный продукт. А все остальные должны были смотреть на мир их глазами.

Сами создатели виртуального продукта ощущали серьезное давление. Сын Шостаковича Максим вспоминает об этом тяжелом времени для отца: «мы жили на этой даче тогда, когда разразился этот страшный 1948 год, когда на отца обрушилась вся эта жуткая критика партийная. Там, по финской традиции, у нашего дома не было заборов, и через наш участок проходили люди из дома отдыха госучреждения. Это госучреждение была прокуратура советская. И вот они, прокуроры, когда они проходили мимо нашей дачи, они кричали: “Эй, формалиста! Выгляни сюда, покажи свою антинародную морду!”» [26].

Зощенко после ждановского разгрома полностью потерял способность писать, перебивался случайными заработками, даже по старой профессии сапожника делал войлочные стельки для обуви [27–29]. Зощенко второй раз попал под пресс государственной машины уже после смерти Сталина в 1954 г. [30]. На встрече с английскими студентами он позволил себе не согласиться с той старой партийной критикой, что снова привело к обсуждению его поведения.

Однако цензура была характерной не только для тоталитарных государств. Исследователи истории цензуры делят ее на религиозную и политическую. О точке возникновения религиозной цензуры говорится следующее: «О рождении цензуры можно говорить с момента Никейского собора 325 г., когда вводится категория ереси. Теперь уже сами христиане декларируют: существует только одна правильная система взглядов, отклонения от которой нежелательны и не должны тиражироваться, особенно в письменном виде, так как христианство было изначально ориентировано на культуру книжности. Эта инновация, неизвестная язычеству, имела метафизическое обоснование: от «правильности» веры зависело спасение души. Тиражируя свои взгляды, еретики, по мнению церковных иерархов, мешали спасению душ других

людей, что следовало пресекать. Союз церкви с государством, заключенный при Константине, дал первой административный ресурс для осуществления этой задачи» [31].

Политическую цензуру выводят еще из римских законов, но как институт она появляется в Новое время с возникновением абсолютизма. Задачей ее было обеспечение лояльности подданных.

Сопоставление цензуры советской и цензуры царской выглядит с точки зрения А. Голубева следующим образом: «Советская цензура действительно многое унаследовала от цензуры царской. Например, чиновники, занимавшиеся перлюстрацией переписки при царе, оказались востребованы и после революции. Более того, если посмотреть на общие принципы цензуры в Российской империи и в советское время, окажется, что они поразительно схожи (единственное, что было исключено после революции, – критика православия): тут и запрет на высказывания о действиях высшей власти, и запрет на оскорбление общественной нравственности, и, разумеется, охрана государственных тайн. В чем-то советская цензура даже стала более строгой, я бы сказал, всеобъемлющей. Например, при царе предварительную цензуру отменили еще в 1860-х, а в советское время вернули снова» [32].

Нам встретилось еще одно интересное наблюдение о цензуре советского времени, на этот раз киноцензуре: «Наши читатели со стажем прекрасно помнят те времена, когда из зарубежных фильмов, которые закупались для проката в СССР, специальными комиссиями вырезались «идеологически неверные» сюжеты. Мало кому известно, что для этого в кинотеатрах была специально установлена стандартная продолжительность сеансов – 1 час 20 минут. А стандартные американские фильмы длились не менее полутора часов. Так что 10 минут в любом случае надо было убирать. И не всегда это были титры...» [33].

Отдельная история была с западными радиостанциями, цензурировать их нельзя было, поэтому их глушили [34–37]. После того, как в эфире появился «Голос Америки», Совет Министров СССР в ответ в 1949 г. обязал выпускать все радиоприемники без коротковолнового диапазона. Глушение и запрет на короткие волны в быту демонстрирует решение уровня физического пространства для борьбы с пространством информационным. Это не может быть эффективным, поэтому советские люди пытались слушать голоса сквозь звук глушения или за пределами центров, в сельской местности глушения не было.

В заключение важный вывод о том, что информация не переходит автоматически в поведение. Упомянутый выше П. Кечкемети писал в 1952 г.: «Значения передаются, но реальные ментальные события или элементы поведения нет. Передача сообщения не имеет ничего общего с переносом «мысли» от одного сознания к другому. Когда мы слышим значение и понимаем его, мы не повторяем мысль, кем-то созданную, мы

всегда «прыгаем к выводам». Когда мы слышим «Дом в огне», мы не думаем, что дом в огне, но «надо бежать» [38].

Вот еще одно близкое мнение: «Медиа не просто влияют на людей. Скорее, люди их получают как индивиды или члены сообществ со своими идеологическими предубеждениями, формирующими интерпретации и определяющими понимание медиа. Действие интерпретации по своей сути является политическим – это акт схватки со смыслом текста и принятие этой интерпретации либо самостоятельно, либо внутри сообщества поклонников. Поэтому отображение политического ландшафта популярных СМИ требует открытости для множественного толкования» [39].

Косвенным путем ведения политических войн могут быть такие сообщения, которые убирают в тень как истинные цели, так и истинных коммуникаторов. Ярким примером этого была российская кампания в соцмедиа во время американских президентских выборов, которая строилась не только на российских информационных интервенциях, но и активном распространении сообщений самими американцами [40–42]. Таким же косвенным вариантом может быть использование видеоигр [43–45].

Компьютерные игры проникли сегодня и в изучение исторических событий, в результате создается даже новая дисциплина – компьютерная история [46–50]. Игры позволяют проигрывать прошлые события с большой детализацией. Ученые и студенты в роли игроков лучше понимают задействованные в изучаемых событиях силы, можно также проигрывать разные альтернативные варианты истории.

Виртуальные структуры часто реализуются как цивилизационные, которые, например, Хантингтон трактовал как религиозные [49–50]. Правда, двадцатый век уже трактовал цивилизационные различия как идеологические. И если раньше войны были религиозными, то холодная война стала идеологической. И этот тип войны строился на сокрытии политического победителя, чтобы дать проигравшему такое же ощущение победы.

Современное исследование политической войны, сделанное в РЭНД, в качестве одного из case study анализирует Россию [51]. И здесь констатируется, что информационную войну Россия рассматривает в рамках цивилизационной борьбы с Западом. На западную поддержку гражданского общества Россия смотрит как на подрыв своего государства.

Интересно, что Дж. Кеннан, с которого мы начинали рассмотрение политической войны, многие-многие десятилетия назад говорил практически те же слова о российской модели в статье «Истоки советского поведения», вышедшей в 1947 г.: «Есть все основания полагать, что тот упор, который делается Москвой на угрозу советскому обществу из внешнего мира, объясняется не реальным существованием

антагонизма, а необходимостью оправдать сохранение внутри страны диктаторского режима. Сохранение такого характера советской власти, а именно стремления к неограниченному господству внутри страны одновременно с насаждением полумифа о непримиримой враждебности внешнего окружения, в значительной мере способствовало формированию того механизма советской власти, с которым мы имеем дело сегодня. Внутренние органы государственного аппарата, которые не отвечали поставленной цели, отмирали. Те же, которые отвечали цели, непомерно разбухали. Безопасность советской власти стала опираться на железную дисциплину в партии, на жестокость и вездесущность секретной полиции и на безграничную монополию государства в области экономики. Органы подавления, в которых советские лидеры видели защитников от враждебных сил, в значительной мере подчинили себе тех, кому они должны были служить. Сегодня главные органы советской власти поглощены совершенствованием диктаторской системы и пропагандой тезиса о том, что Россия – это осажденная крепость, у стен которой притаились враги. И миллионы сотрудников аппарата власти должны до последнего отстаивать такой взгляд на положение в России, ибо без него они окажутся не у дел» ([52], см. еще о Кеннане [53]).

Изучение самой политической войны приводит исследователей из РЭНД к таким ее характеристикам:

- негосударственные акторы могут вести политическую войну с беспрецедентной досягаемостью,
- политическая война использует все элементы национальной силы,
- политическая война использует неидентифицируемые силы и средства,
- информационное пространство представляет собой важное поле битвы,
- раннее обнаружение политической войны требует больших вложений в разведывательные ресурсы,
- политическая война может приводить к неожиданным последствиям,
- экономическое давление является инструментарием сильного участника,
- политическая война использует этнические и религиозные связи,
- политическая война расширяет возможности традиционного конфликта, позволяя достичь результата с малыми затратами.

Как видим, политическая война не зиждется только на смыслах, какими бы революционными они ни были. Разум человека рассматривает их как точку отсчета для создания новых смыслов. По этой причине политическая война строится на более сложных процессах, чем простая передача смыслов, поскольку идет также подключение структур

социальных, а не только коммуникативных. Например, исследования продемонстрировали, что рост политической поляризации американцев никак не связан с ростом Интернета ([54], см. также анализ враждебности к представителям другой этничности [55]).

В современных условиях, когда проявление конвенциональной силы по множеству причин ограничено, инструментарий политической войны получает все большее распространение, тем более возникли новые «анонимизированные» пути распространения информации типа соцмедиа, в рамках которых, как правило, теряется истинный источник сообщения.

Литература

1. George F. Kennan on Organizing Political Warfare // digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114320.pdf?v=941dc9ee5c6e51333ea9ebbbc9104e8c.
2. Hoffman F. G. Conflict in 21st century: the rise of hybrid wars // www.potomac institute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf.
3. Hoffman F. On not-so-new warfare: political warfare vs hybrid threats // warontherocks.com/2014/07/on-not-so-new-warfare-political-warfare-vs-hybrid-threats/.
4. Cohen R. S. a. o. Political warfare is back with vengeance // nationalinterest.org/feature/political-warfare-back-vengeance-25352?page=show.
5. Corke S. J. George Kennan and the Inauguration of Political Warfare // journals.lib.unb.ca/index.php/jcs/article/view/2171/2570.
6. Devit D. The Inauguration of 21st Century Political Warfare: A Strategy for Countering Russian Non-Linear Warfare Capabilities // smallwarsjournal.com/jrnl/art/the-inauguration-of-21st-century-political-warfare-a-strategy-for-countering-russian-non-li.
7. SOF Support to Political Warfare. White Paper Final. 10 March 2015 // [www.soc.mil/swcs/ProjectGray/Support%20to%20Political%20Warfare%20White%20Paper%20v2.3-RMT%20\(10MAR2015\)%20%20%20.pdf](http://www.soc.mil/swcs/ProjectGray/Support%20to%20Political%20Warfare%20White%20Paper%20v2.3-RMT%20(10MAR2015)%20%20%20.pdf).
8. Pernik P. Hacking for influence. Foreign influence activities and cyber-attacks // www.icds.ee/fileadmin/media/IMG/2018/Publications/ICDS_Analysis_Hacking_for_Influence_Piret_Pernik_February_2018.pdf.
9. Boot M. a. o. Political warfare // www.cfr.org/report/political-warfare.
10. Tucker R. C. Stalin and the uses of psychology. – Santa Monica, 1955.
11. Сталин – профессору Ключникову об идее беспартийной газеты // www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1014439.

12. Доклад товарища А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» // www.domarchive.ru/history/part-2-construction-of-socialism/8848.
13. Ельшевская Г. От Дейнеки до картины «Опять двойка»: какой стиль живописи создал Сталин // arzamas.academy/materials/1204.
14. Колеров М. Большой стиль Сталина // www.logosjournal.ru/arch/83/107_1.pdf.
15. Гройс Б. Gesamtkunstwerk Сталин. – М., 2013.
16. Святославский А. Социалистический реализм: проблемы веры и интерпретации // www.intelros.ru/readroom/kulturologicheskij-zhurnal/ku2-2015/27664-socialisticheskij-realizm-problemy-very-i-interpretacii.html.
17. Daye C. Methods of Cold War Social Science: The Development of Political Gaming and Delphi as Means of Investigating Futures // www.academia.edu/4421094/Methods_of_Cold_War_Social_Science_The_Development_of_Political_Gaming_and_Delphi_as_Means_of_Investigating_Futures.
18. Кургинян С. Управление по тенденциям // www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=art&auth=10&theme=&id=1797.
19. Шустов А. Н. Культ личности // russkayarech.ru/files/issues/2012/2/20-shustov.pdf.
20. Бовт Г. Между строк пустота // www.gazeta.ru/column/bovt/2979590.shtml.
21. Sela R. What you need to know about social media sentiment analysis // curatti.com/social-media-sentiment-analysis/.
22. Mindruta R. Marketing: Top 15 free social media monitoring tools // www.brandwatch.com/blog/top-10-free-social-media-monitoring-tools/.
23. 10 sentiment analysis tools to track social marketing success // www.iprospect.com/en/ca/blog/10-sentiment-analysis-tools-track-social-marketing-success/.
24. Воронов Ю. П. Чтение между строк // www.econom.nsc.ru/eco/arhiv/ReadStatiy/2005_11/Voronov.htm.
25. Иванова А. «Березки» и писатели // gorky.media/fragments/berezki-i-pisateli/.
26. Шостакович М. Жизнь моей семьи была такой, что лучше не вспоминать. Интервью // www.bbc.com/russian/features-44085313.
27. Антонов В. Как «забанили» Ахматову и Зощенко // vilavi.ru/prot/120106/120106.shtml.
28. Два письма Зощенко Сталину // arzamas.academy/materials/685.
29. Грабенко Л. После доклада Жданова «О журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором Михаил ЗОЩЕНКО был назван «пошляком с низкой душонкой и омерзительной моралью», от писателя отвернулись

почти все коллеги, а некоторые, например, Корней Чуковский, даже вернули Зощенко его фотографию с дарственной надписью, чтобы ее случайно не нашли при обыске // bulvar.com.ua/gazeta/archive/s30_66782/8690.html.

30. «Второй тур» травли Зощенко, 1954 // www.famhist.ru/famhist/sarn_st_po/000078cb.htm.

31. Елиферова М. Постправда и порнография. Философия цензуры // gorky.media/context/postpravda-i-pornografiya/.

32. Журенков К. Цензору – цензорovo // www.kommersant.ru/doc/3612857.

33. Богомолов А. Женщины в коротких штанишках // www.sovsekretno.ru/articles/id/5882/.

34. Пыжиков А. Как в СССР впервые услышали «вражеский голос» из-за океана // argumenti.ru/history/2015/02/389855.

35. Тольц В. «Маяк» как альтернатива глушению // www.svoboda.org/a/26550766.html.

36. Пичугин В. «Вражеские голоса». Как в Советском Союзе глушили западные радиостанции // nakipelo.ua/vrazheskie-golosa-kak-v-sovetskom-soyuze-glushili-zapadnye-radiostantsii/.

37. Иностранное радиовещание на территорию СССР // ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%89%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BD%D0%B0_%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8E_%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0.

38. Kecskemeti P. Meaning, Communication, and Value. – Chicago etc., 1952.

39. Schulzke M. Interpreting and Reinterpreting the Political Significance of Popular Media: The Importance of Seeing from a Range of Perspectives // *Political Studies*. – 2017. – Vol. 65. – № 4.

40. The social media ads Russia wanted Americans to see // www.politico.com/story/2017/11/01/social-media-ads-russia-wanted-americans-to-see-244423.

41. Zakem V. a. o. Mapping Russian media network. Media's role in Russian foreign policy and decision-making // www.cna.org/CNA_files/PDF/DRM-2017-U-015367-3Rev.pdf.

42. Как аналитические машины и социальные психологи помогли победить Трампу // ttolk.ru/articles/kak_analiticheskie_mashiny_i_sotsialnyie_psihologi_pomogli_pobedit_trampu.

43. Robinson N. Videogames, persuasion and the war on terror: escaping or embedding the military-entertainment complex? // eprints.whiterose.ac.uk/127283/2/Videogames%20militarisation%20and%20persuasion%20%28revised%20version%29%20final.pdf.
44. Robinson N. a. o. Visualizing War? Towards a Visual Analysis of Videogames and Social Media // eprints.whiterose.ac.uk/97841/3/Perspectives%20-%20Revised%20EssayRobinson%20and%20Schulzke.pdf.
45. MacDonald K. Movie adaptations of video games are still mostly terrible. Why has no one cracked the code? <https://www.theguardian.com/film/2018/mar/29/movie-adaptations-video-games-terrible-crack-code>.
46. Video games could be serious tools for historical research // www.technologyreview.com/s/611099/video-games-could-be-serious-tools-for-historical-research/?utm_campaign=owned_social&utm_source=facebook.com&utm_medium=social.
47. Kuran M. S. a. o. History-Themed Games in History Education: Experiences on a Blended World History Course // arxiv.org/pdf/1805.00463.pdf.
48. Wainwright A. M. Teaching Historical Theory through Video Games // www.societyforhistoryeducation.org/pdfs/A14_Wainwright.pdf.
49. Huntington S. P. The clash of civilizations and the remaking of world order. – New York, 1996.
50. Samuel P. Huntington's the clash of civilizations? The debate – New York, 1996.
51. Robinson L. a. o. Modern Political Warfare. Current Practices and Possible Responses. – Santa Monica, 2018.
52. Кеннан Дж. Истоки советского поведения // www.grinchevskiy.ru/1945-1990/istoki-sovetskogo-povedeniya.php.
53. Зубок В. Джордж Кеннан: американец-русофил, которого опасался Сталин // www.bbc.com/russian/blog-vox-historicus-40856086.
54. Boxell L. a. o. Greater Internet use is not associated with faster growth in political polarization among US demographic groups // www.pnas.org/content/114/40/10612.
55. Bauer M. a. o. Social contagion of ethnic hostility // www.pnas.org/content/115/19/4881.

3. Инструментарий цифровой войны

Начнем с ошеломляющих цифр: от полумиллиона до миллиона японцев настолько погружены в виртуальную реальность, что даже не выходят из дома, проводя в четырех стенах все свое время [1–2]. Их называют хикикомори. Нас всех для них нет, как и мира вокруг.

Перед нами подлинные электронные граждане. Их очень четко описали в Японии, где впервые столкнулись с массовостью этого явления [3]. Как правило, это молодой человек в возрасте более 20 лет из семьи с хорошим достатком. Соответственно, он не хочет ни учиться, ни работать. Японское министерство здоровья, труда и благосостояния в 2003 году сформулировало четкие критерии хикикомори:

- они проводят все время дома,
- не хотят посещать учебу или работу,
- находятся в таком состоянии не менее шести месяцев,
- отсутствие шизофрении и других ментальных отклонений.

Кстати, это старший сын в семье, в котором она пыталась воспитать первенство во всем. То есть на нем было наибольшее давление социальных норм, что в результате и привело к подобному социальному бунту.

Это один полюс взаимоотношений граждан с виртуальной действительностью. Они удовлетворяют в сети все свои социальные потребности и не нуждаются в реальной жизни. Другой – все мы, которые, оставляя свои бесконечные следы в сетевой жизни, помогают затем осуществлять виртуальные интервенции в выборы.

Сегодня в мире после Cambridge Analytica возникают совершенно иные проблемы. Эти данные собраны в сотнях других мест исследований, как можно их охранять, поскольку сегодня по четырем характеристикам фирмы могут назвать фамилию того, кому они принадлежат [4]. То есть ни о какой приватности речь уже не идет.

С другой стороны, исследовательские методы, полученные на этой базе, также имеют большую ценность. Как пишет газета «Гардиан»:

«Деривативы данных, которые могут включать прогнозные модели, кластеры населения в психологических группах представляют большую ценность для компаний, работающих с микротаргетинговой рекламой для избирателей. Специалисты по большим данным говорят, что такие модели и анализы часто имеют большую ценность, чем лежащий в их основе сырой материал» [5].

В принципе, все действия нацелены на операции влияния. Они могут по-разному называться, но перед нами всегда будет попытка воздействовать на поведение объекта влияния. К примеру, чужой солдат должен потерять волю к победе, а наш укрепить ее. И в результате будет два разных типа поведения. На курок нажимает палец, но приказ об этом отдает ему мозг.

Дж. Скотт, разрабатывающий тему дигитальных операций влияния, операции влияния видит следующим образом: «Операции влияния представляют собой вооруженные истории. Манипуляция фундаментальными идеологиями и поведением целевого населения зависит от конструирования сложного нарратива, который сможет жить своей собственной жизнью, а также сможет индоктринировать и воодушевить на обращение членов населения, чтобы мем мог мутировать и пропагандировать без необходимости траты дополнительных ресурсов» [6].

Война в физическом пространстве известна человечеству давно, война в дигитальном пространстве является новой. Просто все внимание ушло в сферу кибератак и шпионажа, но кибервмешательства в выборы и референдумы продемонстрировали совершенно иной аспект этой сферы. Вмешательство было в электронной форме, но оно выступало в качестве спускового, запускавшего процессы дальнейшего человеческого взаимодействия. Общество в результате накалялось и поляризовалось.

Все или многое было раньше. К примеру, слухи имеют более мобилизирующую силу, чем правдивые сообщения [7]. Однотипно лаборатория в Массачусетском технологическом университете доказывает то же самое, только уже для дигитальных сообщений [8]. То есть вчерашнее вернулось в новой форме.

Анализ работы российских троллей и распространение их информации в Твиттере привел исследователей к интересным результатам [9]. Дезинформация, которую они производили, а анализировался массив с 16 сентября по 21 октября 2016 г., более широко распространялась дальше консерваторами, чем либералами. Российских троллей, распространявших консервативные взгляды, было в 4 раза больше, чем либеральных. Однако тролли-консерваторы произвели в 20 раз больше контента. А среди тех, кто делал ретвиты, было в 30 раз больше консерваторов, чем либералов.

Западные аналитики вписывают Путина в ручной контроль ключевых медиа вопросов. Они приходят к выводу, когда именно Путин применяет ручной контроль. Для этого необходимо проявление одного или нескольких следующих факторов:

- контроль политической системы, то есть для борьбы с внутренними политическими вызовами, например, от российских губернаторов и олигархов в начале двухтысячных, включая атаки на частные медиа олигархов, а также выигрыш в переизбрании в последующие годы,
- политическая легитимность, то есть в управлении ключевыми экономическими вопросами и в ответ на протесты, такие, как забастовка 2009 в Пикалево, после которой он публично унижил алюминиевого магната Олега Дерипаску, или послевыборные демонстрации 2011,

– представление о российской национальной безопасности и жизненно важных национальных интересах, то есть в работе с внутренним терроризмом, в ответ на украинскую оранжевую революцию 2004 и протесты на Майдане в 2013–2014, управление в 2008 г. в войне с Грузией, российской аннексией Крыма [10].

Все это уже реализованные «отклонения» социальной системы, когда события полностью вышли из-под контроля. Более успешна та политика, которая является не реактивной, а проактивной. Но госуправление слабо оперирует с будущими событиями.

При этом мы забываем, что на сегодня созданы мощные системы предсказания социальных беспорядков в рамках военных исследований [11–20]. Тем более в далекие времена начального периода применения цветных революций для смены режимов было зафиксировано, что наблюдения над социальной активностью граждан дают возможность определять время включения в этот процесс: это должно быть время возрастания активности, а не период ее падения.

Уже в 2012 г. в рамках современных подходов военным, например, удалось предсказать вариант так называемой мексиканской арабской весны и протесты в Бразилии и Парагвае. Следует признать это хорошим результатом.

Каждая страна имеет горячие споры и дискуссии в сфере политики и экономики. От победы в этих коммуникациях с гражданами зависит будущее продвижение страны, те пути, которые она изберет для себя на десятилетия вперед. Именно поэтому эти информационные битвы бывают такими яростными, а население всегда вовлекается в них. Президентские выборы являются пиком таких дискуссий в любой стране. А современное смещение политики в сторону популизма, как в США, так и в Европе, делает эти споры еще более яростными.

Если российские избирательные интервенции в президентские выборы в США вызвали и массовое обсуждение, и судебное разбирательство только потому, что шли извне, то внутренние, или британско-американские, как в случае выборов Трампа, вообще могли пройти незамеченными, если бы в выборах не было российского следа.

А. Никс, директор Cambridge Analytica, так охарактеризовал их вхождение на выборы: «Американский политический рынок является наиболее конкурентным и враждебным в мире. Множество специалистов отказались работать на Трампа, поскольку не верили, что у него есть наименьший шанс на победу. Cambridge Analytica поступила наоборот. Мы инвестировали в Трампа» [21].

Основная идея, с которой они работали, это психографическое определение человека по пяти параметрам – открытость, сознательность, согласие, экстравертность, невротизм. У них в базе уже был миллион личностных тестов американцев. Люди оценивали себя по

120 высказываниям типа: Я не нравлюсь себе, Я принимаю поспешные решения и под.

На следующем шаге они могли перенести все это на 230 миллионов человек электората. Это можно сделать, поскольку Cambridge Analytica уже имела 4000–5000 информационных характеристик о каждом взрослом американце. Это возраст, пол, национальность, какие журналы читают, какие программы смотрит, что ест и пьет, на какой машине ездит.

В основе переноса характеристик на поведение лежали два допущения. Во-первых, люди, которые покупают то же самое, имеют те же привычки, будут иметь одинаковые личностные характеристики. Во-вторых, эти личностные характеристики помогают предсказать, вы пьете Пепси или Коку, вы за Клинтон или Трампа. Никс подчеркнул, что поведение вытекает из личности.

Никсу нравится цитировать фразу, которую произнес Ф. Лунц, известный республиканский исследователь общественного мнения, который в свое время проверял на фокус-группах все выступления Дж. Буша-младшего. Лунц сказал: «Больше нет экспертов, кроме Cambridge Analytica. Они были цифровой командой Трампа, которые смогли вычислить, как выиграть» [22].

Cambridge Analytica, например, поняла, как молодые белые консерваторы хорошо реагируют на фразы «осушить болото», «глубинное государство», что им нравится идея большой стены от мигрантов. И все эти идеи активно эксплуатировал Д. Трамп в своих выступлениях.

У Никса записали скрытно даже идею, что противника можно словить на «медовую ловушку», разрушив его репутацию. Он сказал дословно следующее: «Мы можем послать девочек в дом кандидата. Мы можем привезти украинок на праздники с нами, вы понимаете, что я говорю? Они прекрасны. Я знаю, что это хорошо работает».

В своей собственной статье А. Никс говорит, что сегодня вместо гомогенизированной публики пришли динамичные, информированные, индивидуализированные избиратели/потребители, которые хотят, чтобы и политики, и бренды заговорили с ними напрямую [23]. То есть он акцентирует инструментарий микротаргетинга.

Никс употребляет термин – прогнозная аналитика (predictive analytics). Он подчеркивает, что они вели кампанию, исходя из того, что знали, что нужно сказать и как нужно это сказать конкретным группам избирателей, имея вышеупомянутые пять тысяч информационных характеристик по каждому избирателю. Например, конкретная группа избирателей в Айове хотела, чтобы граждане в соответствии с законом демонстрировала удостоверение с фотографией на избирательных участках. Это было связано с выборами Т. Круза, еще до перехода Cambridge Analytica к работе на Трампа. Одной группе это мотивировали тем, что показать

удостоверение так же легко, как купить пиво. Другой группе это же мотивировалось тем, что это привилегия жизни в демократии.

В этой статье Никс подтверждает, что они работали и на кампанию Брекзит с той же аргументацией, что чем ты лучше знаешь избирателя, тем эффективнее ты сможешь его убедить.

Базой для этого подхода на сегодня является психометрический центр Кембриджского университета (его сайт – www.psychometrics.cam.ac.uk), который, кстати, не захотел работать с фирмой Никса.

Именно этот центр работал с моделью из пяти параметров – индивидуальных характеристик личности ([24], см. также [25]), которая известна достаточно давно [26]. Просто сегодня ее «привязали» к тому или иному «продукту», который человек называет в качестве своего любимого, – певице, поп-группе, фильму. Например, более открытые люди любят Сальвадора Дали или музыканта Бьорка, менее экстравертные – видеоигры и рисование.

Еще одно обвинение против Cambridge Analytica состоит в использовании частных данных, хотя они всю вину переносят на А. Когана, который передал им данные пользователей Фейсбука.

Но пока удары по Когану и по Cambridge Analytica только росли до самого закрытия фирмы [27–28], к ним добавилось участие в Брекзит [29–30], появилась даже информация об обыске в Лондоне [31].

Украина времен Оранжевой революции также оказалась в списке проведенных работ [32]. Речь идет о материнской фирме SCL Group, ранее именовавшейся Strategic Communication Laboratories. Это британская структура с бихевиористскими методами и военными заказчиками. На своем сайте фирма говорит о проекте с Донецком, результаты которого были переданы как Президенту Украины, так и в Министерство обороны Великобритании. На сайте об этом заказе говорится так: «Информация и аналитика SCL говорит, что доверие к украинскому правительству у целевой аудитории очень невелико. Желание рассмотреть вопрос об объединении не переводится в поддержку Киева. И поскольку этот спор очень локален по своей сути, поэтому любая коммуникация из Киева скорее всего провалится. Эти наблюдения позволили предложить вариант местных коммуникационных кампаний, чтобы разрушить и ослабить Донецкую Народную Республику (ДНР)» [33]. И кстати, предложения эти достаточно разумны.

С. Иссенберг, у которого вышла интересная книга об использовании микротаргетинга в выборах Обамы [34], также описал работу этой команды в случае Т. Круза. Он встретился с двумя членами команды, один из которых, кстати, работал на Джона Болтона. Они объяснили ему работу по убеждению избирателей, которую проводит компания на примере контроля продажи оружия [35]

Он цитирует слова Никса: «Ваше поведение задается вашей личностью, в принципе, чем больше вы понимаете личность как психологический драйвер, тем сильнее вы начинаете понимать, как и почему они принимают свои решения. Мы называем это бихевиористским микротаргетингом и это действительно наш секретный соус, если хотите. Именно это мы приносим в Америку».

Если быть честным, то новизна была не у них, а у М. Косински, который и предложил этот метод (см., например, [36–37]), а также некоторые новые работы психографического центра Кембриджского университета по определению личности просто по употребляемым словам [38–39]. Здесь они проанализировали 700 миллионов слов из сообщений 75 тысяч волонтеров Фейсбука в поиске демографических и психологических характеристик, назвав этот метод дифференцирующим языковым анализом – differential language analysis (DLA) (см. также современный вариант контент-анализа, принадлежащий не им, где политический текст анализируется не как дискурс, а как информация в форме слов [40]). Сам Косински сегодня работает, занимаясь разработкой алгоритмов, которые могут распознавать лица, в том числе даже сексуальную ориентацию человека по его лицу [41–42]. Сегодня это направление вышло на совершенно другой уровень, одновременно привлекая всеобщее внимание [43–46].

Тим Кук, возглавляющий Apple, сказал в своем интервью: «Мы могли бы сделать тонны денег, монетизируя наших клиентов, если бы наши клиенты были нашим продуктом. Мы решили не идти по этому пути... Мы не будем торговать вашей личной жизнью. Приватность для нас является правом человека, гражданской свободой» [47].

Как видим, все эти методы существовали и существуют, раньше просто не было возможности легального выхода на персональные данные пользователей Фейсбука. Они пришли вместе с А. Коганом и Cambridge Analytica. Однако именно в этом и лежит основное нарушение закона (см., например, [48–50]).

Кстати, в рассмотрении незаконного выхода на данные Фейсбука появилось и имя Питера Тиля [51]. Это сотрудник его фирмы Палантир предложил сделать приложение, заинтересовавшись которым, люди бы давали доступ к своим данным из Фейсбука. А сам миллиардер П. Тиль был сторонником Д. Трампа в его избрании президентом.

Суть в поиске методов убеждения, аргументации для разных типов населения. Психографические типажи были построены, но метод убеждения под каждый из типажей надо было создать. Здесь психотип подсказывал, что является важным, а что нет.

Вот пример разговора о контроле над оружием как темы, достаточно важной для населения США: «Аналитики выяснили, что людям разного склада характера стоит по-разному преподносить мнение кандидата по поводу закона о свободном распространении оружия: боязливым людям

с высоким уровнем нейротизма оружие можно представить как залог безопасности, а богатым консерваторам-экстравертам показать картинку утиной охоты. Об этом методе с гордостью рассказывал на саммите для влиятельных политиков и бизнесменов Concordia сам сооснователь Cambridge Analytica Александр Никс, причем прямо в разгар президентской гонки. Другие примеры: жителям квартала Маленький Гаити в Майами показывали информацию об отказе Хиллари Клинтон участвовать в ликвидации последствий землетрясения на Гаити, афроамериканцам – видео, где Клинтон сравнивает темнокожих мужчин с хищниками. Наконец, данные компании использовали волонтеры, ходившие по домам американских избирателей и агитировавшие голосовать за Дональда Трампа. Они заранее знали, что за люди живут в доме, куда собирались зайти, и заранее могли избрать выигрышную стратегию убеждения» [52].

Пример с оружием не нов, о нем давно говорил политический психолог Д. Уестен, только в другом контексте. Он считал, что говорить нужно на любые темы, даже невыигрышные для партии или кандидата. Запрет на продажу оружия хорош в случае разговора с жителем Нью-Йорка, для которого орудия ассоциируется с криминалом, а для жителя глубинки оружие – это охота с отцом, и тут запрет на продажу оружия становится запретом на охоту с отцом. Поэтому, говоря о запрете оружия во втором случае, следует подчеркивать именно контексты преступности [53].

Cambridge Analytica попыталась также ворваться на рынок коммерческой рекламы, но неудачно. Вот как описывает это пресса: «Между тем Никс пытается применить психографику на коммерческом рынке рекламы. Теперь он позиционирует себя как гуру цифровой рекламы. Никс даже придумал себе прозвище «Матмэн» – «математический человек». По словам бывшего сотрудника фирмы, в прошлом году в США «Кембридж Аналитика» пыталась получить контракты от таких фирм, как «Мерседес-Бенц», «Метлайф» и производитель пива «Эй-Би ИнБев», но не выиграла ни одного» [54].

В ходе развернувшегося скандала все действующие лица Cambridge Analytica сразу же создали новую компанию Emerdata [55]. И это понятно: разговоры разговорами, работать-то, точнее зарабатывать – надо.

Пропаганда (политическая, религиозная) была вертикальным процессом, идущим к потребителю информации сверху. Сегодня мы имеем дело с горизонтальными процессами убеждающей коммуникации, точнее «подделкой» под них. Если вертикальные процессы хоть рекламы, хоть пропаганды всегда внушают подозрение, тем более что у нас нет возможности уклониться от них, то горизонтальные процессы всегда обладали для потребителей большей достоверностью. Сегодня эту достоверность и «перехватили» дигитальные интервенции, которые идут как бы от друга, от одинаково думающих людей, тем самым понижая уровень критического их восприятия. В нашем восприятии правда всегда результат горизонтальной передачи, например, в случае семьи, но не

вертикальной. Отсюда советский вариант «разговоров на кухне» как достоверных в отличие от программы «Время», предоставляющей только официальную информацию, которая спокойно могла расходиться с реальностью.

Что же касается общей проблематики, то Cambridge Analytica не была самой главной на этом поле, просто скандал с ней оказался очень шумным из-за наличия двух составляющих: выборы Трампа и Россия. А объемы достигнутых на сегодня результатов можно передавать с помощью названий двух статей: «Военные не хотели бы, чтобы вы покидали Фейсбук и Твиттер» [56] и «Военные уже используют Фейсбук для отслеживания вашего настроения» ([57], см. некоторые другие подробности о разработках в этом направлении, включая относительную оценку риска для аэропортов, сделанную на базе 45 американских аэропортов, которая делается также на базе соцмедиа и новостей [58–61]).

Один из создателей этого направления Н. Рамакришнан говорит: «Всякий раз, когда вы размещаете твит или пост на Фейсбуке, вы становитесь частью экономики big data» [16]. То есть человечество и в дальнейшем будет поставщиком сырой информации, поскольку уйти от соцмедиа оно уже не способно.

Главный экономист Bank of England говорит, что big data – это не только цифры, но и слова [62]. И ресурсы здесь, в отличие от нефти, носят бесконечный характер. Благодаря соцмедиа, 90 % всей созданной информации появилось за последние два года. Есть исследования, которые находят корреляцию между экономикой и популярными песнями того же периода развития ([63], см. также [64]).

Подобные предсказания на базе разработанных алгоритмов делают не только военные или экономисты, но и полиция, способная не только анализировать соцмедиа, но и прогнозировать преступления, зная шаблон поведения преступника, шаблон нужного ему для этого физического пространства и шаблон жертвы [65–67]. Когда три эти шаблона накладываются друг на друга, то в такую точку высылаются патруль, что важно в связи с нехваткой личного состава.

А развитие всей этой сферы к сегодняшнему дню хорошо передает следующее высказывание: «Верный прогноз военного вторжения в Африке был задачей, которую могла выполнить только супердержава, теперь это семестровый проект для студента Гарварда» [68].

Возвращаясь к проблеме дигитальных интервенций, следует подчеркнуть, что их сегодняшнее проникновение в мозг граждан резко облегчено из-за размывающейся грани между правдой и ложью, когда на сцене часто правят бал фейк и постправда (еще один российский термин – мультиправда [69]). Потребитель информации уже даже без чужого и чуждого вмешательства не может разобраться в своей собственной картине мира.

Дигитальные следы, которые остаются в сети, создали дополнительные возможности для эффективного воздействия, чего не было раньше. Как пишут гарвардские исследователи: «Чем больше операторы дезинформации знают о своих целевых аудиториях, тем легче их обнаружить, манипулировать и обманывать их» [70]. То есть не просто изменилось само информационное пространство в сторону феномена «у каждого своя правда», но и потребитель информации оказался более незащищенным, чем когда-либо до этого.

Литература

1. Kim M. The good and the bad of escaping to virtual reality // www.theatlantic.com/health/archive/2015/02/the-good-and-the-bad-of-escaping-to-virtual-reality/385134/.
2. 'Hikikomori': Condition of being confined to home for years // www.news.com.au/lifestyle/real-life/true-stories/hikikomori-condition-of-being-confined-to-home-for-years/news-story/1aa3a1da48636b0636324988285097aa.
3. Sarchione F. a. o. Hikikomori: clinical and psychopathological issues // www.rapjournal.eu/common/php/portiere.php?ID=9e93483150563ec9ee2fc2e2333612f0.
4. Frenkel S. Scholars have data on millions of Facebook users. Who's guarding it? // www.nytimes.com/2018/05/06/technology/facebook-information-data-sets-academics.html?hpw&rref=technology&action=click&pgtype=Homepage&module=well-region@ion=bottom-well&WT.nav=bottom-well.
5. Lewis P. a. o. Cambridge Analytica kept Facebook data models through US election // www.theguardian.com/uk-news/2018/may/06/cambridge-analytica-kept-facebook-data-models-through-us-election.
6. Scott J. Information warfare: the meme is the embryo of the narrative illusion // icitech.org/wp-content/uploads/2018/02/CCIO-Information-Warfare-The-Meme-is-the-Embryo-of-the-Narrative-Illusion.pdf.
7. Chen H. a. o. The Power of Whispers: A Theory of Rumor, Communication and Revolution // www.sv.uio.no/esop/english/research/news-and-events/events/conferences-and-seminars/2012/normac-papers/chen.pdf.
8. Lohr S. It's true: false news spread faster and wider. And human are to blame // www.nytimes.com/2018/03/08/technology/twitter-fake-news-research.html?smid=tw-share.
9. Badawy A. a. o. Analyzing the Digital Traces of Political Manipulation: The 2016 Russian Interference Twitter Campaign // arxiv.org/pdf/1802.04291.pdf.
10. Zakem V. a. o. Mapping Russian media network. Media's role in Russian foreign policy and decision-making // www.cna.org/CNA_files/PDF/DRM-2017-U-015367-3Rev.pdf.

11. Open Source Indicators (OSI) // www.iarpa.gov/index.php/research-programs/osi.
12. Weinberger S. Spies to use Twitter as crystal ball // www.nature.com/news/2011/111017/full/478301a.html.
13. Weinberger S. Social science: web of war // www.nature.com/news/2011/110330/full/471566a.html.
14. Ball P. News mining might have predicted Arab Spring // www.nature.com/news/2011/110913/full/news.2011.532.html.
15. Leetaru K. Culturomics 2.0.: forecasting large scale human behavior using global use media tone in time and space // firstmonday.org/article/view/3663/3040.
16. Goodman L. M. The EMBERS project can predict the future with Twitter // www.newsweek.com/2015/03/20/embers-project-can-predict-future-twitter-312063.html.
17. Ramakrishnan N. a. o. 'Beating the News' with EMBERS: Forecasting Civil Unrest using Open Source Indicators // www.cs.umd.edu/~srin/PDF/2014/embers-conf.pdf.
18. Qi H. a. o. Open source data reveals connection between online and on-street protest activity // www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4944590/.
19. Tucker P. Military-Funded Study Predicts When You'll Protest on Twitter // www.defenseone.com/technology/2016/02/military-funded-study-predicts-when-youll-protest-twitter/126156/.
20. Tucker P. Can the Military Make a Prediction Machine? // www.defenseone.com/technology/2015/04/can-military-make-prediction-machine/109561/?oref=d-river.
21. Wood P. The British data-crunchers who say they helped Donald Trump to win // www.spectator.co.uk/2016/12/the-british-data-crunchers-who-say-they-helped-donald-trump-to-win/.
22. Lusher A. Cambridge Analytica: Who are they, and did they really help Trump win the White House? // www.independent.co.uk/news/uk/home-news/cambridge-analytica-alexander-nix-christopher-wylie-trump-brexit-election-who-data-white-house-a8267591.html.
23. Nix A. How big data got the better of Donald Trump // www.campaignlive.co.uk/article/big-data-better-donald-trump/1383025.
24. Collins K. a. o. How Researchers Learned to Use Facebook 'Likes' to Sway Your Thinking // www.nytimes.com/2018/03/20/technology/facebook-cambridge-behavior-model.html?ribbon-ad-idx=5&rref=homepage&module=.Ribbon&version=origin@ion=Header&action=click&contentCollection=Home%20Page&pgtype=article.
25. myPersonality Project // mypersonality.org/wiki/doku.php?id=start.

26. The big five personality theory. The five factor model explained // positivepsychologyprogram.com/big-five-personality-theory/.
27. Lewis P. a. o. Cambridge Analytica academic's work upset university colleagues // www.theguardian.com/education/2018/mar/24/cambridge-analytica-academics-work-upset-university-colleagues.
28. Lewis P. a. o. Cambridge Analytica misled MPs over work for Leave.EU, says ex-director // www.theguardian.com/news/2018/mar/23/cambridge-analytica-misled-mps-over-work-for-leave-eu-says-ex-director-brittany-kaiser.
29. Why young, inexperienced BeLeavers were perfect for the Brexit campaign // www.theguardian.com/politics/2018/mar/24/beleave-cambridge-analytica-brexit-boris-gove.
30. Cadwalladr C. a. o. Revealed: Brexit insider claims Vote Leave team may have breached spending limits // www.theguardian.com/politics/2018/mar/24/brexit-whistleblower-cambridge-analytica-beleave-vote-leave-shahmir-sanni.
31. Cambridge Analytica offices searched over data storage // www.bbc.com/news/uk-43522775.
32. Выборы и Донбасс: как Cambridge Analytica влияла на Украину // www.bbc.com/ukrainian/features-russian-43488478?SThisFB.
33. Data-driven strategy&operations in Ukraine // sclgroup.cc/projects/sord/.
34. Issenberg S. The Victory Lab. The Secret Science of Winning Campaigns. – New York, 2012.
35. Issenberg S. Cruz-Connected Data Miner Aims to Get Inside U. S. Voters' Heads // www.bloomberg.com/news/features/2015-11-12/is-the-republican-party-s-killer-data-app-for-real-.
36. Kosinski M. a. o. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // www.pnas.org/content/110/15/5802.full.
37. Youyou Wu a. o. Computer-based personality judgments are more accurate than those made by humans // www.pnas.org/content/112/4/1036.full.
38. Schwartz H. A. a. o. Personality, Gender, and Age in the Language of Social Media: The Open-Vocabulary Approach // journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0073791#s4.
39. Words we use on the internet show our age, gender and personality // www.psychometrics.cam.ac.uk/news/the-language-of-social-media.
40. Laver a. o. Extracting Policy Positions from Political Texts Using Words as Data // The American Political Science Review – 2003. – Vol. 97. – № 2.
41. What machines can tell from your face // 4f46691c-a-dbc5f65-sites.googlegroups.com/a/michalkosinski.com/michalkosinski/Economist2017b.pdf?attachauth=ANoY7cpz5pM9GXoHsl9w7nlbyThfmPsxTB7Y-sfhXqSijPYuj61DhllQBBkleA0BzOceFegFDpOO7Ga4L6jS50vnlLJeoB5j5D5s

4°1IkI4SfPDMCKEApMRszl9DkiBKvRCbW74wnRYwFHRlGiEv3BLbNekplGY
HXBTKjTorAPZchr4bPpXPHdYg4EfvFmOdhriHPJgxxHB-
ZNYfVuZELJUJZghfvihnBqFrXSITHBYrvBs2vxkpRpU8%3D&attredirects=0.

42. Advances in AI are used to spot signs of sexuality // 4f46691c-a-dbc5f65-
s-

sites.googlegroups.com/a/michalkosinski.com/michalkosinski/Economist2017
a.pdf?attachauth=ANoY7cr0Uq4wM-
rvup96tfDiZy4x9TaA_Lf98YePoXvQm4LBx51_JrK1ZXyA8cZzJIGuzVffK33BZ
xDi8kPIW4kpted2GFhw6QtspRFvBLcjmoyNxfT3EXrdhix8Qudf3jdDx8BraVfjR
ES3BC8iaTifJ59njcRcUhtpbqZiLI1H__SMcOjA_Pdy-
1hTYiNOG8IRpr8GY6F7Xg8VZysvw6dLby5bQwkzVIqtB7YCxdC6aLTd7wsBd
TY%3D&attredirects=.

43. Ковалева К. Что ученые могут сказать о нас по нашим записям в
соцсетях // knife.media/digital-records/.

44. Solon O. 'A grand illusion': seven days that shattered Facebook's facade //
www.theguardian.com/technology/2018/mar/24/cambridge-analytica-week-
that-shattered-facebook-privacy.

45. Griffin A. Why big tech companies want to disrupt your kitchen and make
your oven speak to you // www.independent.co.uk/life-style/gadgets-and-
tech/features/smart-home-kitchen-devices-appliances-best-deal-internet-
enabled-connected-things-a8191856.html.

46. Tarnoff B. Big data for the people: it's time to get it back from our tech
overlords // www.theguardian.com/technology/2018/mar/14/tech-big-data-
capitalism-give-wealth-back-to-people.

47. Apple's Tim Cook rebukes Zuckerberg over Facebook's business model //
www.theguardian.com/technology/2018/mar/28/facebook-apple-tim-cook-
zuckerberg-business-model.

48. Davies H. Facebook told me it would act swiftly on data misuse – in 2015
// www.theguardian.com/commentisfree/2018/mar/26/facebook-data-misuse-
cambridge-analytica.

49. Wong J. C. Facebook's privacy practices are under investigation, FTC
confirms // www.theguardian.com/technology/2018/mar/26/facebook-data-
privacy-cambridge-analytica-investigation-ftc-latest.

50. Siddiqui S. Cambridge Analytica's US election work may violate law, legal
complaint argues // www.theguardian.com/uk-news/2018/mar/26/cambridge-
analytica-trump-campaign-us-election-laws.

51. Confessore N. a. o. Peter Thiel employee helped Cambridge Analytica
before it harvested data // www.nytimes.com/2018/03/27/us/cambridge-
analytica-

palantir.html?hp&action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-
heading&module=first-column-region@ion=top-news&WT.nav=top-news.

52. Розенберг М. и др. Как консультанты Трампа использовали данные Фейсбук о миллионах людей // inosmi.ru/politic/20180320/241761074.html.
53. Добрынин С. Facebook знает больше, чем семья // rus.azattyq.org/a/facebook-slii-vas-vseh/29112971.html.
54. Westen D. The Political Brain. The Role of Emotion in Deciding the Fate of the Nation. – New York, 2007.
55. Ghosh S. The power players behind Cambridge Analytica have set up a mysterious new data company // www.businessinsider.com/cambridge-analytica-executives-and-mercer-family-launch-emerdata-2018-3.
56. Tucker P. The military doesn't want you to quit Facebook and Twitter // www.theatlantic.com/technology/archive/2014/07/the-military-doesnt-want-you-to-quit-facebook-and-twitter/373918/#disqus_thread.
57. Tucker P. The military is already using Facebook to track your mood // www.defenseone.com/technology/2014/07/military-already-using-facebook-track-moods/87793/.
58. Tucker P. The Naked Future. What Happens in a World That Anticipates Your Every Move? – New York, 2014.
59. Chant de T. The Inevitability of Predicting the Future // www.pbs.org/wgbh/nova/next/tech/predicting-the-future/.
60. Jin F. a. o. Epidemiological Modeling of News and Rumors on Twitter // people.cs.vt.edu/~ramakris/papers/news-rumor-epi-snakdd13.pdf.
61. Khandpur R. P. a. o. Determining Relative Airport Threats from News and Social Media // people.cs.vt.edu/naren/papers/iaai-airports-16.pdf.
62. Haldane A. G. Will big data keep its promise? // www.bankofengland.co.uk.
63. Sabouni H. The rhythm of markets // www.researchgate.net/publication/323560860_The_Rhythm_of_Markets.
64. Lang K. What can Spotify tell us about economy // www.bbc.com/capital/story/20180508-what-can-spotify-tell-us-about-the-economy.
65. Ahmed M. Aided by Palantir, the LAPD uses predictive policing to monitor specific people and neighborhoods // theintercept.com/2018/05/11/predictive-policing-surveillance-los-angeles/.
66. Cameron D. Twitter cuts ties with second firm police use to spy on social media // www.dailydot.com/layer8/twitter-snaptrands-geofeedia-social-media-monitoring-facebook/.
67. Почепцов Г. Новые аналитические подходы в работе полиции. Опыт США и Великобритании // hvylya.net/analytics/society/novyie-analiticheskie-podhodyi-v-rabote-politsii-opyit-ssha-i-velikobritanii.html.

68. Tucker P. Symptoms of violence // www.slate.com/articles/technology/future_tense/2014/03/naren_ramakrishnan_how_technology_can_spot_a_war_before_it_starts.html.

69. Мараховский В. Россия погибла как никогда раньше // www.nalin.ru/rossiya-pogibla-kak-nikогда-ranshe-6523.

70. Ghosh D. a. o. Digital deceit. The technologies behind precision propaganda on the internet // www.newamerica.org/public-interest-technology/policy-papers/digitaldeceit/.

Глава шестая

Как виртуальность переходит в реальность

1. Виртуальные революции: использование виртуальных объектов при смене власти

Виртуальные объекты активно используются с целью стабилизации социальной системы. В частности, христианство, как и любая другая религия, компенсирует неадекватность социальной реальности различными виртуальными конструкциями (например, вознаграждением в потусторонней жизни). Теория менеджмента террора (terror management theory), которая возникла в наши дни, пытается определить механизмы, которые разрешают человеку сохранять осмысленное существование в очень сложном мире, поскольку человек, в отличие от животного, может смотреть в будущее.

Теория менеджмента террора (авторы Дж. Гринберг и др.) усматривает основной источник человеческой тревоги в страхе смерти. Этот страх может понижаться через подключение то ли к модели мира, присущей определенной культуре, то ли к высокой самооценке, которая блокирует мысли о смерти. Эксперименты свидетельствуют, что люди с высокой самооценкой менее болезненно реагируют на раздражители, связанные со смертью. Напоминание людям об их смертности может порождать в ответ потребность в самооценке и в подключении к культурной модели мира.

Культура как социальная конструкция содействует максимализации стабильности данного варианта мира, поскольку здесь начинают действовать следующие правила:

– культурные модели мира дают человеку смысл и стабильность в границах нестабильного и непредсказуемого мира;

– культура дает человеку ощущение ценности и самооценки, если данный человек придерживается правил, присущих определенному обществу;

– культурные модели предлагают символическое бессмертие (в детях, книгах, результатах работы и т. п.).

Ш. Соломон, один из авторов теории менеджмента террора, в интервью журналу «Psychology Today» объясняет реагирование на носителей других культурных образцов: «Теория менеджмента террора интересуется и тем, почему людям тяжело быть с теми, кто отличается. Раз культура выполняет функцию возражения смерти, в таком случае люди других культурных традиций подрывают нашу защиту против страха смерти. Мы отвергаем эту группу как порождения ада. Наиболее мягкой формой становится понижение угрозы, которую мы ощущаем со стороны альтернативной картины мира. Мы также можем попробовать убедить других отказаться от их идей и принять наши, как это делают миссионеры. Мы без сожаления можем убить культурно других, лишь бы доказать, что наш путь наилучший. Для радикального ислама, воплощаемого Усамой Бен Ладеном, Запад есть абсолютное зло и подлежит уничтожению. С другой стороны, президент Джордж Буш объявил данный конфликт крестовым походом, определяя, что наш Бог лучше, чем их» [1].

Интересно, что это культурное столкновение напоминает столкновения между Советским Союзом и США во времена «холодной войны». Тогда одна сторона усматривала возможность своего развития только при условии уничтожения таких же возможностей для другой. Если Р. Рейган говорил об «империи зла», то с советской стороны мы слышали о «зверинном оскале американских империалистов» (они же «поджигатели войны»). Разумеется, справедливость собственной позиции обе стороны не подвергали сомнению.

Мощные пропагандистские системы СССР и Китая демонстрировали процессы стабилизации посредством виртуализации, когда тиражировали виртуальные образцы правильного поведения и героики. В качестве «мягкой силы» к этому прибегает и западная система, предпринимая усилия по удержанию собственной модели мира. При этом, владея мощнейшими на сегодня «машинами» для создания картины мира с помощью массовой культуры, США имеют возможность распространять свою картину мира намного дальше собственных границ. Американская массовая культура реально вытесняет любую другую.

Не менее активно виртуальные объекты используются и для дестабилизации систем. Дестабилизация как процесс не стала еще объектом достаточного исследовательского внимания. Так, В. Серебрянников подчеркивает: «теория социального взрыва довольно слабо разработана, в особенности относительно современного периода»

[2]. Л. Никовская видит схему развертывания социального взрыва в таком виде [3]:

- нарастание трудностей, которое приводит к ситуации, когда становится невозможным одновременное противодействие напору проблем, которые требуют немедленного решения;
- выход из порядка существующего механизма согласования и принятия решений;
- потеря многими людьми и организациями возможности действовать соответственно своим целям и функциям.

Эти характеристики напоминают постепенное нарастание хаоса, который выливается в важные социальные изменения.

Интересно, что И. Пантин связывает социальный взрыв не столько с экономическими или социальными условиями, сколько с психологической детерминантой: «Социальный взрыв связан с характером переживаний массами изменений, новых ситуаций, трудностей, с характером реакции на них» [4]. Он подчеркивает, что год французской революции был самым благополучным в экономическом отношении. Хлебные трудности в России ощущались уже в 1916 году. Виртуальная составляющая, без сомнения, базируется на психологической детерминанте.

Виртуальные объекты, которые вводятся в случае дестабилизации, направляются на чувствительные точки социальной системы. Для власти, например, это будет подрыв доверия к ней, для военных – их умения вести войну, для милиции – бороться с преступностью и т. д.

При достаточной ресурсной поддержке введенных виртуальных объектов получаем несоответствие: виртуальное пространство начинает динамично изменяться, в то время как реальное движется со старой скоростью. Это расхождение и есть главный источник «слома» системы, если ей не удастся замедлить скорость изменений виртуального пространства. Но вместе с тем, как свидетельствует опыт бывшего СССР, это замедление, например, путем введения того ли другого варианта цензуры, будет лишь временными, поскольку нынешнее глобальное общество «простреливается» со всех сторон, независимо от уровня защиты его виртуального пространства.

Виртуальные дестабилизаторы содержат в себе определенный набор обязательных характеристик. События времен гласности и перестройки продемонстрировали это очень убедительно. Тогдашняя модель виртуальной революции включала такие компоненты:

- жертва (при этом она может быть как индивидуальной, так и коллективной. Например, использование саперных лопаток в Тбилиси);
- массовость и зрелищность протеста (обычно народные волнения предусматривают «стирание» старых правил и возможность образования новых; протест должен быть зрелищным, наподобие палаток

голодающих на Крещатике в Киеве, чтобы это могло снимать телевидение);

– обязательность молодежного (студенческого) участия, поскольку молодежь не только символизирует будущее, но и легка на подъем, не связана социальными условностями, обычно проживает компактно, в общежитиях – с ней проще работать агитаторам;

– включение международных информационных потоков для обратной циркуляции в страну и создание соответствующего международного давления;

– наличие зрителя, без которого все эти действия теряют смысл; у зрителя же начинает разрушаться имеющаяся модель мира, что, вероятно, и является главной целью подобных действий;

– определенная временная зависимость, поскольку привыкание к ситуации снимает ее «горящий» характер; с другой стороны, например, в Ираке, американские специалисты усматривали опасность возникновения «идеологии сопротивления» [5].

В таком случае модель изменения власти принимает вид создания прецедента массовых волнений. Они могут быть довольно зрелищным мероприятием, которое отвечает современным стандартам телевидения. Власть, имитируя спокойствие, рано или поздно не выдерживает и срывается, пытаясь убрать участников волнений с улицы. В результате появляется жертва (жертвы). Это может быть не только чья-то случайная смерть, но и аресты, которые также носят символический характер, создавая необходимый ореол мученичества, которое резко усиливает символический характер событий и прямо влияет на виртуальное пространство.

Мы говорим о важности виртуальной составляющей во всех этих случаях, поскольку обе стороны – власть и протестующие – борются, в первую очередь, в виртуальном пространстве, пытаясь обеспечить себе победу именно там. Студенты в палатках не могут рассматриваться в физической реальности как бойцы. Они являются бойцами виртуальной реальности, создавая образы борцов против режима (преступного, коррупционного и т. п.). Точно так же и все пять вышеназванных параметров несут четко выраженный виртуальный характер. Они будто бы созданы под виртуальную «раскрутку», под удержание постоянного напряжения, под освещение в СМИ. Создается будто бы принципиально незавершенная виртуальная конструкция, завершением которой может быть только смена действующей власти. Последний пример реализации такого действия – Грузия, который даже назывался виртуально как революция роз. Протестная стихия легитимизировала увлечение власти новыми игроками. «Седой лис» Э. Шеварднадзе (кстати, такой же виртуальный из-за своей максимальной неоднозначности, как и вся ситуация переворота) не решился на сопротивление.

Типичной моделью виртуального «взрыва», за которым следует «взрыв» социальный, можно считать следующую цепь событий:

Виртуальный «образ» изменения режима → Демонстрация → Разгон демонстрации → Жертва → Реальное изменение режима

Интересно, что эта цепочка изначально виртуализируется таким образом, чтобы сразу отвергнуть подозрения относительно насильственного изменения власти. Вспомните названия: бархатная революция (Прага), революция роз (Тбилиси). Ничто плохое не может носить такого красивого названия. А вот революция веников в Армении 2004 года не удалась. Да и само название какое-то неловкое.

Виртуальный «взрыв», приводящий к реальному изменению власти, строится по модели, похожей на ту, согласно которой вводятся и закрепляются новые представления в тоталитарных сектах. Там происходят три процесса:

- «размораживание» старых представлений;
- внедрение новых представлений;
- «замораживание» новых представлений.

Теперь посмотрим, как действуют митинг или демонстрация протеста. Они направлены на создание контекста, максимально благоприятствующего виртуальному «слому». Перечислим некоторые принципиальные моменты такого рода введения ментальных конструкций, конфликтующих с доминирующими на данный момент:

- маргинальная или запрещенная ранее точка зрения приобретает публичность, которая переводит ее в другой статус;
- митинг или демонстрация направлены на анонимизацию каждого участника, что делает для него возможными те типы поведения, которых он не практиковал ранее;
- митинг или демонстрация создают ситуацию физического контакта, невозможного в обычной жизни;
- в случае применения силы против демонстрантов возникает еще более объединяющее «мы» против «них»;
- стрессовая ситуация, которая при этом возникает, «намертво» закрепляет информацию, которая вводится;
- в рамках митинга/демонстрации точка зрения, которая вводится, никогда не опровергается.

Все это создает благоприятные возможности для интенсивного манипулятивного влияния со стороны организаторов митинга/демонстрации.

Грузия-2003 и Армения-2004 имели очень похожие параметры в виде низкого жизненного уровня и маленькой численности населения, когда

даже без СМИ любая информация может распространяться без ограничений. Кстати, в похожей модели свержения С. Милошевича протестующие вне забастовок, которые тогда охватили почти все, оставили кафе, так как они, вероятно, могли служить определенными коммуникативными ретрансляторами. Возможным ответом на разные результаты в Тбилиси и Ереване может быть наличие/отсутствие давления извне, а также потеря внутренней «энергетики» самым Э. Шеварднадзе – он очень давно находился у власти. Дополнительно к этому могла сыграть свою роль и большая/меньшая близость к России, поскольку с ней у Шеварднадзе в последнее время не всегда были хорошие отношения.

В принципе и виртуальная война, и виртуальная революция требуют не одного, а целого набора сообщений, так как разные целевые группы должны получить то, что нужно именно им. Э. Месснер писал: «агитация во время войны должна быть двуликой: одна полуправда для своих, другая – для неприятеля. Но одного лукавства мало – нужна, так сказать, многоликость: для каждого уровня сознания, для каждой категории характеров, склонностей, интересов – особая логика, искренность или лукавство, рассуждения или сентиментальность» [6]. Это содержательное различие, но не меньшее разнообразие существует и в вариантах каналов коммуникации, которые должны донести избранное сообщение до целевой аудитории.

В этом плане интересная мысль министра обороны США Д. Рамсфелда, высказанная им на встрече с редакторами газет: следует готовить специалистов по разным регионам со знанием языка и культуры, их следует вознаграждать за это знание, а не наказывать, поскольку это определенное отклонение от нормальной армейской карьеры [7]. Здесь важно внимание относительно снятия сопротивления воинской среды для такого типа специалиста.

Все вышесказанное позволяет сформулировать правило виртуализации. Виртуальный объект увеличивает свою силу, если он строится с учетом той модели влияния, которая наиболее эффективна для данной целевой аудитории, поскольку тогда он не изменяет имеющуюся картину мира аудитории, а, наоборот, опирается на нее. Степень сопротивления такому объекту будет намного меньшей.

Рассмотрим упомянутые параметры виртуальной революции на нескольких вариантах изменения власти: двух, которые удались (Чехословакия и Румыния), и одном неудачном (Китай). Построим наше изложение на едином принципе, считая жертву ключевым элементом, который задает главный элемент сюжетности, который, в свою очередь, легитимирует изменение власти. Необходимо также сказать, что изменение власти легитимируется предыдущей виртуальной частью, которая обвиняет власть. Жертва, скорее всего, лишает власть права на защиту, выступая затем в роли своеобразного блокиратора дальнейших действий со стороны власти.

Чехословакия

Жертвой стал студент М. Шмид, который погиб в результате применения силы полицией при разгоне демонстрации. Протесты происходили в Праге 17 ноября 1989 года. Однако ключевое событие оказалось постановочным спектаклем. Студент не только реально не погиб, но даже, как выяснилось, был сотрудником секретной полиции [8]. Последняя и организовала эти протесты, чтобы заставить коммунистическое руководство страны сойти с политической арены.

Жертва оказалась вмонтированной в студенческие протесты, лишая власть возможности выйти на новые варианты борьбы с демонстрациями. Жертва выступает в роли определенного блокиратора подобных действий в будущем. В символической (виртуальной) плоскости это закрепляет виртуальную конструкцию, которая вводится, например, для обозначения власти как «диктаторского режима», не способного демократизироваться.

Румыния

В роли жертвы оказался венгерский проповедник Л. Текеш. Его арест сдетонировал события в Тимишоаре. Священника часто посещал второй секретарь посольства США в Бухаресте Д. Керри [9]. Фильм немецких документалистов «Шах и мат» и дальнейшее обсуждение его в венгерской и румынской печати показали, что в этом случае сработали совместно американские и советские спецслужбы, поскольку обучение происходило в лагерях на территории Венгрии. Там подготовили несколько десятков тысяч «профессиональных протестующих».

Борьба с демонстрантами на следующем витке событий парализовала власть. Н. Чаушеску профессионально «спасают» – навстречу его гибели. Спасают те, кто его сразу же и расстреливает. При этом власть в Тимишоаре действует неадекватно, отказываясь даже просто согласиться с требованиями манифестантов. Все это закрепляет представления о власти как о «диктаторском режиме», поскольку она одна из всех сил демонстрировала закрытость.

Китай

Китайские события стали предостережением для М. Горбачова, как заявлял А. Грачев, которого цитирует историк «холодной войны» М. Уолкер [10].

Китайские события, вероятно, стали исключением из правила по двум причинам:

– они получили сверхмощное освещение, поскольку тогда, в преддверии визита М. Горбачова, в Пекине собралось множество журналистов;

– студенты вначале находились на площади законно (или почти законно) в связи со смертью 15 апреля партфункционера, бывшего генсека КПК Ху Яобана.

18 апреля, через три дня после смерти Ху Яобана, студенты двигаются к центру Пекина. 20 апреля власть впервые применяет силу, для того чтобы оттеснить студентов от правительственной резиденции. 22 апреля происходят похороны. Студенты передают петицию, требуя встречи с премьером Госсовета Ли Пенем. 15–18 мая происходил визит М. Горбачева. К тому времени на площади обустраивается палаточный городок. 13 мая несколько сот студентов начали голодовку. 20 мая вводится военное положение в некоторых районах Пекина. 30 мая студенты на площади Тяньаньмень сооружают десятиметровую статую «богини Демократии». 4 июня ночью войска разгоняют студентов, стреляя в них.

По сути, Китай впервые столкнулся с неконтролируемой ситуацией, которая активно освещалась СМИ многих стран. Все это происходило на фоне борьбы за власть в самой КПК. В результате с 28 апреля газеты, телевидение и радио стали освещать то, что происходило на площади, чего не могло быть ранее. (Десятичасовая студенческая демонстрация 27 апреля почти не освещалась) [11].

4 мая – юбилейная дата в Китае, связанная с движением 1919 года. Поэтому студенческие демонстрации в этот день привлекли внимание многих зрителей. Впервые к демонстрантам присоединились журналисты с собственными лозунгами. Они требовали права «говорить правду». Выход журналистов оказал содействие привлечению к протестам интеллигенции.

Уроки освещения событий в Пекине повлияли на последующее освещение событий в Восточной Европе, Персидском заливе и в Советском Союзе [12]. Например, американские медиа предлагали китайским студентам в США интерпретировать события.

Следует признать значительную роль в развитии событий как самых студенческих выступлений, так и их освещения. То есть роль информационного и виртуального пространств была не менее значительной, чем роль событий реального пространства. С 28 апреля по 20 мая – времени действия военного положения, пресса публиковала статьи о студенческом движении и его требованиях. Можно сделать такой вывод: освещение становится неотъемлемым элементом самого события. Нет освещения, нет и события. Здесь действует видоизмененное правило И. Сталина: вместо большой мысли «не важно, как голосуют, важно, как считают» начинает действовать другая большая мысль – «не важно, как делают, важно, как освещают».

17 и 18 мая на улицы Пекина вышли уже миллионные демонстрации в поддержку студентов. И к управлению ситуацией наконец допускаются сторонники твердой линии. Ситуация завершается введением военного

положения, благодаря чему восстанавливается статус-кво. Произошло не изменение системы, а перегруппировка властной элиты, что позволило сохранить власть путем применения насилия.

Студенческие демонстрации типичны для такого рода социальных изменений. Они происходили в Германии, Иране, Гаити, Украине – если припомнить только небольшую часть из них. Студенты вообще символизируют новую виртуальную картинку, поскольку уже по определению они являются представителями будущего. Одновременно они и представители всех социальных слоев, поэтому гальванизируют все общество. Любые их действия всегда будут привлекать внимание. Центральное положение студенчества всегда может попадать в резонанс со всем обществом.

Следует подчеркнуть, что социальные изменения являются периодами интенсивного возникновения виртуальностей. Во многом это связано с тем, что нужно блокировать реальность, не давая как протестующим, так и зрителям выходить за пределы четко очерченного виртуального пространства. Отключение от него становится возможным только при наличии его соответствующего закрепления. В противном случае эта работа будет безрезультатной.

Облегчает построение виртуального пространства активное привлечение СМИ, в особенности телевидения. Но СМИ в таком случае порождают не новости, а квазиновости, поскольку четко задается мелодраматическое деление на героев и злодеев. Протяженность события во времени не характерна для системы новостей, но является нормой для «мыльной оперы». Это выдвигает на первую роль именно зрителя, а не тех, о ком говорится с экрана. Ведь по сути поднимается основная закономерность телевидения – недостаток времени, который заставляет уплотнять сюжеты. Как заявлял У. Кронкайт, «одной из проблем телевизионных новостей является то, что у нас так мало времени на телевидении. Двадцать три минуты или около получаса, чтобы закрыть весь мир и такую очень сложную страну, как наша» [13].

«Бесконечная» новость по сути перестает быть новостью. Она переходит в другой жанр. Возникает, например, эмоциональность, которой нет в новостях, возникает максимальная включенность зрителя, обычно отстраненного от других типов новостей. Эта эмоциональность всегда присуща протестным движениям: она почти автоматически «перетекает» к зрителю, в особенности в случаях прямой трансляции. Теоретик и практик радикальных движений С. Алинский подчеркивал, что радикальные организации создаются для конфликтов, для вечной войны [14]. При этом важным становится не просто достижение победы, но и то, каким образом это будет сделано, поскольку чувства, энергетика и агрессия людей и организации являются ее специфическим оружием.

Новости → Нет эмоциональной включенности

«Мыльная опера» → Есть эмоциональная включенность

Квазиновость → Есть эмоциональная включенность

Как видим, квазиновости идут в соответствии с моделью «мыльной оперы», втягивая зрителя в сочувствие развитию событий.

Переключение в виртуальную реальность, характерное для подобных социальных сдвигов, может трансформировать и мировосприятие человека, что соответствует закону избирательности восприятия. Теперь человек во всем будет видеть только приметы «милый ему» виртуальности. То есть виртуальность активно будет порождать новую виртуальность.

Интернет создал новые возможности для виртуального влияния. Вероятно, каждый тип виртуальности, связанный с доминированием того ли другого канала, порождает свои варианты социальных, политических или военных следствий. Книга формирует свою виртуальность, кино – свою, телевидение – свою. Довоенный взлет киноиндустрии сформировал тоталитарные государства, поскольку и немецкое, и советское кино реально было частью политики, а не искусства. Телевидение создало эффект CNN, и под его влиянием приходилось свертывать или существенным образом корректировать военные действия (Вьетнам, Сомали, первая война в Персидском заливе, первая чеченская война). Сегодня настало время Интернета, который породил сетевые структуры, включая «Аль Каиду». Его использование дало возможность небольшому повстанческому движению в Мексике привлечь внимание всего мирового сообщества. Этот феномен сразу стали изучать военные аналитики [15]. Но они не учитывают тот факт, что это является одновременно и влиянием нового механизма порождения виртуальности. Каждый тип виртуальности базируется на типе «машины», порождающей эту виртуальность, будет ли это литература, кино или телевидение.

Интернет создает виртуальность нового типа, максимально индивидуализированную (демаксимизированную) как по получению информации и ее поиску, так и по ее восприятию, поскольку он, как и книга, дает возможность лицу дополнять ее соответственно собственным стереотипам. Книжного героя, в отличие от героя кино или телевидения, получатель информации мог визуализировать так, как хотел сам. Интернет повторяет этот опыт, только на других уровнях.

Терроризм максимально воспользовался возможностями этого нового типа виртуализации действительности, где, кстати, в деле рекрутирования новых бойцов активно эксплуатируется вариант использования «мягкой силы». Веб-сайты террористических организаций сориентированы на три вида аудитории: существующие и потенциальные сторонники, международная общественная мысль, население вражеских стран [16].

Интересны данные относительно распределения оптимистов/пессимистов среди аудитории русского интернета. Там

оптимисты составляют 68 %, в то время как среди всего населения – только 27 %. Это важная характеристика, поскольку, как правило, оптимист сам строит свою жизнь, а не ждет чьей-то помощи. Перед нами, можно считать, одновременно возникают две различные картины мира. Картина мира пользователя интернета более оптимистична.

Кстати, специфическая роль «Аль Джазиры» базируется на новых именно для арабского мира возможностях другого средства – телевидения. Идеологический подтекст функционирования этого спутникового канала можно найти в интервью с творцом документального фильма о нем – Дж. Нуджемом [18]. «Аль Джазира» подается как единственное средство информации, которым пользуется (и гордится) каждый араб. Это что касается распространенности. Относительно же картины мира, присутствующей там, то она задается как «последний оплот арабского национализма». При этом и сама «Аль Джазира» поддается давлению со стороны США: госсекретарь К. Пауэлл обратился в правительству Катара относительно этого спутникового канала [19]. США были возмущены решением ВВС показать кадры с американским военнопленным, ранее показанные «Аль Джазирой». Все это происходит на фоне скандала с фотографиями, где американские солдаты явным образом подвергают пыткам иракских пленников. Рейтерс процитировали одного из редакторов арабской газеты: «освободители хуже диктаторов» [20].

Образование и культура создают долгосрочные картины мира. СМИ работают с кратковременными. Они интерпретируют сегодняшние события, тогда как образование и культура работают на уровне метаправил, которые и разрешают давать подобные интерпретации. Образование и культура – это виртуальное пространство, СМИ – информационное.

В кризисных ситуациях скорость интерпретаций должна совпадать или даже опережать скорость реальных трансформаций. Как правило, происходит наоборот: получается опоздание, в результате чего реальная среда изменяется быстрее, чем среда информационная. Разрыв в скорости заполняют слухи – их возникновение всегда активизируется в подобные периоды.

Д. Ронфельдт в свое время предложил типологию нестабильности, которая включает три типа [21]:

- спорадическая нестабильность, когда беспорядки возникают в ответ на текущие события, но остаются относительно изолированными и не составляют опасности для политической системы;
- системная нестабильность, когда беспорядки распространяются, расшатывая основы правящих институтов, что может приводить к коллапсу, конституционному кризису, воинскому путчу;

– эволюционная нестабильность, когда общество не может перейти к новой системе, т. к. фиксируется на существующем состоянии, застряв на процессе перехода.

Каждый из этих типов нестабильности должен теоретически опираться на свой вариант виртуальности. Например, бывший Советский Союз знал случаи спорадической нестабильности (волнения в Новочеркасске, направленные против власти местного уровня – эта виртуальность была ответом на недостаток продовольствия). Системная нестабильность, введенная (или подхваченная) перестройкой, создала виртуальность, которая полностью конфликтовала с доминирующей на тот момент, где все главные символические ценности было целиком перечеркнуты. Это, естественно, привело к совсем другой системе власти.

Эволюционная нестабильность характерна для сегодняшней Украины (и в меньшей мере для России), где общество стремится перейти в новое состояние. В этом случае конфликт двух виртуальностей – доминирующей и оппозиционной – происходит, в основной, в виртуальной плоскости.

Нестабильность является материальным выражением конфликта в виртуальном пространстве. Сильный игрок сначала изменяет порядок доминирования в нем, потом переходит к пространству реальному. Процесс перехода от одного доминирования к другому сопровождается разного уровня беспорядками, которые продемонстрировало, среди других, развитие событий в Чехословакии, Румынии и Китае. Суммарно модель успешного влияния в этих случаях, а также в ряде других, включая распад бывшего Советского Союза и Грузию-2003, состоит из таких компонентов:

- наличие интенсивных информационных потоков внутри страны;
- поддержка этих потоков международными, которые в ряде случаев создают как давление на власть, так и заменяют внутренние информационные потоки;
- постепенный отказ власти от продолжения борьбы под международным давлением или за счет сегментации власти на тех, кто готов и кто не готов поддерживать социальные изменения;
- активная, энергичная политическая сила внутри страны – как правило, ресурсно поддерживаемая извне, которая стремится вступить в резонанс со всем обществом;
- готовность общества воспринять новую виртуальную картину мира, что отнюдь не всегда связывается с материальными нуждами.

Все эти компоненты удерживают конфронтационную картину мира, постепенно перенося конфликт с виртуального пространства в пространство реальности. В этой ситуации сопротивление власти в реальном пространстве становится неуместным, если победа уже достигнута в пространстве виртуальном.

При этом следует обеспечить переход между виртуальностями, как это было, например, в Грузии-2003: диктатор – экс-диктатор, оппозиционер – президент. Получается цепочка переходов, где другой участник цепочки может сместиться на ступеньку дальше, если первый участник освобождает ему место, смещаясь на следующую ступеньку:

Экс-диктатор/Коррупционер ← Диктатор/Коррупционер

Оппозиционер → Президент

Здесь следует помнить, что виртуальный ярлык диктатора или коррупционера также требует определенного ресурса для его приклеивания и удержания. Что нужно для удержания такой виртуальной структуры? Это целый ряд действий:

- ярлык «диктатора/коррупционера» начинает поддерживаться как внутри страны, так и за ее пределами;
- он постоянно должен подкрепляться новыми примерами;
- отрицательные характеристики должны усиливаться, поскольку происходит привыкание массового сознания к определенному порогу;
- окружение, дети также начинают функционировать в качестве примера (например, дети С. Хусейна);
- увеличивается количество «обвинителей» со стороны международных кругов, которые всегда трактуются массовым сознанием как более объективные;
- параллельно возвышается фигура «небесной чистоты» оппозиционера, который начинает набирать очки уже от самой критики другого даже без любых собственных действий.

Виртуальный объект выступает в роли своеобразного тарана, направленного на разрушение властной структуры. Сильными его сторонами в этой роли есть то, что его тяжело опровергнуть, поскольку это объект мифологический, то есть его невозможно проверить принципиально: его сила – в другой плоскости. Можем пересчитать ряд таких усилителей:

- удачное вербальное формулирование: например, модель «имеем то, что имеем» Л. Кравчука (или «Хотели как лучше, а получилось как всегда» В. Черномырдина), которые, в свою очередь, разрешают интерпретировать действительность;
- удачная метафорическая форма: например, определения «ось зла» или «империя зла», примененные США в разные периоды истории;
- удачная когнитивная форма: как показывают исследования П. Бойера и других специалистов в области когнитивных наук, не все символы одинаково хорошо проходят сквозь когнитивные фильтры. Некоторые припоминаются легче, поэтому и более подходят для дальнейшей трансляции.

В этих случаях виртуальный объект теряет свою связь с тем, что он есть всего лишь коррелятом реальности; для массового сознания он сам становится реальностью. Реальность же отличается от своего коррелята тем, что не подлежит проверке как таковая, поскольку уже по определению есть правильной.

Развитие новой картины мира требует немалых времени и ресурсов, поскольку виртуальное пространство обладает значительной инерционностью. США, например, 45 лет борются с Кубой без очевидных результатов. Ныне под влиянием голосов избирателей Флориды Дж. Буш одобрил план использования военного самолета EC-130 для трансляции испаноязычного телевидения и радио, а также значительное увеличение финансирования для кубинских критиков правительства Ф. Кастро [22]. Речь идет о сумме в 59 миллионов долларов, самолет обойдется в 18 миллионов. То есть планируется интенсивное введение новой модели мира извне.

Сильный игрок, вероятно, может вырваться из виртуальности, которая навязывается извне. Слабый идет на поводу у нее или делает вид, что ее не учитывает, и тем только усиливает ее внедрение. Поскольку виртуальность инерционна, на определенном этапе уже практически невозможно отойти от навязанной ментальной картинки. Происходит фиксация, и вся следующая информация, в соответствии с законом избирательности восприятия, фильтруется так, что новая информация, противоречащая введенной раньше, откидывается как неправдивая. Круг замкнулся, виртуальность возобладала.

Литература

1. Dess N. K. Terror in homeland: new research explains how cultural differences contribute to fear // *Psychology Today*. – 2002. – March-April.
2. Подходы к диагностике социальных взрывов: прошлое и настоящее // *Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения*. – М., 1993.
3. Там же.
4. Там же.
5. Knightley P. The battle for our hearts and minds // *Guardian*. – 2003. – April 2.
6. Месснер Е. Э. Всемирная мятежевойна. – Жуковский. – Москва, 2004. – С. 115.
7. Secretary Rumsfeld remarks to the Newspaper Association of America/American Society of Newspaper Editors // *defenselink.mil*.
8. Almond M. 1989 without Gorbachev // *Virtual history*. – New York, 1999.

9. Лукьянов Ф. Круги на воде. Новые подробности о свержении румынского диктатора Н. Чаушеску // Российский курьер. – 2004. – 16–31 марта.
10. Walker M. The cold war. A history. – New York, 1995.
11. Jakobson L. «Lies» in ink, truth in blood». The role and impact of the Chinese media during the Beijing spring of '89. – Cambridge, 1990 / Discussion paper D – 6 – Harvard University. The Joan Shorenstein Barone Center on the press, politics and public policy. – P. 9.
12. Berlin M. a. o. A study of American media coverage of the Beijing spring of 1989. – Cambridge, 1991 / Harvard University. The Joan Shorenstein Barone Center on the press, politics and public policy. – P. 5.
13. The first annual Theodore H. White Lecture with Walter Cronkite. – Harvard University. – S. a. – P. 27.
14. Alinsky S. D. Reveille for radicals. – New York, 1969.
15. Ronfeldt D. a. o. The Zapatista social netwar in Mexico. – Santa Monica, 1998 / RAND.
16. Weimann G. How modern terrorism uses the Internet // terror.net.
17. Чугунов А. В. Социология Интернета. Социально-политические ориентации российской интернет-аудитории. – СПб., 2002. – С. 39.
18. Inside Al Jazeera // New York Times. – 2004. – April 25; Asfour N. Control Room probes the people behind the station // Daily Star (Lebanon). – 2004. – April 26.
19. Cozens C. Al-Jazeera tones down 'violent' images // Guardian. – 2004. – April 30.
20. Abused by Americans // Boston Globe. – 2004. – May 1.
21. Ronfeldt D. a. o. Rethinking Mexico's stability and transformability // Ronfeldt D. a. o. The Zapatista social netwar in Mexico. – Santa Monica, 1998 / RAND.
22. Marquis C. Bush proposes a plan to aid opponents of Castro in Cuba // New York Times. – 2004. – May 7.

2. Страна как текст, или виртуальные коммуникации в действии

Страны выстраиваются по правилам, а правила чаще всего формулируются с помощью текстов. Некоторые страны вообще вышли из одного, но главного текста. Так можно сказать о мусульманских странах или об Израиле, который вообще является наиболее недавним образованием, для чего даже пришлось восстановить мертвый язык.

Такого возврата к жизни языка еще не было в истории человечества, поскольку даже конгрессы «живой латыни» затрагивают только специалистов.

В случае этих стран религиозный текст на сегодня во многом формирует их жизнь. В случае христианства это уже не так, после Лютера христианство лишь косвенно, а не прямо влияет на повседневность. А Иран, например, активно борется с любыми проявлениями западного влияния в массовой культуре: от кукол Барби до мультфильма «Симпсоны».

В дореволюционной России во времена Петра Первого уже был религиозный конфликт, в результате которого инакомыслящие староверы были вытеснены за пределы нормы. Они считали свой текст более важным, чем тот, который пришел на смену, и ушли за пределы чужого внимания. В этом случае текст был более всеобъемлющим, не только книжным, но и поведенческим.

При смене власти в 1917 г. по крайней мере два класса людей, которые не имели нужного уровня свободы, «рванули» в революцию. Это еврейское население и староверы. А. Пыжиков, например, к последним в советской номенклатуре относит следующих лиц [1–3]: Калинин, Ворошилов, Ногин, Шверник (настоящая фамилия – Шверников), Москвин, Ежов, Косарев, Постышев, Евдокимов, Зверев, Маленков (лидер староверческого крыла партии в эпоху зрелого сталинизма), Булганин, Д. Устинов, Суслов, Первухин, Громыко, Патоличев и многие другие. Последним еврейские корни из Одессы проявились у лауреата Нобелевской премии по литературе 2016 г. Боба Дилана.

СССР являлся ярким примером страны-текста. Б. Гройс говорит о логоцентрической ориентации СССР [4]. Он также акцентирует характеристики коммунизма как художественного проекта: «Советская индустриализация 30-х годов, которая и создала Свердловск с его «Уралмашем», была попыткой превратить индустриальный труд в творческий процесс по созданию нового общества, новой страны. Люди работали не традиционно – чтобы получить зарплату и потом пропить или в лучшем случае прокормить семью, – а для того, чтобы построить новое общество. Они понимали себя как часть коллективного художественного проекта. Коммунизм ведь был в принципе художественным проектом» [5].

Какие характеристики текстовости в принципе можно увидеть в стране? Текст – это высокий уровень связности всего со всем. Поскольку в СССР все было государственным, то естественно, что уровень связности здесь был выше, чем у любой другой страны. Существовали реально работающие социальные лифты, позволявшие подниматься вверх.

Текст – это также сюжет. СССР четко выстраивал свою историю, блокируя чужие и чуждые сюжеты, даже ради этого на несколько лет

пришлось в довоенное время закрыть все исторические факультеты, поскольку надо было выработать этот единый тип сюжета для всех.

Текст – это героика. Советские герои были для всех возрастов и профессий, среди которых лидировали, конечно, герои-военные. Даже Ленин на октябрятской звездочке был «совсем молодым» и кудрявым, как и дети, у которых звездочка висела на груди. Лишь с перестройкой на наших экранах возникает большое число негативных героев, до этого как образцов для подражания их не было. Враги народа никак не могли служить такими образцами, поскольку жизнь их завершалась плохо.

Перестройка рождает не только фильм «Покаяние» [6], но и фильм «Интердевочка» [7]. Последний стал лидером советского проката в 1989 г. Много говорят о роли «Покаяния» в разрушении СССР, но, вероятно, не меньшей была и роль «Интердевочки».

Из-за текстовой ориентации в СССР все было очень четко формально организованным и заорганизованным. В любой точке страны были пионеры, комсомольцы, коммунисты. Пионеры собирали макулатуру и металлолом, хорошо учились, потому что пионер всем ребятам пример. Эта виртуальная жизнь принципиально доминировала над физической реальностью, задавая все значимые ее параметры.

У Аркадия Гайдара, а у него был самый искренний тип советского текста, который даже не воспринимался как художественный, почти в каждом произведении был герой-пионер, потому что тогда это было в новинку. Пионеры выступали против злых Квакиных в «Тимуре и его команде», а в «Судьбе барабанщика», написанной в 1938 г., пионер вообще борется с врагами народа. То есть все приметы времени присутствовали в детском тексте, и реальная жизнь получает правильную виртуальную интерпретацию.

Д. Быков назвал одну из своих лекций очень интересно и необычно: «СССР – страна, которую придумал Гайдар». И это именно текстовый аналог того, что было в действительности, а точнее сказать, действительность должна была подчиняться этому виртуальному тексту, который был скорее в головах, чем в правилах соцреализма.

Физическое пространство, а также информационное и виртуальное, практически нарушили свои типы зависимости, поскольку не физическое пространство определяло, что есть правда, а что нет, это делалось, отталкиваясь от информационного и виртуального пространств. Фильм «Кубанские казаки» описывал правильное состояние мира, а если ему не соответствовала действительность, то она, а не виртуальность была исключением из правил.

Г. Хазагеров сравнил «Судьбу барабанщика» с «Мастером и Маргаритой», опираясь на фигуру черта, под которого он подвел и врагов народа. Он написал [8]: «Само по себе сходство литературного шпиона и вредителя с чертом не является специфической чертой книги Аркадия Гайдара. Более того, уже беглый анализ советской литературы

и карикатуры показывает, что мы имеем дело даже не со сходством, а с другим (атеистическим) вариантом одного и того же явления. Во-первых, у вредителя («врага») как бы нет собственной жизни, он, как всякий черт, живет исключительно нашими интересами: одна у него забота – пакостить нам. Во-вторых, он связан с некими потусторонними враждебными силами (является «оттуда», из кромешного мира, где все наизнанку). В-третьих, он наделен необычными технологиями (которые ему все равно не помогают, разбиваясь о чистые души простых людей). Будучи ординарной идеологемой тридцатых годов, схожий с чертом Шпион мог появляться на страницах каких угодно книг, детских и взрослых, талантливых и бездарных, – повсюду он нес свои родовые черты. Но в «Судьбе барабанщика» эти черты сгущаются, и появляется новое, неведомое простому советскому Шпиону качество, и именно оно-то и углубляет сходство с бесами и делает любопытными параллели с «Мастером и Маргаритой»».

Враг народа важен тем, что он был обязательным заполнением мира советского человека. Когда есть герои, должны быть и враги, иначе герои остаются без работы. Но советские герои значимы еще и тем, что они в большинстве своем были живыми, поскольку они становились героями при жизни, а не после смерти. Челюскинцы, летчики, их спасавшие, – всех их можно было увидеть в хронике и на страницах газет. То есть советский человек жил в окружении героев, причем живых.

Литература – это метафоры и гиперболы, усиливающие восприятие. Именно такой была сталинская архитектура, где высотки уходили ввысь, а метро – глубоко вниз. Кстати, и Гитлеру строили кабинет в тысячу квадратных метров. Страна как текст должна была походить не на рассказ, а на многотомник.

Идеалом для какого-нибудь императора Павла была армия, поскольку это самая сильная организационная модель. Пруссия также имела идеалом армию, но она создала, кроме того, и университет в нашем понимании, и лабораторию как среду с контролируемыми параметрами.

СССР вообще был занят конструированием нового человека путем выработки новых автоматических реакций на старые символы. А. Макаренко не теоретически, а совершенно практически решал эту задачу, превращая малолетних преступников в строителей нового мира.

СССР конструировал не только свою историю, но также и... математику. Как говорит Н. Введенская: «Сталин почти не истреблял математику, потом она должна была послужить атомному проекту. У математиков оставались связи с западными коллегами, поэтому сама наука была живой, свободной от идеологии. Вся идеология сначала сводилась к тому, что математическим проблемам давали второе имя какого-то отечественного математика, который тоже работал в этой области, например неравенство Коши стало неравенством Буняковского-Коши» [9]. Сталин боролся с «низкопоклонством перед Западом», поэтому

изобретателей всего находил у себя самого, тем самым картина мира вокруг становилась более русской, нежели иностранной.

Сильное государство имеет сильное прошлое и сильное будущее. Причем оно слабо зависит от других стран. К сожалению, сильное государство строится на монологе, оно не очень любит диалог, заглушая чужие голоса. Оно сильно наличием такого сформулированного или даже невысказанного до конца текста.

Свою историю конструируют все страны, но СССР был интересен тем, что конструировал не только прошлое, но и настоящее и будущее, а это более редкий вариант системной работы. Биография каждого могла быть доведена и увидена до конца. Будущее было столь же реальным, как прошлое или настоящее.

Исходным подспорьем для этого были пропагандистски четкие формулировки, формирующие модель мира советского человека. Здесь не могло быть разночтений. Как отмечают исследователи: «Постепенно образы «рабочий» и «крестьянин», «буржуй» и «интеллигент», «украинец» и «русский», даже «белые» и «красные» перешли из идеологически и социально сконструированных идентичностей в могущественное и антагонистическое состояние духа. Конечно, большевики брали и удерживали власть скорее силой принуждения. Но саму эту силу они обрели и сохраняли не просто потому, что организованы лучше других партий, но и поскольку их идеология, так ловко переформулированная Лениным и другими после возвращения вождя в апреле 1917 г., становилась в своей простоте все убедительнее в объяснении причин социальных бедствий» [10].

Правда, не забудем, что большевики создавали и поведенческий текст в виде террора, который начался со времен гражданской войны и заложил тип послушного поведения на десятилетия вперед (см. о терроре в России [11–12]). Известно, что психологическая травма переходит и к следующим поколениям, которые сами ничего подобного не ощущали. Однако они ведут себя так, как будто репрессии 1937 г. являются их личным опытом.

Возможно не только строительство страны, опирающееся на свои тексты, но и вариант опоры на чужие тексты. Роль Маркса в истории России является именно таким примером со множеством как негативных, так и позитивных последствий.

К числу негативных последствий текстовой ориентации государства можно отнести его цитатный характер, пронизывающий все его слои. Цитаты классиков марксизма-ленинизма переполняли книги и диссертации, цитаты несколько другого плана переполняли города, где всегда была и улица Ленина, и памятник Ленину. К примеру, Украина только через 25 лет после провозглашения своей независимости убрала эти памятники с улиц.

Текстовое наполнение физической реальности началось еще до советской власти. Ведь по сути именно это задача школы и университета – увидеть в физическом мире то, что записано в мире информационном и виртуальном.

Д. Быков подчеркивает роль Гоголя для Украины: «Любой, кто жил на Украине, знает, что она придумана Гоголем. У всякой нации есть гений, закладывающий основы ее мифологии, отбирающий из бесчисленных и неоформленных народных преданий то, что войдет в канон, и доводящий эти предания – часто хаотичные и фрагментарные – до великой литературы. Гоголь взял украинский фольклор, добавил немецкого, которым увлекался, – и, тоскуя в Петербурге по Полтавщине, за каких-то два года написал весь корпус национальных преданий, в которых собраны главные украинские архетипы. Тут тебе и заколдованное место, и русалки, и жуткие карпатские сказки о неумолимых мстителях, чье проклятие действует вплоть до девятого колена, и чернобровые скандальные красавицы, ставящие перед хлопцами невыполнимые задачи. «Вечера на хуторе близ Диканьки», хоть и написаны по-русски, хранят мелодику украинской речи. По большому счету, это главная книга украинской литературы» [13].

Когда мы так рассуждаем, мы все время забываем, что анализируется не физическое и даже не информационное пространство, а пространство виртуальное. Оно имеет гораздо больше возможностей для выстраивания альтернативной модели мира, которая иногда может получать ту или иную реализацию. При этом виртуальная модель никогда не уходит в никуда, она всегда присутствует, время от времени оказываясь востребованной.

Сегодня Быков говорит о трансформациях, произошедших с гоголевским миром Украины. Одна из них такова: «Этот новый мир – уже взрослый, тогда как гоголевский мир – в значительной степени детский, фольклорный, сказочный. Можно сколько угодно писать об отвратительном гоголевском характере, гоголевской злости, даже гоголевском безумии – к этой теме мы еще вернемся, чтобы развенчать миф, – но судить о художнике надо прежде всего по его творениям, а творения Гоголя выдают именно тот характер, который он создал и описал: легкий» [14].

Украинский проект имел свои пики влияния на российский, среди которых самыми главными можно признать такие:

- сама точка отсчета, условно именуемая Киевской Русью, которую можно бесконечно переименовывать, но изменить нельзя, тем более, что Малороссия на самом деле значит центральная часть, а Великороссия – периферийная;
- время интеллектуального доминирования (Киево-Могилянская академия, Ф. Прокопович и др.);
- время украинского проекта Потемкина времен Екатерины,

- время либерального проекта времен Николая;
- советское время Хрущева и Брежнева.

Можно по-разному относиться к этим точкам, однако пример Гоголя как русско-украинского писателя четко демонстрирует значимость такого текстового воздействия на умы империи. Гоголь оказался на пересечении текстовых потоков, поэтому обе стороны по праву могут считать его своим.

Как пишет А. Воронкова о времени императора Николая: «За полтора десятка лет в самой Украине «украинофильство» выработалось в своеобразное общественное явление – единственную в николаевские времена «либеральную» идеологию в Империи. Киев и Харьков становятся не менее значимыми культурными центрами, чем Петербург и Москва. Украинских кафедр ищут лучшие умы России, в Малороссии наступает «время журналов», десятки авторов пишут по-украински. Появление Шевченко в Киеве вызывает фурор» [15].

По сути перед нами столкновение двух разнонаправленных текстов, двух разных сюжетов. При этом понятно, что в жесткой атмосфере николаевского времени либеральный проект был особо привлекателен.

Российский историк А. Пыжиков за последнее время построил новую версию украинского влияния в советское время, трактуя его как негативное по своим последствиям. Он пишет: «Не устаю повторять: украинский вопрос – для нас ключевой, только вкладываю сюда совсем иной смысл. Часто повторяют мысль Бжезинского, что, мол, Россия станет сильнее, если окажется вместе с Украиной, а значит, надо этому помешать. На самом деле все обстоит с точностью до наоборот: придется сказать довольно парадоксальную для читателей вещь. Россия станет самой собою, сильнее, если наконец-то вышвырнет этого «троянского коня», если снимет с себя булыжник, повешенный на шею. Со второй половины XVII столетия нас убеждают, что Россия без Украины – неполноценное образование. Ведь оттуда все – государственность, исторические истоки, церковь. Все это нам было навязано, чтобы обосновать право властвовать в огромной стране. Наши многочисленные народности со времен Романовых оказались на положении украинской колонии, даже в духовном смысле. У нас украли церковь, испоганили народную память. Кстати, ни о какой Российской империи говорить не приходится: была империя, растущая из украинской матки, которую нам навязали кровью. В 1917 году наши деды уже раз сорвали это могильное грузило, сбросив поработителей, но беда снова пришла оттуда уже в виде «брежневской братвы». Именно эта украинская компания вынула душу из советского проекта, убила у людей веру в возможность справедливой жизни» [16].

Это по поводу Брежнева, и та же аргументация у Пыжикова по поводу Хрущева: «Хрущев и Украина – это центральная тема «хрущевской оттепели». Не диссидентский вопрос, не десталинизация. Именно

Украина. Почему? Дело в том, что Хрущев боролся за власть, начав с плохих стартовых позиций. Он нуждался в точке опоры. И такой точкой для него стала украинская партийная номенклатура» [17] (см. также [18–19]).

Яркий пример текстостроительства страны демонстрировал Сталин, именовавший писателей «инженерами человеческих душ». Он сам следил, каким изобразит Ивана Грозного Эйзенштейн, что напишет Тарле или почему Довженко не снимает фильм об украинском Чапаеве. Визуально зафиксированная в фильме героика легко отметала любые другие варианты истории.

Сегодня эту функцию выполняют телесериалы, отсекающие альтернативные версии истории и делающие «единый учебник истории». Российские сериалы о Жукове или Фурцевой, например, несмотря на возражения родных, тоже становятся текстами истории, поскольку именно так теперь будет видеть эти фигуры массовое сознание.

Когда-то советскую монотекстовость разрушали тексты Стругацких, которых, например, С. Кургинян обвиняет в том, что они воспитали поколение «прогрессоров» во главе с Чубайсом, легко разрушивших советское время [20–22]. И в этом наблюдается интересный феномен. По поводу СССР сильнее достается тем, кто якобы (что не является доказанным), разрушал СССР и не достается тем, кто по должности должен был его защищать. Например, функция ЦК или КГБ как раз состояла в том, чтобы не допустить этого развала, а Ф. Бобков или Л. Кравченко об этой своей невыполненной функции умалчивают или недоговаривают [23–24]. Все огрехи руководители КГБ сбрасывают на Горбачева и Яковлева [25–26].

Можно признавать Яковлева и Горбачева агентами влияния. Но нельзя не видеть и того, что они легко сделали то, в чем их обвиняют, потому что к этому времени уже вся страна стала «страной влияния».

Текстовая страна, какой был СССР, оказалась разрушенной тоже текстами. Но страна не может быть закрыта мощнейшей цензурой, в ней должны быть и свои собственные тексты, создающие подобную цензуре защиту в головах ее граждан. Условная цензура в головах, сама откидывающая тексты как неправдивые или неинтересные, намного сильнее цензуры внешней.

Роль писателей в создании такой виртуальной матрицы чрезвычайно велика. Сегодня к ее создателям добавились режиссеры и актеры, которые создают и тиражируют такую стратегическую матрицу. Их воздействие очень сильно, поскольку виртуальный герой или враг обладает зрелищностью и убедительностью, одновременно опирается на те характеристики, которые записаны в разуме каждого. Он приходит не из реальности, а из нашей головы.

У Быкова есть общее наблюдение о писательской роли в конкретных странах, которую придется привести полностью: «Нация не кроится

политиками, а выдумывается писателями, олицетворяется артистами, оформляется художниками; Украину создали не Ленин и Сталин, не Бандера и Мазепа, а Николай Васильевич Гоголь. Национальная литература – это то, что страна и ее народ хочет знать о себе, то, что ему приятно (не обязательно лестно). Для примера: Германию сформировали Шиллер и Гете (впоследствии этот образ наиболее заметно корректировали Вагнер и Ницше, и он мог вообще погибнуть после фашизма и его разгрома, но, на счастье Германии, у нее был Томас Манн, который в «Фаустусе» все силы бросил на то, чтобы отделить фашистское от немецкого, вернулся к роковой фаустовской развилке и показал, что можно пойти в другую сторону; все это тема для долгого отдельного разговора). Англию написали – в начале модернистской эпохи, когда и формировались современные европейские нации, – Диккенс и плеяда его блестящих учеников: Киплинг, Стивенсон, Честертон, Уайльд (Уайльд тоже, хотя уж насколько он француз в Англии!), Шоу и Голсуорси. Россию пытался выдумать тот же Гоголь – и надломился под этим бременем; впоследствии его дело продолжили Толстой и Салтыков-Щедрин. Достоевский был все же занят другим – он выдумывал образ русской души, не столько экспортный, сколько лестный для внутреннего употребления, образ души истеричной, преступной, самоупоенной, одержимой маниями, необразованной, неблагородной – и притом страшно себя уважающей, потому что такая душа якобы ближе к Богу» [14].

Сложность мира ставит человека в условия по поиску подсказок, определенных режимов упрощения мира. Религия и идеология, хоть являются сами по себе сложными механизмами, все же мир упрощают, делают наши действия в нем более осмысленными.

Медиа делают из физического социальное. Физического много вокруг нас, но наше внимание направлено в первую очередь на то, что видят медиа. На плакате 50-х «Болтун – находка для шпиона» виден этот глупый персонаж в шляпе, разговаривающий по городскому автомату. А за ним виднеется и шпион – в черных очках и тонкой сигарой во рту. На этих плакатах и была надпись: «Не болтай у телефона! Болтун – находка для шпиона!» [27]. На исходных плакатах, которые появились 29 июня 1941 г., было написано: «Болтун – находка для шпионов». И такой вариант предупреждения существовал во многих странах мира (см. некоторые плакаты [28]).

Виртуальное, определяя характеристики реальности, задает наше поведение, по сути автоматизируя наши реакции на знакомое. Меняются только доминирующие носители виртуальности: когда книга уходит, вместо нее появляется сериал. Последний пример такого рода: 95 квартал оттолкнулся от сериала «Игра престолов», а не от книги Дж. Мартина, создавая свой вариант пародии на нашу действительность. Но она понятна только тем, кто смотрит телесериал «Игра престолов».

Литература

1. Пыжиков А. Корни сталинского большевизма. – М., 2015.
2. Пыжиков А. Староверы и комиссары // izborskiy-club.livejournal.com/501408.htm.
3. Пыжиков А. Староверы и большевизм. Интервью // echo.msk.ru/programs/cenarobedy/1615370-echo/.
4. Гройс Б. Коммунистический постскриптум. – М., 2007.
5. Гройс Б. Раньше люди кормились с заводов, теперь – с биеннале. Интервью // ria.ru/interview/20100913/275136166.html.
6. Покаяние (фильм) // ru.wikipedia.org.
7. Интердевочка (фильм) // ru.wikipedia.org.
8. Хазагеров Г. Бесы в судьбе барабанщика // www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1522&level1=main&level2=articles.
9. Введенская Н. Золотой век был недолгим. Интервью // www.kommersant.ru/doc/3106109?utm_source=kommersant&utm_medium=tech&utm_campaign=four.
10. Розенберг У. Г. Имперская Россия и революционный опыт // Критический словарь русской революции: 1914–1921. – СПб., 2014.
11. Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1923 // coollib.net/b/220358/read#t29.
12. Русский фашизм появился в конце 1920-х годов. Кто виноват в миллионах смертей в ходе Гражданской войны в России // lenta.ru/articles/2016/10/16/civilwar/.
13. Быков Д. Третий том // www.litmir.info/br/?b=129553.
14. Быков Д. Украина без Гоголя // www.facebook.com/BykovDmitriyLvovich/posts/863214363722724.
15. Воронкова А. Государство, созданное литераторами // Сообщение. – 2004. – № 6.
16. Пыжиков А. Нужно вернуть себе державу // www.lgz.ru/article/34-6564-31-08-2016/aleksandr-pyzhikov-nuzhno-vernute-sebe-derzhavu/.
17. Фефелов А. Украинский фактор в истории России // zavtra.ru/blogs/ukrainskij-faktor-v-istorii-rossii.
18. Пыжиков А. Главная заслуга Ельцина? Он выдавил украинский клан из власти // riafan.ru/499621-pyzhikov-glavnaya-zasluga-elcina-on-vydavil-ukrainskij-klan-iz-vlasti.
19. Украинская «братва» Хрущева // lenta.ru/articles/2016/05/11/bratva/.

20. Кургинян С. Исав и Иаков. Судьбы развития в России и мире. – Т. 2. «Пост» и «сверх». – М., 2009.
21. Кургинян С. Наш путь (продолжение – 9) // gazeta.eot.su/article/nash-put-prodolzhenie-9.
22. Винников В. Стругацкие лебеди. Беседа с С. Кургиняном // zavtra.ru/blogs/strugatskie-igra-v-istoriyu.
23. Бобков Ф. Как готовили предателей. Начальник политической контрразведки свидетельствует... – М., 2011.
24. Кравченко Л. Лебединая песня ГКЧП. – М., 2010.
25. Легостаев В. Как Горбачев «прорвался во власть». – М., 2011.
26. Леонов Н. С. Лихолетье. – М., 1995.
27. Болтун – находка для шпиона // www.bibliotekar.ru/encSlov/2/84.htm.
28. Болтун – находка для шпиона // diletant.media/articles/30116842/.

3. Виртуальные подсказки для мира реалий

Советский человек всегда жил скорее в виртуальном, чем в реальном мире. Когда жизнь не совпадала с киноэталоном, виноватой и неправильной оказывалась именно жизнь. Правда кино была сильнее правды жизни. Она не только более яркая, но и доступна каждому. Известное всем в конечном счете оказывается сильнее, чем известное немногим.

Сталин-виртуальный также резко отличался от Сталина-реального. Сталин-виртуальный был всюду и везде. Только он мог быть одновременно и добрым, и злым. Только он мог быть другом физкультурников и главным языковедом одновременно. А горящее окошко в Кремле, описанное поэтами, где Сталин работал ночи напролет, впоследствии оказалось всего лишь окном туалета охраны, лампа в котором, естественно, горела всю ночь.

Логика виртуального доказательства иная, чем логика реальности. Виртуальное доказательство строится, исходя из «болевых точек» целевой аудитории. В результате мы видим то, что хотим увидеть. В этом плане кино дает очень четкие и ясные ключи к пониманию души того народа, который его создал. Очень четко это продемонстрировал З. Кракауэр в своем анализе немецкого кино. Поскольку это коммерческий продукт, никакие идеологические ухищрения не могут уничтожить того, ради чего люди идут покупать билет, – мира *желаемого*. Политические лозунги типа «грабь награбленное!» или «мир – хижинам, война – дворцам» лежат в той же плоскости.

С другой стороны, виртуальная аргументация призвана одновременно задать не только свой объект, но и оппонента. *Герой* – это тот, у кого достойный враг. Поэтому если врага нет, то его следует придумать. Если он слаб, то его следует усилить. Чем враг страшнее, тем героичнее будет победа над ним. В военных технологиях это связано с необходимостью легитимизировать применение силы против врага, поэтому он должен предстать хитрым, коварным, ужасным... Сильного врага надо подготовить к будущему поражению, слабого – к сдаче без боя. В избирательных технологиях вообще западный стандарт требует пятьдесят процентов информации порождать о себе (естественно, позитивной), а пятьдесят процентов информации направлять на рассказ о враге (разумеется, негативной). Только так можно управлять ситуацией в виртуальном мире.

Виртуальная действительность может также использоваться как сигнал, как защитное поле. Известный парад на Красной площади 7 ноября 1941 года является ярким примером именно виртуального моделирования при полном кризисе в поле реальности. Кстати, один из английских «спин-докторов» говорит, что в период кризисов следует, конечно, говорить правду, но не всю. То есть роль виртуальности в период кризиса возрастает. Поэтому как исчезновение Сталина после начала войны в 1941 году, так и более кратковременное исчезновение Дж. Буша после 11 сентября следует отнести к их серьезным ошибкам. Именно в этот период нация ждет от своих лидеров даже более качественной виртуальности, чем это требуется в мирные дни.

Виртуальность иногда делает существенные прорывы в мир реальности. Великобритания сейчас надеется привлечь туристов после фильма о Гарри Поттере, а Новая Зеландия – после фильма, снятого по Дж. Толкиену. То есть виртуальный бум, связанный с этими кинопроизведениями, пытаются направить в «полезное русло». Хорошо созданный виртуальный объект имеет тенденцию продолжить свое существование в реальном мире. В советское время снятые для художественного кино кадры штурма Зимнего дворца потом использовались на правах документальных кадров. И именно так воспринимались, поскольку иных кадров в природе не было.

Афганская война демонстрирует яростные атаки на виртуальную действительность: помимо сжигания флагов во многих мусульманских странах развернута «война» против американских брендов (Макдональдс, Пепси и др. оказались на острие обратной атаки). Например, в Бомбее ассоциация, объединяющая восемьсот владельцев отелей и магазинов, призвала бойкотировать американские авиалинии, банки, машины, косметику, рестораны быстрой еды. При этом AdAge Global (2001, Nov. 12) считает такие попытки малопродуктивными, вспоминая попытку бойкота англичанами французских товаров в период обострения отношений – или азиатскими странами также французских товаров во время французских ядерных испытаний. Можно вспомнить

такую же попытку Ю. Лужкова бойкотировать латышские товары. Еще одним доводом против такого бойкота является то, что религиозная сегментация потребителей является самой слабой. И ни один бренд не строит свою ориентацию по этому принципу.

В целом есть различные варианты взаимодействия виртуального и реального миров. Виртуальный мир может выступать в виде сигнала для модификации реального мира. Виртуальный мир может получать удары в качестве заменителя мира реального. То есть в зависимости от цели мы можем или двигаться от мира реального к миру виртуальному, либо наоборот – от мира виртуального к миру реальному.

Заместитель госсекретаря США Шарлотта Бирс, пришедшая на этот пост после руководства крупным рекламным агентством, раскрывает американскую стратегию моделирования виртуальной действительности после 11 сентября в четырех положениях (выступление от 10 октября 2001 г., то есть через восемь дней после ее назначения на пост заместителя госсекретаря):

- террористические атаки были проведены не против США, а против всего мира;
- это война не против ислама;
- Соединенные Штаты помогают афганскому народу;
- все нации должны стоять вместе, чтобы искоренить международный терроризм.

Эти четыре положения действительно позиционируют войну таким образом, что она уходит от понимания «США против ислама» к пониманию «война всех против терроризма». Ш. Бирс также ставит интересную и важную задачу передачи таких слабоосязаемых понятий, как демократия. «Суть не в том, что мы говорим, – подчеркивает она, – а в том, что они слышат».

Под подобное позиционирование войны можно подводить те или иные факты, которые укладываются в данную схему. Мы начинаем видеть в окружающей нас действительности то, что соответствует схеме, а не наоборот. Потребителю информации трудно разграничить сам объект и рассказ об этом объекте. Они сливаются воедино уже в момент получения информации. После нескольких дней у человека вообще стирается источник получения информации, а остается сам «фактаж».

Виртуальные объекты могут иметь самостоятельное существование, например, в виде литературных объектов, при этом никогда не выходя на уровень реализации. Советский Союз активно эксплуатировал подобные литературные объекты в своей идеологической практике, вводя их в качестве образцов для подражания, нормируя тем самым действительность («Как закалялась сталь» Н. Островского или «Молодая гвардия» А. Фадеева). Виртуальные объекты получали дальнейшую фиксацию при переходе от литературной реализации к кино. Кино

наиболее активно использовалось советской идеологией. Поэтому время триумфа кино на территории СНГ как раз советское.

Иногда реализации могут происходить позднее. В США весной 2001 г. вышла книга в издательстве «Даблдей», рассказывающая о планах войны против Кубы, которая должна была начаться сорок лет тому назад с захвата самолетов, взрыва американского корабля и террористических актов в Америке. Сорок лет назад сценарий сегодняшней атаки 11 сентября был уже проработан, причем самими американскими военными. Президент Кеннеди тогда сказал генералу Лемницеру, возглавлявшему комитет начальников штабов, что открытая атака против Кубы невозможна, чем и похоронил этот план. В 1962 г. генерал Лемницер ушел в отставку. Здесь вновь виртуальная реальность диктует подлинной реальности, какой ей быть. Более того, если эта книга оказалась в руках потенциальных террористов, они вполне могли воспользоваться предлагаемыми сценариями.

В свое время прошла информация, что кадры с ликующими палестинцами, показанные CNN сразу после 11 сентября, на самом деле являются съемкой совершенно иного времени и сделаны по другому поводу. Но все это было тихо забыто, и никто не пытался найти ответ на этот вопрос.

Виртуальная действительность советского времени подлежала такому же типу контроля, как и действительность реальная. Возможно, даже большему, поскольку виртуальная действительность имеет больший объем потребителей, распространяясь в массах. Это как различие стенной газеты и газеты «Известия», которую по определению прочтет гораздо большее число людей.

США в период антитеррористической операции также повторяют простой советский путь воспитания и перевоспитания своих людей, когда отслеживание виртуальной реальности шло под неусыпным контролем. Так, Американский совет попечителей и выпускников, консервативная организация, занимающаяся американскими университетами, выпустила доклад по поводу «не того» реагирования американского академического сообщества на события 11 сентября – *Defending Civilization* [1]. В докладе акцентируется внимание на распространенное в академической среде обвинение самой Америки. Подчеркивается, что можно получить диплом в ста процентах американских колледжей, не прослушав ни одного курса по американской истории. И поскольку «американская свобода не означает свободы от критики», доклад методично перечисляет крамольные высказывания профессоров (и даже в некоторых случаях студентов) из 117 университетов.

Бизнес пытается переломать эту ситуацию, оплачивая для университетов очень четкие курсы типа американской демократии. Это целевым образом делалось и раньше, а сегодня то же самое делают республиканцы штата Аризона [2], то есть они тем самым

«подпитывают» деньгами распространение своей виртуальной картины мира.

Недовольство университетами со стороны консерваторов имеет достаточно сильное распространение, поскольку университеты всегда были более либерально и более демократически ориентированными. Исследовательский центр Пью в 2017 г., например, констатировал, что 58 % республиканцев и сочувствующих им считают, что колледжи и университеты негативно влияют на то, что происходит в стране [3]. Соответственно только 36 % оценивают их влияние позитивно. Особенно интересно другое: за два года до этого опроса 54 % видели, наоборот, позитивный эффект, а 37 % – негативный. Несомненно, что эти цифры также говорят о тренде в сторону избрания Трампа президентом.

Понятно, что давление на людей, высказывающих не те мысли, позволяет удерживать общественное мнение в нужном русле. Такое отрицательное внимание связано также с тем, что, как писала в свое время Э. Ноэль-Нойман [4], более образованные люди говорят активнее, высказывают свою точку зрения чаще, поэтому даже незначительная прослойка может породить гораздо более мощные информационные потоки, чем это кажется на первый взгляд.

Виртуальность после 11 сентября активно контролируется, например, США не продемонстрировали не только свои потери в Афганистане, но и потери после теракта существуют только в цифрах, не были продемонстрированы трупы, похороны etc. Журналист Д. Радышевский сравнивает американское освещение подобных событий с израильским («Московские новости», 2001, № 43): «В Израиле все по-другому. Журналисты, наряду с родными, друзьями, соседями, социальными работниками и волонтерами без тени сомнения приходят в госпитали, больницы, на похороны, в семьи, соблюдающие ритуальный семидневный траур. [...] Для местной прессы освещение терактов – рутина, накатанный маршрут: место трагедии – больница – семьи – кладбище». Вероятным объяснением этого может служить то, что для Израиля террор и акцент на нем является элементом политической действительности, чего нельзя сказать о США.

Одно из американских телевизионных шоу, использующих жанр судебного заседания, уже провело суд на Усамой бен Ладеном, что также демонстрирует возможности виртуальной действительности принципиально обгонять действительность реальную. Кстати, вспомним типичную советскую новость, когда мы закладывали камень, на месте которого когда-то будет стоять самый крупный в мире завод. Виртуально он уже был, играла музыка, произносились речи, реально – его еще долго надо было строить. Новостной канал «Фокс» в США после 11 сентября даже потерял свою объективность, максимально насыщая свои сообщения патриотическими «витаминами». Так, корреспондент, ведущий репортаж из Афганистана, говорит, что он сам готов убить бен Ладена, если тот повстречается ему на пути. Однако, потеряв

объективность в подаче материалов, Fox выиграл в расширении своей аудитории: сегодня канал смотрит на 43 процента больше зрителей, чем это было в этот же период год назад. И кстати, 30 процентов среди 1500 опрошенных Pew Research Center взрослых требуют от новостей четкой проамериканской позиции.

Роль виртуальности оказывается иной в различные временные периоды. Вспомним праздники советского времени, когда роль виртуальности резко возростала (7 ноября, к примеру). В эти дни превалирующим становилась подача именно художественной коммуникации, к которой также можно отнести и ритуальную коммуникацию. То есть «биение сердца» виртуального мира в разные периоды разное.

Выборы также увеличивают интерес к виртуальной действительности как со стороны кандидатов, так и со стороны избирателей. За краткий период избирательной кампании кандидат не может выстроить реальный дом, но он вполне готов построить воздушный замок. Партии строят свои виртуальные замки, которые должны выдержать ветры действительности, словно домики трех поросят. И партии оказались, кстати, отнюдь не на высоте с точки зрения позиционирования своих «воздушных замков», поскольку те слабо различимы населением. Отсюда внезапно возникшая любовь к персонализации – «блок Порошенко (Ющенко, Витренко, Тимошенко, Мороза)», – которая призвана придать воздушным замкам более четкие очертания.

«New York Times» (2001, 2 декабря) справедливо подчеркивает: «Победа в войне не означает победы в мире. Эта война может быть выиграна только победой над сердцами и головами». Покорить, таким образом, необходимо в первую очередь именно виртуальное пространство.

Литература

1. Defending civilization: how our universities are failing America and what can be done about it // www.mafhoum.com/press2/71P5.pdf.
2. Saul S. Arizona republicans inject schools of conservative thought into state universities // www.nytimes.com/2018/02/26/us/arizona-state-conservatives.html.
3. Fingerhut H. Republicans skeptical of colleges' impact on U. S., but most see benefits for workforce preparations // www.pewresearch.org/fact-tank/2017/07/20/republicans-skeptical-of-colleges-impact-on-u-s-but-most-see-benefits-for-workforce-preparation/.
4. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. – М., 1996.

Глава седьмая

Виртуальные правда и неправда

1. Человек между большой и малой ложью: от госпропаганды до фейков

В нашем мире всегда существовали и правда, и ложь. В эпоху больших нарративов, которые пришли с модернизмом, все должно было подстраиваться под них. Нарративов было немного, и за любое отклонение от них следовало наказание. Большую ложь создавало государство, а право на малую ложь оставалось у людей.

Нарративы строило и охраняло от посягательств государство, защищая себя, религию или идеологию. Именно оно контролировало коллективную память, поскольку государство строит социальную идентичность, без которой оно не может существовать [1–3]. И эта идентичность должна быть принципиально иной, чем у врагов религиозных или идеологических.

Главный советский нарратив о революции 1917 года оказался полностью сконструированным: все было не так и делалось не теми руками. При захвате Зимнего не было ни одной жертвы, власть сама упала. Керенский не убегал в женском платье. В заливе вместе с Лениным был Зиновьев. Руководил военной частью революции не Сталин, а Троцкий, который вообще был вторым человеком после Ленина [4]. И даже сталинскую конституцию написал Бухарин. Перестройка переписала всю эту историю, создав странный феномен. Теперь все, что было, не всегда будет правдой.

Прошлую коллективную память выстраивали литература и кино и только затем образование и наука. С. Михалков писал в 1949 г., выступая почти в роли свидетеля, правда того, что видел исключительно в своей голове:

Мы видим город Петроград
В семнадцатом году:
Бежит матрос, бежит солдат,
Стреляют на ходу.

Рабочий тащит пулемет.
Сейчас он вступит в бой.
Висит плакат: «Долой господ!
Помещиков долой!»

Несут отряды и полки

Полотна кумача,
И впереди – большевики,
Гвардейцы Ильича.

Эйзенштейн в фильме «Октябрь» снял захват Зимнего, который впоследствии заменил реальность. Визуальный захват Зимнего был в голове у каждого советского человека. Но на самом деле это был «кинозахват», который заменил исторический, которого не было (см. подробнее [5–7]).

Вот мнение историка: «Знаменитые кадры из фильма Эйзенштейна «Октябрь», когда огромная людская лавина несется от арки Главного штаба через Дворцовую площадь к парадным воротам Зимнего, никакого отношения к реальности не имеют. Кстати, в октябре 1917 года никаких двуглавых орлов на этих воротах уже не было – по распоряжению Керенского все символы Российской империи (в том числе императорские вензеля на фасаде здания) убрали месяцем раньше, после объявления России республикой 1 сентября 1917 года. Никакого штурма не было, был постепенный захват Зимнего дворца большевиками» [8].

Вот мнение киноведа: «Почти одновременно с выходом фильма «Октябрь» благодаря энергичной визуальной интерпретации известных на момент съемки исторических сведений об Октябре-1917 возник развернутый экранный миф. С точки зрения современных коммуникационных практик его вполне можно номинировать как художественный фейк. Влияние его оказалось настолько сильным, что предложить иную трактовку, иной зрелищный образ Октября-1917 не представлялось возможным ни по идеологическим, ни по цензурным, ни по творческим соображениям» [9].

Госпропаганда всегда будет сильнее любого индивидуального информационного или виртуального потока, поскольку она не просто мощнее, а еще является обязательной для образования и медиа. По этой причине ее картина мира, в которой она рисует друзей и врагов, становится не только приказной, но одновременно и самой естественной для всех, поскольку другая становится недоступной. Единицы могут ей противостоять, но об этих единицах никто не будет знать, потому что их дурной пример может быть заразительным.

До фильма «Октябрь» Эйзенштейна была грандиозная зрелищная постановка Н. Евреинова в 1920 г. [10–14]. Всего лишь три года прошло после семнадцатого, но этот малый юбилей должен был показать всем, на чьей стороне если не правда, то сила. Десять тысяч человек принимали участие в постановке, на них смотрело сто пятьдесят тысяч зрителей. Сегодня трудно себе представить такие масштабы.

У Евреинова была своя концепция театрализации жизни, которая и была реализована в этой постановке [15]. И. Чубаров пишет: «Постановка эта,

как и философия театра Евреинова, представляет, с нашей точки зрения, показательный пример автономного политического действия интеллектуала и деятеля культуры в современном мире, которое при этом не теряет формы художественного произведения. Оставаясь, таким образом, в границах искусства, подобное действие, однако, перманентно размечает их заново, постепенно отбирая у социальной реальности исконно ей принадлежавшие территории, тем самым детерриториализуя социально-политический мир и его игроков» [16].

Как видим, кино и литература сформировали коллективную память. Историки учились у писателей и сценаристов видеть правильное прошлое, отделяя его от неправильного, поскольку нехорошее прошлое даст в результате не ту социальную идентичность. Если Запад проводил глобализацию, чтобы получить единого потребительно-человека, то СССР был заинтересован в создании нового человека в первую очередь политически. Ведь все вокруг жили и учились при «ужасном» царском режиме, поэтому нужно было вложить в их головы новую память о прошлом.

Историк С. Кудряшов говорит: «Октябрьская революция фактически отменила предшествующий опыт, и был принят целый ряд постановлений, в том числе министерством просвещения, или тогда это назывался Комиссариат, отменяющий практически полностью опыт буржуазной школы предшествующего времени. Ну, например, была отменена классно-урочная система, вообще от нее отказались. Отказались от учебников. В 1918 году было специальное постановление принято, которое прямо говорило, что учебники вредны, от них надо отказаться» [17].

Вообще-то потом многое ультрареволюционное приходилось возвращать. Комиссары вновь стали министрами, в армии появились старые звания и погоны.

М. Рабинович вспоминает о своей учебе на истфаке: «Историческая наука в СССР была в 1934 году, так сказать, реабилитирована. Преподавание истории, до того фактически ликвидированное, вновь ожило. Как обычно, произошло это по указанию свыше. Появилось известное постановление («О преподавании гражданской истории в школе»), подписанное И. В. Сталиным, С. М. Кировым и А. А. Ждановым, в котором говорилось о необходимости распространения знания истории, как отечественной, так и зарубежной. При Московском и Ленинградском университетах восстанавливались исторические факультеты, в свое время «за ненадобностью» упраздненные, были собраны профессора, преподаватели, большинство которых последние годы работало, как говорится, не по специальности. Осенью 1934 года на исторические факультеты было принято несколько сот студентов, введена аспирантура» [18].

Сталин закрывал все факультеты истории на несколько лет, пока не была создана правильная советская история, и это является удивительно системным подходом. Получается, что абсолютно все – и режиссеры, и писатели, и историки – были пропагандистами, то есть если и создавали что-то, то в строгих рамках, имея право только подтвердить в своем малом нарративе большой государственный.

Интересно, что М. Колеров считает Сталина частью Запада, мотивируя это такими словами: «Сталин – родная и естественная часть западного Модерна, его продолжение. Нет ни одного инструмента сталинской власти, который не был выработан еще до Сталина колониальным, империалистическим, технократическим и социалистическим Западом. Маркс дал революционерам метод, глубоко интегрированный в Модерн. Ленин превратил этот метод в язык немедленной революции. Правящий Сталин вернул этот язык в ландшафт большой истории России» [19].

В другом месте Колеров дает следующее перечисление подобного инструментария: «Массовые армии, массовый плен, массовое убийство, массовое колониальное рабство и массовый колониальный террор, который потом назовут геноцидом, – таков был привычный язык общества Просвещения и индустриального империализма, из которого черпала свой марксистский лексикон Советская власть».

Фактологически он прав, ведь и концлагеря первыми задела Британия, но все это делалось не по отношению к своему населению и не в двадцатом веке, Сталин же применил все это к своим гражданам.

В своем интервью по поводу выхода своей книги М. Колеров дает еще такую аргументацию: «Логика и ценность целого безусловно доминирует среди факторов выживания любого реального государства. Для России достойное место в мире было и остается равным государственному выживанию. Да, цена бывает чрезмерна. В таком случае народ и государство проигрывают и не выживают. У них – несмотря на апелляции к ценностям – просто нет выбора: они либо живут дальше, либо нет. Сам разговор теперь о том, что жертвы России и СССР были чрезмерны, не имеет исторического смысла – и ведут его в России (или после России) те, кто сам живет (или жил) исключительно потому, что страна принесла эти чрезмерные жертвы и осталась жива. При этом ясно, что речь не об оправданности или неоправданности параноидального Большого террора: он воистину параноидален, неуправляем и кратно больше даже изначально кровавых планов. Речь в принципе о безальтернативности мобилизационной практики военного и предвоенного, колониального и империалистического модерна, который в России/СССР не был уникален. В этом историческом времени бессмысленно помещать Россию в один ряд с Англией, ей место – рядом с Британской Индией со всеми вытекающими из этого последствиями» [20].

Д. Лихачев фиксировал, что «красный террор» начался не в 1936 или 1937 гг., а сразу же после прихода большевиков к власти, и этот удар принимала на себя интеллигенция, закаленная еще своим сопротивлением царскому правительству.

Он пишет: «Чем сильнее было сопротивление интеллигенции, тем ожесточеннее действовали против нее. О сопротивлении интеллигенции мы можем судить по тому, какие жестокие меры были против нее направлены, как разгонялся Петроградский университет, какая чистка происходила в студенчестве, сколько ученых было устранено от преподавания» как реформировались программы в школах и высших учебных заведениях, как насаждалась политграмота и каким испытаниям подвергались желающие поступить в высшие школы. Детей интеллигенции вообще не принимали в вузы, а для рабочих были созданы рабфаки. И тем не менее в университетских городах возникали кружки самообразования и для тех, кто учился в университете; петербургские профессора А. И. Введенский и С. И. Поварнин читали лекции на дому, вели занятия по логике, а А. Ф. Лосев издавал свои философские работы за собственный счет» [21].

По мере развития двадцатого века возрастает роль коммуникации, поскольку появляется не только массовый потребитель, но и массовые коммуникации, откуда следует и появление массового человека, который не только думает и чувствует одинаково с другими, но даже сны видит те же.

Удержание нужного государственного нарратива стало очень облегченным в двадцатом столетии, когда все стало массовым: и газеты, и кино, и телевидение, и книги. Мы смотрели и читали все время одно и то же все сразу. Прямая и косвенная цензура, репрессии принуждали людей держаться одной версии события, правильной с точки зрения власти. Власть реализует себя в принуждении, но принуждение тоже может быть жестким (репрессивным) или мягким (типа подталкивания – nudge).

Сценарист Ю. Арабов красиво заметил: «Свободолюбивость наша зависит от качества работы спецслужб. Если они работают плохо, мы свободолюбивы. Если спецслужбы работают «хорошо», мы сидим, прижав хвосты, и ставим памятник Ивану Грозному» [22]. В другом месте он говорит, что памятник Грозному – это не памятник царю, это памятник государственному насилию.

В двадцать первом веке, когда прямые репрессии, тем более массовые, вышли из употребления, за всем этим следит уже экономика внимания, забирая нас с наших индивидуальных тропинок на широкие дороги. В результате все читают Гарри Поттера и смотрят его же. Поколение Гарри Поттера не смотрит на мир широко раскрытыми глазами, как раньше, поскольку в реальном мире не может быть ничего интересного, все это есть только в мире виртуальном.

Развлекательная литература и развлекательное кино пришли на смену прошлым властителем дум, именуемым в девятнадцатом веке скромно литераторами. Даже Сталин еще называл писателей «инженерами человеческих душ», а уже Хрущев по простому – «автоматчиками партии».

Сегодня экономика внимания убрала с арены опасные с точки зрения государства тексты. Однотипная ситуация произошла и в визуальных искусствах. Кино стало телевидением, а телевидение – «Нетфликсом», где сериалы можно смотреть сутками без перерыва.

Человек творящий стал человеком смотрящим. Он не страшен власти, поскольку вместо протеста он с удовольствием посидит у экрана. Соцплатформы или «Нетфликс» спасают его от возможных огорчений, возникающих в простом человеческом общении.

Советский Союз создает систему не только единого мышления, но и коллективного чувствования, удерживая внимание на одних и тех же событиях и людях. Это виртуальный мир, поскольку в реальности все было по-другому: герои были не такими героями, а жизнь вокруг была тяжелой.

Литература прошлого требовала мышления, она боролась, она вела за собой, не зря церковь выступила против Льва Толстого. Литература прошлого поднимала человека до себя, сегодняшняя литература опускается до массового уровня. Сегодняшние тексты перестали быть Текстами с большой буквы. В результате исчезает как бы магнетизм слова прошлого.

Наши дни усилили эту тенденцию, только иным путем, уводя активную массу населения в сторону развлекательности. Раньше цензура запрещала, сегодняшняя цензура, не имея возможности запрещать, просто уводит наше внимание на виртуальные лужайки, где ярко светит солнышко, а принцессы в своих замках машут платочком скачущему рыцарю.

Тот же Арабов замечает: «Солженицын когда-то написал безобидный «Раковый корпус», и все затряслось. Написал короткое, хотя, может, и обидное письмо советским вождям, и его выслали. Сегодня я могу писать хоть советским властям, хоть антисоветским вождям, – никакого диалога с обществом у меня не получится. Парадоксальная ситуация: литераторы есть, их немало, кое-кто даже весьма талантлив, а литературы нет. Как общественного явления, которым Россия дышала с XIX века» [23].

У него также есть интересная идея, которая может быть выражена так, что для людей прямая не является кратчайшим расстоянием, что капитализм видит деньги как единственный вид связи, что не соответствует человеческой действительности.

В результате Арабов приходит к такому выводу: «Мы слишком сложны для капитализма. Нужно эту сложность назвать отсталостью. Дерево нужно обстругать в ровный столб, натянуть на него провода и пустить ток. И будем мы люди-столбы... Весьма занимательно и интересно с практической точки зрения».

Это чисто человеческое измерение сегодня становится в центре и военного мышления. Оно возникло, когда армия стала бороться не с другой армией, а с повстанцами (инсургентами). Армия привыкла уничтожать физические тела, а сейчас возникла совершенно иная среда. Этого противника надо не убивать, а скорее изучать, как заставить его сложить оружие.

Китай обнаружил еще один феномен современной войны, который требует пересмотра основных взглядов. Противник в последних конфликтах сдается не потому, что понес потери, не потому, что уничтожен. У него есть все, но исчезла воля к сопротивлению. То есть разум/мозги, а не тело ведут к проигрышу.

Китай приходит к иному пониманию того, что нужно для победы в современных условиях. Дж. Энгстром пишет: «Системная конфронтация ведется не только в традиционных физических пространствах суши, воды и воздуха, но также в космосе, нефизическом киберпространстве, электромагнитном и даже психологическом пространстве. В то время как достижение доминирования в одном или нескольких физических пространствах было достаточным раньше для достижения военной победы, системная конфронтация требует достижения «комплексного доминирования» во всех пространствах и полях битвы» [24].

Сегодняшняя малая ложь – это фейки. Они отражают не столько действительность, сколько ее видение обиженными людьми. На этом сыграли политики, приведя к власти популистов. Это политические последствия того, что благодаря соцсетям возник голос масс, который можно обозначить как дисперсные коммуникации, наряду с массовыми и индивидуальными. Дисперсные коммуникации все равно будут «приручены», но мы застали только начальный период выхода их на арену, который обеспечили новые технологии.

Это политическая составляющая их появления, но есть и психологическая, которая проявилась новыми взаимоотношениями масс и массовой коммуникацией с ее продукцией.

В этой сфере исследователи видят четыре новых тренда [25]:

- возросшее несогласие по поводу фактов и аналитической интерпретации фактов и информации;
- стирание граней между мнением и фактом;
- возрастание относительного объема и результирующего влияния мнения и личного опыта над фактом;

– падение доверия к ранее уважаемым источникам фактической информации.

По сути мы видим в этих трендах разрушение всей системы массовой информации прошлого. Человек при этом оказался на раздорожье. С одной стороны, он хочет получать больше информации. С другой, он не верит существующим источникам информации.

Странным образом статус информации и структур, которые ее обрабатывают и порождают, вырос до несопоставимых с прошлым высот (типа Google и Facebook), однако все это происходит наряду с огромным недоверием к информации.

Фейки были всегда, только тогда они носили другие имена. Они могли называться ложью, могли слухами. Фейки не несут особой опасности, если их не готовят и не распространяют индустриально, поскольку тогда они становятся дезинформацией, сознательно созданной для введения в заблуждение массового сознания.

Еще один фактор сегодняшнего развития подметил Д. Мирджакып: «Сейчас многие сталкиваются с мнением, что сегодняшним вызовом для человека (определяющим новую эпоху) является неизбежный рост информационно-цифрового социального фактора. То есть той стадии прогресса, когда большой социум входит во всеобщую коммуникацию, вводит всех в реальность виртуальной действительности, ментально истощая каждого индивидуума, высасывая его соки духовной потенции к пониманию и мышлению, заменяя подлинное знание о вещи просто ее информационной внешней составляющей (накладывая на нее цифровой код). То есть самому принципу слова наносится удар со стороны абсолютно пустой цифры. И таким образом это общество раскрывает определенные грани своего сверхчеловеческого, надчеловеческого присутствия» [26]. То есть цифровое понимание не является человеческим, его недостаточно для человека.

Или еще один отклик на «Черное зеркало», акцентирующий истощенность рационального понимания действительности: «Нам всем стоит серьезно и как-то по-новому задуматься: а с помощью каких инструментов мы понимаем современный мир? И в этой полифоничной среде, как мне кажется, именно художественный способ осмысления, восприятия реальности, обретает все большее влияние. Само по себе это не новость. На протяжении почти всей человеческой истории именно художественное, в чем-то мифологическое осмысление реальности было основным. И только в XX веке возникла странная иллюзия, что разум сам по себе чего-то стоит. Но, похоже, иллюзия развеивается. И о современном нам мире больше и точнее рассказывают художники, а не университетские профессора» [27].

Мир оказывается все сложнее и сложнее, не только технологический, но в том числе и человеческий мир. Прогресс не облегчает нам его понимания. Мы каждый раз сталкиваемся с совершенно новыми

последствиями нашего рационального вмешательства в понимание мира. И столь же активно виртуальное заменяет реальное.

Литература

1. Hirst W. a. o. Collective memory from a psychological perspective. – Trends in Cognitive Sciences. – 2018. – Vol. 22. – № 5.
2. Li J. H. A Cultural Perspective on Intergroup Relations and Social Identity / scholarworks.gvsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=1119&context=orpc.
3. Li J. H. Narratives and Social Memory from the Perspective of Social Representations of History // Narratives and social memory: theoretical and methodological approaches. Ed. by R. Cabecinhas a. o. Braga, 2013.
4. «Еврей правит вами, русскими христианами». Почему Троцкий проиграл Сталину // lenta.ru/articles/2018/04/20/trotsky/.
5. Карасюк Д. Поддельный штурм Зимнего // diletant.media/articles/35098050/.
6. Штурм Зимнего дворца в 1917: как это было на самом деле // russian7.ru/post/shturm-zimnego-dvorca-v-1917-kak-yeto-bylo-na/.
7. Дубровский А. Штурм Зимнего и другие советские мифы // www.maximonline.ru/longreads/get-smart/_article/soviet-myths/.
8. Ночь красных лидеров. Как на самом деле брали Зимний дворец // lenta.ru/articles/2016/06/26/night_of_red_leaders/.
9. Ильченко С. Штурм Зимнего как зеркало советского кино // Нева. – 2017. – № 11.
10. Джурова Т. С. Театрализация действительности. «Взятие Зимнего дворца» Николая Евреинова // cyberleninka.ru/article/v/teatralizatsiya-deystvitelnosti-vzyatie-zimnego-dvortsya-nikolaya-evreinova.
11. Джурова Т. С. «Взятие Зимнего дворца»: реконструкция или театрализация действительности? // НИКОЛАЙ ЕВРЕИНОВ: К 130-летию со дня рождения (по материалам научной конференции, состоявшейся 16 февраля 2009 года). – СПб., 2012.
12. Максимов В. И. «Взятие Зимнего дворца» как мистериальное действие // Там же.
13. Юрий Анненков о спектакле «Взятие Зимнего дворца» (1920 г.) // fragments.spb.ru/annenkov_1.html.
14. Грачева Ю. Главный советский миф, или «Взятие Зимнего дворца» // togdazine.ru/project/winterfell/.
15. Чубаров И. М. Коллективная чувственность. Теории и практики левого авангарда. Взятие Зимнего дворца // culture.wikireading.ru/27738.

16. Чубаров И. М. «Театрализация жизни» как стратегия политизации искусства. Н. Н. Евреинов // culture.wikireading.ru/27735.
17. Написание учебников истории при Сталине // echo.msk.ru/programs/staliname/656119-echo/.
18. Рабинович М. Б. Истфак, истфакийцы // www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?num=1377&t=page.
19. Колеров М. А. Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. – М., 2017.
20. Колеров М. Любая наличная власть хуже идеи государства. Интервью // www.colta.ru/articles/literature/17320.
21. Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // lib.ru/POLITOLOG/lihachev.txt_with-big-pictures.html.
22. Арабов Ю. О культе государственного насилия, патриотическом заказе в кино и нападках на «Матильду» // openrussia.org/notes/706469/.
23. Арабов Ю. Как только я найду Бога – умру, но для меня это будет счастьем. Интервью // www.pravmir.ru/yuriy-arabov-kak-tolko-ya-naydu-boga-umru-no-dlya-menya-eto-budet-schastem.
24. Engstrom J. China has big plans to win the next war it fights // www.rand.org/blog/2018/02/china-has-big-plans-to-win-the-next-war-it-fights.html.
25. Kavanaugh J. a. o. Truth decay. An initial exploration of the diminishing role of facts and analysis in American public life. – Santa Monica, 2018.
26. Миржакып Д. Черное зеркало в белом отражении // poistine.org/chyornoe-zerkalo-v-belom-otrazhenii.
27. Быстрицкий А. Черное зеркало: новая оптика для нового мира // ru.valdaiclub.com/about/speech/chyernoe-zerkalo-novaya-optika/.

2. Фейк – от человека, дезинформация – от государства

Сегодня мы клеймим фейки, но ведь фейки реально представляют собой истории маленьких людей, которые обижены на большой мир и больших людей. Ведь недаром выборы Трампа интерпретировали как выборы сельской Америки против Америки городской, когда от развития страны выигрывал город и проигрывала глубинка.

Правда, сегодня появилась новая версия о базе Трампа [1–2]. Теперь уже это не рабочий класс, проигрывавший экономически, а угроза доминантной группе, которая хочет сохранить свое доминирование и уровень жизни, стабильную иерархию, которая была в прошлом. Если видна угроза, в ответ приходит защита. Угрозу почувствовали белые

американцы, испугавшись, что они станут меньшинством. Они испугались не потери наиболее экономически выигрышной группы, а того, что они теряют доминирование в социальных и политических приоритетах страны. Такое же ощущение приходит и с международной арены, где частотно обсуждается закончившаяся эра американского глобального доминирования.

Работа Cambridge Analytica подходит и под первую версию, и под вторую. Она реально только подливала масла в огонь, например, раздувая антииммигрантские, антиисламские настроения, но не создавая их на пустом месте. И стену с Мексикой, и приостановку миграции хотело само население, а Трамп только озвучил эти настроения.

Другие исследования также подтверждают, что поворот к Трампу белый рабочий класс совершил не по экономическим, а по культурным причинам [3]. То есть вновь перед нами не материальная, а виртуальная основа решения.

Социология тоже подтверждает это. Здесь данные таковы [4]:

- идентификация с республиканской партией: белые рабочие избиратели, идентифицированные с республиканской партией, в 11 раз сильнее поддерживали Трампа, чем те, кто не идентифицировался с республиканцами;
- опасения по поводу культурного вытеснения: белые рабочие избиратели часто подчеркивали, что чувствуют себя чужими в своей стране, что США должны защищаться от иностранного влияния, они в 3,5 раза больше поддерживали Трампа, чем те, кто так не считает;
- поддержка депортации иммигрантов, проживающих в стране нелегально: белые рабочие избиратели, поддерживающие депортацию, в 3,3 раза скорее отдавали предпочтение Трампу, чем те, кто так не считает;
- экономический фатализм: белые рабочие избиратели, считающие получение образования в колледже рискованным, в два раза скорее поддерживали Трампа, чем те, кто так не считает;
- экономические трудности: белые рабочие избиратели, находящиеся в плохом экономическом положении, в 1,7 раз сильнее готовы поддержать Клинтон, чем те, у кого финансовое положение лучше.

Для нас также интересны данные и об отношении к американской мечте. Меньше половины белого рабочего класса Америки верит в американскую мечту (46 %), гласящую: «если будешь хорошо работать, поднимешься». 48 % так не считают, говоря, что так было только раньше. 4 % считают, что это никогда не было правдой. В тоже время 62 % американцев с дипломом колледжа говорят, что это правда. И такая мифология снова виртуальна, как и всякая другая мифология.

Мир движется в круговороте постправды, фейков, дезинформации, которые когда-то именовались самым простым словом – ложь. Когда

ложь носит случайный и не намеренный характер, она не так страшна, поскольку через некоторое время исчезает, не оставляя после себя последствий. Эта ложь приходит не в системной, а в хаотической интервенции, которых достаточно много.

Системная же работа может иметь угрожающие последствия. Комитет по разведке конгресса США увидел в действиях России следующие цели: «Россия ведет информационную войну в попытке манипуляции населением и лидерами стран, на которых она направлена. Для этих целей Россия использует набор тактик для своих действий по влиянию на продвижение российских правительственных интересов. В случае успеха эти действия могут повлиять на лидерство и население противоположной стороны для продвижения нарратива и введения изменения поведения в соответствии с разнообразными российскими целями. Российские цели таких кампаний включают в себя: продвижение интересов Кремля по дискредитации Запада; помеху событиям, угрожающим имиджу России; разрушение западного политического единства; защита роли России как важной глобальной силы. Более конкретные, сделанные под конкретную страну цели также включают в себя: ослабление, разделение и остановку, расширение институтов консенсуса НАТО и ЕС, внесение сомнения и усиление противоположностей среди сегментов западного населения; оспаривание политики; разрушение целей американской внешней политики; продвижение российской версии мировых событий; отвлечение от неоднозначной российской политики и деятельности; смену ощущаемой антироссийской политики, улучшение двусторонних отношений для усиления экономических связей» [5].

Мы живем в новом мире, где государства хотят захватывать чужие информационные и виртуальные пространства, чтобы сделать их более выгодными для себя. И в этом фейки и постправда оказывают им неоценимую помощь.

Реально те же фейки не стали решающей силой в американских выборах. Подсчеты показывают, что реклама могла воздействовать на двух человек из десяти тысяч [6]. В случае Твиттера 2,1 миллиона российских твитов составили только 1 процент твитов о выборах и 0,5 процента просмотра твитов о выборах. Фейки концентрировались вокруг 10 % наиболее консервативно настроенных избирателей, а не тех, кто мог бы изменить свою точку зрения [7].

Поэтому фейки как таковые оказались не так страшны. Их скорее как термин следует оставить для простого порождения информации индивидами, где естественным будет не столь строгое соответствие правде, как это было и есть в случае межличностного общения.

Реально работающими являются не случайные и хаотические процессы по порождению малой лжи, а сознательные и системные выборы дезинформации, не работа индивидов-любителей, а работа коллективов

специалистов. Именно тогда происходит реальное искривление информационного или виртуального пространства, которое будет иметь реальные последствия.

Причем даже разовое искривление в виде размещения статьи с нужным контентом в газете потом позволяет легализовать эту информацию в уже более солидных изданиях. Так поступал Советский Союз во время холодной войны, печатая свои обвинения в малоизвестной индийской газете. Зато потом их можно было тиражировать со ссылкой не на свои, а на зарубежные источники. Сегодня появление соцмедиа многократно облегчило этот цикл.

Так произошло, например, с известными обвинениями США, что они являются создателями СПИДа как этнического оружия против африканского населения [8–9]. 17 июля 1983 г. индийская газета «Patriot» опубликовала анонимное письмо с таким заголовком «СПИД может вторгнуться в Индию: таинственная болезнь, вызванная американскими экспериментами». В 1985 г. статью перепечатывает влиятельная «Литературная газета». Спустя некоторое время – британский таблоид, а всего к 1987 г. она появилась в 50 мировых изданиях.

Но точно так работали все. Британское посольство рассылало свои статьи по индийским газетам. ЦРУ в период подготовки к свержению иранского премьер-министра Моссадека размещало негативные статьи о нем [10]. По поводу ввода советских войск в Афганистан ЦРУ размещало информацию в мусульманских странах, что в советских посольствах празднуют день вторжения. Кстати, в 2019 году Россия вдруг решила пересмотреть оценки афганской войны [11].

Вот пример инструментария для системной дезинформации. КГБ в Индии к 1973 г. имело на содержании 10 газет [12]. За 1972 г. КГБ разместило 3789 статей в индийских газетах, 2760 – в 1973, 4486 – в 1974, 5510 – в 1975.

Газета «Гардиан» пишет: «Дезинформация быстро стала неотъемлемой частью советской разведки, с рождения КГБ в пятидесятые она стала основным компонентом доктрины «активных мероприятий», искусства политической войны. Активные мероприятия включали в себя медиа-манипуляции, использование спонсируемых групп для продвижения идей, подделку документов и даже убийств, когда это требовалось» [13]. Соответственно, сегодня с появлением соцмедиа, откуда 60 % пользователей черпают свою информацию, работать стало намного легче.

Но не только Россия вмешивается в выборы, не менее активно этим занимаются и Соединенные Штаты (см. обстоятельную статью на эту тему в газете «New York Times» [14]). Суммарно по данным Д. Левина с 1946 по 2000 год было 117 вмешательств в выборы (открытых и скрытых) со стороны США и СССР-России [15]. Из них 87 пришлись на США и 36 на СССР-Россию. Дополнительные подробности того, как это

делается, конкретно можно увидеть в его интервью македонской газете [16].

Есть более сложные модели воздействия, когда работающими являются не только прямые, но и косвенные переходы, когда то, что говорится, влияет не непосредственно, а опосредованно. Оно как бы нажимает на кнопки, которые запускают другие реакции, которые вроде бы не связаны с первичными.

Например, китайский вариант пропагандистского воздействия косвенным путем: Когда Чжоу Эньлай понял, что критика одного из героев древнего романа «Речные заводы» как капитулянта, которая была развернута по стране с подачи Мао, – это удар по нему. Он сказал своему врачу: «В Китае самая страшная болезнь – политическая. Если кто-нибудь болен в политическом смысле – он обречен». И он отказался от лечения» [17].

Д. Дондурей увидел три реальности, в которых живут люди [18]:

- эмпирическая – наши ощущения;
- придуманная – виртуальная, например, сериалы;
- зрительская – пересечение первой и второй реальностей.

Дондурей говорит о третьей реальности: «Человек приносит всю ту систему предуготовленностей, установки, картины мира, характер, ментальность, психологию, взгляды, несчастливое детство, ссору с подругой – он все это приносит и смотрит вот то, что мы относим к первой и второй реальности, сшивая из этого третью. Невероятно важно и интересно, как эта третья реальность делается. Это такое же изготовление, как изготовление колготок, пепси-колы, всего, чего угодно. Это производство! Это основная тема, основная мысль – это производство! Мощное, целенаправленное, эффективное... С вами работают смысловики. Парафраз к силовикам, как вы понимаете. Те люди занимаются (как бы) правопорядком, а смысловики занимаются как бы вашим пониманием жизни, и кто из них эффективнее – еще неизвестно, поскольку у силовиков без смысловиков ничего бы не получилось. Самые главные люди» (о смысловиках еще см. [19–20]).

При этом Дондурей нащупал главную пружину режима Путина, которую сформулировал так: главное – не запретить, а поглотить инакомыслие [21]. Он говорит в своем интервью: «Новая культурная программа не осознается как целостная, но она именно такая. Базируется на вековых матрицах, которые постоянно очищаются, получают новое содержание. Платформой является сверхценность: “Родина – это государство”». И дальше: «государство не терпит рядом с собой самостоятельности ни одной макросистемы. Оно должно управлять: бизнесом, гражданским обществом, действиями любых социальных общностей, включая семью, формированием личности, безопасностью, правосудием, целеполаганием, медиа и художественным творчеством... Всем! И дело тут не в законах, не в «закручивании гаек» или наказаниях.

Система сложнее устроена. Главное теперь не запретить, а включить в себя – *поглотить инакомыслие*. Делай что хочешь, но только с благоволения твоего начальника, инвестора, мэра, губернатора. Важно не допустить позитивной селекции, а значит, и неподконтрольного «порядку вещей» механизма отбора: людей, событий, дел, продуктов, помыслов, проектов».

Получается, что система не хочет допустить самостоятельного развития, поскольку это чревато появлением новых лидеров. Поэтому в один из периодов система сама занялась созданием молодежных движений, чтобы активные люди не оказались в таком же варианте объединения, созданном оппозицией.

Даже ощущения, возможно, даже невысказанные, как мы видели на примере выборов Трампа, влияют на наши решения, поскольку они являются частью нашего понимания мира. Д. Элтейд пишет: «Символическое взаимодействие предполагает, что влияние любого сообщения проявляется во вкладе в определение ситуации актором. С этой перспективы конечное значение любого текста опирается на интерпретацию культурных материалов актором, таких как новостные сообщения. Однако процесс и последствия социальных определений простираются далеко за взаимодействие лицом к лицу, включая промежутки, где принимаются основные решения, формирующие контексты значений, в рамках которых принимаются ежедневные решения» [22].

Это он говорит в своей статье о роли страхов в новостях и массовой культуре, где на первом месте по ассоциации со страхом стоят дети, преступность и школа [23]. Кстати, его работы о страхе использовал писатель Майкл Крайтон в своем романе «Государство страха».

Интересное исследование было проделано на тему изменений в обсуждении дискуссионных вопросов американцами в интернете в контексте того, что их могут прослушивать спецслужбы [24]. Здесь повторилась модель спирали молчания Э. Ноэль-Нойман, когда люди говорят свободнее, ощущая себя в большинстве, и подавляют свое мнение, находясь в меньшинстве. Только в данном случае люди боятся изоляции не от общества, а от государства.

Ощущения от подлинной реальности – это одно, но есть и ощущения от виртуальной реальности – это совсем другое. А она занимает все большее место в нашей жизни. Ю. Харари в свое время подчеркнул, что единственное, отделяющее нас от животных, это возможность оперировать виртуальностью. Более того, он обнаруживает близость религии и виртуальных игр, говоря: «Многие религии и виртуальные игры накладываются на реальности жизни. Сделаешь так, и получишь наказание. Сделаешь этак, и получишь дополнительные очки. В реальности нет ничего, что бы соответствовало этим правилам. Но

миллионы людей играют в эти виртуальные игры. И в чем различие между религией и игрой в виртуальную реальность?» [25].

Харари как-то забывает существенное отличие. Игра носит второстепенный по отношению к жизни характер, никто не воспринимает ее как реальность, а даже наоборот – ее ставят ниже реальности. В то же время религию человек ставит выше реальности, признавая ее настоящей.

Харари говорит об отличиях человека и животных, что человек достаточно гибок в своей кооперации с другими. Но что позволяет людям это делать? И вот тут в очередной раз звучит мнение Харари о роли виртуальности: «Что позволяет нам единственным из всех животных так взаимодействовать? Ответом является наше воображение. Мы можем гибко взаимодействовать с бесконечным числом чужих, поскольку мы единственные из всех животных планеты можем создавать и верить в фикции, в фиктивные истории. Пока все верят в ту же фикцию, каждый подчиняется и следует тем же правилам, тем же нормам, тем же ценностям. Все другие животные используют свои коммуникативные системы только для описания реальности [...]. Люди, наоборот, используют свой язык не только для описания реальности, но также для создания новых реальностей, фиктивных реальностей» [26].

Мир всегда ищет наиболее оптимальные конструкции: будь то в технике, будь то в коммуникациях. Мы находимся в периоде, когда постправда стала нормой. Но одновременно, как мы видим, тот или иной вариант ее всегда присутствовал в истории человечества. Социальное – всегда субъективно, что и выводит на сцену феномен фейков. Будем надеяться также, что социальное рано или поздно выведет нас в постфейковую эпоху.

В заключение следует также обратить внимание на то, что наша боязнь фейков в чем-то сравнима с боязнью СССР чужой информации. Советский Союз всеми возможными силами цензурировал любые потоки, не допуская никакого отклонения от генеральной линии. Но ее быстро разрушил поток, который появился из второго понятия, с которым вошла перестройка – гласности. Сложные системы управления могут работать не только в модели монолога, характерного для СССР, но и в модели диалога, существующего в демократиях. Отсюда следует, что не так страшен фейк, как его малюют...

Литература

1. Mutz D. C. Status threat, not economic hardship, explains the 2016 presidential vote // www.pnas.org/content/early/2018/04/18/1718155115.
2. Zelizer J. Democrats need to stop believing this myth about Trump's base // www.cnn.com/2018/04/28/opinions/trump-base-economy-myth-opinion-zelizer/index.html.

3. Cherlin A. J. You can't separate money from culture // www.nytimes.com/2018/05/06/opinion/trump-supporters-economy-racism.html?action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-heading&module=opinion-c-col-left-region@ion=opinion-c-col-left-region&WT.nav=opinion-c-col-left-region.
4. Cox D. a. o. Beyond Economics: Fears of Cultural Displacement Pushed the White Working Class to Trump | PRRI/The Atlantic Report // www.prrri.org/research/white-working-class-attitudes-economy-trade-immigration-election-donald-trump/.
5. House Permanent Select Committee on Intelligence. Report on Russian Active Measures // docs.house.gov/meetings/IG/IG00/20180322/108023/HRPT-115-1.pdf.
6. Nyhan B. Fake news and bots may be worrisome but their political power is overblown // www.nytimes.com/2018/02/13/upshot/fake-news-and-bots-may-be-worrisome-but-their-political-power-is-overblown.html.
7. Guess A. a. o. Selective Exposure to Misinformation: Evidence from the consumption of fake news during the 2016 U. S. presidential campaign // www.dartmouth.edu/~nyhan/fake-news-2016.pdf.
8. Boghardt T. Operation INFEKTION. Soviet Bloc Intelligence and Its AIDS Disinformation Campaign // www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol53no4/pdf/U-%20Boghardt-AIDS-Made%20in%20the%20USA-17Dec.pdf.
9. Operation INFEKTION // en.wikipedia.org/wiki/Operation_INFEKTION.
10. Taylor A. Before 'fake news,' there was Soviet 'disinformation' // www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/11/26/before-fake-news-there-was-soviet-disinformation/?noredirect=on&utm_term=.4791a85631ad.
11. Дубнов А. «Можем повторить»? Зачем Путину пересмотр афганской войны // www.aboutru.com/2018/04/45228/.
12. Neelakandan A. Long Before Cambridge Analytica, There Was KGB // swarajyamag.com/author/17508.
13. Grimes D. R. Russian fake news is not new: Soviet Aids propaganda cost countless lives // www.theguardian.com/science/blog/2017/jun/14/russian-fake-news-is-not-new-soviet-aids-propaganda-cost-countless-lives.
14. Shane S. Russia isn't the only one meddling in elections. We do it too // www.nytimes.com/2018/02/17/sunday-review/russia-isnt-the-only-one-meddling-in-elections-we-do-it-too.html.
15. Levin D. H. When the Great Power Gets a Vote: The Effects of Great Power Electoral Interventions on Election Results // *International Studies Quarterly*. – 2016. – Vol. 60. – I. 2.

16. Professor Levin: U. S. ambassadors and the CIA changed governments in the Balkans // english.republika.mk/professor-levin-us-ambassadors-and-the-cia-changed-governments-in-the-balkans/.
17. Куттыкадам С. Служение нации. 10 мировых примеров управления Государством. – Алматы, 2017.
18. Дондурей Д. Любовь к Сталину, криминалу и плохому кино. Как телевизор начал руководить нашим сознанием // muzobozrenie.ru/daniil-dondurej-lyubov-k-stalinu-kriminalu-i-plohomu-kino.
19. Дондурей Д. Смысловики могущественнее политиков // www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/08/644510-smisloviki-moguschestvennee-politikov.
20. Дондурей Д. Российская смысловая матрица // www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/01/643174-rossiiskaya-smislovaya-matritsa.
21. Дондурей Д. Главное – не запретить, а поглотить инакомыслие. Интервью // www.novayagazeta.ru/articles/2016/08/26/69674-daniil-dondurey-glavnoe-ne-zapretit-a-poglotit-inakomyslie.
22. Altheide D. L. Fear in the news // www.public.asu.edu/~atdla/fearinthenews.pdf.
23. Campbell G. Altheide says media 'driving' discourse of fear // www.asu.edu/feature/includes/spring05/readmore/altheide.html.
24. Stoycheff E. Under Surveillance. Examining Facebook's Spiral of Silence Effects in the Wake of NSA Internet Monitoring // *Journalism&Mass Communication Quarterly*. – 2016. – Vol. 93. – № 2.
25. Thompson D. The post-human world. A conversation wth Y. Harari // www.theatlantic.com/business/archive/2017/02/the-post-human-world/517206/.
26. Harari Y. N. What explains the rise of humans // www.ted.com/talks/yuval_noah_harari_what_explains_the_rise_of_humans/transcript?language=en#t-422723.

3. Как Лев Толстой стал бы сегодня блогером, или крылатые качели современных коммуникаций

Крылатые качели современных коммуникаций

В революционное и переходное время преобладают информационные коммуникации. В любой конфликтной ситуации всегда есть нехватка информации. Ее легко объяснить высокой скоростью изменений, за которой не успевают источники информации. Отсюда вытекает и то, что

такое время становится периодом активного распространения слухов, поскольку официальной информации перестают верить.

Причем человек всегда предпочитает негативную информацию позитивной. А в быстрой смене ситуации как раз много негативной информации, которая и важна для выживания. И это даже не человеческое, а чисто биологическое выживание, поскольку незнание негатива опаснее незнания позитива. Все наши первые реакции чисто биологические и ориентированы на негатив. Услышанный хруст ветки за спиной сигнализирует в первую очередь об опасности, и лишь убедившись в обратном, мы снова можем продолжать свой путь.

Расцвет виртуальных коммуникаций приходится на стабильные периоды развития цивилизаций, когда, наоборот, информационные коммуникации становятся неинтересными, поскольку в них нет ничего нового. В этих ситуациях завтра ничем не отличается от вчера, как пример можно вспомнить период «застоя».

Мы видим, как наши основные коммуникационные потребности меняются в зависимости от ситуации: информационные или виртуальные. Точно так в одних ситуациях мы идем за позитивной информацией, в других – за негативной. Фейки из-за своей негативности пользуются бешеной популярностью, распространяясь скорее, чем позитив в два с половиной раза.

Стабильность не приходит сама по себе. Она достигается либо репрессивными, как в тоталитарных государствах, либо экономическими методами, как это происходит в развитых странах. В одном случае люди концентрируются на выживании, в другом – на себе. И их не интересуют протесты. И те, и другие хотят жить. Но первые хотят просто жить, а вторые – жить хорошо.

Лидеры мнений, столь необходимые в прошлом, исчезают в наше время. Это связано с тем, что коммуникации прошлого были достаточно сильными по своей массовости. Их создала печатная индустрия. Они были сильными, но с одновременным ограниченным числом авторов. Тогда авторов было мало, зато читателей много. Это напоминает систему «звезд» в начале истории кино.

Сегодня, наоборот, благодаря соцсетям коммуникации имеют массовое число авторов, но в этом хоре отдельный голос легко теряется. Максимум, на что может рассчитывать бывший лидер мнений типа Льва Толстого из прошлого – это стать сегодня блогером. Информационные качели сбросили автора с пьедестала, в наше время каждый может стать автором, как раньше каждый мог стать читателем.

Да и монументальное искусство, растущее вверх и вширь, является несомненной приметой стабильности, или квазистабильности, когда главной целью становится поразить воображение друзей или врагов, что часто делают не только государства, но и религия, и идеология как главные заказчики монументальности. Плюс политика, и все это

сплетается в единый клубок. Церковь вообще говорит, что власть от Бога, поэтому косвенно выступает в ее защиту.

Стабильные ситуации создают бесконечное число виртуальных коммуникаций и их объектов. Памятники являются таким ярким примером. Сначала стояли памятники царям, потом – Ленину и революционерам. Сейчас их снесли, готовя место для новых. Э. Неизвестный справедливо писал, что памятники для экономии средств надо делать с отвинчивающимися головами. С его точки зрения, эстетика конкретного памятника не столь важна, он должен просто держать место, чтоб его не занял другой памятник. Примем и эти замечания как законы публичной виртуальности.

На наше время пришелся расцвет основного на сегодня виртуального продукта – телесериалов. Определенная сериальность была присуща и прошлому. Романы печатались частями в периодической печати, был и такой аналог сегодняшнего блогерского жанра как частная переписка, как письма в журналы.

Urbi et Orbi – городу и миру – обращался папа римский. Кстати, он является непогрешимым только тогда, когда говорит *ex cathedra*, то есть с кафедры. Все остальные его слова типа недавнего интервью об отсутствии ада не являются таковыми. Тем более Ватикан сразу же выступил с опровержением, что все это не было официальным высказыванием.

Сегодня сериал стал учить и просвещать, как когда-то это делали образование и книга. Почти в каждый американский сериал вставляется информация, которая должна выводить зрителя на более здоровый образ жизни, причем делается это фоново, не отвлекая от сюжета.

Как видим, быстро меняются основные каналы коммуникации. На наших глазах доминирующее положение начинают занимать соцмедиа, хотя в некоторых странах телевизор еще удерживает свои позиции. Но все это временно. Такие страны находят свою зону комфорта не в погоне за ускоряющимися новостями интернета, которые меняются ежесекундно, а в привычном формате вечерних новостей.

Большой объем нашего времени вообще занимают сегодня не информационные, а виртуальные потоки. Это видеоигры, это сериалы, это еще сохраняющие свою роль книги, но раскрученные до определенного уровня, например, эпопея о Гарри Поттере. Даже Усама бен Ладену были не чужды видеоигры, как сообщило ЦРУ [1–2].

Человек погружается в другой мир, находя в нем свою зону комфорта. Тем более этот мир можно выбирать самому. Или это будет другая планета, или фильм ужасов, или детектив. В целом это даже не гимнастика для разума, а скорее массаж для мозга.

Но она тоже может быть полезной для общества. Во-первых, человек сидит дома и ничего ни от кого не требует, он обездвижен перед экраном

и ничем не мешает власти. Во-вторых, современные дети стали уже менее восприимчивыми к знаниям, поэтому образование постепенно стало тоже сдвигаться в игровую форму. Британский институт серьезных игр констатирует, что уже десять процентов школьных предметов на сегодняшний день имеют игровые аналоги. В-третьих, есть примеры влияния на массовое сознание путем формирования нарративов, нужных для страны.

В телесериале можно найти конкретные приметы ближайшего будущего типа роботов-людей, и нас к этому готовят. Телесериал в принципе обучает возможностям визуальной передачи информации вместо вербальной, характерной для прошлой цивилизации, в рамках которой мы все выросли.

Телесериал, как оказывается, может служить патриотическому воспитанию. Испанский фантастический сериал «Министерство времени», например, рассказывает о существовании во все времена в Испании такого министерства, которое следит, чтобы чужое вмешательство не изменило истории Испании. Например, на одной из картин Дали они обнаружили компьютер, и экспедиция министерства отправляется туда, чтобы исправить эту аномалию и наказать виновных. В другом случае вместо Колумба Америку открывает другой человек. В третьем сотрудник министерства сам заменяет погибшего героя Испании, который должен был умереть только через двадцать лет. То есть любое искривление истории недопустимо. Сериал рассказывает о борьбе с этими искривлениями, но одновременно он погружает нас в реальную историю Испании. И это не урок, на который нужно загонять из-под палки, человек сам стремится сесть к экрану, а образование в результате уплывает из здания школы.

Все это говорит о том, что мы совершенно не пользуемся новыми возможностями, открывающимися в системе новых технологий, для решения наших традиционных задач. Информационное может стать развлекательным, отсюда «инфотейнмент», и это мы уже усвоили, судя по нашим теленовостям. Но и развлекательное может передавать знания, став не «инфо-развлечением», а «знание-развлечением». Нам нужны любые способы передачи знаний, поскольку старая школа потеряла свою былую силу.

Мир прошлого уходит от нас быстрее, чем приходит мир будущего. Это связано с нашим технологическим отставанием, когда все технологические новинки вокруг созданы не нами: от смартфона до банковского автомата. Но чтобы преодолеть технологическое отставание, надо сначала преодолеть его в умах. А это возможно только тогда, когда мы перестанем хвалить себя сами, а сконцентрируем усилия на этой проблеме, для начала просто признав ее важность.

Литература

1. Thubron R. CIA reveals Osama bin Laden's hard drives contained video games, anime, and kids' movies // www.techspot.com/news/71695-cia-reveals-osama-bin-laden-hard-drives-contained.html.

2. Chalk A. CIA archive reveals that Osama bin Laden liked retro-games and anime // www.pcgamer.com/cia-archive-reveals-that-osama-bin-laden-liked-retro-games-and-anime/.

Глава восьмая

Нарративные правда и неправда

1. Разрешенная неправда. как повествование покоряет мир: от Илиады до Гарри Поттера

Каковы причины того, что виртуальность, например, в виде сказок, передается тысячелетиями? Сегодня она может принимать разные формы, но ее суть при этом не меняется. Если она и отражает реальность, то каким-то особым непонятным для нас способом.

Раз она транслируется через века, значит, в ней есть нечто необходимое. На нее опираются – с плакатами, упоминающими Гарри Поттера, американская молодежь ходит на протестные митинги. Как еще сильнее можно войти в реальную жизнь?

Транслятивное существование говорит о том, что этот тип текста имеет принципиальные отличия от тех текстов, которые требуют помощи для распространения. Кстати, фейк является таким же самораспространяющимся типом, как и анекдоты, а также слухи. Когда тексты движутся в информационном пространстве сами, они становятся текстами, создаваемыми вместе автором и читателем.

Все они говорят то, что люди хотят услышать. Именно это является главным стимулом для их распространения, поскольку люди сами продвигают фейки дальше. Вокруг себя люди выстраивают такую виртуальность, в которой они чувствуют себя комфортнее. По этой причине всегда успешна череда врагов вокруг племени или страны, поскольку это объясняет любые трудности внутренней жизни.

Правда, советские слухи и анекдоты как вариант самотранслируемых сообщений рассказывали то, что не хотели транслировать советские СМИ. Как и фейки, они имеют содержание, отличное от разрешенных трансляций. То есть несовпадение с миром, с другими описаниями мира становится чертой, объединяющей их вместе.

Сказки описывают ситуации, которые невозможны в реальной жизни. Вероятно, в этом есть и практическая направленность – узнать то, что

делать нельзя. Кстати, сказки наполнены нарушениями житейской логики. Красная Шапочка заговорила с незнакомцем – волком, и попала в водоворот смертельных приключений. Сестра попросила братца не пить из копытца – ослушался и стал козленочком.

Литература в прошлом, как сериалы сегодня, является главным генератором виртуальностей в нашем мире. Это не просто разрешенная, но и приятная, и притягивающая к себе виртуальность. И это не ложь, а какой-то другой, более мягкий термин нужен для этого, например, неправда, поскольку читатель/зритель прекрасно понимают, что перед ними не газета. Более того, они заинтересованы именно в другом мире, поскольку погружаться в тот же мир, что за окном, у них нет желания, они и так там все знают.

Это могут быть также видеоигры (см., например, [1]). Существенным отличием видеоигр является непосредственное участие пользователя в развитии сюжета. Он сам выбирает его направление и свои действия, то есть вариантов многообразия становится еще больше.

Виртуальная реальность, создаваемая таким образом, строится на определенных правилах поведения как героев, так и самой виртуальной среды. Они могут быть совершенно иными, чем те, к которым мы привыкли. Эти правила могут действовать сегодня и сейчас и принципиально отличаться от правил другого такого же виртуального мира, число которых стремится к бесконечности.

Виртуальная реальность олицетворяет порядок, в отличие от хаоса вокруг нее. Но правила все равно существуют – находясь в воде, тебе придется плавать, а не бегать. Любое описание ситуации избирает из нее одни характеристики и отбрасывает другие. Такое описание одновременно фиксирует для читателя главное, в рамках чего и развиваются все причинно-следственные связи. Это чеховское ружье, которое должно выстрелить в третьем акте, если оно появляется в поле зрения в первом.

О первых вариантах вербальных описаний ситуаций времен античности пишут следующее: «На эпос по его природе повлияли особенности великих событий, действий, исторической правды, трагедии, героических фигур, испытаний и страха. Это напрямую приводит нас к тому факту, что Илиада является особым типом поэмы. Следует также помнить, что «поэт» от греческого слова *poiesis*, означающего ремесло или делание, должен был быть компетентным в жанрах драмы, стихосложения, хора, лирики и прозы» [2].

Намного более сильным было влияние первых нарративов. Это были почти божественные слова. Вот как описывается роль Илиады: «Илиада изменила то, как люди молились. В соответствии с историком пятого века Геродотом это был Гомер вместе с поэтом Гесиодом, который «описал греческих богов» и который дал человеческие черты, характеристики, формирующие богов Олимпа, которые мы узнаем

сегодня. В то же самое время люди создавали культы человеческим героям Илиады, принимая их за своих героических предков. Принадлежность к Илиаде, обладание историей, рассказанной Илиадой, стали базой греческой идентичности» [3].

Кстати, именно по этой причине страны воюют за свою историю, борясь против того, чтобы ее писали другие. Наличие своих героев является краеугольным камнем национального самосознания.

Сильное событие должно было остаться в веках, поэтому его старались запечатлеть в новых ритуализированных формах. Собственно говоря, так поступает и религия, которая переполнена ритуалами. Все это методы создания социальной памяти, что в свою очередь ведет к удержанию собственной социальной идентичности. Ритуал в этом случае становится идеальной формой, поскольку здесь есть вербальная и визуальная составляющие, а также память тела. Общие ритуалы порождают единых людей. Сегодня такую функцию взяло на себя телевидение в сфере единого мышления, порождаемого новостями и ток-шоу, а также телесериалы – в сфере выработки единых чувств.

Особую роль при этом играет даже не позитив, а негатив, который объединяет даже сильнее. Х. Насреддинов пишет: «Сегодня нагнетание негативных эмоций – самое действенное пропагандистское оружие власти. При этом не дается возможности осмысленно обсудить события прошлого и настоящего, задать «неудобные» вопросы. Нет, вместо этого просто смотри видеоряд с разрушениями, массовыми захоронениями и запоминай, что это и есть единственная правда. Ведь простой просмотр яркого видеоролика вместо нормальной дискуссии вызывает у зрителя эмоциональное, а значит необдуманное поведение. Которое и нужно власти. Ведь поведение подвержено манипуляции. Если же человеку разрешить обстоятельно мыслить, то он принимает собственное решение и к управлению он не пригоден. Вот такие самостоятельно мыслящие, то есть неуправляемые с точки зрения власти, люди, и опасны для властной элиты и с ними уже разбираются на другом, силовом, уровне воздействия» [4].

Негатив, являясь более сильным эмоционально, подавляет рациональное. Особенно когда негативный рассказ телевидение усиливает визуальным рядом. Все это было очень характерным для рассказов российского телевидения о событиях в Украине. Там был и взволнованный рассказ о не существовавшем в природе распятом мальчике, и фейковое удостоверение СС в руках Д. Киселева, поддельный характер которого ему потом пришлось признать, и многое другое.

То есть чем серьезнее становится накал страстей, тем больше вероятность, что телезрителей обманут. Так, телеканал «Дождь» нашел в сюжете «Первого канала» и «России 1» о предполагаемой химической атаке в сирийской Думе кадры из художественного фильма 2016 года

([5–6], о других «странностях» см. [7]). Когда «Первый канал» в июле 2016 года рассказывал об ажиотаже из-за выхода компьютерной игры «Pokemon GO», он показывал, как толпа людей блокирует уличное движение. Однако, как оказалось, кадры были с митинга.

Однако внутри России и на самом высоком уровне также встречаются такие отклонения, когда виртуальностью подменяют реальность. Например, выступая 1 марта 2018 г. со своим ежегодным посланием, В. Путин проиллюстрировал новую ракету «Сармат» кадрами из фильма «Первого канала» 2007 года о ракете «Сатана» [8–9].

В ноябре 2017 г. Минобороны РФ использовало скриншот из игры для мобильных устройств «AC-130 Gunship Simulator: Special Ops Squadron», пытаясь доказать, что США поддерживают отряды «Исламского государства» [10–11]. Еще один кадр Минобороны представлял собой скриншот из видео 2016 г., где авиация Ирака атаковала террористов Исламского Государства. Когда поднялся скандал, Минобороны удалило эти кадры из своих аккаунтов в соцсетях.

Сегодня мы не очень адекватно представляем себе прошлое, потому что тогда, как это ни покажется странным сегодня, Запад не был впереди. Впереди был Восток. Китайцы придумали бумагу, и эта новая технология расширила влияние записанных историй. Новые читатели приводили к появлению новых историй. Арабский мир создал, например, сказки «Тысячи и одной ночи».

Потом появляются романы – уже чисто виртуальная конструкция, созданная так, чтобы удерживать внимание читателя от начала и до конца. О них пишут сегодня: «Романы не имели багажа, связанного с древними формами литературы, поэтому они позволили возникнуть новым типам авторов и читателей, особенно женщин» [12].

Можно понять, почему такие конструкции удерживают внимание, они искусственно создаются именно такими, и это уже примета чистой виртуальности. Она, к примеру, всегда будет завывать своих героев, ведь читать про мага или принца всегда интереснее, чем про, например, слесаря.

Причем сказки первоначально были взрослым жанром, по этой причине их прошлые аналоги существенно отличаются от того, что сегодня рассказывают детям. М. Люти отмечает интересную особенность [13]. Если местные легенды повествуют о прошлом, то сказки всегда устремлены в будущее. Это поиск в будущем того рая, который оказался потерян. Формула сказки такова: Порядок – Беспорядок – Порядок. Отсюда прямо следует, что сказка акцентирует цель, а не начало.

Работа с интересным названием «Нарративная этнография» начинается с пересказа идей В. Проппа об открытом им ограниченном числе сюжетных элементов волшебной сказки [14]. У Проппа важным оказалось то, что не играет роли, кто или что делает. Запрет может прозвучать от короля, дракона, волшебника. И понятно, что нарушение запрета служит

хорошим элементом развития дальнейшего сюжета. Если бы запреты выполнялись, не было бы сказки, так как все стояло бы на месте.

Пропп открывает определенную ментальную грамматику, позволяющую нам понять развитие ситуации в рамках причинно-следственных связей. Это структура порядка, как ее видит наш мозг, и ее накладывают на событийную структуру, превращая хаос в порядок.

М. Люти в своей книге раскрывает свое понимание виртуальности, выстраиваемой в сказке ([15], см. также [16]). Люти выделяет пять характеристик сказочного мира. Первая из них носит название Однопространственности. Под этим он имеет в виду следующее. Сказочный герой при встрече с существом другого мира не ощущает, что перед ним другое измерение. Поэтому Люти и говорит об одномерности сказки.

М. Бреннен трактует одномерность так, что в сказке вещи могут быть физически отдаленными, но духовно близкими, что физическое расстояние в ней заменяется духовным [17].

Второе свойство виртуала сказки – отсутствие глубины. Сопоставляя сказку с легендой, он акцентирует следующие отличия. В легенде манифестировано множество разных отношений, слушая ее, можно легко представить физические измерения объектов, о которых идет речь. Люди и животные в сказках лишены какой-либо психологической или физической глубины. Сравнивая с современной литературой, можно сказать, что это тени настоящих героев, поскольку у них есть только одна индивидуальная характеристика.

Абстрактный стиль является третьей характеристикой виртуала сказки. Даже цвета в сказке просты – шапочка красная, а зубы волка – белые. В сказках сложность человеческого поведения не встречается в одном герое, она отдана разным персонажам по кусочку. Люти пишет, что героев даже нельзя признать разумными.

Современные исследователи видят меньшее количество составляющих сказки. К. Бернхаймер, например, выделяет плоский характер, абстрактность, интуитивную логику и нормальность магии [18]. Первые два и последняя повторяют Люти, а интуитивная логика означает высокий уровень ассоциативных переходов в сюжете. Как она пишет: «Детали в сказке существуют в изоляции от того, что обычно именуется сюжетом, и это дает ощущение того, что все кажется правильным и его невозможно вычеркнуть».

Люти пишет как бы о несистемности героя, характеризуя его изоляцию как четвертую характеристику: «Как и в игре, сказочная фигура рвет все связи и отношения, как и в игре, она вступает в новые связи и в состоянии в любое время покинуть и эти. Именно потому, что она изолирована, она готова к любой неожиданной встрече. Весь стиль сказки – это изолирующий стиль. Антигерои в принципе тоже одиночки, и у них есть возможность вступать в контакт с кем угодно. Но они упускают эту возможность или не реализуют ее – лишь в герое полностью

проявляется внешняя изоляция и тайная связь со всем и со всеми. Он самый младший, дурачок, замарашка, покрытый коростой, сирота, отвергнутый, брошенный на произвол судьбы – и именно поэтому свободный и готовый к действительно важным встречам. Он принц или свинопас, следовательно, самый край общества, в которое он не встроен – легко отделим от него и поэтому открыт для настоящих сил и может позволить себе плыть в лучах их щедрости. Это, конечно, не просто мечта, которую народы отображают в их сказочном герое. Они посылают его в опасные путешествия и ставят перед ним трудные задачи: его одаривают – не для удовольствия, а чтобы он мог справиться с ними. Сказка не изображает, как это часто бывает в сказании, прекрасную страну с молочными реками и кисельными берегами. Она изображает, сублимируя и стилизируя, мир и человека. То, что она изображает человека как одиночку и в то же время способного на любые отношения, происходит не из примитивных желаний, это настоящая демонстрация сути (бытия)» [19].

Сказка, кстати, любит все редкое, дорогое типа золота и серебра, жемчугов и т. д., поскольку они тоже характеризуются изолированностью.

Последняя характеристика – сублимация и всеохватность. Весь большой мир размещается в сказке в небольшом фрейме. Здесь он интересно замечает: «Сказка не знает того, что магия требует усилий. Вся магия реализуется легко и просто». По поводу всеохватности он говорит, что даже одна сказка охватывает микрокосм и макрокосм, приватные и публичные события, отношения в ином мире и отношения с простыми смертными.

Гуманитарные исследователи всегда тяготеют к сложным объяснениям, которые трудно верифицировать. Гуманитарная наука вообще строится как мнение одного, в то время как естественные науки можно определить как мнение многих, именно из-за того, что верификациями другими может быть в принципе повторена.

Виртуальность является важной характеристикой сказки, по мнению О. Алексеевой: «Сказка функционирует в культуре как виртуал именно потому, что, оставаясь элементом повседневности, обыденной культуры, сказка преодолевает ее в себе, создавая условное темпорально замкнутое пространство, существующее не по законам и правилам повседневности, сказочное бытие условно, в отличие от безусловного бытия повседневности» [20].

Сказка существовала и существует как виртуальное пространство, и мы четко не знаем, почему у человека есть потребность в сказке, причем она сохраняется веками. Так что нам стоит признать ее человеческим культурным изобретением, возникшим задолго до христианства [21–22].

Для точного определения возраста сказок Дж. Техрани воспользовался не обычным историко-географическим методом, а филогенетическим, взяв его из биологии [23–24]. Он задает возраст возникновения сказок от

5000 до 9000 лет. Сказки всегда существовали в устной форме, которая не похожа на сегодняшние варианты [25].

В своем интервью Техрани рассказывает, что в данном исследовании они опирались на биологические методы, исследуя передачу сказок, как и передачу генов [26]. Все эти процессы появления первых сказок происходили среди наших далеких предков, именуемых «прото-индо-европейцами», которые затем расселились по Евразии, а их язык разделился.

Чтение и письмо называют человеческими культурными изобретениями [27]. Первые варианты письма появились 6 тысяч лет назад.

Человечеству тогда пришлось использовать уже имеющиеся когнитивные умения для совершенно новых задач. Прослеживается определенная взаимозависимость между грамотностью и демократией, социальной или культурной передачей [28]. В псевдодемократиях выборы заменяют и дебаты, и участие в коллективном принятии решений, и контроле за исполнением решений.

Все это является результатом того, что грамотность реализуется как элементарные умения, а не как путь к критическому мышлению. По этой причине исследователи акцентируют следующее: «Грамотность представляет собой не просто понимание и письменную передачу информации. Грамотный человек способен, анализируя и сопоставляя информацию (факты, суждения, понятия, идеи) из различных источников, критически оценивать, что он читает, и выражать это адекватно в печатном слове как способность, которая важна для активного участия в демократии».

Ж. Морей, автор этого исследования, подчеркивает, что демократии еще не было ни в одной стране, даже в Древней Греции – в принятии решений реально участвовали только десять процентов населения.

Вспомним, кстати, что в период индустриализации Советский Союз отчаянно нуждался в грамотности первого типа, но никогда не занимался грамотностью второго. Заложить основы критического мышления в принципе достаточно трудно, тем более что государства не очень заинтересованы в этом, ведь это приводит к появлению критически мыслящих людей.

В принципе все умения человека приходили постепенно. М. Томаселло отмечает, что человек и шимпанзе разделились как два разных вида 6 миллионов лет назад, имея на сегодня 99 % общего генетического материала. Прогресс, который произошел с человеком, он объясняет исключительно культурной и социальной передачей: «В отличие от животных, культурные традиции и артефакты людей аккумулируют модификации, появляющиеся со временем. Ничего из сложных человеческих артефактов или социальных практик, включая создание инструментов, символические коммуникации, социальные институты, не

было изобретено сразу и для всех в конкретный момент каким-то индивидом или группой индивидов» [29].

О чем говорит это замечание? Нам представляется, что оно подчеркивает творческий характер не только самого изобретения, но и его использования, поскольку оно постоянно совершенствуется и трансформируется. Вероятно даже то, что последующие трансформации могут нести больше инновационного, чем первый шаг.

Зачем нужна виртуальность в нашем насквозь прагматичном, рациональном мире? Известный фантаст Н. Гейман дает на этот вопрос вполне конкретный ответ. С одной стороны, он рассказал, что когда строители тюрем в Америке заволновались, сколько в перспективе нужно иметь камер в будущем, то ответ они получили такой – определить это можно с помощью простого алгоритма, отталкивающегося от того, какой процент 10-11-летних школьников не читает для удовольствия [30].

И еще один довод из его уст: «В 2007 году я был в Китае, на первом одобренном партией конвенте по научной фантастике и фэнтези. В какой-то момент я спросил у официального представителя властей: почему? Ведь НФ не одобрялась долгое время. Что изменилось? Все просто, сказал он мне. Китайцы создавали великолепные вещи, если им приносили схемы. Но ничего они не улучшали и не придумывали сами. Они не изобретали. И поэтому они послали делегацию в США, в Apple, Microsoft, Google и расспросили людей, которые придумывали будущее, о них самих. И обнаружили, что те читали научную фантастику, когда были мальчиками и девочками» [31].

То есть нужны мозги. И эти мозги создаются книгами вообще и фантастикой в частности. И понятно почему – фантастика и фэнтези снимают в нашей ментальной картине мира те или иные константы, и наш мозг учится жить вне роли подобных констант.

У Геймана есть и такое наблюдение, которое соответствует такому сегодняшнему научному направлению как альтернативная история: «Однажды у меня была мысль написать книгу про Чарльза Форда (американский маргинальный исследователь, фактически положивший начало современному интересу к паранормальным явлениям, вроде летающих тарелок или снежного человека) и Карла Маркса. Оба большую часть своей жизни провели в библиотеке Британского Музея, читая книги и сочиняя огромные труды. Меня заинтересовало, что было бы, если бы все было наоборот: Карл Маркс занимался изучением аномальных сил, космического желе и падающих с неба рыб, – всяких странных и необъяснимых явлений, а Чарльз Форт разрабатывал экономическую теорию. То есть, что было бы, если бы Русская Революция базировалась на идеях Чарльза Форда – рыбы с неба, неработающие часы, на том, что люди – потомки существ из открытого космоса и т. д. И эти идеи стали громадной, международной, глобальной силой. А теория политекономии Маркса стала крошечным течением,

популярным среди всяких эксцентриков и оригиналов, которые собирали бы свои крошечные съезды, чтобы о ней поговорить» [32].

И второе интересное признание: «Книга – это порог. Мне нравится, когда я могу перевести кого-нибудь через порог. Всегда есть дверь. Всегда есть порог. Можно воспринимать это буквально, можно метафорически. Лучшее в фэнтези – это то, что оно позволяет превращать любую метафору в реальность».

Однако это не реальность. Тут Н. Гейман лукавит. Это погружение в то, что человек признает квазиреальностью, где ему комфортно и хорошо. Он получает там те типы переживаний, которые уже не способен ему дать наш комфортный мир.

Есть также мнение известного фольклориста С. Неклюдова: «У человека есть потребность в соприкосновении с неким вымышленным миром, своего рода параллельной реальностью, которая восходит к хронотопу десакрализованного мифа и становится чистой фантазией – как в устной, так и в книжной традиции. На протяжении XX века, да, пожалуй, и всего периода упоенности техническим прогрессом, эту позицию занимала научная фантастика. Затем она стала вытесняться другим жанром, который сейчас называется фэнтези. В какой-то степени фэнтези – это гибрид научной фантастики и литературной сказки. Ну а сама научная фантастика выросла из романтической повести и из ее предшественника – готического романа» [33].

И по сути так до конца и не выяснены причины нашей привязанности к виртуальности: от далеких времен сидения у костра до сегодняшнего сидения у экрана телевизора или компьютера. Определенная когнитивная потребность понятна – это проверка и усиление ментальной картины мира, получение опыта сквозь виртуальность. Но все это оформлено в определенную развлекательность, что тоже очень важно.

Вышеупомянутый Техрани видит сказки как «минимально контринтуитивные нарративы» [34]. Имеющиеся там элементы когнитивного диссонанса легко понимаются людьми, поскольку они рассказывают об обычных отношениях между людьми. И это сочетание необычного с обычным, по его мнению, объясняет их тысячелетнее существование. Изучение этого аспекта на базе более объективного, чем литературоведение, инструментария, он считает своей будущей темой.

Дж. Кэрролл говорит о роли виртуальности такие слова: «Она учит нас знанию других людей, это практика в эмпатии и теории разума» (цит. по [35]). В своей статье сам он говорит так: «Роман или рассказ является коммуникативным актом. Он достигает результата только если авторское описание создает опыт в головах читателей. Эти опыты массово ограничиваются значениями, смонтированными в описания автора, который сам ограничен возможными вариантами значений в словах любого имеющегося языка» [36].

Но виртуальность несет не только позитив, но и потенциальный негатив. Особенно это становится заметным при столкновении разных культур. Как правило, это происходит на стыке западной и какой-то из восточных культур. Тут никто не отменяет опасности даже от вымышленных персонажей. Например, в 2018 году в Китае запретили мультфильмы про свинку Пеппу, поскольку мультфильм навязывает детям неправильное мировоззрение, а в 2017 – американский фильм про Винни Пуха, поскольку в китайских соцсетях распространены мемы, сравнивающие его с генеральным секретарем Си Цзиньпином [37]. Иранская полиция морали борется с куклой Барби и с теми, кто ею торгует [38–41]. Все это борьба с символами, за которыми, как представляется, скрывается враг.

Мир, построенный людьми, эволюционирует быстрее, чем сами люди. Это связано с тем, что виртуальность, воображение позволяют рушить старые стены и создавать новое, сначала в голове, а потом в действительности. Но сам человек не может меняться так быстро. Он больше состоит из человека прошлого, чем из человека будущего.

Литература

1. Minor J. Video Games That Have Influenced Pop Culture // www.geek.com/games/video-games-that-have-influenced-pop-culture-1737151/.
2. Cannatella H. J. Plato and Aristotle's Educational Lessons from the Iliad // *Paideusis*. – 2006. – Vol. 15. – № 2.
3. Alexander C. What Homer's Iliad can tell us about worship and war // www.bbc.com/culture/story/20180428-what-homers-iliad-can-tell-us-about-worship-and-war.
4. Насреддинов Х. Х. Геббельс и телевизор // www.svoboda.org/a/24278462.html.
5. Путаница кадров: как телеканалы выдают одни изображения за другие // www.bbc.com/russian/features-43879959.
6. Бершидский Ю. Госканалы выдали художественный фильм за постановку химатаки «Белыми касками» // theins.ru/antifake/100534.
7. Крутов М. Киселев в мире фейков. Что не так с телесюжетами о химической атаке в Думе? // www.svoboda.org/a/29189643.html.
8. СМИ заметили кадр из фильма 2007 года в демонстрации новой ракеты на послании Путина // www.dp.ru/a/2018/03/01/SMI_zametili_animaciju_iz.
9. Видео о новейшей ракете из послания Путина взяли из фильма «Первого канала» 2007 года // rtvi.com/news/10424/.
10. Минобороны России выдало скриншот из игры за доказательство связи США и ИГ // lenta.ru/news/2017/11/14/minoboroni/.

11. Создатель Gunship Simulator ответил на показ Минобороны кадра из игры // www.rbc.ru/technology_and_media/15/11/2017/5a0b4cf29a79478b042355e4.
12. Puchner M. How stories have shaped the world // www.bbc.com/culture/story/20180423-how-stories-have-shaped-the-world.
13. Lüthi M. The Fairytale as Art Form and Portrait of Man. – Bloomington, 1984.
14. Gubrium J. F. a. o. Narrative Ethnography // Handbook of Emergent Methods. Ed. by Hesse-Biber S. N. a. o. – New York, 2008.
15. Lüthi M. The European Folktale: form and nature. – Bloomington etc., 1986.
16. Bryn T. Tales of magic In Japan and Norway // www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/24105/TirilBryn.pdf?sequence=3.
17. Brennan M. Folktales and legends // www.jimchines.com/2012/07/marie-brennan/.
18. Bernheimer K. Fairy tale is form, form is fairy tale // www.katebernheimer.com/images/Fairy%20Tale%20is%20Form.pdf.
19. Люти М. Народная сказка и народное искажение // www.timeformyself.org.
20. Алексеева О. П. Виртуальная бытийность сказки в культуре // www.dissercat.com/content/virtualnaya-bytiinost-skazki-v-kulture.
21. Fairy tale origins thousands of years old, researchers say // www.bbc.com/news/uk-35358487.
22. Yong E. The Fairy Tales That Predate Christianity // www.theatlantic.com/science/archive/2016/01/on-the-origin-of-stories/424629/.
23. Tehrani J. J. The Phylogeny of Little Red Riding Hood // journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0078871.
24. Graza da Silva S. a. o. Comparative phylogenetic analyses uncover the ancient roots of Indo-European folktales // rsos.royalsocietypublishing.org/content/3/1/150645.
25. Zipes J. The Cultural Evolution of Storytelling and Fairy Tales: Human Communication and Memetics // assets.press.princeton.edu/chapters/s9676.pdf.
26. Tehrani J. Folk tales are older than you think // www.dur.ac.uk/news/research/?itemno=27041.
27. Huettig F. a. o. The culturally co-opted brain: how literacy affected the human mind // Language, Cognition and Neuroscience. – 2018. – Vol. 33. – № 3.

28. Morais J. Literacy and democracy // Language, Cognition and Neuroscience. – 2018. – Vol. 33. – № 3.
29. Tomasello M. A puzzle and a hypothesis (From M. Tomasello, The Cultural Origins of Human Cognition. Harvard University Press, 1999) // people.ucsc.edu/~gwells/Files/Courses_Folder/documents/Tomasello.Problemabridged.pdf.
30. Gayman N. Why our future depends on libraries, reading and daydreaming // www.theguardian.com/books/2013/oct/15/neil-gaiman-future-libraries-reading-daydreaming.
31. Гейман Н. Почему наше будущее зависит от библиотек, чтения и фантазии // busrra.livejournal.com/77534.html.
32. Разговор с Нилом Гейманом // www.svoboda.org/a/24200210.html.
33. Неклюдов С. Прямая речь // postnauka.ru/books/654.
34. Shultz D. Some fairy tales may be 6000 years old // www.sciencemag.org/news/2016/04/some-fairy-tales-may-be-6000-years-old.
35. Robson D. Our fiction addiction: why humans need stories // www.bbc.com/culture/story/20180503-our-fiction-addiction-why-humans-need-stories.
36. Carroll J. Minds and meaning in fictional narratives: an evolutionary perspective // www.academia.edu/32129675/Minds_and_Meaning_in_Fictional_Narratives_An_Evolutionary_Perspective.
37. Персонажи нон грата // www.kommersant.ru/gallery/3619601?from=main_foto.
38. Iran cracks down on moral peril of Barbie peddlers // www.jpost.com/Middle-East/Iran-cracks-down-on-moral-peril-of-Barbie-peddlers.
39. Iran attacks an old enemy Barbie // www.nytimes.com/2012/01/21/world/middleeast/iran-attacks-an-old-enemy-barbie.html.
40. Barbie banned in Iran as part of «soft war» on western culture // www.thejournal.ie/barbie-banned-in-iran-as-part-of-soft-war-on-western-culture-330054-Jan2012/.
41. Golkar S. Black Crow to Barbie changing student norms in Iran // openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/16996/ISIM_16_Black_Crow_to_Barbie_Changing_Student_Norms_in_Iran.pdf?sequence=1.

2. Новая холодная война возвращает эпоху войны нарративов

Холодная война была войной не только ядерного оружия, но и войной нарративов. И поскольку ядерное оружие не применялось, хоть и было главным фоном, нам остается признать основным типом конфликта войну нарративов.

Каждая из сторон продвигала и защищала свой нарратив всеми возможными способами, используя все виды медиа, которые могли достигать не только населения противника, но и своего собственного, а также международной аудитории. На всех этих трех медийных фронтах требовалось достичь победы, причем сокрушительной.

После 1991 года война нарративов ушла из официальной плоскости в частную. Отголоски ее мы можем увидеть, например, в поднятии фигуры Сталина в сознании российского населения или в некоторых других остаточных явлениях советской мифологии. И это в определенной степени естественно, поскольку мифология является достаточно инерционным виртуальным продуктом, она умирает только с последним ее носителем, если ее перестает удерживать государство и общество. Фигуру же Сталина не удастся «убрать» еще и по той причине, что она связана с войной, победа в которой стала краеугольным камнем российской постсоветской мифологии.

Интересно, что Сталин удерживается на плаву не столько из-за работы официальных источников, сколько массовой культурой. С одной стороны, сталинское время является наиболее зрелищным объектом с точки зрения кинематографа, как им для США являлся, к примеру, вестерн как элемент американской истории. Хорошие герои должны побеждать плохих, по этой причине современное повествование о сталинском времени вновь делает сотрудников НКВД «заботливыми и человечными».

Советская мифология вся была построена на неоднозначностях, которые закрывала мощная пропагандистская машина. Только сейчас появляются новые типы фактажа. Но факты реально не способны победить мифологию, поскольку принадлежат разным уровням: виртуальному и физическому. Заранее введенная и усвоенная мифология сильнее любого факта. Именно в этом лежит причина сохранения Сталина и сегодня.

Прошлый мифологический статус Сталина хорошо отражают следующие слова: «В сталинской России возвышенное имело весьма функциональный характер, будучи источником повествовательных стратегий, призванных в конечном счете натурализовать сталинскую власть. Образцовым примером встречи с возвышенной фигурой, особенно в кино, служила встреча с самим Сталиным. Общим местом является сцена, в которой посетитель, явившийся к Сталину, теряет дар речи и не в состоянии вымолвить ни слова, поскольку личность вождя превосходит все мыслимые границы» [1].

Д. Дондурей в свое время посвятил много своих работ тому, как Сталина сознательно удерживают в сознании современной России [2–4]. Все это мировая практика возвращения тех или иных фигур в массовое сознание с помощью массовой культуры [5]. Так, собственно говоря, работала и перестройка, когда сначала «контринформация» вводилась через менее контролируемые каналы типа массовой культуры.

Несколько слов из истории передачи мифологии с помощью разных медиа. Сначала мифология была устно передаваемой, потом пришел период печатных текстов. Роман был первым изобретением для такого типа воздействия, поскольку соединил в себе две важные характеристики: эмоциональность и массовость. Потом этот охват, но не эмоциональность, подхватило следующее изобретение – газета. Правда, она сама создавала квазиэмоциональность за счет новизны передаваемого, поскольку новое всегда привлекает внимание. Пресса «паразитирует» на новом.

Современная мифология создается уже с помощью визуализаций. Это кино и телевидение. Но визуальные тексты также привнесли совершенно новый аспект, который не был работающим до этого – массовость снова расширилась за счет того, что для такого понимания не требуется грамотность. Теперь число получающих информацию вновь резко расширилось, имея массовость + эмоциональность + необязательность грамотности.

Соцсети открыли новый путь нарративам. Теперь каждый может стать автором. Правда, это теоретическая возможность, поскольку соотношение автор/читатель остается прежним. Пользователь соцсетей скорее постит чужое, ощущая при этом свое косвенное авторство. И это тоже было одной из движущих сил российского вмешательства в американскую избирательную систему. Эмоционально сильные посты ольгинских троллей получали по этой причине широкое распространение, ведь так бы не распространялась какая-то научная статья.

Эти новые нарративы, особенно используемые в роли фейков, которые работали с российской подачи, как сегодня оказывается, не только в американских и французских президентских выборах, не только во множестве европейских выборов и референдумах, но и в британских выборах тоже [6–7], хотя и там нет полной определенности, особенно в отношении их эффективности. Но все они определенно были направлены на поддержку конкурента партии Т. Мэй, как против Макрона во французских выборах.

После 1991 года два конкурирующих нарратива потеряли свой наступательный характер. Советский нарратив резко потерял свое влияние. Только мусульманский и китайский нарративы сохраняли свое положение вне системы. Им трудно удержаться, но они закрыты щитом иной цивилизации.

Наше время вновь вызвало к жизни конкуренцию нарративов. Это оказался спрятанный в действиях лозунг «Сделать Россию снова великой», реализация которого и привела к новой холодной войне из-за начавшейся российской территориальной экспансии. Мы формулируем его так по аналогии с прозвучавшим трамповским лозунгом «Сделать Америку снова великой».

Чем более активно происходит опора на такие мифологические «столбы», тем естественнее они выглядят даже для тех, кто раньше не знал или им противился. Активное тиражирование вводит их в состояние нормы. Кто может быть против «великости», если за это не придется платить?

Д. Элтейд, создатель теории медиалогии, которая занята способами конструирования сообщений в разных типах медиа [8], вслед за П. Бергером подчеркивает, что самым важным является то, что принимается как данность, как само собой разумеющееся. Такой стала идея «инфотейнмента» для новостей. Элтейд пишет: «Перспектива «инфотейнмента» для новостей удерживает то, что с точки зрения практических потребностей любое событие может быть суммарно освещено и представлено как нарратив с началом, серединой и концом. Такая ориентация очень полезна в случае временного давления на освещение, особенно сложных событий, включающих разные составляющие и множество возможных интерпретаций. Более того, чем больше времени аудитория проводит с этими форматами, тем проще логика рекламы, развлечения и популярной культуры принимается как данность «нормальной формы» коммуникации» ([9], см. также [10]).

Интересно, что в период первой холодной войны СССР и США жили в мире нереализованной виртуальности. Главный нарратив повествовал об ужасах врага и его силе, которую он постоянно наращивал. То есть это был страшно-эмоциональный нарратив, уклониться от воздействия которого никто не мог. Однако, с другой стороны, ядерная война ни разу не была реализована. Она была в определенной степени мифом. Ужасная виртуальная реальность вносила в мир страх войны и холод ядерной зимы. Но все это было только в виртуальном мире.

Сегодня Россия возродила свой старый миф об «окружении врагами». Возможно, что в этом есть и определенный практический интерес. С одной стороны, политические психологи давно установили, что подобная ситуация заставляет население прятаться «под крылом» сильного лидера. Для обеспечения победы во вторых президентских выборах Буша США сознательно пошли на войну в Ираке [11]. Такой же тип конфронтации обеспечил и победу Путина на его президентских выборах.

Кстати, по поводу удачных политических формулировок. Дж. Лакофф многократно писал, что терминология «война с террором» удачно придумана республиканцами [12]. Если бы это была «оккупация», то она

должна иметь физическое окончание, а «война с террором», поскольку она задана как война со способом действия, а не как война с противником, не имеет конца.

С другой стороны, позитивом для России является то, что часть ее миллиардеров побегут назад вместе со своими миллиардами, например, из Великобритании, поскольку в Великобритании стал действовать закон о криминальных финансах. Генпрокурор России Ю. Чайка на фоне скандала с отравлением Скрипалей перестроился и заявил: «Мы очень надеемся, что этот закон будет применяться властями Великобритании в соответствии с нормами цивилизованного государства, а не по принципу «грабь награбленное». То есть украденное в России теперь Великобритания заберет все в свой бюджет. Преступников могут оставить себе, а деньги верните. Это деньги наши» [13].

Свое слово по поводу новой холодной войны высказал и В. Сурков. Он известен тем, что оформляет российскую текучую и неправильную действительность в кристально чистые формулировки, позволяющие ходить с гордо поднятой головой. Это его термин «суверенная демократия», который позволяет делать то, что другие страны никогда не признают демократическим.

По поводу конца любви с Западом он сказал следующее: «Наша культурная и геополитическая принадлежность напоминает блуждающую идентичность человека, рожденного в смешанном браке. Он везде родственник и нигде не родной. Свой среди чужих, чужой среди своих. Всех понимающий, никем не понятый. Полукровка, метис, странный какой-то. Россия это западно-восточная страна-полукровка. С ее двуглавой государственностью, гибридной ментальностью, межконтинентальной территорией, биполярной историей она, как положено полукровке, харизматична, талантлива, красива и одинока» [14].

Это по поводу того, что Запад не принял Россию, поэтому она теперь пойдет своим путем, хотя до этого Россия столетиями пыталась войти в западный мир.

На эту статью сразу откликнулся хор голосов внутри России. Приведем лишь два отклика, один антизападный и один прозападный.

С Кургинян заявил, что для Запада Россия была колонией, хотя и мятежной: «Для них Россия стала колонией в 1991 году. «Это наша подконтрольная управляемая провинция, которую мы не добились из общих соображений, не отняли ядерное оружие, не расчленили на части, не лишили статуса в Совете Безопасности. Почему? Потому что это колония». И каждый раз, когда они видят с нашей стороны типы колониального поведения, они укрепляются в том, что это колония. А ничто так не распаляет, как мятежная колония. Это ужасно обидно» [15]. И еще: «К ним приезжают разные люди, говорят, что Путин – это ошибка. Что мы, мол, контролируем процесс, мы все вернем, у нас будет

демократическая страна. Они все время контактируют с представителями российской элиты, прежде всего экономической, но не только, которые разговаривают на языке компрадоров, продолжают ездить туда для обретения благодати. Там живут их семьи, они все время говорят, что у нас западные ценности».

То есть была двусмысленная ситуация, которая сейчас разрешится, западные ценности исчезнут, а Россия продолжит идти своим путем.

К. Эггерт, представляя российских западников, утверждает: «Изобретатель термина «суверенная демократия» делает хорошую мину при плохой игре. Ни структура российской экономики, ни настроения ее правящей верхушки никогда не были так тесно связаны с Западом, как сегодня. И никогда (за последние сто лет как минимум) международный авторитет ее руководства не был так низок. Перефразируя известную шутку Бориса Немцова, играть в Сталина можно, только отказавшись от стиля жизни Абрамовича. К этому те, кто одновременно управляет и владеет Россией, не готовы. Владимир Путин, может быть, и досидит до конца своего четвертого президентского срока. Запад, на самом деле, боится перемен в России, так что давление на Кремль будет дозировать. Но триумф 18 марта оказался безнадежно испорчен событиями последних недель. И этого уже не исправить» [16].

Россия в очередной раз возвращается на мифологему своего особого пути. Правда, социологи отмечают, что это концепция немецкая – *sonderweg* [17–18].

Следует признать, что подобная ситуация своего пути в современном взаимозависимом мире приведет к серьезному отставанию России от всех процессов развития. Один раз это уже произошло, когда по экономическим причинам «только за первую половину 90-х страну покинули 70–80 процентов математиков, 40 процентов физиков-теоретиков» [19]. Это говорит статья в российском военном издании с интересным заголовком и подзаголовком – «Академический спецназ. Как вернуть ум в Россию».

Наш мир системен. Но эта системность создается совместными усилиями. К сожалению, нельзя создать своей теории вероятности, она всегда будет общей.

Однако А. Дугин заговорил даже об эпистемологической оккупации: «Бывает и эпистемологическая оккупация. Когда то или иное общество или страна оказываются в концептуальной или интеллектуальной зависимости от гегемона. Россия живет по либеральной конституции, скопированной с западных образцов, руководствуется либеральными принципами экономики, навязанными нам Западом. Следует либеральным установкам в культуре и образовании. Мы живем в условиях либеральной диктатуры. Если человек не признает нормативов и догм либерализма, он маркируется как бунтовщик. И сегодня можно

говорить, что мы имеем дело с восстанием в эпистемологической колонии» [20–21].

К счастью или к сожалению, но выигрыш от движения вперед вместе несомненно присутствует. И никто его никак не отменит. Даже Китай, не потерявший на политическом уровне ни Маркса, ни Ленина, строит госкапитализм, выпуская продукцию по западным лекалам. И это позволило ему вырваться вперед, уже на следующем этапе создавая свои собственные передовые технологии.

Нарративы принципиально виртуальны, поэтому они готовы нарисовать любую картинку, исполнить любые роли, повести население на любые свершения. Только жалко будет усилий, столь активно затраченных на разжигание конфликта, поскольку за амбиции отдельных политических игроков будет платить все население.

Литература

1. Кларк К. Москва, четвертый Рим // syg.ma/@sygma/katierina-klark-moskva-chietviertyi-rim.
2. Дондурей Д. Миф о Сталине: технология воспроизводства // kinoart.ru/archive/2010/04/n4-article3.
3. Дондурей Д. Любовь к Сталину, криминалу и плохому кино. Как телевизор начал руководить нашим сознанием // muzobozrenie.ru/daniil-dondurej-lyubov-k-stalinu-kriminalu-i-plohому-kino.
4. Дым Отечества. Как создавался и создается миф о Сталине // echo.msk.ru/programs/att-history/668261-echo/.
5. Почепцов Г. Возвращение фигур Сталина и Гитлера в современность: массовая культура как пропаганда // psyfactor.org/lib/stalin-hitler-2.htm.
6. Dearden L. Researchers 'don't know' who was behind Russian Twitter bots that churned out pro-Corbyn posts, or how much difference it made // www.independent.co.uk/news/uk/politics/jeremy-corbyn-russian-twitter-bots-election-sunday-times-labour-conservatives-hancock-a8328031.html.
7. Turner C. Russian Twitter 'bots' attempted to influence election by supporting Jeremy Corbyn, investigation finds // www.telegraph.co.uk/news/2018/04/28/russian-twitter-bots-attempted-influence-election-supporting/.
8. Altheide D. L. Media Logic // www.researchgate.net/publication/313386386_Media_Logic.
9. Altheide D. L. Media Logic and Political Communication // us.sagepub.com/sites/default/files/upm-binaries/19029_seib_vol_1_chap_01.pdf.
10. Altheide D. L. Impact of format and ideology on TV news coverage of Iran // journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/107769908506200218.

11. Westen D. The political brain. The role of emotion in deciding the fate of nation. – New York, 2007.
12. Lakoff G. The Political Mind: A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics. – 2008.
13. Чайка призвал Лондон вернуть незаконно выведенные из России деньги // ria.ru/economy/20180408/1518162765.html.
14. Сурков В. Одиночество полукровки // www.globalaffairs.ru/global-processes/Odinochestvo-polukrovki-14-19477.
15. Кургинян С. Западный путь России закончен. Интервью // expert.ru/expert/2018/16/oni-dumayut-cto-oni-nas-slomayut/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.
16. Эггерт К. Запад заговорил на языке Путина // www.dw.com/ru/.
17. Файналова Е. «Особый путь» // www.svoboda.org/a/29020980.html.
18. Дубин Б. Особый путь и социальный порядок в современной России // polit.ru/article/2010/09/02/specialway/.
19. Фараджев В. Академический спецназ. Как вернуть ум в Россию // vrk-news.ru/articles/42370.
20. Дугин А. Глобальная сеть либералов против «удерживающего» // evrazia.org/article/2582.
21. Дугин А. Нужно бороться с шестой колонной. Интервью // portal-kultura.ru/articles/person/64670-aleksandr-dugin-nuzhno-borotsya-s-shestoy-kolonnoy/?print=Y&CODE=64670-aleksandr-dugin-nuzhno-borotsya-s-shestoy-kolonnoy.

3. Пространство правды и пространство лжи стали сближаться, отсюда фейки и постправда

Прошлый мир пытался жестко разграничить пространство правды и пространство лжи. Журналистика имела свои нормы, которые не допускали прихода лжи в пространство правды, тиражируемое массовыми коммуникациями. Конечно, в том мире была и пропаганда, где эти два пространства могли пересекаться.

В принципе считается, что каждая страна передает вовне тот пропагандистский образ, который отражает то, чем она обладает в наименьшей степени. Советский Союз проецировал зажиточную жизнь своих граждан, а США – высокий интеллектуальный уровень своих. Поэтому Советский Союз показывал условного токаря Петрова в его новой квартире, где за окном можно было увидеть его собственную машину. То есть он создавал картинку всеобщего счастья, показывая картинку реально существующего индивидуального счастья. То есть

правда на одном уровне оказывался ложью на другом, поскольку однотипного коллективного благополучия не было.

Пропаганда в этом плане похожа на литературу. И та, и другая пытаются на индивидуальных фактах показать правила, тренды. И в этом заложена возможность лжи, когда госпропаганда начинает это использовать. Для обычного человека фильм «Кубанские казаки» и был правдой, а не его нелегкая собственная жизнь за окном, которую он рассматривал как исключение.

Литературные нарративы сильны тем, что обладают стратегическим влиянием в отличие от сообщения в газете. Газета завтра будет уже другой, а роман сохранится еще долгое время. Тексты Оруэлла подействовали намного сильнее любой газетной статьи. И сегодня, например, США усиленно разрабатывают методы борьбы с нарративами радикального ислама, поскольку они управляют разумом сильнее, чем нарративы американские [1–5].

В принципе любой информационно-коммуникативный продукт несет в себе потенциальную опасность, поскольку за ним может стоять «подрывная» по отношению к имеющейся виртуальная система. Например, на наших глазах полем битвы вдруг стал интернет [6]. А этого нового пространства вообще не было несколько десятилетий тому назад.

Отсюда параллельное развитие с информационно-коммуникативными технологиями цензуры разного типа. Когда-то Г. Иннис назвал монастыри монополистами знаний, поскольку монахи-переписчики средних веков что-то переводили на новый долговечный материал пергамент, а что-то – типа Аристотеля как языческий текст – оставляли за бортом ([7], см. также [8]).

Изобретение печати приносит новые возможности для цензуры, поскольку печать концентрировалась в определенных местах. В то время как многие авторы «выиграли от эры массовой грамотности, печатный станок одновременно облегчил контроль и цензурирование литературы. Это стало особенной проблемой для авторов, живущих в тоталитарных режимах типа нацистской Германии или Советского Союза, где возникли системы подпольной публикации, чтобы избежать цензуры» [9].

Печать была коллективным производством, легко доступным для контроля. Но уже появление индивидуальной печатной машинки, а потом ксерокса стало шоком для спецслужб, поскольку тиражирование «чужого» стало трудно контролировать. Считается, что Польша, например, вышла на свой революционный путь благодаря множительной технике, которую ввозила католическая церковь.

Самой главной преградой для советского человека стала не та цензура, которая называлась «литом» и сидела в кабинетах, а та, которая поселилась в головах. Внутренняя цензура не позволяла писать то, что будет отклоняться, то, за что можно было понести наказание. Писатели не любят писать «в ящик».

В первые годы после семнадцатого система еще не сформировалась, и множество интересных и оригинальных писателей начали свой путь. Это касается и образования, когда множество сильных ученых с дореволюционным образованием работали в науке. Особенно это касается оборонной тематики, где власть всю советскую историю давала существенные послабления ученым-оборонщикам, а это в свою очередь заставляло развивать и образование.

Писатели в силу индивидуального характера своего труда реально могли контролироваться только на конечном результате. По этой причине для привлечения к созданию нужных произведений была придумана система госзаказа. И писатели, и композиторы, и режиссеры как бы подталкивались к фабричной системе создания произведений, необходимых с точки зрения государства.

О. Лекманов говорит о советских писателях: «Я думаю, что особенность советского проекта и того, что делает государство, заключалась в том, что писателю не только стали говорить, чего он не должен писать, но и что он должен писать. Раньше условный «договор» выглядел так: писатель не должен высказываться напрямую против церкви и власти, писать порнографию и так далее. А что он там напишет про природу, любовь – это ему не диктовалось. Что касается советского проекта, то в нем это произошло не сразу, можно говорить о некоей эволюции. Впрочем, можно назвать конкретную дату для литературы – 1934 год, первый Съезд советских писателей, когда их просто построили в ряд. Была создана структура, иерархия, и все писатели подчинялись высшему начальству, которое, в свою очередь, подчинялось Сталину. Этой структурой было очень удобно управлять» [10].

И еще: «Писатель должен был, описывая, скажем, белую птицу, после этого как-то выйти на тему советской власти. Если он писал про любовь между мужчиной и женщиной (что не очень поощрялось), то она обязательно должна была быть какой-нибудь непутевой дояркой, а он – бригадиром, который исправит ее. В общем, писателю, художнику стали жестко диктовать, что и как он должен делать».

В принципе можно сказать, что управление производством виртуального строилось по принципу фабрики или колхоза. Были созданы творческие союзы, в каждом из которых был свой председатель, который был наиболее «правильным» писателем. Но иногда даже правильные писатели стрелялись на этом посту, как это произошло с А. Фадеевым.

Сегодня неуправляемый интернет пришел во все более несистемный мир. Мы называем его несистемным, поскольку происходит переход к его новому состоянию, а на сегодняшний день в нем существуют и действуют и старые, и новые правила. А интернет исходно при создании предполагал такую неуправляемость, с политической точки зрения Запад все время видел его под углом того, что таким образом голос меньшинств получит возможность быть услышанным.

Нам даже трудно представить себе сегодня сочетание интернета и СССР. Как говорилось в фильме, Боливар не выдержит двоих. Или интернет, или СССР должен был бы умереть. Если бы они оба сохранились, то это был бы не СССР, или не интернет.

Ненормальное в нашем мире является нормальным в идущем на смену будущем мире. Таким примером могут быть и фейки. Они как бы «сидят» на иной модели порождения информации. Если раньше мы видели эту модель как АВТОРИТЕТНЫЙ ИСТОЧНИК (ограниченное число) – ИНФОРМАЦИЯ, то с постепенным умиранием печатных изданий, которые и удерживали эту рамку, мы имеем модель, характерную не для печатного, а для устного общения: ИСТОЧНИК (неограниченное число) – ИНФОРМАЦИЯ. А поскольку в случае соцмедиа источников может быть миллион, то и возникает миллион «правд».

Сегодня исследователи констатируют: «Назовите это дезинформацией, фейковыми новостями, мусорными новостями или сознательно распространяемым обманом, все это уже было с тех пор, как первый проточеловек прошептал первые злонамеренные сплетни. Однако современные технологии с их разработанной инфраструктурой для загрузки, комментирования, реагирования в виде лайков, передачи другим создали почти идеальную среду для манипуляции и насилия, которая, возможно, угрожает самому пониманию разделяемой правды» [11].

Кстати, тут может возникнуть вопрос, что, возможно, просто правда уже не нужна, раз ее статус так резко упал. Человек далекого прошлого отчаянно нуждался в правде, будучи совершенно незащищенным, и одну из таких правд-защит ему дала религия. Сегодняшний человек чувствует себя достаточно защищенным, чтобы погружаться в фэнтези и не искать правды.

Более того, исследования активно подтверждают то, что неправда распространяется в социальных сетях гораздо лучше правды. И это может нам говорить о том, что она нужнее, поскольку неправда распространяется быстрее именно благодаря пользователям.

Объяснение этому исследователи видят таким: «Социальные медиа трансформировали способы оперирования с новостями и политическим контентом, предоставив пользователям возможность создавать и передавать новости. [...] Интернет-контент может свободно двигаться с одного конца земли на другой. Каждый с клавиатурой или смартфоном может стать издателем, создавая и делясь контентом и информацией с любыми пользователями вне зависимости от географических расстояний. Микроблоггерство и журналистика граждан, возникшие благодаря свободному потоку информации, несут важное и позитивное влияние на свободу слова и демократию, поскольку традиционные медиа и телевидение более не имеют монополии на новости и информацию о политике» [12].

И в ожидании новых выборов возникает идея о защите персональных данных от политических партий. Ее автор С. Бредшоу пишет: «Мы живем в сетевом обществе, где данные является валютой нашей информационной экономики. Каждый раз когда нам лайкаем пост, взаимодействуем с друзьями или делаем онлайн-заказ, мы порождаем информацию о своем поведении, интересах, ценностях и отношениях. Интернет-компании традиционно использовали эти данные, чтобы создавать детальные профили пользователей, чтобы связать продукцию с конкретными сегментами населения. Однако этими техниками воспользовались для построения детальных психологических профилей избирателей, для доставки политической рекламы и пропаганды. В современной электронной среде личные данные не только используются, чтобы продвигать традиционные потребительские продукты, но и продавать нас мировым лидерам» [13].

При этом хоть и много отрицательных слов было высказано в этом контексте о ботах как распространяющих лживую информацию, но реальную опасность несут не боты, а люди [14]. Именно они создают те нарративы, которые затем «стреляют» по избирателям, подталкивая их к требуемому типу поведения.

И получается, что суть даже не в том, что соцмедиа дали возможность индивидуальным пользователям творить свою правду, а в том, что было создано информационное пространство, в котором просто нет ни моральных, ни каких-то других ограничителей. Перед нами как бы скоростное шоссе, но без знаков ограничений дорожного движения. А поскольку информации много, то отдельный пользователь уже не в состоянии оценивать ее на правдивость.

Одновременно возникают иные правила, по которым живет эта новая информационная «дорожная» среда. Таким новым феноменом стал изменившийся статус внимания. Оно было всегда, оно и в прошлое время направляло и создавало информационные и виртуальные потоки. К примеру, это массовая культура и литература, где читатель/зритель является равноправным творцом с настоящим автором.

Исследователи говорят сегодня о новом статусе внимания такое: «Социальные медиа – и шире, интернет в целом – принадлежат экономике внимания, где наиболее ценным контентом является тот, который, скорее всего, привлечет внимание. Перегрузка информацией позволила интернету сделать внимание самым ценным ресурсом. Вирусный контент от забавных видео до сенсационных заголовков собирает клики, ретвиты и лайки, принося рекламный доход» [15].

Есть и другая ветвь использования big data, чем то, что мы все пишем в Фейсбуке. А. Пентленд, признанный гуру big data, говорит, что то, что мы делаем в Фейсбуке, мы редактируем под стандарты, это то, что мы хотим рассказать другим, а big data расскажет о нашем реальном поведении, где мы проводим время, что покупаем. И на основании этого

можно увидеть, что мы собой представляем, дать ответ на вопрос банка, вернем ли мы заем, дать ответ доктору, не появится ли у нас диабет ([16–17] см. также примеры исследования больших данных в полицейской аналитике [18–20]). Анализ big data для случая предотвращения диабета, а траты на эту болезнь в стране составляют в США миллиарды [21–23], привел в результате к падению числа диагностируемых после многих лет роста. Так в 2009 было 1,7 диагнозов в год, в 2011 число новых пациентов упало до 1,5 миллионов, а в 2014 – до 1,4 миллиона [24].

Big data изучает связи – людей друг с другом, их поведение и последствия. Сегодня ставится и новая задача, отталкивающаяся от того, что не удается предсказывать социальные протесты даже при мониторинге социальных сетей.

Следующее объяснение этому дают ученые Массачусетского технологического института, создающие новую науку о связях в статье с интересным подзаголовком «Распространение использования социальных медиа не отразилось на существенных социальных изменениях». Они имеют в виду, что социальная мобилизация через сети работает очень слабо, и пишут: «В отличие от контента сообщений и структуры социальных сетей стимулы являются намного менее видимыми. Они проявляют себя через действия индивидов, и часто конкретное действие приходит из множества стимулов. Прежде чем мы сделаем практическую теорию социальной мобилизации, мы должны создать новые пути измерения, влияния и моделирования стимулов в сетях и для интерпретации индивидуальных действий в их рамках» [25].

Как видим, big data посмотрела на процессы социальных протестов и соцмедиа не с позиций социальной мобилизации, поскольку она оказалось неработающей, и это известный факт из опыта арабской весны. Всплеск информационный сам по себе завершается ничем, просто через несколько дней, поскольку нет перехода на следующий шаг.

Перед нами все время возникают разные фрагменты иного мира, который никак не наступит. Просто разные части нашего сегодняшнего мира движутся вперед с разной скоростью. Пока именно информационно-коммуникативные технологии оказываются в лидерах.

Визионер и футуролог К. Келли акцентирует то, что такой «уход» в новые миры характерен для всех ситуаций сегодняшнего дня. Мир материальных объектов остается позади, а у него были одни законы, которые не совпадают с миром, что идет ему на смену.

Келли отмечает: «Индустриальная экономика занималась материальными вещами, сетевая – в основном неосвязаемыми: идеями и информацией. Это вносит совершенно новые правила игры. Например, в физическом мире я могу сделать и продать партию продукта, но, если продукция на складе закончилась, мне уже нечего продавать. В сетевой

экономике все иначе: у меня есть идея, я продам ее вам – и теперь у нас обоих есть идея. Я могу передать эту идею какому угодно числу людей без необходимости каждый раз делать ее копии, каждый раз сохраняя у себя то, что я только что продал. Это совершенно другой тип производства, который предполагает намного более бурную динамику роста. При этом сетевая экономика не отменяет индустриальной: пока страна не прошла стадию индустриализации, она не может перейти к сетевой экономике. Эта проблема сейчас заметна на примерах многих африканских стран, которые сильно отстали от мира» [26].

И даже проблема внимания, которая характерна для гуманитарных объектов типа телевидения, становится проблемой всей экономики: «В мире, где машины могут создать изобилие чего угодно, единственная вещь, которая окажется в дефиците, – это человеческое внимание. Я думаю, что в скором времени потребителям будут платить за то, что они обращают внимание на продукты компаний. При этом внимание одних будет более ценным, чем интерес других. Мы уже видим начало этого процесса – компании привлекают к рекламе «лидеров мнений», с помощью больших данных ранжируют пользователей по влиянию на других людей. Компании начинают использовать максимально прицельный таргетинг – сообщения, обращенные не к массе людей, а к конкретному индивиду. Фактически они берут на вооружение то, что не так давно начало применяться в политических целях. Но это будет ухабистая дорога – слишком много моральных проблем затронуто».

Сегодняшним нарративам приходится перестраиваться под новые интересы. Они могут реализовываться в видеоиграх, где игрок сам управляет сюжетом, что было невозможно в прошлом. Они могут быть нагружены не только развлекательной, но и разрушающей модель мира зрителей/читателей информацией. И они могут становиться оружием в очередной холодной войне.

Нарративы задают модели мира для конкретного человека и отдельной страны. Они показывают цели, раскрывают причинно-следственные связи всех поступков. Они как клубок, размотав который, можно увидеть и прошлое, и настоящее, и будущее.

Особенно опасной является ситуация, когда картина мира в голове лидера расходится с реальностью, поскольку она заставляет его действовать неадекватно. Вот слова Г. Павловского о Путине: «он расстыковался с принципом реальности. Он под кайфом своей глобальной ценности. Когда погиб «Курск» – я хорошо это помню – он сразу сказал как отрезал: «Наверняка было какое-то разгильдяйство». И так и оказалось. Но глобальный Путин такого позволить себе не может. К тому же на него начинает влиять чудовищный прессинг «Останкино», оно работает на него как театр одного зрителя. Теперь он может поверить в любую постановочную конспирологию – хоть в посылку Boeing, полного мертвецов, чтобы его дискредитировать. Раз ты ось мира, то на что не пойдет враг, чтобы тебя убрать? Все, что происходит, осмысливается им

как спецоперации врага, который денно и нощно ищет возможность его убрать. И Россию он теперь видит иначе. Россия – в нем. Он символ России, он знает свой рейтинг, у него есть внутреннее мерило величия. Но не может ничего изменить – символ не вправе меняться» [27].

Разрушение интереса к правде можно косвенно увидеть в борьбе российской власти с социологией, как в весьма поучительном интервью Л. Гудкова, главы Левада-центра [28–29]. Часть социологических служб была даже «заклеймена» в качестве иностранных агентов.

Мы говорим о когнитивной атаке по отношению к сфере информационных/виртуальных войн. Но такая атака может иметь и совершенно мирный характер, а ее последствия лежат в существенном изменении ментальности массового сознания. Это может быть, к примеру, «оттепель» времен Хрущева, хоть он и не любил этот термин, приписывая его «сыну троцкиста» Б. Окуджаве. Такие «одномоментные» послабления иногда встречались в советской истории, оставляя при этом достаточно глубокие последствия.

Мир вокруг меняется не только революциями, но и искусством. Виртуальное может менять реальность, поменяв взгляд на нее. Так, например, оценивается сегодня роль художников объединения «Мир искусства»: «этот непривлекательный, рутинный современный мир можно ведь и переделать, реформатировать, сделать его иным для глаза, для визуального восприятия. Спасти красотой: то есть изменить интерьеры, книги, здания, одежду. Чтобы не только искусство, но и повседневный быт стал другим. Такая получается парадоксальная комбинация эскапизма с реформаторством и дизайнерством. И надо сказать, что эта грандиозная задача – ни много ни мало как изменить вкус целой эпохи – этим несколькими людям во многом удалась. Буквально через 10 лет русская публика, до того воспитанная на повествовательных картинах с внятным сюжетом – передвижнических или академических, – оказалась готова принять русский авангард» [30].

Неправда в той или иной степени исходит от всех. Простой пример – «Малая земля» Брежнева, которую пропаганда сделала центром войны. Событие, несомненно, было, но статус его столь же несомненно многократно завышен.

Ситуация становится на порядок хуже, когда распространяются лживые новости, где лидерство находится у разведок, что у КГБ или ФСБ, что у ЦРУ [31]. Их возможности столь велики, что в случае конфликтной ситуации уже сложно будет пробиться сквозь завесу лжи, создаваемую ими. И так по множеству других параметров. Сегодня даже «прозрачность» (transparency) вписали в роль «матери» фейков ([32], см. также [33]). Любая конфликтная ситуация также становится генератором фейковых новостей, поскольку они призваны заменить реальность (см. российские примеры [34–35]). С пропагандистскими подпорками

виртуальный мир легко побеждает реальный, тем более при системной работе.

Мы также столкнулись со странным феноменом разных последствий двух революций в коммуникации: книгопечатания и интернета. И тот, и другой резко увеличили объемы циркулирующей информации, число авторов и особенно читателей, поскольку увеличились массивы информации. Если первый скачок, пришедший с изобретением книгопечатания Гутенбергом, создал пространство правды, придав ему непоколебимую силу, подключив науку и образование, то современный скачок, наоборот, впустил в мир индустриально порождаемое пространство лжи в виде фейков и постправды. Можно это рассматривать также как последствия производства массового продукта, который в таких ситуациях всегда максимально упрощается. Тут можно сравнить высокую культуру и массовую. Расширение круга потребителей всегда возможно только за счет упрощения распространяемого объекта.

Б. Коварик, у которого есть отдельная книга, посвященная революциям в коммуникациях [36], говорит об изменении скорости, пришедшем с изобретением Гутенберга: один монах мог переписать одну страницу за день, пресс Гутенберга увеличил силу монаха в 200 раз [37]. Лютер прибил свой текст к двери церкви 31 октября 1517 года. Но через несколько лет 300 тысяч копий было напечатано и распространено, что привело к реформации и разделению церкви. Однако негативной стороной книгопечатания он считает возникновение империй, колониализма, капитализма и появление национального государства.

Виртуальный мир все время меняется, опережая в этом плане мир реальный. Виртуальность дает человеку разных героев. Их можно увидеть в истории советского, а потом и постсоветского кино. Были танкисты, потом трактористы, потом уже после войны офицеры, потом физики-ядерщики из «Девяти дней одного года», а на завершении этого цикла пришла «интердевочка». Не будем считать, что все это всегда герои для подражания, что было бы слишком простым решением. Но определенная история прошедшего времени явно выстраивается.

Сегодня мы попали в новый период, когда виртуальность как в виде фейков и постправды, так и телесериалов и видеоигр пришла в нашу жизнь на смену пропаганды как виртуальности прошлого периода. И мы снова живем под крылом виртуальности, только нового типа, грозя оттуда «нехорошей» пропаганде.

Литература

1. Weaponized narrative: the new battlespace // weaponizednarrative.asu.edu/file/272/download?token=kV886rEe.
2. Scott J. Information warfare: the meme is the embryo of the narrative illusion // icitech.org/wp-content/uploads/2018/02/CCIO-Information-Warfare-The-Meme-is-the-Embryo-of-the-Narrative-Illusion.pdf.

3. Cobaugh P. A Five-Point Strategy to Oppose Russian Narrative Warfare // medium.com/@paulcobaugh/a-five-point-strategy-to-oppose-russian-narrative-warfare-56e0006aab2a.
4. Maan A. Calls to Terrorism and Other Weak Narratives http://www.ajitkaurmaan.com/uploads/2/6/7/9/26794704/calls_to_terrorism_and_other_weak_narratives.pdf.
5. Ruston S. W. Narrative landmines // smallwarsjournal.com/jrnl/art/narrative-landmines.
6. Маскало Г. Война в сети. Государства превращают интернет в поле битвы // inosmi.ru/politic/20180502/242110835.html.
7. Innis H. Empire and communications. – Toronto, 2007.
8. Почепцов Г. Новые медиатеории: Гарольд Иннис // psyfactor.org/lib/newmedia3.htm.
9. Puchner M. How stories have shaped the world // www.bbc.com/culture/story/20180423-how-stories-have-shaped-the-world.
10. Советскому человеку промыли мозги. Что с этим делать – непонятно // lenta.ru/articles/2018/05/02/lovehate/.
11. Waldrop M. News Feature: The genuine problem of fake news // www.pnas.org/content/114/48/12631.
12. Bradshaw S. a. o. Why does junk news spread so quickly across social media? Algorithms, advertising and exposure in public life // kf-site-production.s3.amazonaws.com/media_elements/files/000/000/142/original/Topos_KF_White-Paper_Howard_V1_ado.pdf.
13. Bradshaw S. Data-protection must be extended to political parties // www.theglobeandmail.com/opinion/article-data-protection-laws-must-be-extended-to-political-parties/.
14. Heffernan V. Bots aren't the enemy in the information war – we are // www.wired.com/story/social-media-makes-us-soldiers-in-the-war-against-ourselves?mbid=nl_050218_gadgetlab_list1_p3&CNDID=50699076.
15. Marwick A., Lewis R. Media Manipulation and Disinformation Online // datasociety.net/pubs/oh/DataAndSociety_MediaManipulationAndDisinformationOnline.pdf.
16. Pentland A. Social physics. How Social Networks Can Make Us Smarter. – New York, 2014.
17. Pentland A. Reinventing society in the wake of big data // www.edge.org/conversation/alex_sandy_pentland-reinventing-society-in-the-wake-of-big-data.
18. Почепцов Г. Новые аналитические подходы в работе полиции. Опыт США и Великобритании // psyfactor.org/psyops/new-police.htm.

19. Winston A. A pioneer in predictive policing is starting a troubling new project // www.theverge.com/2018/4/26/17285058/predictive-policing-predpol-pentagon-ai-racial-bias.
20. Seo S. a. o. Partially Generative Neural Networks for Gang Crime Classification with Partial Information // www.aies-conference.com/wp-content/papers/main/AIES_2018_paper_93.pdf.
21. Elvidge S. Using data analytics to improve diabetes prevention // bigdata-madesimple.com/using-data-analytics-to-improve-diabetes-prevention/.
22. Beaton T. Research collaboration to use big data for diabetes prevention // healthitanalytics.com/news/research-collaboration-to-use-big-data-for-diabetes-prevention.
23. Cichosz S. L. a. o. Toward big data analytics. Review of Predictive Models in Management of Diabetes and Its Complications // www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4738225/.
24. Bresnick J. Is Population Health Management Paying Off for Diabetes? // healthitanalytics.com/news/is-population-health-management-paying-off-for-diabetes.
25. Cebrian M. a. o. Beyond viral // web.media.mit.edu/~cebrian/beyond-viral.pdf.
26. Келли К. Рано или поздно мы сами станем богами. Интервью // www.rbc.ru/technology_and_media/03/05/2018/5ae303db9a79476a10cd49e3?from=center_2.
27. Павловский Г. Все, что в мире происходит, осмысляется как спецоперация врага. Интервью // newtimes.ru/articles/detail/160874.
28. Гудков Л. Независимой социологии в России нет. Интервью // trv-science.ru/2018/04/24/gudkov-demina-sociology/.
29. Калинин К. и др. Крымский опрос как зеркало русской социологии // trv-science.ru/2016/01/12/krymskij-opros-kak-zerkalo-rossijskoj-sociologii/.
30. Ельшевская Г. Русский модерн. Лекция 1 // arzamas.academy/materials/1201.
31. Осгуд К. Кампания ЦРУ по распространению фейковых новостей // www.theguardian.com/uk-news/2018/may/06/cambridge-analytica-kept-facebook-data-models-through-us-election.
32. Fish S. 'Transparency' Is the Mother of Fake News // www.nytimes.com/2018/05/07/opinion/transparency-fake-news.html?action=click&pgtype=Homepage&version=Moth-Visible&moduleDetail=inside-nyt-region-1&module=inside-nyt-region@ion=inside-nyt-region&WT.nav=inside-nyt-region.
33. Lessig L. Against transparency // newrepublic.com/article/70097/against-transparency.

34. Inside the Kremlin house of mirrors. How Liberal Democracies can Counter Russian Disinformation and Societal Interference // hcss.nl/sites/default/files/files/reports/Inside%20the%20Kremlin%20House%20of%20Mirrors.pdf.

35. Эплбаум Э. Фейковые новости, которые россияне слышат у себя дома // inosmi.ru/social/20180506/242149705.html.

36. Kovarik B. Revolutions in Communication: Media History from Gutenberg to the Digital Age. – New York – London, 2016.

37. Ramani M. How a German city changed how we read // www.bbc.com/travel/story/20180507-how-a-german-city-changed-how-we-read.

Глава девятая

Виртуальность вблизи

1. Создание физических, информационных и виртуальных контекстов для нужных политических решений

Советский Союз активно помогал сам себе, трансформируя под политические нужды определенные физические контексты. Снятию Хрущева предшествовали продуктовые ограничения, появление в продаже некачественного хлеба, причем ситуация сразу вошла в норму после ухода Хрущева. Перестройка характеризовалась нехваткой продуктов питания, хотя есть свидетельства, что продукты сгружались на станциях, например, по дороге к Москве. Или пример одновременной остановки на ремонт почти всех табачных фабрик Ельциным. Это как бы физиологическая пропаганда, которая может или подкреплять, или вообще заменять политическую. На нее мы реагируем автоматически, а не рефлексивно.

Есть соответствующая теория революции Дж. Дэвиса, в соответствии с которой, когда после улучшения жизни приходят ухудшения, то люди готовы подняться на революцию [1]. Правда, это происходит в течение двух лет, поскольку потом люди свыкаются со своим положением.

Французская революция началась из-за возросших цен на хлеб и соль [2]. Отсюда известная фраза Марии Антуанетты в сторону восставших из-за хлеба: «Пускай едят бриоши». Французский рабочий восемнадцатого века тратил половину своего ежедневного заработка на хлеб, но после плохих урожаев в 1788 и 1789 годов стоимость хлеба стала составлять 88 % его заработка. Американская революция косвенно была вызвана тарифами на чай. Китайская культурная революция

принесла лишения, которые в результате облегчили переход к рыночным реформам, поскольку люди хотели уйти от них [3].

Физические трансформации сопровождаются информационными и виртуальными. Физическое замедление может иметь место при информационном и виртуальном ускорении, например, когда человек, сидя, смотрит теленовости или слушает музыку. Отсутствие физической динамики вообще характерно для динамики информационной или виртуальной. Динамика в разуме не совпадает с динамикой вне его.

Информационное ускорение вместе с виртуальным может вводить революции, то есть создавать серьезную динамику в физическом пространстве. Именно так происходит в случае протестов, которые иногда сознательно ускоряются созданием жертв. Жертвы в физическом пространстве сразу резко меняют ситуацию, усиливая протестность в отношении власти в информационном и виртуальном пространствах. Если раньше требовалась одна жертва, которая могла смести власть в Праге, то сегодня их надо намного больше.

В период бархатной революции 1989 года в Праге разгон студенческой демонстрации привел к гибели студента М. Шмида. Но это оказалось, говоря, сегодняшними словами, фейком. Никто не был убит, хотя студентов действительно избили. С появлением этой информации, где была и виртуальная составляющая (убийство студента) протесты вышли на новый уровень, и власть пала. Ян Урбан, диссидент, журналист, говорит уже через 20 лет, что он не жалеет о фейке, поскольку тот помог избавиться от сорокалетнего правления коммунистов [4].

Сам Мартин Шмид говорит в 2003 г., что он не понимает, почему так произошло, что он оказался в центре внимания всей нации, даже не зная об этом [5]. Интересно, что в университете было два Мартина Шмида, которых потом живыми показали по телевизору, но никто уже не верил власти или просто ситуация находилась уже на другом уровне развития [6]. Тогда было госпитализировано 167 студентов [7]. Через два дня был организован Гражданский форум, а потом уже двести тысяч людей вышли на улицы Праги. И вскоре миллионы, или 75 % населения, вышли на двухчасовую забастовку.

Правда, до сегодняшнего дня распространяется информация, что существование жертвы в Праге раскручивали спецслужбы через своих агентов [8]. Зачем нужна была жертва?

Наличие жертв соответствует той общей ускоренной модели смены власти, о которой говорят в рамках плана СССР по сбрасыванию всех стран вокруг России, чтобы дать возможность войти одной России в ЕС. Таким был, якобы, план Андропова, чтобы затем взять под свой контроль ЕС. Можно вспомнить «мантры» Горбачева того времени об общеевропейском доме. СССР не вытягивал экономически ни свои внешние обязательства по всему миру, ни внутренние в виде республик. Поэтому экономическая правда в такой гипотезе сбрасывания всего

вокруг, несомненно, есть. Как и в сегодняшнем объяснении того, как на постсоветском пространстве исчезает медицина и другие сферы, поскольку все они в конечном счете поддерживались в свое время из-за обороны. Е. Просвирнин пишет: «И люди даже не понимают, что та же всеобщая «бесплатная» государственная медицина – это рудимент индустриальной эпохи, один из элементов подготовки государств к тотальной войне индустриального периода, когда необходимы миллионы здоровых мужчин, гарантированно способные эксплуатировать миллионы единиц стандартизированной экипировки и техники. Мобилизационные планы на миллионы солдат невозможны без программ массового обследования населения с целью понимания качества человеческого материала. Отсюда же растет и государственная забота о детском здоровье – трудящиеся-то к своим детям относились философски, «помрет – нового родим» (да, мясник Жуков лишь выдал крестьянскую самоочевидность, нет, не оправдываю, но как же плохо вы знаете народ!), тогда как для государств порча мобилизационного ресурса решительно недопустима. Вот и пришлось объяснять трудящимся, что дети – это самое важное в жизни. Поэтому родитель должен помереть, но вырастить ребенка сильным, здоровым, а также желательно обученным минно-взрывному делу, стрельбе, маскировке, выживанию в тылу врага. Кому должен? Государству, которое может лишить вас родительских прав за ненадлежащее обращение с вверенным вам малолетним личным составом» [9].

Грузию тоже пропустили сквозь инструментарий «жертв режима». И. Гиоргадзе вспоминает такие подробности: «Шеварднадзе вылетел тогда на место событий и способствовал тому, чтобы армия СССР разгоняла митингующих. Есть такие свидетельства, что как раз в канун 9 апреля 1989 года это было. Он ничего не делал, а сидел в аэропорту в своем самолете. Они с Горбачевым настояли, чтобы командующий Закавказским военным округом генерал-полковник Игорь Родионов принял все меры по разгону мирного митинга, который, по моему твердому убеждению, не надо было разгонять. Ведь на митинге ничего необыкновенного не происходило, там лишь танцевали и пели. Ну и протанцевали бы они еще две недели, устали бы и ушли. Ну уж, если вы, господа, стоящие у власти, такие блюстители порядка и вам на проспекте Руставели тесно дышалось, то для разгона митингующих есть внутренние войска, а вы же армию туда пустили. Ну как, скажем, десантник или пехотинец мог действовать на митинге? Да никак! Все было сделано для того, чтобы столкнуть армию с митингующими. Нужны были сакральные жертвы и сакральная кровь. Это желание было с обеих сторон. Этого желали и те, кто работал на развал Союза (Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе), и те, кто приказывал разогнать митинг и демонстрантов, вышедших на него, и узкий круг организаторов митинга, которые не вняли голосу Патриарха всея Грузии святейшего Илии II, призывавшего митингующих разойтись, чтобы не допустить кровопролития. При разгоне митинга 9 апреля 1989 года на проспекте

Руставели в Тбилиси затоптали девочек, а потом, после введения чрезвычайного положения, к 16 жертвам на проспекте Руставели добавилось 5 ни в чем не повинных человек, застреленных за неподчинение требованиям режима ЧП. Вот вам и 21 сакральная жертва» [10].

Он также говорит о сознательной «коррекции» описания произошедшего: «первая комиссия из Москвы, приехавшая в Тбилиси разбираться в событиях 9 апреля 1989 года, сделала вывод, который явно не устраивал перестройщиков – Горбачева, Яковлева и Шеварднадзе. Там как минимум были найдены «неправильности» в действиях с обеих сторон: и армия действовала неправильно, и организаторы этого митинга тоже действовали неправильно. И в заключении первой комиссии не было десантника, гнавшегося полкилометра за бабушкой, которую он не смог догнать, чтобы отходить ее лопаткой, там не было четырехсот человек, отравленных газом. Это все было обнаружено уже после приезда в Тбилиси Анатолия Собчака. То есть Собчак плеснул ацетона в разгоравшийся пожар, когда митингующие в Грузии кричали: “Долой Россию!”».

Не оказался вне общей тенденции с жертвами и Майдан-2. Новые подсчеты выходят далеко за пределы «небесной сотни», поскольку много людей скончалось вне Майдана. Сегодня называют число погибших- 780 человек [11].

Во всех этих случаях есть один важный момент, о котором не говорят. Люди в результате подобного рода ошеломляющей смены физических контекстов попадают в новое для них состояние. По подсчетам исследователей, в любых неординарных ситуациях 75 % людей «застывают», не могут принять никакого решения [12]. Только 15 % людей остаются спокойными и рациональными, оставшиеся 10 % особо опасны, они выходят из себя и мешают остальным найти выход из ситуации.

Высокий уровень эмоциональности не дает людям видеть альтернативы. Однако те, кто готовят подобного рода жертвы (реальные или придуманные), могут готовить и нужные коммуникативные подсказки – куда именно должна быть направлена реакция массового сознания.

И все эти жертвы в свое время привели к сбрасыванию власти практически во всем социалистическом лагере и бывшем СССР: Румыния, Латвия, Литва...

Д. Лич, который является основным исследователем в мире по проблемам психологии выживания в чрезвычайных ситуациях, акцентирует следующую особенность человека в аномальных условиях: «Наша когнитивная система адаптирована поддерживать поведение с целью в системе нашего нормального окружения, над которым мы имеем определенную степень контроля» [13].

Иногда при этом возникает эффект кластера, когда каждый отдельный раздражитель вроде является нормальным, но в сумме они создают стресс. Так, бывший президент Американской психологической ассоциации, отвечая психологам ЦРУ, сказал, что лишение сна само по себе может и не являться пыткой, но в сумме с другими воздействиями становится особо разрушительным.

Есть также интересное высказывание, идущее от военных, что «ни один план не выдерживает контакта с противником» [14]. То есть непредвиденная ситуация рушит любые планы. Индивидуальный человек вообще не готовится к разнообразию ситуаций и решений, он движется исключительно ситуативно. Каждая новая ситуация заставляет его принимать новое решение.

Однако пространство возможных решений можно уничтожить, чтобы протащить свое собственное. Такую безальтернативность как инструментарий мы видим все время. Наиболее известные примеры ее: Перестройке нет альтернативы, Путину нет альтернативы и под. Это происходит, когда заранее и сознательно уничтожаются все конкуренты, все другие варианты ставятся под сомнение.

Такого рода эксперимент, но уже над целой страной описывают С. Кургинян, А. Илларионов, Е. Покровская, описывая приход к власти в России представителей спецслужб.

Е. Покровская видит сознательно организованную после 1991 года смену власти, сделанную в пользу спецслужб: «Именно та же методика разрушения сложившихся социальных связей была применена 70 лет спустя, когда каста спецслужб решила захватить власть напрямую, ликвидировав негибкую партийную номенклатуру и – во многом уже чисто символическую – коммунистическую идеологию. Ликвидацию партийной верхушки и идеологии заметили все. Но немногие заметили, что главный удар так называемых «гайдаровских реформ» 1991–1992 гг. был нанесен именно по постсоветской интеллигенции – творческой, научной, технической, образовательной, медицинской. Кроме того, мощнейший удар был нанесен по системе базовых нравственных и моральных ориентиров – не по «социалистической морали». Была предпринята попытка уничтожить само представление о том, что такое понятие, как мораль и нравственность имеет смысл. Для того, чтобы захватить власть над обществом и удержать ее, каста «палачей» должна была прежде всего довести общество до положения «разрухи». Экономической, социальной, политической, нравственной. «Разруха в головах», от незабвенного профессора Преображенского, не появляется из ниоткуда, она организуется там путем искусных манипуляций с сознанием» [15–16].

Подчеркнем использование слов «разруха в головах», поскольку именно об этом мы и говорим как о создании безальтернативности, кроме одного запрограммированного варианта.

Управление динамичными физическими ситуациями является достаточно сложным, поскольку они всегда могут выйти из-под контроля. Например, Т. Томас приводит следующий пример выведения людей на улицы против Ельцина, сделанное для Ельцина. Речь идет о Белом доме в 1993 г. и его руководстве: «В течение нескольких дней президент Ельцин не был способен «сдвинуть их с места». Более того, они даже отказались выходить наружу, чтобы обратиться к окружившим здание своим сторонникам, вероятно, потому, что представители МВД были также в толпе и могли бы попытаться захватить их. Поэтому службы безопасности разработали план рефлексивного управления. Согласно плану, в день грандиозной демонстрации в поддержку Белого Дома, милиция «позволила» протестующим использовать один из своих коммуникационных узлов. В это время, военные власти передавали по радио вводящие в заблуждение сообщения на бездействующей частоте. Создавалось впечатление, что сообщения были фактической беседой между двумя высокопоставленными чиновниками Министерства внутренних дел (МВД), которые обсуждали грозящий штурм Белого Дома. Два чиновника обсуждали детали «операции», под которой подразумевалась разработанная атака, чтобы очистить здание от «оккупантов». Один из чиновников повторял неоднократно: «Неважно что, станет с чеченцем. Убейте его, если Вам потребуется». Фактически, ссылка была на Руслана Хасбулатова, спикера Парламента, который был чеченцем и одной из двух ключевых фигур оккупантов (другим был бывший вице-президент Александр Руцкой). В пределах нескольких минут после получения этой информации, Хасбулатов и Руцкой появились на балконе Белого Дома и призвали толпу идти к телевизионной станции Останкино, чтобы захватить ее. Операция рефлексивного управления действительно сработала. В результате, Ельцин теперь имел достаточно оснований, чтобы действовать против Хасбулатова и Руцкого, основываясь на призывах последних к гражданскому неповиновению. В действительности же, два чиновника МВД оказали влияние на действия обоих лидеров и заложили в их головы идеи, которые обеспечили основы для принятия этого плана. Они сделали так, буквально «входя внутрь» мыслей лидеров» [17].

Наш просто-мир становится сложным, когда нами руководят другие, о чем мы не знаем и не догадываемся. Мы всегда кажемся себе достаточно самостоятельными людьми, хотя это далеко не всегда именно так.

С. Кургинян приводит слова Б. Ельцина: «Сказал и никто не услышал – кто такие были (люди) это правительства? Ушел с поста, поздоровел, говорит: «Это были камикадзе. Они были обречены». «А Вы им про это сказали?» «Зачем? Они же должны были работать!» И это записано, это уже не фольклор аналитический, которым я перед этим занимался. Это факт. Он фактически рассказывает о том, о чем говорили мне эти собеседники. Это генерация первой волны, которая должна была спалить, выжечь из сознания навсегда идею демократии, разорить опору

этой демократии – средний класс, убрав все это. Организовать полный взрыв, исполнить все действия по деструкции и отойти в сторону» [18].

То есть все эти высказывания говорят о том, что экономические неудачи по сути являются запланированными. Они представляют интерес для властей, поскольку позволяют удерживать нужное им состояние. Например, А. Мовчан анализирует нашумевший отчет Сбербанка о работе Газпрома, по результатам которого его авторы вылетели с работы. Их вывод был таким, что Газпром работает не ради своих акционеров, а ради таких подрядчиков, как Ротенберг или Тимченко: «Газпром управляется не в интересах акционеров, а в интересах нескольких крупнейших подрядчиков» – делает вывод Сбербанк. Похоже на правду. Года полтора-два назад мы посчитали: если бы Россия управлялась не как Газпром, то есть не «в интересах» нескольких семей, а в интересах граждан-акционеров (то есть так, чтобы в страну приходили инвестиции, малый бизнес рос, лучшие умы оставались и даже приезжали и пр.), то ее ВВП уже сейчас был бы в районе 4,5 трлн долларов (8 трлн по ППС) – 4 место в мире по номиналу и по ППС, в 3 раза больше сегодняшнего размера (в 2 по ППС), подушевой доход был бы в 4 раза больше в долларах (в 3 раза больше по ППС)» [19].

То есть построенная на сегодня система может функционировать вполне успешно, но это не интересно группе лиц, управляющих страной. Мир сильных забирает у слабых в свою пользу все, что может.

Продолжая тему создателя этого мира – Гайдара, приведем мнение А. Илларионова: «Я никогда не утверждал, что Гайдар действовал в своих корыстных интересах. Да, он был небедным человеком по меркам простого россиянина. Хотя даже тот миллион долларов, который он инвестировал в ГКО, вряд ли появился из зарплаты директора института, депутата или даже и. о. премьера. Его мотивация была другой, в ней сквозило убеждение, что «так нужно». Вопрос: кому? Что точно не соответствует действительности, так это миф о личной слабости Гайдара. Когда он хотел чего-то добиться (как, например, при назначении В. Геращенко главой ЦБ или во время октябрьских событий 1993 г.), то проявлял поистине стальную волю – неслучайно автор одной из книжек о Гайдаре назвал ее «Железный Винни-Пух». Гайдар был выходцем из старой советской номенклатуры, тесно связанной со спецслужбами. Его отец Тимур Аркадьевич был высокопоставленным сотрудником КГБ, резидентом Первого главного управления (ПГУ КГБ) на Кубе в 1962–1964 гг. во время Карибского кризиса. Сам Егор Гайдар работал в институтах системы ЦК КПСС, писал книгу для советского премьера Тихонова, работал с Горбачевым, был заведомом экономики журнала «Коммунист», заведомом газеты «Правда». Очевидно, мировоззрение и правила поведения, сложившиеся у него в те годы, накладывали отпечаток на его последующие действия. Неслучайно он пятикратно требовал от Р. Хасбулатова и Б. Ельцина назначения на пост председателя Центробанка вместо Георгия Матюхина многолетнего

сотрудника совзагранбанков, бывшего руководителя Госбанка СССР, при котором исчезли советские валютные резервы, Виктора Геращенко» ([20], см. также [21–22]).

Разруха и передел советской собственности сошлись в одной картинке того времени. В результате к власти пришли люди из тени, которых никто до этого не слышал и не знал. И Гайдар такой же теневой человек, который вдруг возникает в поли премьеры. Под теневым я понимаю то, что никому в голову не могло бы прийти, что он может стать премьером.

Кстати, после Скрипалей почему-то вспомнили все английские отравления российских граждан, кроме гайдаровского. А в свое время десятки статей были написаны именно на тему ирландского отравления Гайдара (см. некоторые из них [23–25]).

Как мы видим, в некоторых ситуациях мир пытаются запрограммировать на вполне конкретные шаги, хотя они подаются не как системный переход, а как случайный. И понятно, чтобы достичь нужного эффекта, пытаются воздействовать на самые простые, более примитивные инстинкты, идущие от реагирования на изменения в физическом пространстве, поскольку это вызывает автоматические реакции населения, которые легко просчитываются.

Литература

1. Jakobsen T. G. The J-curve – James C. Davies' Theory of Revolutions // www.popularsocialscience.com/2013/04/17/james-c-davies-j-curve-theory-of-revolutions/.
2. Bramen L. When Food Changed History: The French Revolution // www.smithsonianmag.com/arts-culture/when-food-changed-history-the-french-revolution-93598442/#XkyJS3MJFrC3YPi4.99.
3. Ramzy A. China's cultural revolution, explained // www.nytimes.com/2016/05/15/world/asia/china-cultural-revolution-explainer.html.
4. Bilefsky D. Celebrating revolution with roots in a rumor // www.nytimes.com/2009/11/18/world/europe/18czech.html.
5. Vaughan D. Martin Smid – the student who survived his own death on the 17 November 1989 // www.radio.cz/en/section/witness/martin-smid-the-student-who-survived-his-own-death-on-the-17th-november-1989.
6. Martin Šmíd // en.wikipedia.org/wiki/Martin_%C5%A0m%C3%ADd.
7. Rogers M. A Collaborative Work: The Role of University Students and Dissidents in Czechoslovakia's Velvet Revolution // pdxscholar.library.pdx.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1112&context=younghi_storians.
8. Why did the StB (Czech secret police) fake the death of a student on Black Friday? Was there really no involvement on the part of the KGB or the FBI? //

www.reddit.com/r/AskHistorians/comments/27xrz6/why_did_the_stb_czech_secret_police_fake_the/.

9. Просвирнин Е. Записки Егора Погрома // worldcrisis.ru/crisis/3063637.

10. Латунский И. «Шеварднадзе приказал мне ликвидировать Звиада Гамсахурдиа». Интервью И. Георгадзе // www.sovsekretno.ru/articles/id/5855/.

11. Настоящее количество погибших на майдане достигает 780 – волонтеры-медики // interfax.com.ua/news/political/200129.html.

12. Bond M. How to survive a disaster // www.bbc.com/future/story/20150128-how-to-survive-a-disaster.

13. Leach J. Psychological factors in exceptional, extreme and torturous environments // researchportal.port.ac.uk/portal/files/4086778/Psychological_factors_in_exceptional.pdf.

14. No plan survives contact with the enemy // bootcampmilitaryfitnessinstitute.com/military-and-outdoor-fitness-articles/no-plan-survives-contact-with-the-enemy/.

15. Покровская Е. Как палачи приходят к власти // susel2.livejournal.com/31575.html.

16. Покровская Е. Последствия прихода к власти касты палачей // obozrevatel.ru/temy-dnya/elena-pokrovskaya-posledstviya-prihoda-k-vlasti-kasty-palachey.html.

17. Томас Т. Л. Рефлексивное управление в России: теория и военные приложения // www.intelros.ru/pdf/stratagemi/Tomas.pdf.

18. Реформы Гайдара. Стенограмма первого выпуска // specistoriya.ru/new_site/stgr/SP_G_1.pdf.

19. Мовчан А. О чем говорилось в отчете // andreimovchan.whotrades.com/blog/43284803610.

20. Илларионов А. Реформаторы 90-х намеренно загубили экономику страны. Интервью // www.aif.ru/society/history/33791.

21. Илларионов А. Что сделали Гайдар и Чубайс (21 тезис) // aillarionov.livejournal.com/808619.html.

22. Илларионов А. Гайдар и прогрессорство // aillarionov.livejournal.com/521840.html.

23. Отравление Егора Гайдара. Версии, реакции // ria.ru/trend/gaidar_poisoning_291106/.

24. Чернаков А. Егор Гайдар умер в результате отравления? // newsland.com/community/4765/content/egor-gaidar-umer-v-rezultate-otravleniia/5058934.

2. Как конструируются виртуальности

Любая социосистема заинтересована в прогнозируемом поведении ее членов. СССР, например, имел даже четкую систему возрастную, начинающуюся снизу, с детей – Пионер – всем ребятам пример. Эта виртуальная конструкция должна была предопределять правильное и неправильное поведение. За хорошее поведение поощряли, за плохое – наказывали. И это ничем не отличается от религии. А религию в этом плане Ю. Харари сравнил с видеоиграми, где также следует набирать очки за правильное поведение и выиграть, или же проиграть, не набрав их.

Правильные модели поведения транслируются в социосистемы на основании вертикальных и горизонтальных потоков. В прошлом мощный вертикальный поток правил давала религия, даже цари были «помазанниками божьими». Однако сегодня религия потеряла свои силы (см. данные о снижении уровня религиозности в мире [1–4]). К примеру, не верят в бога: 61 % чехов, 49 % эстонцев, 45 % словенцев, 34 % болгар, 33 % французов, 31 % норвежцев, 27 % бельгийцев, 25 % немцев. Сегодня в связи с ослаблением этого религиозного потока правила поведения транслируют СМИ, кино и телевидение, которые иногда даже называют новой религией.

Роберт Маккол связывает естественность религии с системой автоматической когниции (тем, что Канеман называл Системой 1) [5]. Маккол считает религию вполне естественной с точки зрения человеческого, а науку – нет. Наука исправляет предубеждения системы. Его точные слова таковы [1]: «Наука является когнитивно неестественной – она трудна. Религия, с другой стороны, в основном представляет из себя то, чему даже не следует учиться, мы и так знаем это».

Горизонтальный поток формирует социальное окружение человека. Из подобного типа повтора поведения А. Пентленд вообще выводит историю человечества [6]. Кстати, система 1 автоматического принятия решений, по его мнению, демонстрирует то, что люди производят в рамках своих моментальных реакций.

Модели поведения могут навязываться. Британия породила не только «бремя белого человека», но и культ его. Британцы в Индии, например, навязывали искусственно и естественно модели поведения, которые не были до этого свойственны местному населению.

Британия достаточно долго была вообще образцом для подражания для других стран. Представитель Индии пишет в «Нью-Йорк Таймс»: «Если

была какая-то большая международная новость типа гражданской войны в Шри-Ланке, мы обращались за достоверной информацией и анализом к британским газетам и радио. Британцы казались более знающими, чем американцы, менее провинциальными. Они были как дома во всем мире. Их история империи делала их культурным стержнем англоязычного мира» [7]. Кстати, и в СССР вещание Би-Би-Си всегда ценилось за большую достоверность. Правда, сама статья эта посвящена тому, как Британия за время двадцатого столетия потеряла свою привлекательность для других стран.

Удержание, как и зарождение патриотизма более облегчено в условиях кризиса. Пример Украины с российской аннексией Крыма это подтверждает. Это можно объяснить как тем, что люди группируются в таких условиях вокруг сильного лидера, но, вероятно, и тем, что в таких условиях они переходят более на автоматическую, а не рефлекторную систему принятия решений – систему 1, как описывал ее Д. Канеман.

Социологи религий подчеркивают, что современные государства предоставляют людям больший уровень безопасности, чем это было когда-то, что и ведет к снижению религиозности, поскольку уверенность в безопасности исходит теперь от государства, а не от религии.

Одновременно следует признать, что идеология не стала столь же жесткой, как религия, поскольку разрешает больший объем отклонений в обыденной жизни, чем это происходило и происходит с религией. Религия очень хорошо относится к «своему» и очень плохо к «чужому». И поскольку религия затрагивает более широкий спектр характеристик существования человека, то мы и воспринимаем ее давление как более жесткое.

Столкновение идеологий породило феномен холодной войны, маккартизм, сталинские репрессии, но все это было пиками идеологической войны. Когда эти пики спадали, идеологии мирно уживались друг с другом, ведя свои битвы исключительно в виртуальном мире, порождаемым литературой и искусством.

В США и сегодня транслируют сериал о русских шпионах прошлого – «Американцы». Россия создала сериал о современном противостоянии с США – «Спящие». Но это в большой степени связано с тем, что Россия серьезно опирается в своих внутренних политических задачах на советскую модель вражеского окружения. «Коварный враг» позволяет набирать очки любому правителю.

Для этого вовсе необязательно реально быть в «кольце врагов», достаточно психологически в это поверить. Как гласит теорема Томаса: если ситуация определяется человеком как реальная, то она является для него реальной по своим последствиям. То есть он начинает вести себя так, как если бы все это было настоящей правдой.

Разрушение этой психологии окружения врагами было только в момент правления Горбачева и частично в брежневский период «застоя», а

Сталинский период был серьезным пиком. При этом сегодня вскрылись реальные масштабы западной помощи как в период индустриализации, так и в период войны. Индустриализация оплачивалась СССР, а в ленд-лизе надо было платить только за уцелевшую технику, за уничтоженную врагом плата не взималась.

Фигуры типа Сталина выгодны для конструирования патриотизма, поскольку позволяют создавать простые маркеры «за» или «против», хотя за самой этой фигурой спрятаны более серьезные процессы. Признав ее, человек задним числом пересматривает свое отношение к негативным процессам, считая их неизбежными для достижения нужных результатов.

Как справедливо критикует пропаганду Навального М. Светов: «Политика работает с двумя базовыми человеческими эмоциями: любовь и ненависть. И обращаться к ним нужно в равной степени. Навальный сейчас не делает ни того, ни другого. Он недостаточно работает с ненавистью и вообще не работает с любовью, не работает с мечтой. Он придумал мем «прекрасная Россия будущего», но совершенно не объясняет, что это такое. То же самое – он снимает фильмы про зарвавшихся чиновников, но не говорит, почему это плохо. То есть говорит: «плохо, воруют!», но не говорит, что это значит на личном уровне. Я пытаюсь это делать. Создавать образ врага – номенклатуры. И обращаться к ненависти – то есть объяснять, почему номенклатура – это плохо. Это плохо, потому что у вас [при них] нет будущего. Все, о чем вы мечтаете, в вашей жизни не произойдет. Если вы хотите купить себе в Москве квартиру, ипотека у вас будет 40 лет. Так не должно быть, такого в мире никогда не было, чтобы у людей настолько не было перспектив. А у вас их нет, потому что номенклатура вас обворовала. Она делает все, чтобы сохранять власть в своих руках. А все ваши издержки превращает в привилегии, которые забирает себе. Это образ врага, это ненависть. А любовь – это все то, о чем вы мечтаете, что снится вам по ночам, все то, чего вы для себя хотите, все то, чего у вас не будет, если вы этого врага не поборете» [8].

Любовь или ненависть хорошо применимы к фигуре Сталина, причем чем старше опрашиваемое поколение, тем, естественно, любви будет больше, хотя именно они были свидетелями жестокости режима. Естественным объяснением тут может быть феномен стокгольмского синдрома, поскольку в рамках его от «любви» к террористу зависит все выживание под его «крышей».

В модели государства как советского, так и постсоветского есть одно существенное правило: чем больше ты любишь государство, тем тебе спокойнее живется. И речь уже даже не идет о пути за решетку. Наказание диссидентов в последние десятилетия СССР не было столь большим, как это представляется сегодня. А. Савин, например, приводит такие данные: «в 1956–1965 годах по политическим статьям ежегодно осуждалось в среднем 575 человек, а в 1966–1981 годах – 123 человека.

Эти цифры из книги «Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневеве». В мае 1977 года заместитель председателя КГБ В. М. Чебриков, выступая перед главами органов госбезопасности социалистических стран, поделился с коллегами следующей информацией: по состоянию на 10 мая 1977 года в исправительно-трудовых учреждениях СССР содержалось 122 человека, осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду. Конечно, часть политических заключенных осуждали по уголовным статьям или отправляли на принудительное лечение в психбольницы, но даже с учетом этого деятельность советского карательного аппарата существенно смягчилась» [9].

То есть речь идет не о карательном выживании, а просто о жизни. Существенным является и то, что у людей конкретных поколений лучшие годы жизни пришлось на это время. Они жили в сталинское (или брежневское время) и их любовь, молодость, дети, первые успехи были именно тогда.

И это хорошо демонстрирует социология Левада-центра. Поколение рождения 1929–1943 г. отвечает, что относится к Сталину: с уважением – 50 %, с симпатией – 16 %, безразлично – 14 %. Ответ на вопрос «В какой мере вы согласны или не согласны с тем, что «Сталин – мудрый руководитель, который привел СССР к могуществу и процветанию» таков: полностью согласен – 47 %, скорее согласен – 37 %. Реакция на утверждение «В какой мере вы согласны или не согласны с тем, что «Какие бы ошибки и пороки ни приписывались Сталину, самое важное – что под его руководством наш народ вышел победителем в Великой Отечественной войне» таков: полностью согласен – 42 %, скорее согласен – 42 % [10]. Повторим, что это ответ конкретного поколения людей.

Сегодняшнее поколение получило Сталина из массовой культуры, где он является мудрым вождем из телесериалов. И визуальный Сталин оказался сильнее Сталина вербального, ужасы которого живописались на страницах книг, журналов и газет. Если Сталин времен перестройки был злодеем, то сегодня он входит по формуле «да, но».

Интересно, что отношение к Сталину между жителями России и Украины существенно различаются, и это достаточно четко проявляет социология. 40 % опрошенных жителей России испытывают к нему положительные чувства («восхищение», «уважение» и «симпатию»), 12 % – негативные («неприязнь», «страх», «отвращение»). Среди жителей Украины положительные эмоции выражают 14 %, негативные – 42 %. В два раза чаще жители Украины признают, что «Сталин – тиран, виновный в уничтожении миллионов невинных людей» (77 % против 44 %). Это настолько же важно, насколько никто не обращает на это внимания.

Перед нами, по сути, другая база представлений о мире, демонстрирующая расхождение мнений массового сознания России и Украины. При этом нельзя сказать, что Украина вела какую-то пропагандистскую работу на системной основе. Более того, до аннексии Крыма Украина получала те же российские медиа (новости и кино), что и сама Россия. И в то же время они попадали не на ту почву.

Сталин – это такая лакмусовая бумажка, за которой скрывается и любовь/нелюбовь к СССР. Это не значит, что СССР не надо любить. Любить можно и нужно, поскольку успехи несомненно были, но одновременно надо учитывать плату за эти успехи Советского Союза. Это были как людские жертвы, так и колоссальное отставание в уровне жизни людей, которое не удастся преодолеть и сегодня. И именно это экономическое запаздывание «вымывает» сегодня молодое поколение из постсоветского пространства.

Сталинское время, особенно кино, породило произведения, которые были достаточно лично-искренними на уровне воздействия герой-зритель, но принципиально пропагандистскими по всем другим направлениям. «Чапаев» был живым героем, к которому добавили пропагандистский месседж. Сталин подтолкнул Довженко к созданию, по его словам, «украинского Чапаева» – Н. Щорса, который сразу тоже стал реальным героем, не будучи таким в истории, но благодаря качественной визуализации, во многом связанной с симпатичным актером Евгением Самойловым, он и стал героем с памятником в Киеве.

Кино создает социальную память, которая потом остается в головах как настоящая. И такая визуально индуцированная память всегда будет сильнее той, что пришла из школьного учебника (о разграничении понятий история и память см. в [11]). В случае Щорса визуальное победило вербальное настолько сильно, что памятник остается стоять, даже при всех попытках сбросить его с пьедестала.

Для детей так писал А. Гайдар, пропагандистский месседж которого был понятен взрослым, но не детям. И подобное расхождение было характерным и для взрослой литературы и кино, где патриотизм был человечным, а не навязанным сверху. Эта личностная линия сохраняет свою силу и сегодня, что позволяет смотреть эти фильмы. Западный зритель и тогда мог смотреть советские фильмы, они могли получать награды на фестивалях, поскольку это был понятный всем, а не идеологический разговор. Свои медиа были ближе и ценнее чужого и чуждого. Это потом любая Анжелика собирала аудитории большие, чем советское кино.

Сегодня нужное программирование поведения прячется за развлекательностью. Советская развлекательность, а она, несомненно, была, иначе в кино бы не ходили, была какого-то другого рода. Назовем ее героической, ведь людям всегда приятно смотреть на действия героев. Вся античная литература – это тоже действия героев, которые

иногда позволяли себе даже тягаться с богами, и все ради счастья людей.

Государство получает дополнительные дивиденды отовсюду. Полет в космос поднимал СССР, победы киевского «Динамо» – Украину. М. Галина увидела аспект завышения государства в его фантастике. И это можно интерпретировать как вариант геополитического расширения государства, но в тексте. Галина же говорит: «Фантастика – это жанр, который связан в какой-то степени с претензиями нации на имперскость. Если мы посмотрим на фантастику начала XX века, то увидим, что она манифестирует имперские устремления нации – Киплинг, Уэллс и другие. И в том, что в России фантасты заняли позицию, мягко выражаясь, собирания земель, ничего удивительного нет. Америка – тоже по-своему империя, и там крупнейшие идеологи фантастики занимались воспеванием фронтиры, поэзией фронтиры. Это освоение Луны, освоение Марса, некие новые практики, которые приходят к человечеству путем освоения этих земель. Это та же Урсула Ле Гуин, гуманитарнейший фантаст, с ее «Хайнским циклом» – огромной космической империей. Это признак страны с имперскими амбициями. И может быть, с имперскими комплексами. Потому что, если ты не можешь что-то выиграть в реальности, если ты не можешь как-то наладить ситуацию, то давайте мы эту психотравмирующую ситуацию перепишем. Давайте попадем в прошлое и выиграем все проигранные войны, исправим все ошибки. И то, что такая сублимационная литература появилась в России лет 15 назад, было уже очень дурным признаком. Мне отвечали: ничего, это только сублимация, все будет в порядке. А это был симптом» [12].

Строился параллельный виртуальный мир, который, естественно, задавая все, предопределял и фантастику. Этот виртуальный мир был призван не только решать проблемы войны и мира, не только задавать правильное поведение, но и компенсировать любые недостатки жизни каждого тем светлым будущим, которое строили для страны и для всего человечества.

Система героики была хорошо структурированной. Дети-герои плавно переходили в героев-взрослых. «Бог» встречался с народом на первомайской демонстрации, ему и полубогам – членам Политбюро несли цветы дети. Настроение счастья пронизывало эту и подобные сцены. И поскольку человек видит только то, на что ему указывают медиа, каждый, кто не испытывал такие чувства, объяснял это тем, что он и все вокруг него является исключением, а правило у него перед глазами.

Медиа (радио, газеты, кино) заменяли реальность. Но каждый человек должен иметь право на реальность, и это должно быть важнейшим правом человека, которого обманывают все государства. Да, мне можно недоплачивать, но нечестно говорить, что я самый обеспеченный человек в мире.

Можно сказать, что сталинская система управляла мечтами людей. Голливуд недаром называют министерством мечты всего мира. Возможно, в этом корень управления миром. Кстати, Голливуд перечисляется в списке «мягкой силы» США создателем этой теории Дж. Наем.

Но еще до него Сталин управлял мечтами советских людей, причем выстроив более сложную систему, в которой кино было только малой ее частью. И именно мечта, а не реальность делали людей счастливыми. Реальность может прохудиться, мечта – никогда. Мечта кажется нам очень индивидуальной, хотя на самом деле она более чем проста. Есть социальные лифты, которые доступны не всем, но есть и лифт мечты, доступный любому. Каждый, закрывая вечером глаза, видит себя в ином мире, где все его любят и уважают, где он глава всего вокруг. Только в мечте он может стать центром Вселенной, наказывая своих врагов и награждая своих друзей. Сталин реализовал такую мечту в жизни, но больше никому не мог этого позволить.

Сталинскую систему пропагандистских коммуникаций С. Спикер рассматривает как противоречащую постулатам Маклюэна. Он отмечает: «Независимость доставки информации от технически-материальных диспозитивов, «антимаклуэнизм» сталинского дискурса медиа приводит к архаизации или мифологизации. Западные исследования рассматривали функциональную репрезентацию технических медиа сталинского времени почти исключительно под знаком этой архаизации. В контексте такой тенденции медиа-фикции при сталинизме функционируют для западных исследователей прежде всего как символические признаки советской власти. Лишь постепенно начинается исследование более прагматических бюрократически-контролирующих функций медиа в сталинское время и их значения для структуры того, что мы называем советской властью» [13].

Здесь Спикер называет медиа-фикциями невыполнение западных медиа-постулатов в сталинских медиа. Поэтому он обращается к идее Н. Лумана о принципиальной невероятности коммуникации [14]. У Лумана это:

- невероятность того, что автономные субъекты могут достичь понимания,
- коммуникация достигает в пространственном и временном измерении большего числа людей, чем относящихся к конкретной ситуации,
- невероятность успеха коммуникации.

Кстати, невероятность советской коммуникации как раз и состоит в том, что в нее верили и продолжают верить по сегодняшний день.

Ленин-Сталин, патриотизм, бесчисленные успехи и победы – все это реальные объекты, переведенные в статус сакральных в советское время. Например, гибель «Челюскина» была трансформирована в

«подвиг челюскинцев», которые и стали первыми официальными героями. Сакральные объекты не просто лишены отрицательных характеристик, они находятся в «охраняемой» зоне, куда запрещен доступ любой критике. Более того, обычные граждане должны быть готовы отдать свои жизни за сакральные объекты.

Сакральные объекты приходят в системе, а не поодиночке. Сталин создал разветвленную систему героев и врагов. Чем значимее герой, тем больший враг ему необходим, чтобы победа своим преодолением невозможного вызвала восхищение.

Героическое является преодолением биологического. Герои отдают свои биологические жизни ради социальных целей. Сталинская система была динамичной в том плане, что работали социальные лифты, условно позволявшие каждому стать героем. Но не богом, потому что бог был один. Это был Сталин, которого одно время подавали в формуле «Сталин – это Ленин сегодня». Это из статьи А. Микояна 1939 года, посвященной 60-летию вождя [15]. И это тоже достаточно системное представление. Можно было хвалить как угодно Ленина, одновременно часть этой славы падала и на «ученика».

Сталинская пропаганда была столь эффективной еще и потому, что так называемый стокгольмский синдром делает человека легко подчиняющимся. И для этого он находит любые рационализации, оправдывающие такое свое поведение.

Необходимым также является сокрытие любой негативной информации об объекте сакральности. Вот Л. Брежнев трудно было подтолкнуть в сторону сакральности, поскольку его время пришлось на эпоху телевидения, что не давало возможности прятать негатив так, как это делали в эпоху газет и радио. А. Савин говорит: «При Брежневе сложилась обширная практика советских ритуалов с бесконечными публичными мероприятиями – съездами и совещаниями, визитами и награждениями. От него как от главы партии и государства требовалось принимать участие в официальных церемониях, которые обязательно транслировались по телевидению. Именно при Брежневе телевизор стал мощнейшим инструментом государственной пропаганды. Если для Сталина главным способом репрезентации (формирования образа вождя) были заранее отсмотренные и отретушированные фотографии и портреты (иногда кинохроника), то Брежневу их заменил телевизор, который появился практически в каждой семье. Бывший председатель Гостелерадио Николай Месяцев вспоминал, что с конца 1960-х годов телевизионщикам строго предписывалось показывать Леонида Ильича втрое больше, чем остальных руководителей партии и правительства. Поначалу, когда Леонид Ильич был бодр и относительно здоров, телевизионная картинка работала в пользу улыбчивого и энергичного генсека. Но когда Брежнев стал дряхлеть, и особенно когда у него из-за проблем с зубными протезами нарушилась дикция, люди видели на экране старого и больного человека, вынужденного присутствовать на

многочасовых официальных церемониях» [9]. А вот лежащий на больничной койке полуослепший Андропов был окружен более позитивным ореолом, поскольку его никто не видел, и он казался энергичным руководителем, полным новых планов.

Жизнь – реальна, но все большую часть нашей жизни мы живем в виртуальном мире. И его строят так, чтобы он заставил нас забыть о наших проблемах. Выступавший в Киеве британский историк Н. Фергюсон сказал: «Не уверен, что ваша душа тратит много времени в виртуальной реальности. Мне кажется, что наше существование в сети является бездуховным. В этом плане виртуальный мир представляет собой угрозу человеческому существованию» [16].

Виртуальный мир может компенсировать мир реальный, как происходило в советское время. Виртуальный мир создает сакральные ценности, ради которых армии готовы убивать друг друга в мире реальном. Виртуальный мир может быть сакральной целью, какой стала ядерная программа для Ирана.

Виртуальный мир может почти полностью заменить мир реальный, как это происходит с японскими молодыми людьми, которые вообще отказываются покидать свой дом ни ради работы, ни ради учебы. Их называют хикикомори, и число их оценивается в Японии в 700 тысяч [17]. Онлайн-жизнь в Японии принесла также необычные результаты. 20 % мужчин в возрасте от 25 до 29 лет не интересно вступать в сексуальные отношения. У них может быть много знаний, но нет жизненного опыта, они не знают, как выражать свои эмоции. Япония имеет высокий уровень самоубийств. 70 человек ежедневно уходят из жизни, большая часть из них мужчины. На первом же месте в мире по числу самоубийств в мире также технологически передовая страна – Южная Корея.

Хикикомори заняты интернетом и играми, не выходя из дома месяцами и годами. Новым шагом Всемирной организации здоровья стало включение игровой зависимости в число болезней [18]. Правда, часть специалистов возражает, что таким образом патологизируется хобби [19].

Виртуальность создала также новые возможности по передаче нового поведения с помощью соцмедиа [20–22]. Подсчеты исследователей дали цифру порога в 25 % распространения среди населения, после чего новое поведение начинает захватывать уже все население без поддержки. То есть порог достигается с помощью виртуальной реальности, а дальше новое поведение захватывает всех в подлинной реальности. В Британии сформулированы конкретные требования по изменению избирательного законодательства после вмешательства в выборы, сделанного Cambridge Analytics онлайн [23].

В мире современности ни одна страна не может жить вне других, процесс самостоятельного выживания государств завершился, даже

Северная Корея пошла на попятный. Г. Павловский подчеркивает, что это невозможно и для России, хоть она и утверждает обратное: «Сегодня выжившие после ночи на 1 января 2000 года у власти уже 20 лет. Россией управляет группа пожилых глобалистов, нервных, изношенных и искушенных. Вопреки трескучим словам, Система избегает фактической изоляции. Это диктуется условиями ее выживания. «Крепость Россия» – лишь утопия селян в рублевских фазендах: система глобальна, причем глобальна всесторонне. Так, легко догадаться, что, не будь в 1999-м войны НАТО с капитулировавшей и распавшейся Югославией – и Путину не бывать в президентах. Новый процесс транзита власти, начинающийся в России, как и в 1999 году, станет мировой проблемой, хочется нам этого или нет. Он обусловлен положением России в мире и состоянием мирового порядка. Не стоит забывать, что и Путин по самоощущению – влиятельное мировое лицо. Новый проект «Преемник» в такой ситуации – мировой проект. Осознав неизбежность транзита власти, Кремль переходит к строительству его мировых предместий. Встреча с Трампом только начало» [24].

Мир во многом перестал жить по старым правилам. Но кто знает, каковы новые правила? Это как мнение об американском военном мыслителе Э. Маршалле, о котором написали, что его интеллектуальные интересы лежали в области вопросов, а не ответов [25]. И это можно понять так, что когда сформулирован вопрос, ответ на него уже легче найти.

Сегодня наш мир стоит на пороге еще более тесного пересечения миров реального и виртуального, поскольку виртуальность только усиливается. Нам хочется жить сразу в двух мирах. Но возможно ли это?

Литература

1. Nuwer R. Will religion ever disappear? // www.bbc.com/future/story/20141219-will-religion-ever-disappear.
2. Paul G., Zuckerman P. Why the gods are not winning // edge.org/3rd_culture/paul07/paul07_index.html.
3. The frontiers of secularism. An interview with Phil Zuckerman // www.samharris.org/blog/item/the-frontiers-of-secularism.
4. Jacoby S. 'Living the secular life', by Phil Zuckerman // www.nytimes.com/2014/12/21/books/review/living-the-secular-life-by-phil-zuckerman.html?_r=0.
5. McCaule R. N. Why religion is natural and science is not. – Oxford, 2011.
6. Pentland A. Social physics. How good ideas spread – the lessons for a new science. – New York, 2014.
7. Taseer A. How Britain lost its power of seduction // www.nytimes.com/2018/06/22/opinion/britain-cultural-influence-brex.html?action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-

heading&module=opinion-c-col-left-region&ion=opinion-c-col-left-region&WT.nav=opinion-c-col-left-region.

8. Светов М. Власть – очень умная. Была бы тупой – мы бы давно ее победили. Интервью // [www.znak.com/2018-06-19/libertarianec_mihail_svetov_o_tusovochke_lyustracijah_Navalnom_i_kremle](http://www.znak.com/2018-06-19/libertarianec_mihail_svetov_o_tusovochke_lyustracijah Navalnom_i_kremle).
9. Савин А. Люди видели старого и больного человека. Интервью // lenta.ru/articles/2018/04/12/leonardo/.
10. Сталин в общественном мнении // www.levada.ru/2018/04/10/17896/.
11. Расевич В. Як правильно пам'ятати про вбивць // zaxid.net/yak_pravilno_pamyatati_pro_vbivts_n1459873.
12. Языки врагов? // www.svoboda.org/a/29292363.html.
13. Спикер С. Сталин как медиум. О сублимации и десублимации медиа в сталинскую эпоху // Сталинская власть и медиа. Под ред. Гюнтера Х. и др. – СПб., 2006.
14. Луман Н. Невероятность коммуникации // gtmarket.ru/laboratory/expertize/2972.
15. Сталин – это Ленин сегодня // ru.wikiquote.org/.
16. Фергюсон Н. «Фейкові новини погані, але напівправдиві є найгірші» // life.pravda.com.ua/society/2018/06/25/231784/.
17. Wingfield-Hayes R. Why does Japan have such a high suicide rate? // www.bbc.com/news/world-33362387.
18. The 11th Revision of the International Classification of Diseases (ICD-11) is due by 2018! // www.who.int/classifications/icd/revision/en/.
19. Therrien A. WHO gaming disorder listing a 'moral panic', say experts // www.bbc.com/news/health-44560338.
20. Centola D. The Spread of Behavior in an Online Social Network Experiment // www.researchgate.net/publication/46124439_The_Spread_of_Behavior_in_an_Online_Social_Network_Experiment.
21. Centola D. Social Media and the Science of Health Behavior // circ.ahajournals.org/content/127/21/2135.
22. Tipping point for large-scale social change // www.sciencedaily.com/releases/2018/06/180607141009.htm.
23. Waterson J. UK democracy under threat and need for reform is urgent, says regulator // www.theguardian.com/politics/2018/jun/26/uk-democracy-under-threat-and-reform-is-urgent-says-electoral-regulator.
24. Павловский Г. Тени солнцестояния. Юмашев и информационные зайчики // carnegie.ru/commentary/76662.

25. Augier M. Thinking about war and peace: Andrew Marshall and the early development of the intellectual foundations for net assessment // calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/52680/Augier_Thinking_about_War_and_Peace.pdf?sequence=1&isAllowed=y.

3. Виртуальность не знает поражений от реальности, только другая виртуальность может ее победить

Виртуальность строится в соответствии с представлениями человека, в то время как реальность является независимой от него. Виртуальность – это не карта мира, это сам мир. Человек живет в нем, поскольку в реальности он видит только то, что зафиксировано в виртуальности.

Религия, а потом и идеология всегда были сильнее человека, заставляя его принять картины мира, порождаемые ими. С теми, кто пытался принести иные картины мира, расправлялись достаточно жестко. История полна таких картин: от Дж Бруно до сталинских репрессий. Это старая модель, когда «чужого» уничтожают, поскольку он опасен из-за другой картины мира внутри него: религиозной или идеологической.

Когда репрессии остались позади, пришла новая технология создания согласия – развлекательность. Это и новостной «инфотейнмент», не столько потому, что это нужно, сколько потому, что это клево. Это и сериалы, это и видеоигры, строящиеся на новой базе – визуальном инструментарии, хотя до этого мир базировался и рос на основе вербальности. Раньше интеллект человека во многом задавался числом прочитанных книг, сегодня прочитанные книги не могут даже задать предмет разговора. Их место заняли сериалы, задающие сегодня нашу коллективную память. Интересно, что только малую долю ее создает отечественный продукт, поскольку это всегда продукт, пришедший извне.

Сериал – это множество нарративов внутри одного гранд-нарратива. Развертывание ситуации не имеет конца, всегда может возникнуть следующий сезон. В чем функция сериала? С одной стороны, развлекательность удерживает нас у экранов. Тем более завтра это станет предметом разговора.

Сериал достраивает мир в наших головах. Иногда его влияние может быть даже более сильным, чем личный опыт. И это может стать как коррекцией социальной памяти, так и созданием ее.

Мы в принципе все время достраиваем физический мир виртуальными конструктами. Мы видим, например, красивый пейзаж, ужасное ущелье, приятное журчание ручейка и под. Все это виртуальные оценки явлений природы, которые в принципе носят совершенно нейтральный характер.

Известно, что в новые религиозные движения скорее идут те, кто вышел из старых, а не атеисты. Вероятно, у них более сильное желание иметь определенные виртуальные «подпорки» в реальной жизни.

Разрушение виртуальностей очень сложно. Это особенно непросто в случае трансформации модели мира, поскольку она даже не поддается изменению после введения корректирующей информации, что получило название эффекта продолжающегося влияния дезинформации [1]. Однотипно сторонники Трампа доверяли информации больше, если она исходила от Трампа [2]. Они также не верили корректирующей информации и не меняли своих предпочтений как избиратели.

Получается, что такой «шлейф» влияния также должен сопровождать всех, кто жил во времена СССР. Это также объясняет сохраняющуюся роль Сталина в некоторых головах при большом массиве публикаций о репрессиях. Это и есть феномен продолжающегося влияния, на которое слабо влияют любые опровержения. Большее воздействие может быть достигнуто только «прививкой», которая делается заранее [3–4].

Конечно, у людей, которые сами прошли сталинскую «мясорубку», имеются совершенно другие представления. О. Шатуновская (см. о ней [5–7]), бывшая секретарем у С. Шаумяна, поэтому она и попала для Сталина с список врагов, в своих воспоминаниях напишет: «Почему так спешно приговоры приводились в исполнение, буквально на следующий день? Как это было с Зиновьевым, и с Сокольниковым, и с Бухариным. Мне кажется, что Сталин удовлетворял свои кровожадные инстинкты. Ему это было приятно, убедиться в том, что его идейные противники, которых он превратил в негодяев, в диверсантов, что он их уничтожил. Он же высказался даже однажды, что как приятно отомстить, привести в исполнение свою месть и потом пойти отдохнуть».

Отсюда следует, что поведением Сталина управляла также и определенная психологическая характеристика. Понятно, что когда человек получает безграничную власть на долгий срок, это кардинально меняет его разум. И паранойя всегда найдет себе там место.

Шатуновская считала, что и Гитлер приходит к власти не без помощи Сталина, приводя такие аргументы: «На шестом Конгрессе Коминтерна Сталин навязал резолюцию о том, что германская социал-демократическая партия является крылом фашизма, и потребовал разбить единый фронт, против чего возражали очень многие коммунисты-германцы. В результате – это происходило еще до прихода Гитлера к власти – были выборы президента, и буржуазные партии все объединились в один блок и выдвинули Гинденбурга. Коммунистическая партия выдвинула Тельмана, а социал-демократы – Эберта. Эберт получил семь миллионов голосов. Тельман – пять. Итого двенадцать. Если бы не разделились, то прошел бы Эберт. А Гинденбург получил десять. Единый фронт по указке Сталина был разбит, и прошел Гинденбург. А он на другой же день призвал Гитлера премьер-

министром. А вот спросите Сталина, зачем это ему было нужно? Потом уже на седьмом Конгрессе та резолюция шестого Конгресса о том, что социал-демократия является крылом фашизма, была отменена, но уже было поздно. Это уже был тридцать пятый год. Гитлер пришел на плечах Сталина к власти. Это одно из преступлений Сталина» [8].

Так что интервенции в выборы делались Сталиным и до войны. Кстати, американцы также активно вмешивались в послевоенные выборы во Франции и Италии, чтобы помешать местным коммунистам прийти к власти. Это происходило также по всему миру [9-13]. С другой стороны, Запад сегодня увидел (и по-настоящему понял) угрозу со стороны России сегодняшней [14].

Можно понять, почему он не видел ее раньше. Исследования показывают, что люди реагируют на желаемую информацию так, как на вознаграждающие стимулы типа еды, а на нежелательную информацию – как на стимулы, вызывающие отвращение, типа электрических шоков [15]. По этой модели мы отсеиваем информацию, не хотим признавать ее значимость, поскольку она разрушает нашу модель мира.

Стоит человеку принять решение, например, голосовать за Трампа или Клинтон, как он как бы задним числом рационализирует свой выбор: «После принятия решения люди часто меняют свои предыдущие предпочтения, чтобы больше соответствовать тому выбору, который только что сделали» [16]. То есть они теряют свою ментальную «историю».

Люди просто отбрасывают информацию, которая противоречит их представлениям. Например, был проделан эксперимент по предоставлению новой информации по вопросам климатических изменений как тем, кто считал это результатом человеческой деятельности, так и скептикам, и та, и другая группа усиливали свои представления, когда новая информация им соответствовала, но не принимали ее во внимание, когда она противоречила их взглядам.

Люди жаждут подтверждения правильности своих действий и представлений. На подобной модели строится поляризация общества в области политики: «Каждую неделю, если не каждый день, можно встретить конкурирующие (и явно достоверные) предсказания о будущем состоянии дел, предполагающие, что наши сегодняшние оценки являются слишком оптимистичными или слишком пессимистичными. Если доказательство касается собственного будущего, то хорошие новости будут иметь особый статус. Но если доказательства относятся к политике, это не будет обязательно так. Некоторые люди получают объективно хорошие новости (ситуация станет лучше, чем ожидалось, для планеты или человечества) и придадут этому значение, обновляя свои представления. Для других те же новости могут противоречить тому, во что они верят, получая в результате меньший вес. Независимо от того, является ли это правдой, происходит поляризация – усиленная

или произведенная асимметричным обновлением диаметрально противоположного вида» [17].

Как видим, мы пытаемся сохранить в неизменности нашу систему представлений, особо защищая ее от негативной информации. То есть рассказ о плохом Сталине будет встречать большее сопротивление массового сознания, чем рассказ о хорошем Сталине, то есть два таких информационно-виртуальных потока будут восприниматься по-разному. Виртуальная броня нашего сознания защитит нас от любых изменений.

Это происходит даже вне поддержки медиа. А когда такая поддержка есть, как это имеет место в России, то можно прийти к еще более высоким результатам любви к виртуальному тирану. Это показывают результаты опросов Левада-центра [18–20]. В 2017 году Сталин оказался на первом месте выдающихся людей всех времен. Так проголосовало 38 % россиян. В. Путин и А. Пушкин получили по 34 %, Ленин – 32 % голосов.

Замдиректора Левада-центра А. Гражданкин так комментирует эту ситуацию: «Чем острее положение дел в стране, чем жестче вызовы перед государством, тем более в массовом сознании оказываются востребованы люди с жесткой позицией. В либеральные времена такие настроения падают, сейчас же – время конфликта с Западом и нового витка холодной войны, поэтому мы видим рост симпатии к таким фигурам».

Эта оценка охватывает и другие аспекты. За установку памятников Сталину – 39 % (в 2005 г. – 36 %), против – 38 % (ранее – 53 %). Определенный пересмотр можно увидеть и в оценке репрессий. Сталинские репрессии – это «годы массового террора» для 41 % (в 2000 г. – 58 %). Для 22 % репрессии касались в основном политических верхов (в 2000 г. – 14 %). 11 % считают, что «репрессии касались в основном действительных «врагов народа», а 6 % полагают, что «сталинские репрессии – это миф, который раздут некоторыми СМИ».

Как видим, важны даже не сегодняшние оценки, а их динамика, которая демонстрирует явную переоценку. Конечно, свою роль тут сыграла и массовая культура. Мы много писали об этом инструментарии [21–22]. Но это тот же инструментарий, который использовал и сам Сталин [23–25]. Для него также виртуальность была важнее реальности.

Виртуальность притягивает сильнее реальности, ведь она сделана по стандартам нашего мозга, чтобы удовлетворять все его желания. По этой причине «Нетфликс» позволяет погружаться в сериал на какое угодно время, делая нас сериально зависимыми, подобно наркомании [26]. Поэтому глава «Нетфликса» заявляет, что их главным конкурентом является необходимость поспать.

Виртуальность активно наступает на реальность. На днях Всемирная организация здоровья добавила игровые расстройства в список болезней. 1,23 миллиарда людей уделяет игре в среднем час в день.

Однако здесь не все так печально. Оказывается, что эта виртуальность способна лечить [27]. Видеоигры улучшают контроль внимания, одновременную работу со множеством задач, помогают в когнитивном развитии [28–30]. Оптимально заниматься этим не более часа-двух в день, возможно, больше в выходные. Видеоигры отличаются от фильмов, книг и телевидения своей интерактивностью, игроки принимают активное участие в игре, а не пассивно следуют за сюжетом.

По сути такие же виртуальные игры выстраивают для своего населения и страны, называя это не менее красивым словом – политика. Особенно мощный характер они принимают во времена противостояния между странами. Холодная война является прекрасным примером такой виртуальной войны, создававшей свои наиболее яркие образы в литературе и кино. Джеймс Бонд Я. Флеминга был так развлекательно хорош, что остался жить и после конфликта.

И. Курилла считает, что образы России и США зависят друг от друга: «Россия и США друг для друга – конституирующие Другие. То есть мы определяем себя, отталкиваясь от образа другой страны. Если говорить о Польше, то Россия для нее стала конституирующим Другим еще раньше. В течение веков Польша строила свою идентичность на противопоставлении России. Сейчас похожие процессы происходят в Украине и в других постсоветских государствах – бывшая метрополия и большой сосед просто заставляет определять себя через противопоставление ему» [31].

О параллельном воздвижении виртуальной стены между странами Курилла говорит следующее: «Массированное внедрение в сознание советских людей антиамериканских стереотипов началось в первые годы холодной войны. Примерно в то же время в США возник маккартизм. И у нас, и в США властям удалось внедрить представление о другой стране как об угрозе. Но там и здесь этот образ существенно отличался. В США изображали русских более прямолинейно, без полутонов. Русский – значит, угроза. Особенно здесь постарался американский кинематограф, что отчасти можно объяснить его защитной реакцией. Ведь в годы разгула маккартизма Голливуд пострадал очень сильно. У нас образ Америки несколько раздваивался. С одной стороны, от нее исходила угроза, а с другой – она же представляла собой заманчивую модель совсем иного образа жизни. Даже официальная советская пропаганда четко отделяла «воротил с Уолл-стрит» и «ястребов из Пентагона» от «простого американского народа» [32].

В своей книге «Заклятые друзья» И. Курилла перечисляет то, что именно Россия заимствовала у США: «На каждом витке собственной модернизации начиная с середины XIX века Россия опиралась на опыт и технологии США. Технологических заимствований и «следов» американского влияния в России едва ли не больше, чем следов любой другой страны (хотя это трудно оценить количественно). Первые железные дороги и пароходы, телеграф и швейная машинка «Зингер»,

ружье-«берданка» и первый разводной мост на Неве, крейсер «Варяг» и «великие стройки» первой пятилетки (Магнитка и Сталинградский тракторный, Нижегородский автозавод и Днепрогэс) – все это создавалось и строилось при участии или под непосредственным руководством американских инженеров, часто по их проектам (иногда доработанным отечественными специалистами). Искусственное замалчивание этого наследия в эпоху холодной войны привело к массовому невежеству, чреватому неожиданными открытиями» [33].

Активный возврат виртуального Сталина в России отсчитывают с 2015 года. То есть виртуальности могут не только уходить, но и возвращаться в зависимости от возникаемых перед государством внутренних задач. Когда есть потребность в сильной руке для управления страной, то Сталин снова оказывается нужен.

А. Рогинский написал о самой сути этого управления: «У нас был один палач – государство. И не какое-нибудь, а вполне конкретное, наше, советское. То самое, которое мы сегодня всеми силами приукрашиваем и идеализируем. Дело не в личных качествах Сталина и его приближенных, стоявших у власти. Сама эта власть была устроена таким образом, что без террора она не могла эффективно решить почти ни одной из своих насущных задач. Государственное насилие в советский период никогда не прекращалось; просто в какие-то годы речь шла о сотнях жертв, а в какие-то – о сотнях тысяч. Эта государственная система была преступной изначально. Вот эту истину и общественному сознанию, и, конечно же, власти чрезвычайно трудно признать. Но только тогда, когда мы дадим официальную правовую оценку этим системным преступлениям, тень Сталина окончательно оставит нас в покое» [34].

О чем можно говорить, если, к примеру, дело футболистов братьев Старостиных рассекретили только в 2018 году [35]. Их осудили за якобы подготовку прямо на стадионе покушения на Сталина.

Виртуальное всегда будет сильнее реального, поскольку выстраивание виртуального обходится намного дешевле. Но оно может успешно выполнить те же функции, что и реальное.

Литература

1. Swire B. a. o. Processing political misinformation: Comprehending the Trump phenomenon // rsos.royalsocietypublishing.org/content/4/3/160802.
2. Trump and the truth: a study of political misinformation // www.news.uwa.edu.au/201703019426/research/trump-and-truth-study-political-misinformation.
3. Ecker U. K. H. Misinformation and its Correction // www.researchgate.net/publication/277816966_Misinformation_and_its_Correction.

4. Cook J. a. o. Neutralizing misinformation through inoculation: Exposing misleading argumentation techniques reduces their influence // journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0175799.
5. Шатуновская, Ольга Григорьевна // ru.wikipedia.org.
6. Хлебников О. Она разоблачила Сталина // www.novayagazeta.ru/articles/2010/10/03/1287-ona-razoblachila-stalina.
7. Померанц Г. Следствие ведет каторжанка. – М., 2004.
8. Шатуновская О. Г. Об ушедшем веке // www.memorial.krsk.ru/memuar/Shatunovskaya.htm.
9. Noam Chomsky on the Long History of US Meddling in Foreign Elections // chomsky.info/20170119/.
10. Fein B. CIA's Gold Standard for Influencing Foreign Elections // www.huffingtonpost.com/bruce-fein/cias-gold-standard-for-in_b_11201644.html?guccounter=1.
11. The Italian communist party: its role in the elections and after // www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0001144793.pdf.
12. Italian elections – 1948 // www.globalsecurity.org/intell/ops/italy-48.htm.
13. Tharoor I. The long history of the U. S. interfering with elections elsewhere // www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/10/13/the-long-history-of-the-u-s-interfering-with-elections-elsewhere/?noredirect=on&utm_term=.176eef337931.
14. Willard J. What Europe Can Teach America About Russian Disinformation // www.theatlantic.com/international/archive/2018/06/what-europe-can-teach-america-about-russian-disinformation/562121/.
15. Sharot T. Why don't facts matter? // edition.cnn.com/2017/09/13/opinions/why-dont-facts-matter-sharot-opinion/index.html.
16. Sharot T. How Choice Reveals and Shapes Expected Hedonic Outcome // affectivebrain.com/wp-content/uploads/2014/09/How-choice-reveals-and-shapes-expected-hedonic-outcome.pdf.
17. Sunstein C. R. a. o. How People Update Beliefs about Climate Change: Good News and Bad News // poseidon01.ssrn.com.
18. «Левада-центр»: Сталин обошел Путина и Пушкина в рейтинге величайших людей по мнению россиян // www.novayagazeta.ru/news/2017/06/26/132866-levada-tsentr-stalin-oboshel-putina-i-pushkina-v-reytinge-velichayshih-lyudey-po-mneniyu-rossiyan.
19. Любовь россиян к Сталину достигла исторического максимума за 16 лет // www.rbc.ru/politics/15/02/2017/58a33b919a79472a55281e2a.
20. «Левада-центр» выяснил отношение россиян к установке памятников Сталину // www.vedomosti.ru/politics/news/2017/09/07/732867-stalinu.

21. Почепцов Г. Возвращение фигур Сталина и Гитлера в современность: массовая культура как пропаганда // psyfactor.org/lib/stalin-hitler-2.htm.
22. Почепцов Г. Пропаганда и память: конструирование прошлого и настоящего // hvylya.net/analytics/society/propaganda-i-pamyat-konstruirovanie-proshlogo-i-nastoyashhego.html.
23. Почепцов Г. Сталин: строительство страны с помощью пропагандистского инструментария истории, кино и литературы // psyfactor.org/lib/stalin-propaganda.htm.
24. Почепцов Г. Страна как текст, или виртуальные коммуникации в действии // detector.media/withoutsection/article/119779/2016-10-18-georgii-rocheptsov-strana-kak-tekst-ili-virtualnye-kommunikatsii-v-deistvii/.
25. Почепцов Г. Дом, который построил... Сталин // hvylya.net/analytics/society/dom-kotoryiy-postroil-stalin.html.
26. Mahdawi A. Netflix addiction is real – we are entertaining ourselves to death // www.theguardian.com/commentisfree/2018/jun/20/netflix-addiction-is-real-we-are-entertaining-ourselves-to-death.
27. Lewis M. Are video games are really addictive? // www.theguardian.com/commentisfree/2018/jun/20/video-games-addictive-disorder-diagnosis.
28. Berenson T. Why Playing Video Games Can Actually Be Good for Your Health // time.com/4051113/why-playing-video-games-can-actually-be-good-for-your-health/.
29. Granic I. a. o. The Benefits of Playing Video Games // www.apa.org/pubs/journals/releases/amp-a0034857.pdf.
30. Lewis T. The «Goldilocks» Level of Teen Screen Use // www.scientificamerican.com/article/the-ldquo-goldilocks-rdquo-level-of-teen-screen-use/.
31. Щелков К. Иван Курилла: риторика времен «высокого сталинизма» // inosmi.ru/russia/20151021/230933394.html.
32. Курилла И. Русский – это угроза. Кто сделал Америку главным врагом России. Интервью // lenta.ru/articles/2018/06/18/kurilla/.
33. Курилла И. Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США. – М., 2018.
34. Рогинский А. «Уберите Сталина из нашей жизни, тогда воровство и бардак исчезнут сами собой» // zen.yandex.ru/media/podosokorsky/arsenii-roginskii-uberite-stalina-iz-nashei-jizni-togda-vorovstvo-i-bardak-ischeznut-sami-soboi-5b289f9231b45400ab25b6c8.
35. «Убить Сталина»: ФСБ рассекретила дело основателей «Спартака» братьев Старостиных // www.mk.ru/sport/2018/06/20/ubit-stalina-fsb-rassekretila-delo-osnovateley-spartaka-bratev-starostinykh.html.

Глава десятая

Инструментарий виртуальности

1. Инструментарий создания сакральности

У теоретиков разных веков, которые были одновременно и практиками, от Лойолы до Эйзенштейна ставится задача забрать душу от логического мышления, то есть вернуться на предыдущий дологический уровень, а он в первую очередь – эмоциональный. Это задача и религии, и искусства, но это и задача идеологии страны, пытающейся воспитывать у своих граждан патриотизм.

Современные объективные исследования в последнее время перешли к изучению не просто сакрального, но и божественного. Это, например, монографии П. Бойера [1], и С. Этрена [2]. Смысл этого эволюционно-когнитивного направления состоит в том, что божественное выводят из того, как человек мыслит. Человек, когда слышит хруст сзади, первым делом считает, что это движется что-то живое, только потом он увидит, что это просто упала ветка дерева. Но его первой реакцией будет ощущение опасности от чего-то живого. Понятно, что такой вариант реакции лучший, поскольку он реагирует на опасность. Если ее не будет, ничего страшного не произойдет.

Сравнение этих двух подходов приводит к выводу, что эти две модели (Бойера и Этрена) дополняют друг друга и оба рассматривают религию как естественный феномен [3]. Вера в сверхъестественное в принципе характерна для человека [4]. В США, например, 6 из 10 американцев верят в дьявола и ад, 7 из 10 верят в ангелов, 92 % верят в своего индивидуального Бога [5]. И Этрен говорит, что ни одно общество не жило дольше трех поколений, если в нем не было религии.

Когда мы знаем нечто, это не значит, что мы будем поступать так, как нужно. Как пишут исследователи слияния идентичностей: «Хотя большинство людей могут легко отличить моральные действия от неморальных, знание того, что правильно, не гарантирует делания того, что правильно. Это является особенно правдивым, когда моральный тип действия включает самопожертвование. В таких случаях слияние идентичности может сдерживать склонность человека перевести свои моральные представления в соответствующие действия» [6].

Сходно высказывается и С. Этрен: «Религия формирует нацию, в которой живет, иногда создавая столь сильную солидарность и сакральные причины, что граждане хотят убивать или умирать за общее благо» [7].

Религия также нашла способ уберечь себя от ухода членов, оставляя только подлинно верующих, которые смогут защищаться в случае необходимости. Это достигается за счет наличия дополнительных

трудностей, например, амиши живут без электричества и множества современных изобретений. Человек, вложив много в совместную жизнь, полную трудностей, не так легко отмахнется от заложенных усилий.

Р. Сосис подчеркивает: «Значимое количество времени, энергии и финансовых расходов, которые нужны для имитации такого поведения, служит эффективным сдерживающим средством для каждого, кто не верит в учения конкретной религии» [8].

Религия призвана усилить взаимодействие людей, а оно возможно только при наличии доверия. Его не может быть между чужаками. Принадлежность к одной религии создает мостик доверия между людьми.

Р. Сосис исследовал религиозные ритуалы у ультраортодоксальных евреев, которые в жару были одеты по-зимнему, придя на молитвы, имеют длинные религиозные процедуры. Другие религии также имеют множество ритуалов, требующих больших затрат со стороны человека.

Сосис принялся искать, в чем смысл такой иррациональности. Религиозные ритуалы являются формой коммуникации.

Чем больше ограничений накладывает религия, тем больший уровень выживаемости наблюдается ([9], см. также [10]). Он сравнил объемы ограничений на поведение в религиозных и мирских сообществах. Он также изучал жизнь в израильских киббуцах, которые живут по знакомому нам принципу: «От каждого по способности, каждому по потребности». Как видим, СССР даже этого не захотел придумать сам.

Этрен подчеркивает результат Сосиса: чем более религиозно общество, тем дольше оно живет. С точки зрения Этрена это использует не только религия: «Светские державы и транснациональные движения обычно имеют важные квазирелигиозные ритуалы и представления. Подумайте о священных песнях и церемониях, или формулировке, что «провидение» или «природа» дарует равенство и неотъемлемые права, хотя 99,9 % времени существования человеческого вида более обычными были рабство и угнетение меньшинств. Эти священные ценности действуют как моральный императив, который воодушевляет нерациональную жертвенность в таких совместных действиях как война» [7].

Человеческие ритуалы влияют на склонность к сотрудничеству [11]. Синхронное поведение ведет к тому, что действуя едино, люди воспринимают себя как единство, в результате чего растет сакральность и повышается склонность к сотрудничеству. Это должно однотипно работать не только для религиозных ритуалов, как нам представляется, но и для советских демонстраций трудящихся, которые имели и еще одну синхронизацию – с демонстрацией на Красной площади.

Как еще осуществляется перевод в сакральность? С. Этрен изучал как феномен сакральности в целом, так и конкретные его проявления в

палестино-израильском конфликте, а также создания новой сакральности в виде иранской ядерной индустрии [12–17]. Во всех этих случаях сакральное невозможно компенсировать материальным.

Для 13 % иранцев ядерная программа не в плане оружия, а в плане энергетики стала сакральной [7]. Но как раз эта группа близка режиму, поэтому ядерная программа оказалась связанной как с национальной идентичностью, так и с исламом. Когда за отказ от нее предлагают материальные компенсации, это вызывает ее поддержку и ярость против таких предложений. В принципе символические жесты в виде искренних извинений, демонстрации уважения к чужим ценностям вызывают у противоположной стороны гибкость и возможность продолжать материальные переговоры.

Кстати, Россия воспользовалась аргументом сакральности для нее Крыма, когда совершила его аннексию. Ср. также смену используемой терминологии на «возвращение», «воссоединение».

Этрен считает, что религия редко является причиной войн. Но когда война начинается, «религия (и ценности, которые она порождает) могут играть критическую роль. Когда конфликтующие интересы формулируются в терминах религиозных и сакральных ценностей, конфликт может продолжаться десятилетиями, даже столетиями» [7].

Р. Сосис в статье о том, как эволюционная теория религии смотрит на терроризм, вслед за Этреном и Бойером подчеркивает, что контринтуитивные понятия, входящие в религиозные представления типа кровотока статуй и рождения от девственницы, запоминаются и удерживают внимание: «Эти черты делают их особо эффективными как для вертикальной (через поколения), так и горизонтальной (внутри поколения) передачи и могут объяснить, почему религиозные идеологии, включая террористические, часто быстро распространяются среди населения. В дополнение к их мнемонической эффективности они несут почти нерушимые «коды» для тех, кто не прошел инициации.

Контринтуитивные понятия не так легко создаются на базе интуитивных понятий, поэтому шансы на случайное повторное создание уже существовавших контринтуитивных понятий чрезвычайно малы. Включая контринтуитивные понятия в систему своих представлений, религия создает достоверные дорогие сигналы, которые трудно подделать» [18].

К. Лаурин с коллегами разобрал две основные теории сакральности – когнитивную и культурной эволюции [19–20]. Когнитивную мы затронули выше, в ней идея Бога возникает как сопутствующий продукт работе человеческих когнитивных механизмов. Гипотеза культурной эволюции приходит к идее всевидящего Бога, способного наказывать даже анонимов. Наличие сильного, морализующего Бога появляется в качестве дополнения земным наказаниям в больших обществах [21]. Всеведущий Бог следит за нарушениями нормы и наказывает за это.

Это еще можно обозначить как создание элементов единого сознания для всех, что является характерной чертой нашей жизни. Единое сознание создают медиа и любой другой виртуальный продукт, которым пользуется человечество. Все сегодня переводится и доставляется для потребления.

Но это делает устная коммуникация, совместные действия в условиях экстремального порядка. Например, исследование ливийских революционеров показывает, что они едины не только со своей семьей (99 %), но и со своим отрядом (97 %), а также другими революционными отрядами (96 %) [22]. Кстати, единство/идентичность со страной – разное для разных народов. Испания имеет высокий уровень – 41 %, США – только 20 % населения ощущают это [23].

Мы всегда живем в государстве, которое всегда «сакрализует» себя и особенно каждый конкретный период правления. Государство использует для своего любые варианты, когда индивидуальное сознание человека блокируется массовым. Это образование, искусство, спорт, кино, литература, удерживающие стратегическую модель мира, и, конечно, медиа, которые заняты порождением тактических изменений в этой стратегической модели, служащих доказательством ее правильности. Кстати, по этой причине Д. Орешкин считает, что на постсоветском пространстве государства пока нет, это система, построенная на вожде. Он говорит это на примере России, но, по сути, это касается всего постсоветского пространства.

В советском времени он видит ту же систему, пришедшую от ордынской модели, пришедшей из кочевой организации пространства: «Сущность мобилизационного «внутреннего государства», которое начал строить Ленин в виде суперцентрализованной боевой партии, а продолжил Сталин – в виде еще более мобилизованной и централизованной под свою верховную руку ВЧК-НКВД-КГБ, никуда не делась. И не могла деться. По множеству причин, среди которых – удержание в подчинении Центру не только людей, но и территорий: как только рушится опричина, созданная для террористического контроля над улусами вождества и выдавливания из них ресурсов для дальнейшей экспансии, – так рушится и скрепленное ей пространство» [24].

М. Снеговая считает, что для государства важны эмоционально нагруженные события, чтобы формировать национальную идентичность, и спорт является хорошим инструментом: «Роль и благополучие индивида полностью игнорируются во имя высшей ценности – государства-нации. Это свойство крупных спортивных состязаний делает их особо удобным объектом для манипуляций со стороны прежде всего авторитарных правителей: спорт удобно использовать как источник легитимации режима в глазах собственных граждан – за нехваткой других источников легитимности. Это объясняет популярность спорта и спортивных символов в гитлеровской Германии и СССР. К тому же высокий уровень абстракции, акцент на государственных ценностях

способствуют усилению роли бюрократии: акцент делается не на физическом здоровье отдельных граждан, а на объеме ресурсов, вложенных в спорт» [25].

Кстати, это не просто формирование национальной идентичности, это формирование завышенной по оценкам национальной идентичности. Вероятно, существуют и другие такие способы.

В случае древних Афин это было сделано с помощью текстов, что заставило другие страны признать первенство Афин, которые поднялись на вершины не только благодаря своим боевым кораблям. Как пишет А. Брессон: «Это была еще и империя слов. Помимо самого вопроса об империи, афиняне разработали дискурс, благодаря которому их город превратился в мировой центр того времени» [26].

Интересно, что М. Петров построил свою теорию подъема Афин именно на корабле как на новом техническом изобретении человечества, потребовавшем новых способов обучения: «Корабль, а вслед за ним и под давлением корабля некоторые другие навыки всеобщего распределения (гражданин, воин) – универсализирующая надпрофессиональная образовательная вставка со своими особыми правилами и методами обучения, основанными уже не на подражании действиям старших, а на общении, на оперативном кодировании действия в знак и столь же оперативном декодировании знака в деятельность, на навыках повелевать и повиноваться. Оба эти навыка, образующие хорошо известный историкам расчлененный комплекс «слово – дело» с приматом слова и подчиненным положением дела, в равной степени важны для достижения результата. Нам, давно освоившим эти навыки, они представляются простой и привычной нормой. Но простота эта обманчива. Оба навыка требуют специфических форм мышления, умозрения и соответствующих средств общения, восприятия, психологических установок, которыми традиция не обладает не потому, что люди неспособны их освоить, а потому, что у традиции нет повода для их освоения и широкого применения, нет навыков, требующих развития этих способностей. Японские летчики, например, летают ничуть не хуже американских, но вот во время [второй мировой] войны выяснилось, что японский язык с его обилием форм вежливости попросту непригоден для оперативного общения экипажей; пришлось менять язык команд на английский. [...] Мы и сами сегодня все более глубоко увязаем в проблемах комплекса «слово – дело», в котором один (человек, элемент системы) «разумно движет, оставаясь неподвижным», а все остальные (люди, элементы системы) «разумно движутся, оставаясь неразумными». Кибернетика, теория систем, моделирование, исследование операций, системный анализ, теория игр, теория принятия решений, теория автоматов – все они, используя различные концептуально-понятийные аппараты, пытаются разрешить проблемы этого комплекса однозначной связи знака и поведения, которые впервые в эксплицитной форме были поставлены перед человечеством на палубе

пиратского корабля в Эгейском море в виде отношений людей, формализации задач и путей к их решению, реализации замысла» ([27], см. также [28]).

Есть еще одна сфера изучения религии, из которой можно черпать определенный инструментарий создания сакральности. Это экономика религии, под которой понимается применение вполне объективного инструментария экономики к изучению такого субъективного объекта как религия (см., например, [29–31]).

Человечество всю историю прожило в тех или иных системах сакральности. Сегодня роль сакральности в нашей жизни резко уменьшилась, но, возможно, она просто принимает иные формы.

Литература

1. Boyer P. Religion Explained. The Evolutionary Origins of Religious Thought. – New York, 2001.
2. Atran S. In Gods We Trust. The Evolutionary Landscape of Religion. – Oxford etc., 2002.
3. Khan R. Levels of analysis of religion, Atran, Boyer&Wilson // scienceblogs.com/gnxp/2007/04/23/levels-of-analysis-of-religion/.
4. Bering J. M. The folk psychology of souls // [static.cambridge.org/resource/id/urn: cambridge.org: id: binary:20170214114337486-0339:S0140525X06259107:S0140525X06009101a.pdf](http://static.cambridge.org/resource/id/urn:cambridge.org:binary:20170214114337486-0339:S0140525X06259107:S0140525X06009101a.pdf).
5. Henig R. M. Darwin's god // www.nytimes.com/2007/03/04/magazine/04evolution.t.html.
6. Swann W. B., Jr. a. o. Identity Fusion // labs.la.utexas.edu/swann/files/2016/03/52-57.pdf.
7. Atran S. God and the ivory tower // foreignpolicy.com/2012/08/06/god-and-the-ivory-tower/.
8. Sosis R. a. o. Cooperation and Commune Longevity: A Test of the Costly Signaling Theory of Religion // www.matchism.org/refs/Sosis_2003_CommuneLongevity.pdf.
9. Sosis R. The adaptive value of religious ritual // people.uncw.edu/bruce/hon%20210/pdfs/Religious%20ritual%20%20Sosis%202004.pdf.
10. Vieth E. Religious rituals are adaptive because they are onerous // dangerousintersection.org/2009/09/22/religious-rituals-are-adaptive-because-they-are-onerous/.
11. Fischer R. a. o. How Do Rituals Affect Cooperation? An Experimental Field Study Comparing Nine Ritual Types //

www.researchgate.net/profile/Ronald_Fischer2/publication/236692339_How_Do_Rituals_Affect_Cooperation/links/0c96052549ec5758aa000000.pdf.

12. Atran S. a. o. Religious and Sacred Imperatives in Human Conflict // s3.amazonaws.com/academia.edu.documents/14086867/.

13. Atran S. a. o. Sacred barriers to conflict resolution // jeannicod.ccsd.cnrs.fr/file/index/docid/505181/filename/atran_et_al_science_mag_240807.pdf.

14. Sheikh H. a. o. The Devoted Actor as Parochial Altruist: Sectarian Morality, Identity Fusion, and Support for Costly Sacrifices // escholarship.org/uc/item/7170h7h0.

15. Sheikh H. a. o. Sacred values in the Israeli-Palestinian conflict: resistance to social influence, temporal discounting, and exit strategies // sites.lsa.umich.edu/satran/wp-content/uploads/sites/330/2015/10/nyasssheikh_et_al_2013_proof.pdf.

16. Ginges J. a. o. Sacred bounds on rational resolution of violent political conflict // www.pnas.org/content/104/18/7357.long.

17. Dehghani M. a. o. Sacred values and conflict over Iran's nuclear program // journal.sjdm.org/10/101203/jdm101203.pdf.

18. Sosis R. a. o. Adaptive Militants and Martyrs? What Evolutionary Theories of Religion Tell us about Terrorism // pdfs.semanticscholar.org/4dcb/d2e544ba89f05852a1c5a83652aad7a7b373.pdf.

19. Laurin K. Belief in God: A Cultural Adaptation With Important Side Effects // *Current Directions in Psychological Science*. – 2017 – Vol. 26. – I. 5.

20. Laurin K. a. o. The Motivational Underpinnings of Belief in God // *Advances in Experimental Social Psychology*, Volume 56. – Cambridge, 2017.

21. Laurin K. a. o. Outsourcing punishment to God: beliefs in divine control reduce earthly punishment // rsph.royalsocietypublishing.org/content/early/2012/05/21/rsph.2012.0615.

22. Whitehouse H. a. o. Brothers in arms: Libyan revolutionaries bond like family // labs.la.utexas.edu/swann/files/2016/02/a-study-of-rebels.pdf.

23. Swann W. B. Dying and Killing for One's Group: Identity Fusion Moderates Responses to Intergroup Versions of the Trolley Problem // *Psychological Science*. – 2010. – Vol. 21. – I. 8.

24. Орешкин Д. Государство и вождество // www.novayagazeta.ru/articles/2018/07/06/77062-gosudarstvo-i-vozhdestvo.

25. Снеговая М. Познается в сравнении: Олимпиада как основной инстинкт // www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/02/10/olimpiada-kak-osnovnoj-instinkt?utm_source=facebook&utm_campaign=share&utm_medium=social&utm_content=olimpiada-kak-osnovnoj-instinkt.

26. Брессон А. Говорит империя: афинская архэ в V в. до н. э. // shagi.ranepa.ru/files/shagi17_4/shagi17_4_02.pdf.
27. Петров М. К. Пентеконтера. В первом классе европейской школы мысли // www.situation.ru/app/j_art_739.htm.
28. Константинов М. С. Модель нелинейного мышления М. К. Петрова как проект преодоления кризиса гносеологии и социальных наук // scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2012_6-1_28.pdf.
29. Iannaccone L. R. Introduction to the Economics of Religion // *Journal of Economic Literature*. – 1998. – Vol. 36. – № 3.
30. Iyer S. The new economics of religion // www.ineteconomics.org/research/research-papers/the-new-economics-of-religion.
31. Waldersee V. We asked economics of religion professor to explain what her subject actually means // www.ecnmy.org/engage/we-asked-economics-of-religion-professor-to-explain-what-her-subject-actually-means/.

2. Инструментарий создания идентичности

Модель мира является более сложной структурой, чем это представляется на первый взгляд, в нее входит информация разного уровня ценности. Она может распределяться между индивидуальным и коллективным уровнями. Она может быть «заземленной» и сакральной. Но самое главное – она создает единство взглядов и, как следствие, поведения. В результате образуется предсказуемость другого, что позволяет тратить свои ресурсы не на конфликт, а на сотрудничество.

Такое единство важно, так как выживаемость людских сообществ растет, когда они объединены религией или идеологией, то есть являются более едиными. Они оказываются защищенными в своем объединенном реагировании на врага.

Один из первых англо-саксонских королей Альфред спас ситуацию от постоянных набегов викингов, когда создал историю англо-саксов, тем самым переводя отдельных сельских тружеников в народ. И набеги стали отбиваться. Будем считать это также вариантом идеологии, выделяющим данный народ среди других. У нас есть история, у нас есть общий враг.

Альфред изучал и даже переводил трактаты с латыни на древнеанглийский, которые раскрывали образ правильного христианского правителя [1–2]. Он прямо и косвенно пытался воплотить их в жизнь, придя к власти после смерти четырех своих старших братьев. Так что вариант неудачного правления был у него тоже перед глазами. Британия же считает его период правления самым воодушевляющим. Кстати, он был болен ([3]), так что великим воителем ему было физически стать трудно, надо было искать другие пути к победе. Сегодня

есть попытки принизить его роль, но они не забирают победы, просто находят для них другие военные причины [4].

С. Этрен, например, говорит, что изучая прошлые общества, он обнаружил, что при отсутствии религии жизнь этих обществ длилась не более трех поколений [5]. Наверное, все же это еще не было обществом, но общая тенденция отмечена верно: для выживания нужны дополнительные объединяющие механизмы. И они не могут быть просто родственными, религии по сути стремятся даже быть вненациональными, хотя при зарождении это было не так.

В далеком прошлом (да и частично сегодня) страх был главным управляющим механизмом. Защита от внешних страхов заставляет признавать страхи внутренние в виде государства. Известна теория Чарльза Тилли происхождения государства с помощью перехода от собственного грабежа к защите от грабежа чужих [6]. Религию одностипно марксизм признавал как инструментарий защиты от страхов. Обратим внимание и на то, что страхи это еще не реализованное насилие, а лишь потенциально возможное.

Распознавание «свой/чужой» является главным маркером для выживания: от Красной Шапочки до государств. Например, шпион – это чужой под маской своего. Иерархия включения во все более узкий круг своих характерна для воспитания в современных обществах. Пионер должен был стать комсомольцем. Правда, дальше массовость переходов и инициаций уменьшалась. Когда Л. Брежнев массово раздавал награды, он создавал столько же массово «своих» из если не «чужих», то «нейтральных» членов общества.

Идентичность приходит с единой картиной мира, в результате чего все видят одно и то же даже в не столь однозначно интерпретируемой действительности. По этой причине медиа являются важным инструментарием не только в тоталитарных, но и в самых демократических государствах. Тем более Ж. Рансьер не увидел в демократии олигархическую форму правления, поскольку демократичными являются только выборы. Он говорит: «Демократия не является формой государства. Любая государственная форма, напротив, является олигархическим правлением. Наши правительства, на самом деле, олигархические. Власть всех перехватывается небольшим меньшинством, которое само себя воспроизводит. Эта система сводит демократическое действие всего лишь к электоральному процессу. Демократия не является властью народа как «населения». По сути, демократия означает власть того народа, который является народом равных. А значит, это и не этнический народ» [7].

Исследователи античности, кстати, всегда подчеркивали, что там демократией считалось участие в принятии решений. Мы же получили только участие в голосовании, объявив имено это демократией, без всякой возможности влияния потом на избранного человека и его

решения. Понятно, что современные объемы граждан превосходят античные. Правда, сегодняшние возможности, пришедшие с большими данными, позволяют вернуться к автоматическому считыванию мнений граждан за секунды.

Большие данные пришли в мир, когда он почему-то стал терять свою понятность для большинства населения. Отсюда рост конспирологии, которая дает простые ответы на сложные вопросы. А в непонятном мире, получается, опасно давать реальное право голоса всем. Выборы – пожалуйста, их всегда можно откорректировать институтами государства.

На первом месте мы упомянули медиа, но медиа является лишь информационным каналом, который должен нести виртуальные объекты, способные трансформировать сознание. Человек, переходящий в иное состояние, нуждается в прикосновении к чему-то принципиально более высокому, чем просто мирское и близкое.

Сталинское кино, например, активно использовало инструментарий создания пафоса. Причем С. Эйзенштейн изучал методы создания эмоциональных переходов подобного рода, даже отталкиваясь от опыта создателя ордена иезуитов И. Лойолы, который в свою очередь опирался на более древние практики двенадцатого столетия [8-10]. Лойола задействовал в своих упражнениях все виды чувств одновременно, чтобы получить нужный эффект. Нужно было представить, к примеру, как выглядит ад, какие звуки, какие запахи, идя так по всему набору чувств. Когда все они «включены», мы получаем прикосновение к чему-то большему, чем мы сами.

Но это методика работы с индивидуальным сознанием. Как достичь результата для работы с массовым сознанием? Как сделать его единым? Для создания единства понимания мира нужна многоуровневая структура, включающая в себя: богов, героев и славную историю борьбы народа с врагами, где и проявляют себя герои. Кстати, сталинское кино и трудовой подвиг сделало героическим. Соцреализм трудовое ставил на первый план, а личное – на второй. Тем самым трудовой подвиг всегда был впереди, например, любви.

Формирование новой идентичности было важной задачей. Макаренко достигал результата построения новой идентичности в рамках своей трудовой коммуны. Правда, все сегодняшние статьи о нем акцентируют лишь то, что он популярен за рубежом, но не дома [11–13]. Но Макаренко работал в закрытом коллективе, что вносит определенные вопросы в его методологию. Например, воспитание коллективом возможно только в закрытой среде. Трудовые колонии были в ведомстве НКВД, где и работал Макаренко. Только благодаря розыскам немецкого исследователя Г. Хиллига стало ясно, кто «оберегал» Макаренко в этой системе [14–15]. Это был нарком В. Балицкий, который превратился во врага Сталина, обнаружив свидетельства сотрудничества вождя с

царской охранкой, хотя до этого сам активно участвовал в репрессиях. Кстати, китайский вариант перевоспитания американских военнопленных, называемый «промыванием мозгов», вырос именно из такого опыта нахождения в закрытой среде [16]. По сути и современный китайский метод социального контроля возможен только в полностью контролируемой среде, которую предоставляет государству использование big data [17].

Еще одним примером объединения механизма в единое целое является так называемое «слияние идентичностей». Оно характеризуется тем, что единство с группой оказывается сильнее любых других, включая семью [18]. Например, под таким углом зрения начали изучать футбольных болельщиков [19–21] и даже ливийских революционеров [22].

Слияние идентичности постулируется как качественный предсказатель экстремальной жертвы типа своей жизни ради группы [23–24]. В той же ливийской революции бойцы на передовой были более связаны со своими побратимами, чем со своей собственной семьей. Как отмечают исследователи: «Когда обычные граждане объединены вместе и ведут войну, их связь друг с другом принимает семейный или даже сверхсемейный характер. Более того, единожды сформировавшись, эти семейные связи могут подталкивать бойцов идти на экстремальные жертвы ради группы, включая даже смерть» [22].

Однотипно происходит с футбольными болельщиками: «для некоторых болельщиков футбол создает чувство принадлежности, соединяющее тебя с другими, а группу – со стадионом или территорией. Это внутреннее единство с группой ведет к сильному про-групповому поведению, наиболее известным вариантом которого является футбольное насилие, но оно может выражаться также в ненасильственном альтруизме (например, в благотворительности)» ([19], см. о взгляде на болельщиков со стороны нейропсихологии [25]).

Единство лежит в первую очередь в области базовых представлений. Европа объединена определенным единством понимания ситуаций и реагирования на них. Украина, к примеру, на многие ситуации реагирует по-разному в разных регионах, что сделало возможным как аннексию Крыма, так и попытку аннексии Донбасса (см., например, анализ ценностей Луганска у И. Семиволоса [26] и Галичины у Я. Грицака [27]).

Сближающиеся идентичности могут стать предлогом для войны. Это касается как военного вмешательства России в Украину [28], так и провалившегося вторжения России в Черногорию, направленного на смену власти [29–30].

В свою очередь Россия приходит к выводу о ценностном расхождении с Европой в плане противопоставления коллективных ценностей индивидуальным. Например, Г. Малинецкий (и не он один) подчеркивает: «Мы до сих пор с упорством, достойным лучшего применения, толкуем, что мы европейская страна! Ну, коллеги, но это же явный абсурд. Ну

просто вдумайтесь. Ну какая мы европейская страна? Какая любимая европейская сказка? Это «Золушка» – девочка делала все по инструкции, и ей дали прекрасного принца в награду. Какая наша любимая сказка? Конечно, это «Иван-дурак». Потому что он в обычной жизни как-то вот странный человек, но когда есть экстремальная ситуация, именно он – адекватный. А не те люди, которые действовали по инструкции. Откуда это взялось? А понятно, откуда, потому что у нас зона рискованного земледелия. У нас одиночка не выживает. Европейская ценность: каждый за себя, один Бог за всех. И тут одно отношение к свободе. Наша ценность: сам погибай, а товарища выручай, – это соборность, это совершенно другие ценности. Возьмем отношение человека к Богу. Там строится собор с многими сотнями мест, и человек – в этом микрокосмосе песчинка. Наше отношение – храм Покрова-на-Нерли. Абсолютно иное» [31].

При этом Малинецкий забывает упомянуть, что сегодняшние представления абсолютно не такие, что связано с изменениями в жизни людей, которые уже не нацелены на выживание, что было главным в коллективной модели. Если бы СССР сохранял эту ориентацию, например, то не было бы распада в пользу западного образа жизни. Например, прозвучала такая критика поведения российских женщин во время проведения футбольного чемпионата: «Безусловно, это следствие той матрицы, в которой воспитываются россиянки. Матрицы тотального преклонения перед Западом. Она существовала с начала 80-х, а сейчас претерпела некоторые изменения, оттененная массивной пропагандой о величии России. В такой шизофрении и существует наша страна: Запад плох и порочен, но его надо копировать – странное сочетание раболепия и ненависти. Но в основе своей с 80-х мало что изменилось: в России одно дерьмо, на Западе – сладкая вата; таковы массовые представления» ([32], см. дискуссию по поводу этой статьи [33–37]).

С другой стороны все страны Азии имеют коллективную ценностную ориентацию, и это не мешает им жить в мире и согласии со странами, ориентированными на индивидуальные ценности. При этом Запад тоже перешел на индивидуальные ценности в определенный период и в конкретных условиях.

Сегодняшний мир стал менее коллективно ориентированным из-за множества изменений, которые произошли. Мир, наоборот, декларирует разнообразие, поскольку, как оказалось, оно является более выгодным в плане порождения более высоких экономических результатов. Многие страны сознательно создают условия для утверждения и поддержания разнообразия.

Власть с точки зрения облегчения проблем управления ориентирована не на разных, а на одинаковых индивидов. Армия, школа и проч. всеми силами создают однотипность, включая внешние характеристики (форма, прически и под.). Бизнес также любит однотипность реакций,

которые сегодня в мире создает глобализация, когда мы читаем одни книги и смотрим одни и те же сериалы, откуда следует, что мы будем столь же радостно покупать бренды, отталкиваясь от одной и той же рекламы.

В результате мы попадаем в мир, в котором известны все наши действия, настоящие и будущие. За нами не стоит ничего неизвестного. Big data знает о нас все, где и когда мы бываем, что покупаем, что читаем и смотрим, за кого голосуем. Мы не знаем о себе всего того, что знают «они». Тем самым вне нашего желания мы стали единой большой семьей.

Т. Шоу в своей рецензии на книгу об интеллектуальном сотрудничестве Д. Канемана и А. Тверски, на которых базируется современное использование бихевиористских идей в плане понимания человеческой иррациональности, пишет: «Бихевиористские техники, используемые правительствами и частными корпорациями, не обращаются к нашему разуму, не пытаются убедить нас осознанно при помощи информации и аргументов. Скорее эти техники изменяют поведение, обращаясь к нашим нерациональным мотивациям, нашим эмоциональным триггерам и неосознаваемым предубеждениям. Если бы психологи обладали системным пониманием этих нерациональных мотиваций, они бы имели силу влиять на самые малые аспекты нашей жизни и самые большие аспекты наших обществ» [38].

Важным замечанием к этому разговору является то, что вмешательство в американские выборы было самой настоящей рекламой, выстроенной под индивидуального потребителя. К. Джек справедливо отмечает: «До некоторой степени переформатирование рекламы как пропаганды является вопросом семантики. Тем не менее, используя нагруженный термин типа пропаганды вместо рекламы, вскрывает удивительную нейтральность последнего термина. Реклама сейчас находится в центре нескольких публичных обсуждений, все из которых имеют последствия для функционирования демократии. Стоит при этом задуматься, является ли реклама нейтральной силой, а также спросить, как это делали многие американцы в двадцатом столетии, каково место массовых и персонализированных убеждающих кампаний в обществе» [39].

Ф. Бабецки, возглавляющий кафедру аналитики в Школе разведывательного анализа им. Шермана Кента в Университете ЦРУ, называет работу Канемана обязательной для прочтения аналитиками разведки [40]. Например, утверждается следующее: «С точки зрения концепции Канемана, значительная часть работы спецслужб сводится к тому, чтобы, ухватив возможности, предоставляемые фальсифицированными взаимодействиями системы 1 и системы 2 мышления иностранных актеров, в то же время признать и смягчить недостатки собственной системы 1 и 2 взаимодействий. Вражеские службы и организации пытаются в ответ сделать то же самое.

Оперативные сотрудники полагаются на отклонения иностранных офицеров контрразведки, советуя своим важным активам избегать активации какой-либо системы мышления у людей, работающих на то, чтобы причинить им вред. Советские управляющие Олдричем Эймсом предпочитали, чтобы мы не фокусировали систему на том, как он купил «Ягуар» на зарплату, для системы 1 был найден рассказ о наследстве жены, легко воспринимаемый когнитивно. Предубеждения отрицали «правдоподобие» во время тайных операций. Эффективные операции обмана существенно опираются на предубеждения цели, чтобы сделать для цели более легким то, во что они были готовы поверить».

Здесь также говорится, что известная книга по психологии разведывательного анализа ЦРУ Хейера [41] основывалась на одном из первых вариантов работы Канемана. И это хороший пример того, что разумная работа находит применение во множестве областей, что мозги правят бал, хоть и не так часто, как хотелось бы.

Интересно, что в 2007–2008 гг. Канеман давал мастер-классы на тему «Думать о том, как думать». И его слушали: Джеф Безос (создатель Амазона), Ларри Пейдж (Гугл), Сергей Брин (Гугл), Натан Мирвольд (Майкрософт), Шон Паркер (Фейсбук). Элон Маск (Тесла), Эван Уильямс (Твиттер), Джимми Уэйлс (Википедия). Как видим, люди с мозгами любят слушать людей с мозгами.

Это сторона, которая в состоянии управлять разнообразием. Другая сторона видит в разнообразии опасность, ярким примером которой является Китай. Руководитель компартии Китая Си Цзиньпин рассматривает западный вариант интернета как противоречащий китайским ценностям. Газета «Гардиан» констатирует: «Для Си Цзиньпина нет разницы между виртуальным миром и реальным: они оба должны отражать те же политические ценности, идеалы и стандарты. Для этого правительство инвестирует в технологические апгрейды, позволяющие заниматься мониторингом и цензурированием контента. Приняты новые законы о приемлемом контенте, а те, кто игнорирует новые ограничения, агрессивно наказываются. При Си иностранные производители контента столкнулись с ограничениями в доступе к Китаю. Они были вытолкнуты как идеологической войной Си, так и его желанием, чтобы китайские компании доминировали в быстро развивающейся онлайн экономике страны» [42].

О Си говорят, что он создает апгрейд государства наблюдения за всеми, поскольку Китай стал самым большим покупателем технологий наблюдения и безопасности. К 2020 году будет установлено 300 миллионов камер наблюдения [43]. При этом люди начинают вести себя более правильно, поскольку не знают, наблюдают ли за ними в этот момент.

Ограничивая интернет, с другой стороны, Си Цзиньпин, возможно, слишком спешит, поскольку соцмедиа дают новые возможности по

управлению мыслями граждан. Например, Фейсбук запатентовал новое приложение, позволяющее записывать аудио просматриваемого потребителем содержания [44]. Это дает возможность определять его предпочтения. И это еще один тип инструментария, используемого Фейсбуком для идентификации своего потребителя [45–47], не говоря о новых возможностях дигитальной пропаганды в целом [48–50].

М. Косински, один из первопроходцев использования Фейсбука для определения политических, сексуальных и прочих взглядов пользователей, оправдывает себя такими словами: «Я не построил бомбу, я только показал, что она существует» [51]. Интересно при этом и то, что 14 июля 2017 г. его привезли на вертолете на окраину Москвы для выступления перед Д. Медведевым и его министрами. В первом ряду сидел С. Лавров, которого Косински интересно характеризует: «знаете, тот парень, который начинает войны и захватывает страны». И еще одна характеристика: «Эти ребята поразили меня тем, что являются наиболее компетентной и хорошо информированной группой. Они сделали свою домашнюю работу, прочитав мои статьи».

Эту встречу в Москве организовал корпоративный университет Сбербанка в качестве образовательного дня для министров. Косински говорит: «Реально я не понял контекста. Они посадили меня в вертолет, мы прилетели, и я вышел на сцену. В вертолете я получил брифинг о том, кто будет меня слушать. Потом я выступил и поговорили о том, как искусственный интеллект меняет общество. И меня отправили назад».

Следует помнить, что идентичность меняется медленно, инерционно сохраняя свои предшествующие состояния. Ю. Пивоваров говорит, отвечая на вопрос, в чем отличие советской идентичности от русской: «В понимании природы человека. Дореволюционная Россия была христианской цивилизацией, в основе которой лежит идея первородного греха. Если с христианином случится беда, он не будет в ней обвинять окружающих, а сочтет это наказанием за свои грехи. Но советский человек мыслит иначе – у него все виноваты, кроме него самого. Ему свойственно причудливое сочетание непомерной гордыни и комплекса неполноценности. Он нередко двуличен, он может бояться начальства и одновременно презирать его. Все, кто родились и выросли в СССР, – это советские люди. Я с Кургиняном могу жестко спорить на телевизионных ток-шоу, но мы оба с ним Homo sovieticus. Путин и Порошенко могут люто ненавидеть друг друга, но они тоже носители советской идентичности» [52].

Мир становится все более сложным. В ответ усложняются технологии управления ним. Мы видим бурное развитие поведенческих подходов, работающих с человеком в автоматическом режиме даже вне его разума. А социальные платформы усиленно собирают любую индивидуальную информацию о человеке. Все это дает возможность управлять человеком, даже не пытаясь создать в нем единую

идентичность. Единообразие мозгов создавалось одними методами, многообразие разума – будет управляться другими.

Литература

1. Yorke B. Alfred the Great: The Most Perfect Man in History? // www.historytoday.com/barbara-yorke/alfred-great-most-perfect-man-histor.
2. Who says King Alfred burned the cakes? // www.eurekalert.org/pub_releases/2007-03/uol-wsk030907.php.
3. Craig G. Alfred the Great: a diagnosis // www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1293232/pdf/jrsocmed00124-0067.pdf.
4. Brookes S. New research indicates that Alfred the Great probably wasn't that great // theconversation.com/new-research-indicates-that-alfred-the-great-probably-wasnt-that-great-74464.
5. Henig R. M. Darwin's god // www.nytimes.com/2007/03/04/magazine/04evolution.t.html.
6. Тилли Ч. Война и строительство государства как организованная преступность // hvylya.net/analytics/society/voyna-i-stroitelstvo-gosudarstva-kak-organizovannaya-prestupnost.html.
7. Рансьер Ж. Большой разговор. Интервью // www.colta.ru/articles/society/18387.
8. Почепцов Г. Пропагандистские уроки от Игнасио Лойолы, создателя ордена иезуитов // ms.detector.media/trends/1411978127/propagandistskie_uroki_ot_ignasio_loyoly_sozdatelya_ordena_iezuitov/.
9. Почепцов Г. Методи створення пафосу: від єзуїта Ігнатія Лойоли до режисера Сергія Ейзенштейна // www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?I21DBN=LINK&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&2_S21P03=FILA=&2_S21STR=PoMe_2008_5_3.
10. Эйзенштейн С. Станиславский и Лойола // www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/384/.
11. Федулова А. Антон Макаренко. Популярен в мире и не актуален в России // krasvremya.ru/anton-makarenko-populyaren-v-mire-i-ne-aktualen-v-rossii/.
12. Кудряшов К. Парадокс системы Антона Макаренко. Ее внедряли во всем мире, но не у нас // www.aif.ru/society/history/paradoks_sistemy_antona_makarenko_ee_vnedryali_vo_vsem_mire_no_ne_u_nas.
13. Афанасьева Н. Антон Макаренко: «Люблю я этот отдел человечества» // ria.ru/analytics/20130313/927097198.html.

14. Хиллиг Г. А. С. Макаренко и В. А. Балицкий. Два соратника на службе украинского ГПУ // makarenko-museum.ru/lib/Science/Hillig/knp62_65-67_Hillig_Goetz_ASM_and_Balitsky.pdf.
15. Хиллиг Г. Макаренко и власть // makarenko-museum.ru/lib/Science/Hillig/Hillig_G_Makarenko_and_Power.htm.
16. Почепцов Г. «Промывание мозгов» как технология влияния // psyfactor.org/lib/brainwashing2.htm.
17. Левин Д. Китайское общество искренности // etika.nplus1.ru/privacy/dictatura?utm_source=obrazovach&utm_medium=social&utm_campaign=v-kitae-uzhe-neskolko-let-ispytyvayut-rey.
18. Swann W. B. a. o. When Group Membership Gets Personal: A Theory of Identity Fusion // files.identityfusion.org/200000169-838f685808/2012_Swann_et%20al.pdf.
19. Newson M. Football, Fan Violence, and Identity Fusion // www.researchgate.net/profile/Martha_Newson.
20. Newson M. a. o. Brazil's football warriors: Social bonding and inter-group violence // www.researchgate.net/profile/Martha_Newson.
21. Murphy M. Football hooligans behave like TERRORISTS, Oxford University academic claims // www.thesun.co.uk/tech/4551121/football-hooligans-behave-like-terrorists-oxford-university-academic-claims/.
22. Whitehouse H. a. o. Brothers in arms: Libyan revolutionaries bond like family // labs.la.utexas.edu/swann/files/2016/02/a-study-of-rebels.pdf.
23. Swann W. B. a. o. Identity fusion // labs.la.utexas.edu/swann/files/2016/03/52-57.pdf.
24. Swann W. B. a. o. Dying and Killing for One's Group: Identity Fusion Moderates Responses to Intergroup Versions of the Trolley Problem // *Psychological Science*. – 2010. – Vol. 21. – № 8.
25. Oullier O. Neuroscience can help explain football fans' behaviour // www.thenational.ae/opinion/comment/neuroscience-can-help-explain-football-fans-behaviour-1.751176.
26. Семиволос І. Луганщина: як воно є // zbruc.eu/node/81016.
27. Грицак Я. Галичина має дуже сильну цивілізаційну місію // zbruc.eu/node/78028.
28. Шевчук Ю. Чому українці вважають росіян своїми // zbruc.eu/node/81195.
29. Bajrovic R. a. o. Hanging by a Thread: Russia's Strategy of Destabilization in Montenegro // www.fpri.org/wp-content/uploads/2018/07/kraemer-rfp5.pdf.
30. Maza C. Exclusive: Russian military spies backed attempt assassinate leader Montenegro, report says // www.newsweek.com/exclusive-russian-military-spies-backed-attempt-assassinate-leader-montenegro-1007324.

31. Малинецкий Г. Вся цифровая экономика должна быть выброшена как целое // izborsk-club.ru/15472.
32. Беседин П. Время шлюх: россиянки на мундиале позорят себя и страну // www.mk.ru/social/2018/06/27/pokolenie-shlyukh-rossiyanki-na-mundiale-pozoryat-sebya-i-stranu.html.
33. Беседин П. После статьи «Время шлюх» оставляю угрозы за скобками // www.mk.ru/social/2018/06/28/platon-besedin-posle-stati-vremya-shlyukh-ostavlyu-ugrozy-za-skobkami.html.
34. Мельман А. Платон Беседин думает, что в СССР жили только пуритане // www.mk.ru/social/2018/06/28/platon-besedin-dumaet-cto-v-sssr-zhili-tolko-puritane.html.
35. Шаргунов, Райхельгаз, Швыдкой откликнулись на статью «Время шлюх» // www.mk.ru/social/2018/06/29/shargunov-raykhelgauz-shvydkoy-otkliknulis-na-statyu-vremya-shlyukh.html.
36. «Готовы раздвинуть ноги при звуке иностранной речи». Кто и зачем объявил россиянкам войну за секс с иностранцами // lenta.ru/articles/2018/07/01/misogynist/.
37. Жукова Л. и др. Раздвигают ноги на инстинктивном уровне. Россиянок обвиняют в «шлюховатости» // lenta.ru/articles/2018/07/06/mg/.
38. Shaw T. Invisible manipulators of your mind // www.nybooks.com/articles/2017/04/20/kahneman-tversky-invisible-mind-manipulators/.
39. Jack C. Grappling with the Weirdness of Advertising // points.datasociety.net/grappling-with-the-weirdness-of-advertising-8be8329f1977.
40. Babetski F. J. Rev. of Kaneman D. Thinking, fast and slow // www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol.-56-no.-2/thinking-fast-and-slow.html.
41. Heuer R. J., Jr. Psychology of Intelligence Analysis // www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/psychology-of-intelligence-analysis/index.html.
42. Economy E. C. The great firewall of China: Xi Jinping's Internet shutdown // www.theguardian.com/news/2018/jun/29/the-great-firewall-of-china-xi-jinpings-internet-shutdown.
43. Mozur P. Inside China's Dystopian Dreams: A. I., Shame and Lots of Cameras // www.nytimes.com/2018/07/08/business/china-surveillance-technology.html?hpw&rref=business&action=click&pgtype=Homepage&module=well-region@ion=bottom-well&WT.nav=bottom-well.
44. Solon O. Facebook patents system that can use your phone's mic to monitor TV habits // www.theguardian.com/technology/2018/jun/28/facebook-patent-phone-mic-listening-tv-shows.

45. Words we use on the internet show our age, gender and personality // www.psychometrics.cam.ac.uk/news/the-language-of-social-media.
46. Schwartz H. A. a. o. Personality, Gender, and Age in the Language of Social Media: The Open-Vocabulary Approach // journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0073791#s4.
47. Collins K. a. o. How Researchers Learned to Use Facebook 'Likes' to Sway Your Thinking // www.nytimes.com/2018/03/20/technology/facebook-cambridge-behavior-model.html?ribbon-ad-idx=5&rref=homepage&module=Banner&version=origin@ion=Header&action=click&contentCollection=Home%20Page&pgtype=article.
48. The Disinformation Playbook // www.ucsusa.org/our-work/center-science-and-democracy/disinformation-playbook#.Wz-SPdlzZEb.
49. Marwick A. a. o. Media Manipulation And Disinformation Online // datasociety.net/pubs/oh/DataAndSociety_MediaManipulationAndDisinformationOnline.pdf.
50. Scott J. Metadata: The Most Potent Weapon in This Cyberwar. The New Cyber-Kinetic-Meta War // icitech.org/wp-content/uploads/2017/07/ICIT-Brief-Metadata-The-Most-Powerful-Weapon-in-This-Cyberwar1.pdf.
51. Lewis P. 'I was shocked it was so easy': meet the professor who says facial recognition can tell if you're gay // www.theguardian.com/technology/2018/jul/07/artificial-intelligence-can-tell-your-sexuality-politics-surveillance-paul-lewis.
52. Пивоваров Ю. У советского человека виноваты все, кроме его самого. Интервью // lenta.ru/articles/2016/01/16/homosoveticus/.

3. Лицо героя и личина врага

Сталинская система героики повторяет модель христианских мучеников, которые не щадят свое тело ради спасения души. Советский герой отдавал свою биологическую жизнь ради спасения социума. Кстати, это общая модель выживания социума, построенная на религиозных или идеологических основаниях. Везде нужны люди, стоящие в критические минуты выше страха смерти.

Герой является составной частью пропаганды, которая направлена на то, чтобы так, как он, поступал каждый. Война всегда включает новые модели поведения, которые в мирной жизни не нужны.

Самопожертвование сегодня присутствует в радикальном исламе. Мы почти ежедневно читаем статьи о небольших терактах.

Функция героя – побеждать ради великой цели. Поэтому в СССР оказалось возможным перенести героизм и на трудовой подвиг. Перед

нами люди, поведение которых трудно достижимо. Но они должны присутствовать в азбуке поведения любого народа.

Советский Союз жил в режиме ожидания войны. Был даже довоенный фильм с таким четким названием – «Если завтра война» [1]. Потом после войны настоящей появлению ядерного оружия в некотором роде приостановило такую идеологию. И война перешла из горячей в холодную. Она стала более яростной, кровавой, с большим числом жертв, но только в воображении. Это был всплеск изображения врага во всех видах, всеми видами искусств. Советский Союз вновь обрел себя с возвратом врага.

Точно так другая сторона взяла на вооружение борьбу с тоталитаризмом, подаваемым как зло. Расхождение между союзниками началось уже во время войны: «С 1944 года пропаганда и контролируемые в соответствии с условиями военного времени медиа в США и Великобритании начали ощутимый дрейф в сторону критики сталинизма и советского режима, возобновили широкое освещение деятельности и заявлений советских «невозвращенцев» и перебежчиков на Запад, приостановленное в 1941–1943 гг. Появилась не только либертарианская проповедь эмигранта Ф. фон Хайека (1899–1992), уличавшего любое государственное регулирование как «путь к рабству» социализма и нацизма, а любой социализм как путь к тоталитаризму, прозвучала и критика слева, из уст эмигрировавшего австрийского коммуниста и пророка сексуальной революции Вильгельма Райха (1897–1957), который вновь обозначил единого врага интернационального Запада – самоизолировавшихся Гитлера, Муссолини и Сталина, которые равно «стали национал-социалистическими наследниками интернационального социализма Карла Маркса» [2].

Чем выше мы поднимаем героя, тем важнее становится функция врага. Если СССР имел мобилизационную политику и экономику, то без врага ее нельзя было претворить в жизнь. Более того, враг должен все время ощущаться, его дыхание можно услышать не только в литературе и искусстве, а иногда и в реальной жизни.

Идя на андроповско-горбачевскую конвергенцию систем, следовало принимать на себя чужих героев и чужих врагов, что является очень болезненным, вплоть до разрушения своей собственной виртуальной системы. И это также могло быть причиной торможения этой конвергенции. Виртуальных героев типа человека-паука или Джеймса Бонда принять легко, это происходит и сейчас, хотя Бонд как раз сражался с СССР, сложнее принять героев, за которыми стоят реальные прототипы, которые убивали по-настоящему.

Постсоветское пространство уменьшает роль «старых» героев и увеличивает роль «новых», более четко отражающих строительство нового мира, поскольку новый мир может стоять только на новых героях, которые достаточно часто не столь однозначны как прошлые герои,

поскольку те создавались в условиях закрытого общества. Если Украина попала под обстрел из-за своих новых героев со стороны Польши и Израиля [3], то Россия вообще не знает, к какому берегу ее может прибить, отсюда время от времени возникающие модели типа «остров Россия» или разговоры об отдельной цивилизации, которая ни в ком не нуждается. Правда, при этом Россия создает странного «кентавра» – берет достижения сталинского времени, замалчивая его преступления.

Это как раз связано с тем, что Россия находится на распутье. Вот мнение религиоведа А. Аполлонова: «Однако, будучи европейцами *de facto*, россияне не являются (и никогда не будут) европейцами *de jure*. Мне не хотелось бы пускаться в длительное обсуждение вопроса, почему это так, и поэтому я ограничусь общей фразой о том, что современная Россия является капиталистической периферией, а Европа – центром, и между ними «дистанция огромного размера». В условиях невозможности самоидентифицировать себя как европейцев россияне (главным образом русские) самоидентифицировали себя как православных (тем более что попытки обнаружить какую-нибудь «русскую идею», продолжавшиеся в течение всех 1990-х, вполне закономерно провалились). Видимый триумф православия в постсоветской России – результат попыток найти свою идентичность, а не результат богоискательства или некоего «духовного поиска». В обществе существует запрос не на религию, а именно на идентичность: религия как таковая большинству россиян безразлична. Именно поэтому у многих наших сограждан православие легко сочетается со старой советской идентичностью, в результате чего возникают такие странные явления, как иконы Сталина, а лидер КПРФ Геннадий Зюганов спокойно говорит о церкви как об одном из столпов России» [4].

Неудавшаяся попытка России вернуть Украину в свою виртуальную систему превратилась в военную аннексию Крыма: виртуальное стало реальным. Кстати, теперь расхождение стран, в прошлом именуемых братскими, наполнилось языком ненависти [5]. Причем этот язык должен действовать со стороны России намного сильнее, поскольку ей надо завлекать своих граждан воевать на чужой территории, Украина же воюет на своей.

Украина также имеет свой собственный набор ошибок при продвижении нового списка героев, поскольку отношение разных регионов к ним весьма различно. Поле неоднозначностей очень обширно, поэтому на нем могут возникать радикалы, отстаивающие свою позицию силой. Отсюда некое возрождение уличной политики, когда с врагами начинают бороться не словами, а кулаками.

Герой – это часть конкретной виртуальной системы, он, как атлант, держит ее на своих плечах. В этой системе нет места для чужого героя. Правда, искусственно его можно вводить не через учебники истории, а через тексты массовой культуры. Только когда порог сопротивления

будет перейден, настанет время для учебников истории. То есть для смены героики нужна смена поколений.

Сталин в 1937 г. через 20 лет после революции ввел массовые репрессии как метод политики. Никто не знает, почему это произошло. Но наш ответ на этот вопрос такой. Сталину нужно было заменить окончательно социальную память, чтобы люди помнили не то, что было раньше, а то, что сегодня было написано в книгах и газетах, снято в фильмах. Поэтому под каток машины пошли старые большевики и другие носители реальной памяти. Ленин когда-то поступил проще – он выслал пароходами и поездами старых профессоров. Но для 1937 года такая высылка была бы спасением, а не наказанием.

Борьба с врагами обрела новую системность, поскольку появилось понятие «внутреннего врага». Возникло даже понятие ЧСИР – член семьи изменника Родины [6–7]. Это позволяло изолировать жен и детей.

В некоторых системах даже враг получает некую сакральность, хотя и негативно-ориентированную, настолько необходим он для благополучия социосистемы, для создания и удержания ее идентичности.

Победа над врагом демонстрирует силу героев, чем сильнее враг, тем весомее герой. Наличие врагов в советский период объясняет «временные трудности», с которыми советский человек сталкивался ежедневно. Кстати, если в довоенное время акцент был на внутренних врагах, которых постоянно разоблачали, то в послевоенное – главным врагом стал внешний – американский империализм.

Сильный враг поднимает самочувствие и у героя, и у публики, которая лишь наблюдает за сражением. Сегодня люди легко входят в роли героев в видеоиграх и телесериалах. Герои и враги различимы сразу, визуальные каналы дают возможность создания четких типов, опираясь на стереотипы, хранящиеся в массовом сознании.

А. Архангельский, анализируя один из современных фильмов о войне, а сегодня эта тема стала практически мифологической, пишет:

«Предатели, которые готовы сдать город немцам, – это, конечно, обобщенный герой нового времени. Этот тезис часто используется для оправдания репрессий в известных кругах: «Да, сажали несправедливо, многие погибли безвинно, но ведь и настоящие предатели были! А если бы не репрессии, то их было бы вдвое, втрое больше!» Диверсанты в тылу – еще одна любимая тема советского кино. В результате роль диверсантов на войне оказалась неимоверно раздутой. В книге «Июнь 1941. Разгром Западного фронта» историк Дмитрий Егоров, дотошно воссоздавший картину первых дней боев, посвятил отдельную главу диверсантам – точнее, мифу о них. В те дни, по воспоминанию очевидцев, слух о диверсантах был тотальным – о целых ротах и батальонах, переодетых в советскую форму и брошенных в глубокий советский тыл. В большинстве случаев, утверждает исследователь, эти слухи не имели под собой основы и самовоспроизводились по принципу

«у страха глаза велики». Общество, выросшее в атмосфере взаимной подозрительности, на фоне первых дней войны, пишет автор, искало логических объяснений неудачам на фронте – и находило их с помощью таких вот формулировок: “всюду предатели”» [8]

Как видим, враги-предатели являются очень важной составляющей построенной системы. Без них невозможно объяснить необъяснимое, почему происходит отставание страны от другого мира.

Ю. Пивоваров объясняет приход нацизма в Германии и большевизма в России демографическим взрывом девятнадцатого века: «Когда немецкие крестьяне потянулись из перенаселенной деревни в город, там многие места уже были заняты евреями, что во многом обусловило дальнейший всплеск антисемитизма, а потом и успех Гитлера. В России аграрное перенаселение, случившееся после отмены крепостного права (но не только по этой причине), привело к усилению социальной розни в деревне (земли для всех не хватало). Обострились межклассовые противоречия в городе, ведь городской пролетариат пополнялся в основном за счет безземельных крестьян (большевики впоследствии сыграют на всем этом). В обеих странах было огромное число малограмотной неприкаянной молодежи, не имевшей перспектив на будущее» [9].

Кстати, М. Бейтсон объясняет однотипно и так называемую арабскую весну, когда пятилетняя засуха привела к миграции сельского населения в город, где не оказалось работы [10]. И это, по сути, объяснение более «физиологического» уровня, чем громкие слова о борьбе за демократию. И именно такого уровня причины имеют большую достоверность.

Враг очень четко выделен как зло в критических ситуациях, например, во время войны. Однако поскольку советская система все время жила как бы во вражеском окружении, война была частью ее мирной жизни. Теперь эта роль «враждебности» автоматически возникает на постсоветском пространстве во время президентских выборов.

Когда-то уже Первая мировая война выявила болевые точки массового сознания. Это были зверства военных (реальные или мифические) против мирного населения, причем значимыми являются жертвы именно среди стариков, женщин и детей. Эта болевая точка есть и сегодня, например, скандал с разделением детей и родителей-беженцев на границе Мексика – США сразу вызвал всеобщее осуждение [11–13]. Или якобы отделенная от родителей плачущая девочка, изображение которой вирусно прокатилось в медиа, попав даже на обложку журнала Time [14–18]. Кстати, это фото помогло собрать 18 миллионов пожертвований на то, чтобы объединить таким образом разделенные семьи.

Во время войны врага создают не только естественно, но и искусственно, отдавая ему все существующие в массовом сознании отрицательные черты. Это сложный и системный процесс создания опасного и коварного

врага. Например, О. Рябов написал об использовании смены мужских и женских характеристик: «В концептуализации отношений между нациями или между культурами широко используется атрибутирование маскулинных черт Своим и феминных – Чужим. Эксплуатация пропагандой утверждений о женственной природе Врага – тенденция, достаточно хорошо исследованная на примере военного, политического, межкультурного дискурсов. [...] В частности, это было отмечено в постколониальных исследованиях, в том числе в труде Эдварда Саида «Ориентализм» (Said 1978), к публикации которого обычно возводят появление этой отрасли знания. При этом, заметим, изображение Врага в женском облике может преследовать цель породить не только ощущение собственной силы и уязвимости соперника, но и чувство страха перед его силой, коварством и непредсказуемостью» [19]. Кстати, можно вспомнить и убегающего в женском платье из Зимнего А. Керенского, что сам он, правда, всегда отрицал. Но пропагандистски такое преобразование выглядит очень красиво и всегда использовалось в кино.

Россия создала своей пропагандой странный феномен, выведя на войну во многом однотипных людей, которых пропаганда привела в Украину воевать. Причем важно то, что другая сторона не может воевать против своих, поэтому происходит переименование вооруженных сил Украины в разговорах на «немцев», что можно увидеть в репортажах Д. Асламовой с Донбасса [20–21].

После прочтения этих репортажей остается ощущение, что российская пропаганда сделала из войны с Украиной чуть ли не религиозную войну, под знамена которой собирают граждан России. Можно сравнить это с мнением современных религиоведов, заявляющих о терроризме следующее: «Все современные мировые религии навязывают моральную основу своим приверженцам, тем самым позволяя террористам представить свои конфликты в морально абсолютной дихотомии, такой, как хорошие против плохих или праведники против зла. Легитимизируя собственные причины, религия особенно эффективно демонизирует тех, у кого есть противоположные взгляды» [22].

Как оказалось, мини-враги нужны и на экране российских политических ток-шоу. По этой причине на российском телеэкране присутствуют с одной стороны условные типажи, с другой реальные люди – «украинец», «американец», «поляк», которые ходят на разные телеканалы, иногда попадая в драки, в результате чего внимание зрителей становится еще сильнее.

Единение нации Россия создает на внешней повестке дня, размещая там всех свои реальных и вымышленных врагов. Н. Исаев, директор Института актуальной экономики, объясняя это, говорит: «Возвращение Крыма, борьба с террористами в Сирии, создание многополярного мира – все это поддерживает большинство населения страны, кроме совсем

уж отмороженных оппозиционеров. А вот обсуждать внутренние проблемы – не так комфортно. Ну расскажут о неладах в каком-нибудь городе. И зритель спросит: а кто же в них виноват? Не Запад ведь. Может, мэр, губернатор, правительство? Тут надо разбираться, давать ответы на сложные вопросы. На такую зыбкую почву ни один редактор телешоу добровольно не ступит. Лучше в сотый раз обсудить бесчинства неонацистов на Украине» [23].

Ведущие там не только дерутся с гостями, но и матерятся, как это произошло с А. Шейниным. Как написал Д. Быков: «Шейнин сам возмущается: у вас что, других новостей нет, кроме одного матерного слова в прямом эфире? Правильно возмущается. Какая вам разница, что сказали актер, шоумен, писатель? Их профессия – наглядно продемонстрировать разнообразные мировоззренческие и поведенческие крайности. У Шейнина такая же профессия. Он не аналитик, не мыслитель, а звезда бесконечного фрик-шоу. С этой работой он справляется отлично» [24].

Население при этом не знает, что и откуда приходит, кто руководит этими процессами. Оно не может присутствовать на совещаниях, где обсуждаются будущие темы и приглашаемые люди. Население считает все это естественной реакцией естественных людей, перенося этот тип поведения на себя.

Режиссер М. Патласов, поставивший Гайдара на театральной сцене, а Гайдар косвенно затронул и тему врагов и репрессий, говорит: «Я чувствую в этом смысле метания Гайдара. Может быть, нам сегодня нужно понимать: не политики переписали наше сознание, это сделали мы, художники. И это, в том числе, история об ответственности нашей, художников. Мы не имеем права повторять сегодня эти ошибки» [25].

То есть мир равноправно создан как политиками, так и писателями, режиссерами, художниками, которых Сталин называл «инженерами человеческих душ», а Хрущев – «автоматчиками партии». И это снова как бы два разных инструментария: сложный и простой. Сложный инструментарий работал с душой, простой – с телом. Хотя Сталин работал и с тем, и другим, имея сильный репрессивный аппарат. У Хрущева также был сильный репрессивный аппарат, но его возможности были уже направлены не на посадки, а на профилактику, как это тогда называлось. С человеком вели беседы, не пускали за рубеж, но в любом случае оставляли живым. КГБ осваивало иные методы управления массами. Поэтому большую роль стали играть «ракетчики партии», если их можно так обозначить – телевидение и кино. С кино, правда, была сложность, что оно работало и на зарубеж, фильмы участвовали в кинофестивалях, поэтому в этой сфере, но не в печати были возможны послабления.

Г. Павловский говорит о путинском понимании врага в отличие от предателя, приводя дословную цитату: «Враги прямо перед вами, вы

боретесь с ними, но настало перемирие – и конфликт закончен. А предатель должен быть уничтожен, раздавлен» [26]. С другой стороны, как-то трудно поверить в такую модель в голове Путина, вряд ли он в состоянии оставить врага в покое, а с предателем все понятно и так.

И герой, и враг во многом конструируются красивыми словами. Вообще роль слов как главного механизма воздействия до конца не исследована. Почему заданная словами интерпретация очень слабо поддается реинтерпретации? Научный ответ известен: первая интерпретация всегда оказывается более сильной, чтобы от нее избавиться, надо заложить больше усилий, чем это потребовалось в первый раз.

Кстати, Павловский вспоминает несколько примеров, которыми можно проиллюстрировать роль слов, точнее коммуникации, в избрании Путина:

– «У меня до сих пор где-то валяется текст сообщения ТАСС от 1 декабря с моей правкой, где я заменил термин «коалиция большинства» на «путинское большинство». Выборы далеко впереди, и большинства у Путина нет, но кампания перестраивается вокруг новой идеи. Отныне Путин не «кандидат Ельцина», а выдвиженец путинского большинства нации. Он идет на выборы как представитель якобы реального большинства, и другим лучше расступиться. Здесь не силовой, а национальный аспект: новая нация входит в государственные права. Кампания облеклась в стилистическую маску национально-освободительной революции – простой парень из ленинградских коммуналочек именем народного большинства берет Кремль!»;

– «В декабре 1999 года в оборот пустили выражение «Путин безальтернативен». Оно живет по сей день, но пришло не от нас, этим ценным подарком Путина наградили враги. Они обвиняли его в безальтернативности, когда еще Примаков и Лужков не снялись с выборов и были другие сильные кандидаты. Что означало слово «безальтернативен»? Мы попытались спорить с этим тезисом, но вскоре, оценив выгоду, сами стали применять его в пропаганде»;

– «В день выборов президента в марте 2000 года я ликовал в штабе со всеми. Каждый говорил тост, и Сурков произнес то сакраментальное «За обожествление власти!» Меня это слегка оцарапало, хотя культ власти тогда разделял и я. Но ведь мы уже взяли власть, разве нет? Теперь ее надо использовать, и незачем обожествлять»;

– «Инструментальная бедность федеральной власти толкала на крайние средства. Ведь и эксперименты Кремля с медиаполитикой развернулись поначалу не от избытка коварства, а от нищеты государственного инструментария – у федерального центра не было денег и авторитета. Указам президента даже губернаторы подчинялись изредка и с неохотой, зато центральную прессу и телевидение потребляла вся страна. Так слабый Кремль нащупывал новую силу, постоянно импровизируя с коммуникативностью» [26].

– «Я занимал крайне радикальную позицию упора на персоналистский фактор Путина. Все вот это, что вы видите, картину “Путин решает все в стране” – это же мы строили» [27].

Есть интересный пример и у М. Бейтсон, дочери двух великих антропологов – Г. Бейтсона и М. Мид [10]. Он касается системы греческих богов Зевса и Геры и т. д. Среди богов были споры, женитьбы, разводы, как и у людей. В результате греческая религиозная система легко транслируется с того, что вы знаете о своих родственниках, на знание того, что происходит с погодой, климатом, урожаем, международными отношениями и под. Она говорит: «Метафора задает рамку мышления, когда знание одного ты можешь применить к знанию другого. Эта форма мышления по аналогии».

И последнее замечание. Вероятно, в будущем будут обращать серьезное внимание на нейробиохимический и нейропсихологический инструментарий создания единства и патриотизма. Несомненно, что ритуалы парадов и демонстраций, особенно в сталинское время создавали тот уровень воодушевления, который мог перекодироваться в нужные ментальные структуры. Чествование героя или уничтожение врага должны давать всплески тестостерона, которыми наверняка пользуются государства.

Можно привести также следующие примеры, где скачки тестостерона выявлены объективными методами:

– победа команды дает болельщику 25-процентное повышение тестостерона, проигрыш – такое же понижение [28]. Отсюда радость на улицах с переворачиванием скамеек, но и гордость за родную страну,

– повышение тестостерона меняет поведение в пользу обладания более статусными вещами, что показали эксперименты с искусственным введением тестостерона в одной группе и плацебо в другой, люди с тестостероном выбирали внешне-ориентированные дорогие предметы [29],

– самым удивительным эффектом, но который во многом объясняет предыдущие два, является то, что тестостерон переводит принятие решений на автоматическую систему, систему 1, как ее называют, против системы 2, требующей размышлений [30]. Утрируя, можно сказать, что возникает человек-автомат, реакции которого предсказуемы.

Стране нужны герои. Но стране нужны и враги, чтобы героям было где проявить себя. Герои и враги всегда идут в сцепке, они неразрывны. Но одних мы любим, а других ненавидим. Перестройка сделала эксперимент, поменяв местами государственных героев и государственных врагов. Но массовое сознание выдержало это.

Литература

1. Если завтра война // ru.wikipedia.org/wiki/%D0%95%D1%81%D0%BB%D0%B8_%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D1%82%D1%80%D0%B0_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0...
2. Колеров М. А. Тоталитаризм: русская программа для западной доктрины // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2018. – М., 2018.
3. Касьянов Г. Если бы Украинская революция закончилась провалом, не было бы УССР. Интервью // www.dsnews.ua/economics/georgiy-kasyanov-petyura-vinnichenko-i-grushevskiy-vse-30052018220000.
4. Аполлонов А. Россия пострелигиозная // www.strana-oz.ru/2013/1/rossiya-postreligioznaya.
5. Скоркин К. Общий язык ненависти / www.strana-oz.ru/2014/6/obshchiy-yazyk-nenavisti.
6. Член семьи изменника Родины https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%BB%D0%B5%D0%BD_%D1%81%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D0%B8_%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%A0%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D1%8B.
7. Кречетников А. Как в СССР сажали жен и детей «изменников родины» // www.bbc.com/russian/features-40471460.
8. Архангельский А. Незримый не бой // www.kommersant.ru/doc/3668405.
9. Пивоваров Ю. У советского человека виноваты все, кроме его самого. Интервью // lenta.ru/articles/2016/01/16/homosoveticus/.
10. Bateson M. How to be a systems thinker // www.edge.org/conversation/mary_catherine_bateson-how-to-be-a-systems-thinker.
11. Cumming-Bruce N. Taking Migrant Children From Parents Is Illegal, U. N. Tells U. S. // www.nytimes.com/2018/06/05/world/americas/us-un-migrant-children-families.html.
12. Estepa J. Immigrant children: Here's what's happening with kids at the border, policywise // eu.usatoday.com/story/news/politics/onpolitics/2018/05/29/heres-what-happening-immigrant-children-u-s-border/650755002/.
13. Osborne D. History will never let Donald Trump escape the shame of separating parents and the children at the border // www.independent.co.uk/voices/trump-us-border-children-immigrants-wall-parents-separate-families-a8374671.html.
14. Schmidt S. a. o. The crying Honduran girl on the cover of Time was not separated from her mother // www.washingtonpost.com/news/morning-mix/wp/2018/06/22/the-crying-honduran-girl-on-the-cover-of-time-was-not

separated-from-her-mother-father-says/?noredirect=on&utm_term=.332c6457c2ad.

15. Kirby J. Time's crying girl photo controversy, explained // www.vox.com/policy-and-politics/2018/6/22/17494688/time-magazine-cover-crying-girl-photo-controversy-family-separation.

16. Watson J. Fake news: crying child used by TIME magazine&CNN was never separated from her mother // www.infowars.com/fake-news-crying-child-used-by-time-magazine-cnn-was-never-separated-from-her-mother/.

17. Leswing K. Facebook exec says the controversial Time cover with Trump and a crying girl is a good example of a 'difficult call' on fake news // www.businessinsider.com/facebook-trump-time-cover-with-crying-girl-example-of-difficult-call-fake-news-2018-7?IR=T.

18. Blake A. Time magazine's major mistake on the crying-girl cover // www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2018/06/22/time-magazines-major-screw-up-on-the-crying-girl-cover/?utm_term=.e465f0c5a30d.

19. Рябов О. Нация и гендер в визуальных репрезентациях военной пропаганды // psyfactor.org/psyops/propaganda-war-3.htm.

20. Асламова Д. «Я другой работы, кроме войны, не знаю»: почему защитникам Донбасса так трудно вернуться домой // www.rostov.kp.ru/daily/26851.4/3892816/.

21. Асламова Д. Почему русские воюют с русскими на Донбассе // www.crimea.kp.ru/daily/26851/3893380/.

22. Sosis R.a. o. Adaptive Militants and Martyrs? What Evolutionary Theories of Religion Tell us about Terrorism // pdfs.semanticscholar.org/4dcb/d2e544ba89f05852a1c5a83652aad7a7b373.pdf.

23. Чесноков Э. Тайны политических телешоу: аплодисменты – по команде, злодеи – на зарплате, а драки – строго раз в квартал // www.kp.ru/daily/26846/3892335/.

24. Быков Д. Не бейте по Шейнину // sobesednik.ru/dmitriy-bykov/20180703-dmitrij-bykov-ne-bejte-po-shejninu.

25. Наше сознание переписали не политики, а художники // www.rosbalt.ru/piter/2018/05/31/1708259.html.

26. Преемник. Иная власть // www.colta.ru/articles/society/18517.

27. Бекбулатова Т. Диссидент, который стал идеологом Путина, подлинная история Глеба Павловского, человека, придумавшего современную российскую власть // meduza.io/feature/2018/07/09/dissident-kotoryu-stal-ideologom-putina.

28. Connor S. Testosterone levels rise when footballers score // www.independent.co.uk/news/testosterone-levels-rise-when-footballers-score-1602771.html.

29. Nave G. a. o. Single-dose testosterone administration increases men's preference for status goods // www.nature.com/articles/s41467-018-04923-0.
30. Nave G. a. o. Single dose testosterone administration impairs cognitive reflection in men // *Psychological Science*. – 2017. – Vol. 28. – I. 10.

Глава одиннадцатая

Взаимоотношения виртуальности и реальности

1. Как виртуальная и информационная среды побеждают реальную

Информация сегодня стала свободна от человеческого управления, характерного для прошлого. Информационные толпы из соцмедиа могут порождать все вне любого контроля. Как оказалось, скрыто управляемые индустриально, они могут вмешиваться и в социальные процессы, например, в выборы. Это происходит, когда якобы случайные информационные потоки вдруг оказываются системными. Тогда они могут сносить на своем пути любые преграды, поскольку государства научились работать против системного противника, но не против случайного. Советский Союз мог работать и против случайного врага, но тогда ему приходилось превращать его в системного, арестовывая, к примеру, по анкетным данным всех священников или всех дореволюционных профессоров. Тем самым искомый враг все равно попадал в сети.

Информация прошлого была силой в упряжке с религией или идеологией. С этой информацией могли работать только особо выделенные «мета-люди»: жрецы в далеком прошлом или подчиненные М. Суслова в недавнем прошлом. Брежнев отвергал в своих речах редкие цитаты классиков марксизма, говоря, ну кто же поверит, что Леня Брежнев читал это.

Даже негатив, а он, по определению, был антивластный и потому достаточно сильный, не мог разрушить религиозную или идеологическую систему, а приводил только к наказанию того, кто осмелился этот негатив распространять.

Знание было опасным. Сталин уничтожает всех участников семнадцатого съезда, когда большой объем голосов был подан против него. Цифры проголосовавших против расходятся: от 169 до 292 по разным источникам. А всего голосовало 1225 человек. Тем самым вновь Сталин здесь делает системным своего врага, уничтожая всех проголосовавших, чтобы избавиться от проголосовавших «против».

Государства контролировали в первую очередь распространение информации, а не саму информацию. Анекдот про Брежнева спокойно циркулировал, поскольку передавался устно. Но он не мог попасть в массовую циркуляцию.

Страны соцлагеря жили в системе контроля информации. Все, что читалось или смотрелось на экране, должно было проходить предварительную цензуру. Сначала пишущие машинки, а потом и множительные аппараты были под жестким контролем. Режим в Польше падает, когда католическая церковь ввозит из-за рубежа множительные аппараты для Солидарности.

Церковь была сильна, пока не появилось книгопечатание. И хоть первым заказом была Библия, потом все изменилось. Еретические сочинения также получили возможность для распространения. Условный враг церкви – наука, благодаря изобретению печати, объективизировалась и стала на самостоятельные ноги. Возникли национальные государства, поскольку книги стали печататься не только на латыни, но и на языках, на которых говорили люди.

От католицизма отделились более современные направления, которые пошли по миру без прошлых страхов. В результате протестантские страны показывают лучшие результаты развития, чем страны католические. Православные страны идут только после них. Это объясняют тем, что протестантские страны получили церковь как новую иерархию, и власть перестала быть в центре всего, а в православии церковь всегда подчиняется власти. Несколько центров власти способствуют более динамичному росту, наличие одной вертикали в виде царя-генсека-президента тормозит развитие. А постсоветское пространство вообще не выполняет закон разделения властей, поскольку все квазинезависимые структуры готовы делать все по указке сверху.

Газеты создают единый информационный поток, порождая массового человека, который и знает одно и то же, и понимает его одинаково. Ему вскоре потребовалась и массовая культура, чтобы наполнить его мозги правильными эмоциями, а не только правильной информацией. Образование также создает типаж единого гражданина с единой картиной мира в голове, который одновременно может по указке то хлопнуть, то осуждать.

В этой точке развития уже возможно возникновение массового продукта и массового потребления. Кстати, книга была первым таким продуктом, поскольку каждый экземпляр не отличался от другого, чего нет в ручном производстве.

Тиражируемый массовый продукт всегда характеризуется упрощением. И это стало законом также для массовых коммуникаций и массовой культуры, поскольку большие тиражи требуют простых рассказов, интересных сразу для всех. Сегодня человечество попало в очередной

такой же цикл, который управляется не информационными или виртуальными потребностями, а экономикой внимания. В свое время Голливуд породил институт звезд, который также вытекал из потребностей экономики внимания.

Массовые коммуникации, массовая культура и массовый человек стали основой управления Сталина и Гитлера. При этом, как и религия, они серьезным образом порождали и удерживали эмоции, поскольку в первую очередь эмоции ведут за собой людей. Эмоции управляют нами, рацию – лишь направляет нас к точке приложения эмоций.

Была выстроена система подавления индивидуальных интересов в пользу социальных. Советские герои нарушают биологические законы, но демонстрируют правильность законов социальных. Павлик Морозов доносит на отца, Зоя Космодемьянская гибнет, как и Матросов или Гастелло, – все ради коллективного спасения.

Мы спокойно наблюдаем за уничтожением нашего прошлого мира, считая это нормой. Но это необязательно является естественным процессом, сходным с теми, что были в прошлые века, когда человечество действительно выходило в результате на более высокий уровень развития.

Сегодня повсеместно год за годом идет падение среднего IQ. США с девяностых годов фиксируют ежегодное падение числа патентов. Соцмедиа также несут свою долю нагрузки в разрушении человечества прошлого.

По непонятной причине интеллект в прошлом был более важен, чем сегодня. Сейчас человека несут наверх какие-то другие качества. Или разум теперь приобрел какие-то другие характеристики. По крайней мере это не тот научный разум, который в советское время создавал передовую Украину.

Сильные страны стремительно уходят вперед, в то время как нам остается наблюдать за исчезающими вдали поездами. А интеллектуальная молодежь ищет пути, как на каком-то другом полустанке вскочить в такой чужой поезд, поскольку у нас этот поезд не останавливается.

В наше время постсоветское пространство, включая Украину, больше было занято строительством своего прошлого, чем будущего. Бесконечные споры с самими собой и с соседями занимают больше интеллектуальных усилий, чем создание новой экономики, стартапов, инновационное развитие. В результате технологически мы уже не можем повторить старые проекты типа АНов, поскольку архаизация шаг за шагом ведет нас к аграрной державе.

Наши рассказы о реформах заменяют сами реформы. Точно так рассказы о борьбе с коррупцией заменяют реальную борьбу с ней.

Каждое новое поколение наших руководителей говорит лучше предыдущего. Но жизнь от этого не становится лучше.

2. Порождение сакрального: от мифа революции к мифу победы, от мифа Сталина к мифу Путина

Мир отсчитывается от сакрального, все мирское/профанное находится в прямой зависимости от него. Такой была прошлая модель мира, но она почти не меняется и в наше время. Только постмодерн потерял цельность картины, ее тотальный характер, в результате чего создал питательную среду для конспирологических гипотез, с помощью которых мир становится проще и понятнее.

Нарратив является наиболее удобным способом изложения «бесконечной истории» человечества, поскольку события в нем выстроены в причинно-следственные цепочки, вытекающие одна из другой. Все события оказываются взаимосвязанными. Как известно, ружье, висящее на стене в первом акте, выстрелит в третьем. Нарративы удобны для преподавания и разъяснения, но особенно активно их используют не образование, а литература, искусство и, конечно, политика, которой нужно удерживать модель мира, чтобы выводить настоящее из прошлого, а будущее из современности. Это тот тип «порядка», которым удается «стреножить» хаос реальной жизни. В результате порядок, выстроенный на виртуальностях, заменяет в нашей памяти реальность.

Сакральные объекты и герои замыкают на себе всю мировую историю. Если греки обращались за советом к богам, к кому можем обращаться мы? Мы смотрим в историю, забывая о том, что каждый раз перед нами история, препарированная по-новому. Сталин создал историю под себя, отменив, а точнее, изменив важность одних событий и героев, введя вместо них новых. Практически однотипные трансформации сделали со своими историями постсоветские государства. На место старых героев пришли новые, место старых ключевых событий заняли другие. При этом происходит новая сакрализация событий и героев, которой не было в прошлом.

За примерами современных сакральностей не надо ходить далеко. Сакрализация как процесс имела место не только в далеком прошлом. Сакральный объект отличается тем, что он поднят на такую недостижимую высоту, что полностью недоступен не только для критических слов, но даже и мыслей. Такой его статус объясняется тем, что из сакрального вытекает все профанное, все получает свое объяснение в этой системности.

Советская и постсоветская сакральность имеет свои примеры. СССР положил в основу миф своего создания – революцию 1917 года. Причем она подавалась не только как начало СССР, а как новая эра для всего человечества. Кстати, советская пропаганда часто пользовалась подменой, выдавая малое за большое, когда говорила, что с нами, например, «все прогрессивное человечество», не говоря о количестве и качестве этого человечества.

Как и в любом сакральном событии, пришедшем из реальности, из революции все время убирали несоответствия, правда которых мешала мифу. Перечислим наиболее значимые. Это был не вооруженный захват Зимнего, власть просто пала сама. Распахнутых ворот Зимнего, известных всем по фильму С. Эйзенштейна, в действительности не было. И вовсе не Сталин руководил военным восстанием, а Троцкий. Из шаткой реальности выковали железную виртуальность, позволявшую в дальнейшем выводить из нее новые виртуальности. Из нее же была выведена и главная виртуальная личность – Сталин.

На это работала вся система пропаганды. Как повествовали стихи, в Кремле даже ночью горел свет в кабинете Сталина, так на износ работал товарищ Сталин. Потом оказалось, что это просто горел свет в туалете охраны. И это типичный пример пропаганды, когда реально правдивое событие (свет в Кремле) получает неправдивую интерпретацию.

Для современной России таким базовым мифом, который вдруг обрел новую жизнь, стала победа в войне. Россия при этом «приватизировала» эту победу, отодвинув в сторону не только союзников, что было сделано еще СССР, но и постсоветские республики.

Победа в войне стала таким же базовым мифом, которым для СССР была революция 1917 года, которую даже большевики первоначально именовали не революцией, а переворотом. И чем дальше время уходит от 1945 года, тем большей пышностью характеризуется празднество. Отсюда «расползание» сакрального события в другие реализации типа «бессмертного полка» или «георгиевских ленточек». Последняя акция возникла только в 2005 г. [1].

Россия также произвела процесс сакрализации одного лица – Путина. Сегодня становится понятным тост В. Суркова после первой победы Путина – «За обожествление власти». Это можно понять так, что только сакральная власть может выполнить стоящие перед страной непосильные задачи. Хотя в тот момент этот тост вызвал оторопь и непонимание.

Мы объединили эти две сакрализации – Сталина и Путина – в одну при всей разности фигур и времени по той причине, что при их сакрализации используется один и тот же инструментарий.

Путин закрыт (пока) от серьезных репрессий одной фразой, которая была у него в начале карьеры и которую вспомнил Г. Павловский. Путин тогда еще не был в роли «преемника» Ельцина: «Чрезвычайное

положение [...] власть может объявить только в одном из двух случаев: либо если она для народа своя, родная, либо если она страшна. Ни того, ни другого у нас нет, поэтому любые ЧП исключены» [2]. Правда, став первым лицом, он – в другой ситуации, теперь ему есть что терять.

К сакрализации отнесем и фразу В. Володина: «Есть Путин – есть Россия, нет Путина – нет России» [3], которая является таким сознательным завышением образа, что она скорее подходит к Сталину, чем к нашему времени. В 1939 году А. Микоян написал близкую фразу: «Сталин – это Ленин сегодня». То есть здесь поднимаемый на сакрализацию объект ставится рядом с уже легитимизированным сакральным объектом. И это равенство увеличивает его сакрализацию. Если Ленин легитимизировал Сталина, то теперь Россия легитимизирует Путина.

В своих многочисленных выступлениях Г. Павловский упоминает следующие характеристики, возникшие в ходе избирательной кампании «Преемник». Часть из них можно рассматривать как инструментарий, генерирующий сакральность:

- безальтернативность Путина,
- Путин решает все в стране,
- путинское большинство [4–5].

Подчеркнем самое важное: эти фразы не столько описывают реальность, сколько создают ее. Причем в ряде случаев они придуманы даже не со стороны Путина, а со стороны его оппонентов, но потом власть подхватила их, поняв их значимость. Бесконечное тиражирование приводит к тому, что из простых высказываний они становятся аксиомами системы, отталкиваясь от которых выводятся все остальные составляющие.

Результатом сакрализации стало и то, что поскольку Путина убирают от негатива, перенося его на других, возникает фраза Павловского: «Все чаще в обществе возникает вопрос: знает ли Путин о том, что происходит? О том или ином аресте, уголовном деле, рейдерском захвате? У меня нет уверенности, что он в силах контролировать эти процессы».

Полностью однотипно происходило это же и в сталинское время. Люди, которых пытали, расстреливали во времена большого террора, думали, что Сталин ничего этого не знает. Они могли кричать во время собственного расстрела «Слава Сталину». То есть сакральность образа была столь высока, что не поддавалась никакому сомнению. Даже умирая, человек не терял эту сакральность Сталина.

Путина, кстати, характеризуют хорошо подготовленные экспромты. Это, например, удачные языковые (даже скорее, можно сказать, коммуникативные) формулировки типа «мочить в сортире», переводящие ситуацию на уровень обыденных смыслов, которые близки

массовому сознанию. Хотя Павловский хитро ушел от прямого ответа при комментировании этой фразы, сказав, что любая импровизация – это заготовка.

Даже министры плетут венки сакральности своему боссу: «Владимир Мединский, твит в день рождения Путина, 7 октября 2017 года (здесь любопытно, помимо прочего, чередование строчных и прописных букв):

Князь Владимир Святой дал России Веру.

Владимир Путин вернул веру в себя и свою Страну.

И указал нам Путь.

В этом нарративе формулируется и транслируется внутренне логичный, последовательный проект своего рода «гражданской религии», покрывающей священным ореолом, приписывающей качества сакрального и сотериологические функции как государству (отождествляемому с нацией) в его институциональном измерении, так и верховным носителям государственной власти, также отождествляемым и с первым, и со второй» [6].

Как Сталин не имел того отношения к самой революции, которую ему приписали придворные историки, так и Путин не имеет никакого отношения к победе в войне 1941–1945 гг. Но свойства сакральности таковы, что одна из них всегда поддержит другую. Вдвоем они сильнее, чем были бы поодиночке.

Приведем таблицу, где эти сакральности соединены воедино:

Советские и постсоветские сакрализации

СОБЫТИЕ № 1 – ЧЕЛОВЕК № 1

СССР – Революция 1917 г. – Сталин

Россия – Победа в войне – Путин

В результате Россия попадает в определенное повторение истории. Вот как видит это Д. Быков: «Есть имитационность исторического процесса. Нет ощущения реального хода. Ну не принимать же за реальный ход времени якобы имеющее место поднятие с колен, собирание земель, – все эти шовинистические глупости, которые говорят шовинистические глупцы. Нет, это именно на самом деле имитация. Или там «новая элита», «собирание новой элиты»... Это люди, которые ничего элитарного не умеют делать, они только хотят истреблять старых врагов. Вот что они хотят. И, кроме истребления, у них никакого пафоса нет. Да дуришь молодых, безусловно. На самом деле это пафос реваншистский, а не созидательный. Не хватает движения времени» [7].

И, вероятно, как следствие, приходит повтор инструментария. Память государственных институтов сильнее памяти людей. Люди могут не знать, люди могут забыть, но институты помнят все. Кстати.

Руководители всего постсоветского пространства переселились в кабинеты ЦК (каждый в свой) и принялись точно так руководить, уделяя минимальное внимание мнению населения.

С точки зрения И. Прохоровой: «Страх и вообще управление страхом – это первый признак непонимания ситуации. Когда включается террор, когда включается насилие – это признак растерянности: значит, что-то фундаментально изменилось, а мы не понимаем, что. Поэтому на всякий случай все придавим, потому что непонятно: что поощрять, что не поощрять. Давайте на всякий случай всех закатаем, а там разберемся. Эта логика, к сожалению, работает. Она работает не только в нашей стране, но наша страна всегда особенно радикальна. У нас всегда все слишком выпукло и ярко» [8].

Страх как инструментарий в принципе наиболее понятен власти, поскольку в ее руках сосредоточено все. Разделение властей существует только на бумаге.

О страхе упоминает и Г. Павловский, подчеркивая опасность именно для правящего класса: «Один инструмент у всех на виду. Его не прячут, потому что весь его смысл – в демонстративности: арест, следствие и суд. Здесь предел любой автономии, субъектности интересов, любой частной и тем более политической репрезентации. Инструмент опасен для правящего круга. Если кому и бояться суда, то прежде всего людям, за многие годы выстроившим образ своей неприкасаемости» [9].

Многие выводят этот феномен из того факта, что реально страной правит узкий чекистский круг, который профессионально заточен на поиск «врагов», что несет плохие последствия. Д. Глуховский говорит: «В советские-то времена партия и КГБ друг другу противостояли и конкурировали. А сейчас налицо всевластие спецслужб, которое в принципе всегда предвестник последних времен. Когда в Риме преторианцы – а это фактически спецслужбы – стали приходить к власти, это уже были последние, закатные времена для Рима. Люди, которые занимаются охраной, окапыванием, поиском угроз, люди профессионально подозрительные, – они не могут, не способны вести вперед страну» [10].

Одновременно следует признать, что спецслужбы приходят к власти тогда, когда они востребованы. Л. Берия, например, после войны возглавлял у Сталина атомный проект, поскольку это был проект № 1 для страны в этой точке пространства и времени.

Система не может жить без врагов, которым должна противостоять. Именно враги задают понимание того, кто такие мы, что мы – это не они, что мы несомненно лучше. Враг не может быть победителем, поскольку в этом случае именно он станет героем, а не мы.

У. Эко говорит, что враг обязательно нужен, что победа над ним укрепляет систему: «Иметь врага важно не только для определения собственной идентичности, но еще и для того, чтобы был повод

испытать нашу систему ценностей и продемонстрировать их окружающим. Так что, когда врага нет, его следует сотворить» [11].

Любое сидение в кресле первого лица с неизбежностью порождает сакральные мотивы, поскольку упорная работа на укрепление вертикали власти с неизбежностью набрасывает «блестки» сакральности на шинель власти. Украине повезло, что пока ее президенты не сидят в своих креслах слишком долго. Более того, никто, кроме Л. Кучмы, вообще не поднялся на второй срок.

Сакрализация важна и нужна потому, что она находится в конфликте с материальным. Сакральное не меняется на материальное, как отмечал исследователь сакральности С. Этрэн, в своем объяснении срыва палестино-израильских переговоров, когда там не удавалось меняться территориями [12–13].

Каждая страна имеет свой набор сакральных объектов, которые она готова защищать. Удержание его на официальном уровне часто вступает в противоречие с реальностью. С. Лебедев пишет о России: «Священная война и Победа – объекты насчитывающего десятилетия культа, который вполне можно назвать светской религией. Этот культ апеллирует именно к вере и поклонению, он внерационален и в этом смысле находится в глубоких противоречиях с памятью, историей, хотя якобы им служит» [14].

Украина и Польша столкнулись с «разночтением» сакральностей, что становится препятствием в развитии отношений между странами [15–16]. Реально это длится уже не первое десятилетие.

Стресс, в котором проходила и проходит жизнь в советском и постсоветском пространствах, также несомненно повлиял на описываемые процессы обожествления власти. Это такой массовый стокгольмский синдром, когда жертвы прочно сливаются в чувствах со своими мучителями. Ведь независимого от власти гражданина не было тогда, не появился он и сегодня.

Войной за сакральное в советское и постсоветское время часто объясняют недостаток материального в жизни людей, поскольку враги покушаются на наши ценности. Отсюда не только мобилизационная экономика, но и такая же политика, которая на первое место выносит жизнь власти, а не гражданина.

Литература

1. Георгиевская ленточка // ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BA%D0%B0.

2. Проект «Путин» глазами Глеба Павловского: «В воздухе запахло погонами» // www.mk.ru/politics/2017/11/23/proekt-putin-glazami-ego-razrabotchika-v-vozdukhe-zapakhlo-pogonami.html.
3. Володин: «Есть Путин – есть Россия, нет Путина – нет России» // www.mk.ru/politics/2014/10/23/volodin-est-putin-est-rossiya-net-putina-net-rossii.html.
4. Преемник. Иная власть // www.colta.ru/articles/society/18517.
5. Бекбулатова Т. Диссидент, который стал идеологом Путина, подлинная история Глеба Павловского, человека, придумавшего современную российскую власть // meduza.io/feature/2018/07/09/dissident-kotoryu-stal-ideologom-putina.
6. Каспэ С. Заговор молчания: сопряжения сакрального и политического в дискурсивных практиках современной России // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 17. – № 2.
7. Быков Д. Один // echo.msk.ru/programs/odin/2237864-echo/.
8. Прохорова И. Интервью // echo.msk.ru/programs/year2018/2239127-echo/.
9. Павловский Г. Мобилизация демобилизованных. Мифологизация путинского большинства // www.inliberty.ru/article/regime-pavlovskiy/.
10. Глуховский Д. Всевластие спецслужб – всегда предвестник последних времен. Интервью // sobesednik.ru/kultura-i-tv/20180711-dmitrij-gluhovskij.
11. Эко У. Сотвори себе врага // Эко У. Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю. – М., 2014.
12. Atran S. a. o. Sacred barriers to conflict resolution // jeannicod.ccsd.cnrs.fr/file/index/docid/505181/filename/atran_et_al_science_mag_240807.pdf.
13. Sheikh H. a. o. Sacred values in the Israeli-Palestinian conflict: resistance to social influence, temporal discounting, and exit strategies // sites.lsa.umich.edu/satran/wp-content/uploads/sites/330/2015/10/nyasssheikh_etal_2013_proof.pdf.
14. Лебедев С. Алтарь Победы // www.colta.ru/articles/specials/18384.
15. Ярослав Грицак о Волыни-1943: делать вид, что виновата только одна сторона – цинизм или наивность // zik.ua/ru/news/2018/07/11/yaroslav_grytsak_o_voliny1943_delat_vyd_chno_vynovata_tolko_odna_storona__1363753.
16. Грицак Я. «З ідіотами треба вперто і постійно боротися» // zbruc.eu/node/54448.

3. Модель мира со множеством правд

Мир прошлого был достаточно унифицированным и потому простым. Когда сегодня нам предложили мир со множеством правд, то оказалось, что это очень сложный вариант мира для нашего понимания. Сложность его проявляется не просто в праве на правду, просто за этим следует право на независимое поведение, исходящее от такой правды. Сложность мира начинает выходить за пределы возможностей сложности управления, поскольку по законам кибернетики субъект управления должен иметь большее разнообразие, чем объект. Сегодня мы просто переименовали секретарей обкома в губернаторов, а секретаря ЦК – в президента, не дав им нужного инструментария для управления.

По сути, мир с единственностью правды возник, когда миром правили религия или идеология, поскольку они обладали достаточной силой для того, чтобы заставить других признать их правду. Советский Союз, в котором идеология играла роль во многом подобную религии, поскольку еретиков тоже ждала смерть, жестко и даже кроваво отстаивал свой вариант правды.

Это в какой-то степени можно объяснить тем, что управление одинаковыми людьми с одним вариантом правды в голове просто легче, чем управление людьми с множеством правд. Легче бороться с отклоняющимися мозгами путем репрессий, чем пытаться объединить их в единую систему интеллектуальным путем в пространство, где может существовать многообразие правд.

Мир «сломался» на множественности виртуальностей, перейдя к ней из единственности правды, обусловленной единственностью реальности. Больше всего поработала над созданием этой единственности наука, благодаря которой во многом и появился мир вокруг нас.

Перепуганные лидеры мнений пытаются найти выход из этого тупика, забывая о том, что они тоже являются теми, кто благоденствовал на модели единственности правды. В. Познер, например, пытается спасти эту ситуацию тем, что разграничивает информацию и мнение, говоря следующее: «интернет – это не средство информации, это средство выражения мнения. Высказывайте его, сколько хотите. Но информации там нет» [1].

Ориджи видит эту ситуацию как в определенной степени смерть века информации: «Мы испытываем фундаментальный парадигмальный сдвиг в нашем отношении к знаниям. От «века информационного» мы движемся в сторону «века репутационного», где информация будет иметь ценность только тогда, когда она отфильтрована, оценена и откомментирована другими. С этой точки зрения репутация становится центральным элементом современного коллективного разума. Это проход к знаниям, а ключи от ворот держат другие. Способ, в

соответствии с которым конструируется авторитет знания, заставляет нас полагаться на неизбежно предубежденные представления других людей, большинство из которых нам даже неизвестны» [2].

Каждое сообщение в прошлом имело за собой шлейф/хвост источника. Районная газета могла быть более достоверной на уровне своих событий, как и районный журналист, писавший в республиканскую прессу. Газеты центральных органов власти обладали непререкаемым авторитетом.

Сегодня все сообщения из соцмедиа одинаковы по своему источнику. Мы различаем имена тех или иных блогеров, отдавая им предпочтение либо по тематике, либо по новизне высказываемых мыслей. Но это уже наше частное, а не институциональное мнение.

Правда в принципе была более выгодной, когда была одна. Одна и единственная правда удерживалась авторитетом религии, идеологии и в конце концов в наше время с помощью науки. Вся система была выстроена вокруг одной правды. Чем авторитетнее была газета, тем сложнее было возражать против той правды, которая появилась на ее страницах.

Легко представить себе, насколько сложнее будет удерживать и синхронизировать мир со множеством правд. Размытие авторитетов-гигантов уничтожило единственную правду. Сначала пали информационные потоки, которые несли авторитетную правду. Функционально они перестали «вытягивать» возникшие информационные проблемы. Информационные потоки соцмедиа обмелели, но стали больше соответствовать индивидуальному миру каждого. Индустриальные потоки прошлого сохраняют свой прошлый статус с большим трудом.

Д. Трамп, пишущий в Твиттере и подчеркивающий, что это Твиттер принес ему победу, поскольку позволил говорить непосредственно с населением вне цензуры медиа, тоже является таким примером. Он тоже увидел в своем личном потоке возможность уклониться от цензуры больших медиа.

Пропаганда все равно требует внимания к ограниченному набору событий с соответствующими интерпретациями. И для этих целей теперь появились боты, которые однотипно индустриально проводят нужную информацию, мимикрируя под индивидуальное мнение. Например, недовольство пенсионной реформой в России привело к тиражированию властных аргументов армией ботов [3]. Не отстают и украинские политики, например, создавая армии своих «ботопоклонников» [4].

Перед нами разворачиваются разного рода попытки превратить стихийное информационное пространство соцмедиа в организованное и системное. При этом с точки зрения потребителя информации эти отклонения практически незаметны. Он реагирует на информацию, а не

на ее контексты в виде источника, автора и под. Соцмедиа практически уничтожили контексты, оставив только информацию.

М. Зыгарь акцентирует следующее: «Уже лет десять у журналистов как у касты нет монополии на распространение информации. Конкурентом газеты The New York Times или издания Bird in Flight является мой сосед или соседка, моя дочь, моя племянница и так далее. Я тут недавно участвовал в одной панельной дискуссии, которая была посвящена теме постправды и fake news. Мне пришла в голову идея, что постправда – это эпоха после газеты «Правда».

Потому что раньше у газеты «Правда» была монополия на ложь. Государство и служившие у государства журналисты обладали монополией на то, чтобы врать потребителям информации. А теперь этой монополии больше нет. Сейчас любой человек – прекрасный журналист, может врать, а может и говорить правду. Поменялся способ потребления информации, и поменялось все. Поэтому какие на фиг журналисты? Медиакомпании – это такие блогеры, у которых есть большие бюджеты на производство контента. А обычные люди прекрасно конкурируют, часто намного эффективнее, чем компании с большими бюджетами. Какие на фиг журналисты? Медиакомпании – это такие блогеры, у которых есть большие бюджеты на производство контента» [5].

Зыгарь как бы перевернул в своем интервью правду и ложь местами, задавая базовость лжи, а не правды, говоря, что газета «Правда» имела монополию на ложь. Как раз это его красивое высказывание и является чистой ложью. Если бы советская система была построена полностью на лжи, она бы «сломалась» на следующий день, поскольку все ее решения не соответствовали бы действительности. А так она прожила достаточно долго и была «выкинута с корабля современности» в первую очередь своими же руководителями, в которых, скорее всего, материальные цели победили виртуальные.

Специалисты по распространению информации в социальных сетях постоянно выявляют такую закономерность, что все попытки переубедить человека в результате только укрепляют его в исходном мнении. Этот феномен еще реализуется в виде поляризации мнений, характерной для соцмедиа, когда люди еще сильнее утверждаются в своей правоте в результате дискуссии.

Такое же подтверждение пришло также из исследования В. Кватрочокки, анализировавшего функционирование конспирологических представлений в соцсетях. Рассмотрение сложных событий, которые не имеют однозначной интерпретации, приводит к следующим результатам: «Выяснилось, что в этом случае конспирологи начнут все активнее (в нашем исследовании – на 30 % чаще) обращаться к новостям, пропитанным конспирологией. Словом, есть такой тип пользователей, которые не только не реагируют на все попытки разоблачения

конспирологических новостей, но даже наоборот – еще больше продолжают верить в их существование.

Такое же явление мы наблюдали в другом исследовании, где изучались размещенные на Facebook аккаунты 55 млн американцев. Как правило, не желая покидать зону комфорта, пользователи этой социальной сети отдают предпочтение лишь той информации, которая подтверждает их укоренившиеся, устоявшиеся убеждения, а потом распространяют ее далее по интернету. Более того, мы обнаружили, что со временем люди, которые тяготеют к конспирологической трактовке событий в одной какой-нибудь области (скажем, если они верят в несуществующую связь между вакцинацией и аутизмом), будут выискивать «заговор темных сил» и в других областях. Оказавшись внутри своей эхокамеры, они предпочтут все на свете объяснять конспирологией. Все вышесказанное убеждает нас в том, что поставить заслон распространению в интернете искаженной информации крайне сложно. Любая попытка критического осмысления обычно перерастает в стычки между приверженцами крайних взглядов, приводя к окончательной поляризации. В подобной обстановке очень сложно донести правдивую информацию до читателя, а уж предотвратить распространение неточных сведений практически невозможно» [6].

Кватрочокки, кстати, как и многие, увидел причину конспирологии в тяге к простым решениям и объяснениям сложных проблем. Но признаем, что это естественное поведение для любого человека. Условно говоря, увидев летящую из окна бутылку кефира, я не буду ждать сложной квантовой теории летающих бутылочек кефира, а приму самое простое объяснение.

Кватрочокки говорит о переходе к конспирологическим объяснениям: «Есть еще одно важное отличие научной новости от конспирологической: в ее основе лежит традиция рационального мышления, которая прочно стоит на эмпирическом фундаменте. Тяга к конспирологии появляется, наоборот, в том случае, если человек не в состоянии найти простое объяснение сложным явлениям. Именно сложность, трудноразрешимость таких вопросов, как, например, мультикультурализм, нарастающие проблемы мировой финансовой системы и технологического прогресса, может заставить человека, независимо от уровня его образования, искать более простые и незамысловатые объяснения, в которых четко обозначен виновник всех бед».

Нам представляется также, что причиной конспирологии является и то, что человечество накопило уже большой багаж необъясненных до конца событий, которые не хотят раскрывать правящие элиты. Трамп, например, рассекретил какую-то долю документов об убийстве Кеннеди. Но более важным вопросом является то, почему они продолжали быть засекреченными так долго, и что еще остается под замком.

СССР сохраняет молчание практически по всей своей истории. Из последних рассекречиваний 2018 года можно вспомнить дело футболистов братьев Старостиных [7] и очередные документы по поводу начала войны 22 июня [8]. Но это просто отдельные штрихи, а более серьезные события типа ареста или убийства Л. Бери, снятия Хрущева и другие остаются спрятанными за семью печатями. Да и начало войны остается до конца непроясненным, что отражено во множестве публикаций [9-12].

Мы ищем подтверждения уже имеющимся в наших головах представлениям, наш мозг даже быстрее обрабатывает такие сообщения [13]. Когда мы переходим на какое-то представление, то сразу задним числом перестраиваем, что именно мы думаем об этом, чтобы не допустить в голове рекогнитивного диссонанса.

Мы хотим жить в кругу своих собственных представлений. Нас меньше стали интересовать мысли других, если они расходятся с нашими. Это не просто поляризация, пришедшая в результате распространения соцмедиа. Это, скорее, просто отрицание права на другое мнение, которое, кстати, каждый из нас легко может найти и в себе. И эта борьба с другим мнением серьезным образом «ожесточилась» с приходом соцмедиа, поскольку каждый теперь ощущает себя значимым автором.

Перед нами прошло перераспределение авторитетности. Раньше она была лишь у информационных гигантов. Особенно жестко это ощущалось в советской системе, которая жестко наказывала любое распространение информации вне официальных каналов.

Инструментарий тиражирования всегда был под особым контролем спецслужб. Сначала это были пишущие машинки, потом множительная техника. Тебе не страшны чужие мысли, если они не тиражируются. Советские радиоприемники выпускались без коротковолновых диапазонов. Чужая правда не имела права на существование.

Множественность правд сегодня представлена в наличии разных стран с несходным пониманием «что такое хорошо» для каждой из них. Но если мы поднимемся над ними, то поймем, что множество проблем современной международной системы вытекают из того, что страны не только не признают право на «инаковость» других, но и потому, что у них исчезли соответствующего уровня специалисты. Профессионалы сегодня занимаются всем, естественно не имея опыта в каждой из областей. К. Гессен написал в этом плане о специалистах по России в кабинетах США, которые, по сути, не имеют нужного знания ([14], см. также [15]). Кстати, во время войны на работу в области пропаганды брали исключительно людей не только знавших другой язык, но и продолжительный опыт проживания за рубежом.

М. Бейтсон говорит о неадекватном языке описания проблем, который сегодня используется: «Американцы любят говорить о «войне против наркотиков», или «войне против бедности», или «войне против рака», не

задумываясь о том, является ли «война» правильной метафорой. Это был способ разговора о сложности, но это не так, поскольку ведет к ошибкам в том, как вы работаете с проблемой. Война с бедностью частично провалилась потому, что бедность не является чем-то, что вы можете победить, и это делает войну неподходящей метафорой. Это же справедливо и по отношению к войне с наркотиками, которая привела нас к неадекватным ситуациям» [16].

Украинская «война с коррупцией» столь же безуспешна, что демонстрирует отсутствие судебных решений по настоящим коррупционерам. В свое время Дж. Лакофф раскритиковал формулу «война с террором», поскольку террор это не противник, а способ действия [17]. Зато такая формула вместо, например, оккупации, не имеет конечной точки.

Интересную ошибку Бейтсон фиксирует и в случае обсуждения так называемой «арабской весны»: Многие американцы говорили: «Как прекрасно, они восстали против своих авторитарных режимов, они теперь станут демократическими». Но они не стали. Причиной арабской весны была пятилетняя засуха, в результате чего много людей ощутили трудности с кормлением своих семей, поэтому они мигрировали из сел в города в поисках работы, где им будут платить деньги и они смогут купить еду для своей семьи. Но в городах не оказалось работы, и они начали революции».

Однотипно происходит, например, подмена в соцмедиа. Исследования русскоязычных соцмедиа балтийских стран показывают, что на самом деле это месседжи, пришедшие извне, но которые подаются как внутреннее мнение. Д. Теперик констатирует: «Многие события, происходящие в реальной жизни, используются как информационные поводы для массированного, по большей части, неестественного раскручивания заданных тем, излишнего высвечивания и гиперболизации. Мы определили группы, откуда чаще всего репостились месседжи с этой целью. Во-первых, это не были чисто литовские или эстонские группы. Эти – пророссийски настроенные группы с такими названиями, как «Антимайдан», «Сводки ополчения Новороссии». Оттуда больше всего делалось репостов идеологических постов и вбросов в информационное пространство стран Балтии» [18–19].

Множественность правд, видение мира сквозь разные метафоры, с помощью не тех проблем, как в последнем примере, где борьба за выживание заменилась на борьбу за демократию, подмена источников сообщений, – все это создает множественность миров и их моделей. Одна сторона при этом будет видеть один мир, другая другой, при этом глядя на один и тот же объект, в котором каждый будет видеть свое.

Ценностное столкновение вытекает и из рассказа «русского немца», эмигрировавшего в Германию. Попав в армию, он вынес следующее: «мы служили, служили, а уже под конец выяснилось, что все, с кем у

меня сложились хорошие отношения, – выходцы из бывшей ГДР. Мы понимали друг друга с полуслова, у нас были общие понятия о взаимопомощи, взаимовыручке. По сравнению с призывниками из ФРГ у этих ребят очень сильно отличалось чувство юмора. В ФРГ шутки американские, примитивные. Самое смешное для них – если кто-то громко рыгнул, пустил газы, что-то сказал про чужую маму. У ребят из ГДР юмор был более тонкий, острый, между строк, с игрой слов» [20]. То есть общий язык был найден с ребятами из ГДР, а не из ФРГ, что говорит о сохранности модели мира Восточной Германии. Это же подтверждается разными результатами голосований на выборах в Восточной и Западной Германии по сегодняшний день.

Технологически мир меняется очень быстро, ментально – нет. Мы часто видим настоящее прошлыми глазами. Только новые поколения имеют новое видение. Отсюда такое внимание к соцопросам миллениалов, которые постепенно начинают прорываться во власть. А власть и бизнес пытаются узнать, как с ними лучше взаимодействовать.

Суммарная картина одного из исследований мира постправды такова: «Мы находимся в ситуации, когда большая часть населения живет в эпистемологическом пространстве, которое отрицает стандартные критерии доказательности, внутренней непротиворечивости, проверки фактов. По этой причине современное состояние публичного дискурса более не может изучаться сквозь дезинформацию, которую надо опровергать, а как альтернативную реальность, которую разделяют миллионы» [21].

Как видим, введение новой точки отсчета меняет всю парадигму борьбы, делая ее еще более сложной. Это требует иного инструментария. Просто реагирующий на чужую правду инструментарий уже не работает, поскольку эта ментальная структура уже закреплена в разуме, с ней невозможно бороться просто опровержением.

В своей книге 2008 года Дж. Лакофф тоже делал близкий вывод, вводя понятие «нейролиберализма» вместо «неолиберализма» [22]. И поскольку мнения избирателей не являются ни самостоятельными, ни логическими, политики не имеют права им следовать. Они должны изучать результаты социсследований только для того, чтобы найти пути, как можно развернуть полученное в моральной модели мира.

И вот мнение, скорее, практика, чем теоретика Г. Улла, работавшего старшим советником при трех госсекретарях США: «Последние исследования российской и Исламского государства моделей пропаганды, как и интервью с перебежчиками, открывают следующее: 1) люди верят тому, что повторяется, 2) российские и исламские фанаты получают преимущество, когда они вводят информацию первыми, 3) последующее отрицание реально работает на усиление исходной дезинформации, а не разрушает ее. Наиболее эффективным путем ответа на дезинформацию является не то, что делают медиа,

опровергающие каждую фальшивую меметическую историю [...]. Скорее правильным решением является направление «потока» про-активного, точного информирования на целевую аудиторию» [23]. Он предлагает помнить о модели 1-9-90, в рамках которой создателями контента является 1 %, 9 % заняты распространением контента, а 90 % – являются простыми потребителями. Он предлагает подключить к процессу 90 %, чтобы они тоже стали производить свой контент, тогда правильные истории будут достигать правильной аудитории.

Такая же идеология воздействия и у Лакоффа. Он придерживается близких правил [24]:

- не используйте никаких их терминов, картинок, хештегов,
- игнорируйте их поведение – не надо ссылаться и распространять его, помогая создавать вирусность,
- смещайте ситуацию на правдивое информирование.

Улла отмечает очень интересные особенности месседжа радикального ислама: «Воодушевляющая и желаемая сторона маркетинга ИГИЛ пропускается многими аналитиками. Большинство людей думают, что они продают средневековый нарратив. Это более чем далеко от правды: большая часть месседжей (70 %) скорее позитивны. Типа самопомощи для экстремистов: «Измени свою жизнь – закончив ее». Эти месседжи также материалистичны. Когда я смотрю видео рекрутинга, я вижу, что ИГИЛ продает потребительский стиль жизни: по западной модели, с эффективным управлением, свободный от коррупции. Это не возврат в темные времена с поддержкой архаических традиций. Это новый калифат – на стероидах. Калифат больший и лучший, чем старая модель. Калифат, способный победить Запад по его правилам» [25].

Война правд может идти не только между людьми разных культур, как мы обычно представляем ее себе, но и в рамках одной культуры. Ср. следующий пример: «Исследования, которые были проведены нами в лаборатории Prejudice Lab в Голдсмитском колледже, показывают, что люди, имеющие высокую степень коллективного нарциссизма, особенно чувствительны даже к самым незначительным проступкам в отношении своей группы. В отличие от людей с нарциссической личностью, которые имеют высокое мнение о самих себе, коллективные нарциссы склонны преувеличивать тяжесть проступков в отношении имиджа своей группы и агрессивно реагировать на них. Коллективные нарциссы считают, что другие люди не осознают в достаточной мере важность и ценность их группы. Они чувствуют, что их группа достойна особого обращения и настаивают на том, чтобы к ней относились с тем признанием и уважением, которых она заслуживает. Другими словами, коллективный нарциссизм представляет собой веру в преувеличенную значимость и важность своей группы, которая требует так называемой внешней валидации – поддержки и одобрения со стороны других людей» [26].

Все это методы ввода иной правды и борьбы с ней. Кстати, последние десятилетия стали ареной борьбы разных правд с интенсивностью, которой не знала история. Два фактора повлияли на возрастание этой интенсивности. С одной стороны, интернет создал мощнейшую сеть передачи информации вне государственного контроля старого типа. Как отмечается в одной из статей, «в Интернете нет парткома» [27]. Но государства все равно пытаются контролировать Интернет-среду, хотя для этого нужны уже другие методы. Они должны быть индустриальными по производству, но индивидуальными по системе распространения, что позволяет прятать их индустриальную привязку к государству.

Это успешно делает Китай [28], но по его поводу давно звучит мнение, что Китаю не нужна демократия [29]. Россия готова к отключению от мирового интернета [30]. При этом интернет живет своей бурной жизнью, которую нельзя было даже представить до этого. Разные социальные группы ищут свои собственные пути поиска истины в интернете (см. один из примеров [31]). На условиях анонимности возникают групповые идентичности [32–33]. С приходом онлайн разрушились списки авторитетов. На авансцену вышли совершенно другие люди. Например, голосование на *Кольте* дало такую первую десятку лидеров общественного мнения [34]:

1. Илья Maddyson

видеоблогер, стример

5486

2. Нариман «Абу» Намазов

IT-предприниматель, владелец «Два. ч»

3826

3. Алексей Навальный

политик

3738

4. Леонид Парфенов

журналист

2527

5. Владимир Путин

политик

2354

6. Данила Поперечный

блогер

1827

7. Захар Прилепин

писатель

1724

8. Пахом

художник

1605

9. Ваномас (Иван Маслаков)

видеоблогер

1466

10. Борис Гребенщиков

музыкант

1398

За две недели проголосовали почти 84 000 человек. При этом далеко не все персонажи из первой десятки являются известными в привычном понимании, поскольку это люди из сети.

Более того, сегодня акцентируется резко возросшая коммуникативная сила отдельного человека. А. Витухновская пишет: «Никогда еще во всей истории человечества отдельному представителю Homo sapiens не были доступны столь мощные информационные ресурсы. Сейчас буквально от одного твита могут стремительно обваливаться рынки, пересчитываться бюджеты, реструктурироваться общественные и политические институты. Хаос в информационной среде, или субъектный хаос, представляет собой постоянно меняющуюся форму высшего коллективного разума, способного как на мгновенную адаптацию, так и на качественный рост. Чего нельзя сказать о хаосе объектном, который может лишь распространяться количественно» [35].

Возникает также проблема с определенной «эрозией» гуманитарных наук. Естественные науки более эмпирически ориентированы, поэтому множественность правд, которая существует и там, все же не

затрагивает центральных оснований, чего нельзя сказать о науках гуманитарных, в которые постправда ворвалась как центральный объект и определенный «разрушитель» устоев.

А. Борейко констатирует этот статус-кво гуманитарных наук следующим образом: «в обществе «постправды» гуманитарная наука – это лишь несколько фрагментов большого и довольно хаотичного пазла, где есть много всякого «альтернативного». Здесь имеется своя правда на любой вкус. И часто непросто доказать, почему версия правды, предлагаемая почтенной гуманитарной наукой, лучше, чем какая-то другая, которую предлагает, скажем, уфология, геополитика, «новая хронология» и тому подобные герметичные версии реальности» [36].

Мир сегодня, в принципе, не слышит гуманитариев. Власть обращается к ним только при возникновении определенных прикладных проблем типа выборов. Но и там действуют в определенной степени «шаманы» от науки, которые получили свой статус решателей задач исключительно на основании личных знакомств с властью имущими.

У гуманитариев есть также и более общая задач в мире, которую Д. Коцюбинский сформулировал следующим образом: «гуманитарии – это психотерапевты, которые говорят с обществом о его проблемах и пытаются рационализировать эмоции «пациента». Если же они в какой-то момент теряют контакт с «пациентом», тот начинает впадать в состояние внутреннего, а затем и внешнего саморазрушения. На мой взгляд, сегодня во всем мире гуманитарное знание утратило способность говорить с обществом о волнующей его проблематике и на адекватном его самоощущению языке» [37].

Множество правд порождает множественность разрешенных моделей поведения, чего не могут позволить себе современные государства. Некоторые страны, например, выступают за легализацию наркотиков. Другие, как Китай, наоборот, ведут рейтинги правильного поведения, чтобы заставить людей вернуться «в русло».

Китайские подсчеты выглядят таким образом: «Если твой рейтинг больше 1050 баллов, то ты образцовый гражданин и маркируешься тремя буквами А. С тысячей баллов можно рассчитывать на АА. С девятьюстами – на В. Если рейтинг упал ниже 849 – ты уже подозрительный носитель рейтинга С, тебя выгонят со службы в государственных и муниципальных структурах. А тем, у кого 599 баллов и ниже, несдобровать. Их записывают в черный список с припиской D, они становятся изгоями общества, их не берут почти ни на какую работу (даже в такси с черной меткой D работать нельзя), не дают кредиты, не продают билеты на скоростные поезда и самолеты, не дают в аренду автомобиль и велосипед без залога. Соседи от тебя шарахаются как от огня, ведь не дай бог кто-то увидит, как ты общаешься с человеком D: на тебя сразу донесут и твой рейтинг тоже стремительно пойдет вниз» ([38], см. также [39]).

Нам встретилась также интересная интерпретация этой модели: «Вместо того чтобы вводить стабильность или подчинение с помощью большой дубинки и хорошей дозы страха, идущего сверху, правительство пытается сделать так, чтобы послушание ощущалось как игра. Это метод социального контроля, одетый в систему набора очков. Это геймифицированное послушание» [40].

Со временем мир, вероятно, придет к пониманию того, что нужны разные правды, и он сможет работать с такой сложной структурой, не сводя ее к одному варианту. Как можно переиначить советский стишок: «Правды разные нужны, правды разные важны». Сегодня мы находимся только на начальной фазе этого перехода. Для следующего шага нужны более развитые гуманитарные и социальные науки, способные работать со множеством правд.

Литература

1. Познер В. Для меня работать на ВГТРК – уже запахло. Интервью // www.znak.com/2018-06-22/vladimir_pozner_o_problemah_rossiyskih_media_osvechenii_chempionata_mira_i_svobode_vmesto_kolbasy.
2. Origi G. Say Goodbye To The Information Age: It's All About Reputation Now // www.fastcompany.com/40565050/say-goodbye-to-the-information-age-its-all-about-reputation-now.
3. Интернет-тролли начали хвалить пенсионную реформу // thebell.io/internet-trolli-nachali-hvalit-pensionnuyu-reformu/?ref=tjournal.ru.
4. Герасименко В. Твіттер-боти Медведчука та інших // texty.org.ua/d/2018/twitter/.
5. Зыгарь М. Нет уже никаких журналистов. Интервью // mediakritika.by/article/4944/mihail-zygar-net-uzhe-nikakih-zhurnalistov.
6. Кватрочокки В. Внутри эхокамеры // spkurdyumov.ru/uploads/2018/06/vnutri-exokamery.pdf.
7. «Говорят – мы готовились стрелять в Сталина с крыши ГУМа» // www.kommersant.ru/doc/3661944.
8. 22 июня ровно в 4 утра // june-22.mil.ru/.
9. Безыменский Л. Д. О «Плане Жукова» от 15 мая 1941 года // topwar.ru/1684-o-plane-zhukova-ot-15-maya-1941-g.html.
10. Вержбицкий В. Главная тайна начала войны // www.novayagazeta.ru/articles/2015/06/22/64621-glavnaya-tayna-nachala-voyny.
11. Кречетников А. Загадки 22 июня 1941 года // www.bbc.com/russian/features/2016/06/160622_war_start_mysteries.

12. Першуткин С. О чем не знал Сталин // nvo.ng.ru/history/2018-06-22/4_1001_stalin.html.
13. Hammond C. The suprising reason people change their minds // www.bbc.com/future/story/20180622-the-surprising-reason-people-change-their-minds.
14. Gessen K. The quite Americans behind the U. S. – Russia imbroglio // www.nytimes.com/2018/05/08/magazine/the-quiet-americans-behind-the-us-russia-imbroglio.html.
15. Beebe G. McFaul's Russia // nationalinterest.org/feature/mcfauls-russia-26379/page/0/1.
16. Bateson M. How to be a systems thinker // www.edge.org/conversation/mary_catherine_bateson-how-to-be-a-systems-thinker.
17. Lakoff G. The political mind. – New York etc., 2008.
18. Teperik D. a. o. Virtual Russian World in the Baltics // www.stratcomcoe.org/virtual-russian-world-baltics.
19. Фролова Н. СССР перешел в онлайн и живет в ОК // inosmi.ru/social/20180630/242634791.html.
20. Кармазин И. «Дочку учили лесбиянству». Почему российские немцы возвращаются из Германии // ria.ru/society/20180625/1523202040.html.
21. Lewandowsky S. a. o. Beyond Misinformation: Understanding and Coping with the «Post-Truth» Era // Journal of Applied Research in Memory and Cognition. – 2017. – Vol. 6. – I. 4.
22. Saletan W. Neuro-liberalism // www.nytimes.com/2008/06/22/books/review/Saletan-t.html.
23. Ullah H. We are being defeated in a digital war – but there is still time to fight back // www.theglobeandmail.com/opinion/we-are-being-defeated-in-a-digital-war-but-there-is-still-time-to-fight-back/article37513436/?utm_content=buffer508a4&utm_medium=social&utm_source=twitter.com&utm_campaign=buffer.
24. Lakoff G. A modest proposal: #ProtectTheTruth // georgelakoff.com/2018/01/13/a-modest-proposal-protectthetruth/.
25. Ullah H. K. The digital war against Isis is being lost. What should be done? // www.theguardian.com/commentisfree/2017/nov/13/digital-war-against-isis-lost-islamic-state-mohamad-al-arefe.
26. Голец де Завала А. Коллективный нарциссизм: когда любовь к своей нации или группе становится патологией // monocler.ru/kollektivnyiy-nartsissizm/.
27. Вологодский Р. Где у Интернета партком // www.ng.ru/scenario/2018-06-26/10_7252_Internet.html.

28. Economy E. C. The great firewall of China: Xi Jinping's Internet shutdown // www.theguardian.com/news/2018/jun/29/the-great-firewall-of-china-xi-jinpings-internet-shutdown.
29. Asma S. T. The dragon will never become the eagle: China and democracy // www.3quarksdaily.com/3quarksdaily/2015/04/the-dragon-will-never-become-the-eagle-china-and-democracy.html.
30. Советник Путина: Россия готова к отключению от мирового интернета // www.svoboda.org/a/29079358.html.
31. Gourarie C. The faith filter: How conservatives parse the news // www.cjr.org/analysis/conservatives-read-news-like-bible.php.
32. Тумина А. Двачуем все! Почему анонимные имиджборды стали главной фабрикой массовой интернет-культуры // knife.media/chan/.
33. Bernstein M. S. a. o. 4chan and /b/: An Analysis of Anonymity and Ephemerality in a Large Online Community // www.aaai.org/ocs/index.php/ICWSM/ICWSM11/paper/download/2873/4398/.
34. Кольта выяснила, есть ли в России моральные авторитеты. Итоги и выводы из масштабного голосования // www.colta.ru/articles/specials/17966.
35. Витухновская А. Цивилизация Хаоса // knife.media/club/chaotic/.
36. Борейко А. Если возникает жажда гуманитарного знания, пора копать колодцы. Интервью // newtonew.com/culture/luch-sveta-v-onlayn-haose.
37. Коцюбинский Д. Гуманитарии – это психотерапевты, без которых мы обречены на коллективный невроз. Интервью // www.rosbalt.ru/piter/2018/06/30/1713968.html.
38. Астафьева Н. Что такое рейтинг благонадежности граждан. И как он уже работает в Китае // gorod-812.ru/kak-v-kitae-rabotaet-reyting-blagonadezhnosti-grazhdan/.
39. Zhao C. 'Black mirror' in China? 1.4 billion citizens to be monitored through social credit system // www.newsweek.com/china-social-credit-system-906865.
40. Botsman R. Big data meets Big brother as China moves to rate its citizens // www.wired.co.uk/article/chinese-government-social-credit-score-privacy-invasion.

Глава двенадцатая

Статус виртуальности все время возрастает

1. Виртуальные конструкты, управляющие нами и миром

Человечество очень успешно в работе с виртуальностями: от всемогущего и вездесущего Бога до телесериалов. Каждый взгляд в любую сторону сразу демонстрирует, как виртуальность создает вариант английского парка из густого леса. Мы начинаем двигаться по проложенным для нас дорожкам так успешно, что реальность отступает на задний план.

Виртуальные конструкты закрывают нам глаза, предоставляя единственный вариант решения, и мы идем как слепцы за поводырем. Шаг влево, шаг вправо может привести нас к катастрофе. Это бывает выгодно либо для коллективного, либо индивидуального выживания. И в любом случае неподчинение тому, что видят и, соответственно, думают все, ведет к осуждению и наказанию со стороны коллектива.

Медиа порождают этот вариант канонического видения. Все информационные потоки, например, телевидение, направлены на оправдание имеющегося политического порядка. Ни одно массовое средство не может позволить себе рушить имеющийся порядок. Когда это происходит, нарушается синхронизация мира и мыслей о нем, и одновременно может начаться Майдан, направленный на возвращение синхронизации.

Виртуальный конструкт является поведенческим аналогом, призванным разрешить и активировать тот или иной вариант социально необходимого поведения. По этой причине виртуальные конструкты направлены на блокировку неправильного поведения и подталкивание к правильному поведению. Это делается путем задания правильного поведения как нормы, как нормативного варианта. Он облегчает принятие решений человеком, поскольку оставляет малое число допустимых вариантов поведения.

Виртуальные конструкты задают нам понимание мира в двух плоскостях. С одной стороны, это модель/картина большого мира, к которому мы вообще не имеем доступа, кроме медийного рассказа о нем. И с другой стороны, это малый мир, который доступен нашим непосредственным ощущениям, но который тоже должен интерпретироваться и реинтерпретироваться для нас кем-то извне.

Мы живем в большом мире, который реально очень слабо знаем, хотя нам хорошо известны все его виртуальные конструкты, заменяющие нам реальность. Именно они являются для нас правдой об окружающей нас действительности, а не сам мир. Каждый такой базовый виртуальный конструкт управляет целой серией поведенческих конструктов, вытекающих из него.

Ярким примером нашего незнания является, например, количество преступлений, окружающих нас. Исследования показывают, что это количество сегодня в 8 раз выше, чем реальная отчетность [1–2]. Оказывается, что и СССР был лидером по числу убийств и самоубийств: «К началу перестройки в середине 1980-х годов СССР был на 5 месте в мире по количеству убийств на душу населения, уступая лишь таким странам, как Колумбия, где в те годы шла война против наркомафии. При этом в РСФСР индекс количества убийств на 100 тыс. человек населения был еще выше, чем в среднем по СССР. Если в 1970 году в РСФСР было совершено 9,8 тыс. убийств, то в 1975 году уже 14 тыс., а в 1980 году – 18 тыс. Можно сравнить эти данные, уже немного снизившиеся к 1989 году (12,4), с данными по Франции (1,1), Германии (1,0) и Англии (1,04). Даже отдельно в Северной Ирландии, где в те годы шли кровавые столкновения, индекс количества убийств был почти в 3 раза ниже (4,72), чем в среднем по «нравственному» СССР» [3].

То есть наша картинка этого конкретного среза действительности в голове и по прошлому, и по настоящему времени ничего общего не имеет с реальностью. Мы живем в мире бравурных отчетов о борьбе с преступностью, но не в действительности.

Или такой пример. Из уст социолога А. Степанова прозвучал странный взгляд на Чернобыль: «Прошло более 30 лет с момента аварии на Чернобыльской атомной станции (ЧАЭС), которая по своим масштабам и последствиям превратилась в катастрофу. Чернобылем сейчас называется многое: и компьютерные игры, и фантастические романы, но основополагающий его смысл – это место, откуда началась атомная катастрофа, иное место, никак не связанное с населенным пунктом Чернобыль. А был ли Чернобыль на самом деле или это результат переплетения политических стратегий и практик, умело навязывающих то или иное видение катастрофы на ЧАЭС? А был ли Чернобыль тем самым «антропологическим шоком», описанным Ульрихом Бекком сразу после катастрофы в 1986 году, призванным изменить представления о риске и политике, о техниках и технологиях? Данные вопросы актуальны и после катастрофы на Фукусиме. Как ни странно, Чернобыль отходит на второй план не только потому, что это авария из «прошлого века» технологий, но и потому, что проблема Чернобыля – это деполитизированная проблема, выведенная не только из политической повестки дня, но и из поля политики» [4].

То есть и здесь в окружающем пространстве мы видим то, что нам навязали увидеть. Мы видели подвиг героев, но не знаем по сегодняшней день, какова же была реальная причина трагедии и кто понес за это наказание.

Степанов увидел в проблеме Чернобыля разные дискурсивные практики, что было связано со строительством АЭС на территории Беларуси: «Мною были выявлены две различные дискурсивные коалиции, которые противостояли друг другу на поле Чернобыльской политики в Беларуси в

различные периоды. Нарратив «преодоления» в большей степени был направлен на то, что последствия катастрофы нельзя ликвидировать, их можно преодолеть или минимизировать. Другой нарратив связан с тем, что катастрофа произошла не в Беларуси и ее последствия более страшны для Украины, а период замалчивания информации и позднее переселение пострадавших имели отношение к периоду советской власти и не связаны с периодом белорусской независимости. Он вписывался в нарративные рамки «ликвидации», которые подразумевают возможность уничтожения всех последствий катастрофы и возрождение жизни на пострадавших территориях» [5].

Нами управляют гораздо серьезнее, чем нам это кажется. Причем все начинается с детства, когда каноны поведения вводятся впервые. По этой причине они закрепляются навсегда.

Все знают максимум «Пионер – всем ребятам пример». Пионер – это маленький канонический мальчик, поведение которого строго закодировано: нужно хорошо учиться, собирать макулатуру и металлолом, переходить дорогу на зеленый. Была даже серия книг «пионеры – герои» о пионерах времен войны. И хотя сегодня поведение Павлика Морозова не трактуют как героическое, в свое время это имя знали все дети. Правда, в наше время о нем выходят уже книги под другими названиями, например, «Предатель 001» [6–8].

Ю. Дружников, автор этой книги, рассказывает: «Проблема предательства соотносилась со смертью Павлика. На самом же деле этот момент, что Павлик донес на отца, состоялся, как минимум, года за полтора до смерти Павлика. И напрямую он связан со смертью Павлика не был. В это время в семье Морозовых произошел конфликт, в результате которого отец Павлика (Трофим) ушел из семьи к другой женщине. И Татьяна Морозова, с которой я сам встречался и долго разговаривал, спустя 50 лет после этого события, чуть-чуть даже больше, говорила, как она ненавидит своего мужа за то, что он ее бросил. Рассказывала мне, как она подговорила своего сына сообщить о нем агенту ОГПУ. Отец Павлика, как известно, был на суде. Здесь уже начинается мифология, потому что Павлик якобы выступал на суде и говорил пламенную речь о строительстве коммунизма и о том, что вот такие люди, как его отец, мешают этому строительству; это все чистая выдумка, все это – сочинение уже последующих советских писателей» [9].

Ю. Дружников рассказывает о процессе героизации Павлика Морозова, который, кстати, в ЦК ВЛКСМ считался пионером № 1, хотя по мнению автора он и пионером не был вовсе: «Сперва Павлик был использован для войны с кулаками. Через два года – как положительный герой литературы, модель для подражания, о чем заявил Горький на Первом съезде советских писателей в 1934-м. Пошли книги о нем, Эйзенштейн начал снимать фильм. Созданы сотни произведений в разных жанрах – от поэм до оперы. Его портреты в картинных галереях, на открытках,

почтовых марках, спичечных коробках. Еще никто не подсчитал общую сумму расходов государства на пропаганду предательства, когда люди в стране умирали от голода. Ему собирались ставить памятник там, где сейчас сидит на лошади маршал Жуков, но в конце жизни Сталин передумал, и поставили на тогдашних задворках, на Красной Пресне» [10].

Противопоставление «пионер – непионер» как носитель правильного и неправильного поведения было в голове у каждого. Оно было равноценным противопоставлению «хороший» – плохой. А. Гайдар тоже им воспользовался, создавая свои произведения, в которых была искренность, потерянная последующими поколениями детских писателей.

Успех Незнайки Н. Носова был обеспечен тем, что он как раз не был пионером. Это ответ на социальное давление обязательности поведения пионера. Правда, это было возможным уже в другой период. В послереволюционный период даже К. Чуковского обвиняли в неправильных сказках, а он в ответ клялся больше сказки не писать.

Девушка с веслом – это пример другого типа, поскольку она стояла в парке культуры и отдыха, то есть отражала иной уровень вторжения идеологии. Ее сделал скульптор И. Шадр, который в советское время был более известен всем советским людям своей скульптурой «Булыжник – оружие пролетариата». Если «булыжник» был воплощением идеологии, ее квинтэссенцией, то «девушка», вероятно, должна была стать таким же идеалом красоты, подобным античному.

Но судьба ее оказалась не очень счастливой. Красивая и обнаженная, правда, почему-то с веслом, в результате заставила задуматься: «В высоких кабинетах посчитали, что Шадр переборщил. Ему требовалось создать женщину в привычном для сталинского социализма облике матери и труженицы без выраженных половых признаков. Вместо этого скульптура пугала современников длиной атлетических ног, мышцами плеч, вытянутостью пропорций, а главное – сексапильностью. Девушка и правда получилась «слишком живой». Ее женственность и привлекательность оценили бы в другом месте и в другое время, но не в Советском Союзе 1930-х. Скульптуру раскритиковали, а затем демонтировали» [11].

Скульптуру увезли в Луганск, где следы ее затерялись. А по всему СССР ставили новых девушек с веслом, не таких сексуальных, к тому же в купальнике, созданных иным более правильным скульптором. И весло теперь стало понятным ее атрибутом, раз она была в купальнике.

Е. Деготь напоминает нам: «Само выражение «девушка с веслом» стало идиомой, обозначающей советский китч. Услышав его, все, кто все еще помнит Советский Союз, начинают смеяться» [12]. Но все равно это символ идеальной формы или идеального поведения.

Советские памятники плотно окружали любого советского человека, поскольку их было слишком много. Но это были памятники конкретным людям, поэтому они были вдвойне идеологическими, в них слились и реальный человек, и его символический подвиг, которые стали неотличимы и неотделимы.

СССР, как и постсоветское пространство, характеризуются быстрой трансформацией системы памятников прошлой власти. Массово расставленный в прошлом Ленин столь же массово исчезает в новое время. Несистемная виртуальность не может иметь физического воплощения в политически перегретой среде, которой является постсоветская.

Памятник – это символический переводчик, который совершает перевод в поведение. Он отражает эталонное поведение (Космодемьянской, Гастелло, Матросова и др., чьи биографии сегодня уже не звучат гордо, поскольку выяснилось множество несоответствий, убранных пропагандой), которое должно храниться в памяти и реализоваться в случае необходимости.

Модель памятников – это модель христианских мучеников. Это не боязнь отдать свое тело, свою жизнь во имя более высоких идеалов. Набор памятников в городе как бы отражает связь человека с его не родными, но социальными предками. Им приносят цветы и совершают перед ними разные ритуалы.

С. Еремеева в своем интервью перечисляет характерные черты советских памятников [13]:

– «появился феномен, который я называю «виртуальными памятниками». То есть в газетах сообщалось, что в указанный день будет «заложен памятник» великому человеку. Все праздничные мероприятия проводились как положено: оркестр, митинг, речи... А потом закладывали камень на месте будущего монумента, и все. Памятник там так и не возникал, но не возникало и разногласий: каждый был волен представить на этом месте свой идеальный монумент»;

– «возник серийный советский памятник, у которого было особое назначение – пометать территорию. Эти памятники стали просто «знаками власти»: где они стояли, там был Советский Союз; никакого особого, уникального смысла за каждой скульптурой не прослеживалось. Дальнейшие метаморфозы затронули садово-парковое искусство. В 1930-е годы его смогли сделать пропагандистским, запустив в тираж знаменитую «Девушку с веслом». С ней, впрочем, произошла характерная история: оригинал памятника, изваянного Иваном Шадром, поставили в парке им. Горького, но тут же признали слишком фривольным. Чтобы девушка стала доступна массам, ее, во-первых, одели, во-вторых, изменили пропорции, укоротив ноги и расширив плечи»;

– «если у большевиков сначала и не было плана монументальной пропаганды, у них, несомненно, присутствовало культурное чутье. А вот у современной власти я этого не вижу. Более того, подозреваю, что любовь именно к памятникам многих начальников обусловлена простыми соображениями: во-первых, установка памятника – это все-таки некое строительство, а строительство соседствует с откатами, во-вторых, при прочих равных они выбирают «проверенные временем» способы идеологической работы. И невдомек им, что памятники во всем мире становятся «уходящей натурой», «самым незаметным местом в городе», как еще в 1920-е годы говорил писатель Робер Музиль. Чтобы реанимировать этот вид искусства, нужно много таланта и сил: это не вопрос замены одного на другое».

Рабочий и колхозница – это уже идеологический памятник авторства Веры Мухиной [14–16]. Впервые он был показан на Всемирной выставке в Париже в 1937 году, для которой и был сделан.

Его называли эталоном соцреализма, а сама Мухина именовала «Рабочий и крестьянка». В проекте они тоже были обнаженными, но комиссия предложила их одеть.

Даже Сталин приезжал ночью, чтобы рассмотреть монумент, поскольку поступил донос, что там просматривается профиль Троцкого. Но крамолы не нашел. И скульптуру повезли в Париж в 28 железнодорожных вагонах.

Виртуальность имеет многоуровневый характер, где символ является одним из ее элементов. Это именно так, поскольку сюжеты, например, мы не можем признать символом в чистом виде. Если сюжет и символ, то это некий вид динамического символа типа известного набора: сюжет Золушка – движение вверх, другой сюжет падения героя – движение вниз. Есть множество исследований, выделяющих набор базовых сюжетов. Но вот более объективный анализ на базе больших данных, сделанный в Массачусетском технологическом институте, привел к шести возможным вариантам сюжета [17–18].

Кстати, однотипно сюжеты представлены и в избирательных кампаниях. Можно вспомнить ситуацию «не политик а хозяйственник». Путин появляется как кандидат, когда возник запрос на «силовика».

Виртуальность может носить и опасный характер, примером чего служат Синие киты, Момо, Слендермен, связанные с определенными кампаниями, приведшими к гибели, которые до конца так и не были прояснены [19]. Исследователи мемов перечисляют такой набор их характеристик [20]:

- сообщение – необходим четкий центральный месседж,
- эволюция – мем не может оставаться статичным, он должен трансформироваться людьми, которые его принимают,

– пластичность – изменяясь, мем должен сохранять некоторое подобие исходного месседжа,

– результат – он должен достичь определенной популярности, его вирусный характер очень важен.

Все мы нуждаемся в виртуальном усилении нашего понимания мира, поскольку очень часто окружены событиями, которые не так просто понять. Это в свою очередь становится причиной появления конспирологических теорий, число которых в последнее время даже усилилось. Конспирология в этом плане становится «усиленным впрыскиванием» виртуальности в среду, которой ее не хватает. В ответ на эту нехватку индивиды сами производят свои собственные виртуальности.

Сегодня конспирология получила гораздо большее развитие, чем это было раньше [21]. Этот всплеск можно лишь частично объяснить появлением соцмедиа, которые облегчили неконтролируемое распространение информации. Сложный мир, в который мы попали, не может быть адекватно нами понят, поэтому мы нуждаемся в «подпорках», которые предоставляет конспирология. Они могут оказаться неправильными, зато с их помощью мир обретает большую системность.

Тимоти Мортон предложил термин «гиперобъект» как феномен, который находится вне возможностей человеческого восприятия и понимания [22]. Мортон говорит об ООО – онтологии, ориентированной на объект, приводя пример из британского сериала «Доктор Кто», что там есть будка, в которой путешествует главный герой, характеризуемая тем, что она внутри больше, чем снаружи. Мортон считает это и описанием человека, который обладает внутри себя бесконечностями (качественными, а не количественными), которые больше всей вселенной [23].

В сумме это ответ вполне объективной науки на вопрос о том, почему наш разум просто не может понять некоторые сложные объекты. К ним, к примеру, Мортон относит климатические изменения. Мортон неоднократно характеризует эти объекты как такие, о которых можно думать и вычислять, но их невозможно познать. У него есть интересная фраза, что каждый дом представляет собой дом с привидениями. Но они не только из прошлого, а и из будущего. Еще один представитель этой школы Г. Хармен [24–25].

Сложность мира порождает хаос в головах, а хаос в головах ищет выход в конспирологии. Конспирология сегодня гордо и уверенно шагает по всем континентам. Например, на Ближнем Востоке и в Северной Африке 67 % опрошенных признают, что США тайно пытаются помочь ИГ (ИГИЛ) захватить власть в Сирии и Ираке», а 52 %, что евреи стояли за атаками 11 сентября [26]. 80 % в целом разделяют одну или более конспирологических теорий.

Одной из примет этого нового времени стало то, что А. Джоунс, который раньше считался главным пропагандистом Трампа [27], сегодня стал запрещенным на соцплатформах из-за того, что он активно распространяет разные конспирологические теории [28–31].

Конспирология – это атакующее острие, направленное на поддерживаемое мейнстримом мироустройство. В инструментарии конспирологии то, что в мейнстриме проходит под вопросительным знаком, становится тремя восклицательными знаками. Конспирология только обвиняет, причем вердикт свой выносит окончательно и навсегда, наверное, потому, что все это вопросы и проблемы, которые не находят своего разрешения в рамках официоза.

Целью виртуальности является защита имеющейся системы коллективных представлений от разрушения. Просто в случае тоталитарных государств эти представления искусственно вписывались в модель мира индивидуального человека, поскольку государственная идеология должна была стать индивидуальной. Советский человек служил системе, а не система ему. Отсюда множество политически окрашенных физических предметов окружали человека не только в официальной обстановке, но и в быту.

Нам встретилось интересное сопоставление советской Родины-матери с американской статуей Свободы: «Можно сравнить статую Свободы как один из символов Западной цивилизации и Родину-мать как символ Русской цивилизации. В грамматике американского мира «Свобода» выступает как разрешающая те или иные типы поведения. В грамматике советского мира направление задано наоборот: граждане должны выступать на защиту Родины-матери. Два мира в своих символах оказываются по-разному сориентированными: государство, подчиненное идее индивидуализма, и государство, подчиненное принципам коллективизма» [32]. И, к сожалению, в этих словах есть большая доля правды.

По сути, советское государство и было сильным, поскольку граждане были включены в его систему, их энергетика вливалась в общий котел. Для каждого государства это представляет определенную сложность. Мы видим сегодня даже на постсоветском примере, что крупный бизнес может не иметь совместных целей с государством, живя по своим законам. В советское же время такое было невозможным. Поэтому будучи даже потенциально слабее какого-то своего противника, СССР становился сильнее его за счет этой дополнительной энергетике граждан. Намного сложнее объединить вместе энергетiku граждан в либеральной и демократической стране, где разрешено гораздо большее число отклонений от нормы.

Советский Союз обладал системной виртуальной моделью, где были заложены все варианты поведения на случай войны и на случай мира. Ты мог действовать на коллективное благо сильнее, чем требовалось

каноном, но не мог действовать слабее. Отголоски советской борьбы с туеядцами, например, можно увидеть в сегодняшней Беларуси.

А. Щербинин цитирует журнал «Мурзилка» 1937 года, то есть к двадцатилетию революции советская виртуальная модель уже была построена: «Далеко на весь мир гремит слава нашей родины. По всей земле знаменит СССР – единственная в мире страна, где все – и власть, и богатство, и свобода, и счастье, и почет – принадлежат тем, кто трудится. Наше государство славится великой дружбой народов, самыми мудрыми, самыми справедливыми законами. Добрая и грозная слава у нашей Рабоче-крестьянской Красной армии, самой храброй и сильной в мире. Веселая и звонкая слава у наших ребят, самых счастливых на всей земле. Высоко гремит слава наших советских летчиков, самых смелых, настойчивых и умелых во всем небе. Громко поют славу нашей родине советские артисты, народные поэты, музыканты, самые лучшие, самые знаменитые в мире. Великая слава нашей родины создана за 20 лет советскими людьми, которых взрастили и воспитали ленинская коммунистическая партия, наш вождь и учитель товарищ Сталин. И родина отмечает своих знатных питомцев знаками славы и уважения – орденами Советского Союза» [33].

Вся советская виртуальная модель представлена в этом коротком тексте. Но точно так в сжатом виде она была и в «Рабочем и колхознице» или в «Родине-матери». Только физический, а не вербальный материал не давал возможности для столь же детального выстраивания этой защиты. Если в данном случае это было сделано пропагандистски прямо, то в случае текстов Гайдара сходная модель была спрятана внутри художественного текста.

Политика может быть спрятана даже в артефактах, как считает Л. Виннер [34]. Он видит два таких пути. В первом случае изобретение или дизайн технической системы разрешают проблему конкретного сообщества. Во втором – речь идет о системах, которые создаются под определенные типы политических отношений.

В наполненном шумом мире, особенно в современном, когда информационные и виртуальные потоки превышают человеческие возможности по их обработке, необходимы виртуальные подсказки, которые всегда сопровождали человечество от древних сказок до современных телесериалов.

Вестерн – это способ видения мира и трансляции этого мира зрителям с существенной опорой на виртуальный инструментарий. Мир при этом преобразуется, но зритель верит этой трансформации, поскольку фильм «скрепляется» и оправдывается эмоционально даже сильнее, чем это может сделать пропаганда.

Вестерн как киножанр обладает рядом условностей, которые обуславливают развитие сюжета. В результате мир трансформируется, как мир менялся под влиянием правил соцреализма. Эти новые миры

управляются с двух сторон: со стороны реальности, если она не противоречит правилам, и со стороны символических правил, которые могут противоречить реальности, но все равно будут сильнее.

Дж. Клэп выписал следующий набор правил для американского вестерна [35]:

- захват дикости и подчинение природы, или захват территории у «туземцев»,
- общество, построенное на кодексе чести, а не законе,
- социальный статус достигается с помощью насилия и благородства,
- внешнее появление закона воспринимается как деспотическое,
- смерти и убийства являются способом жизни,
- «индейцы» часто атакуют поселенцев и их действия показываются насильственными и неблагоразумными,
- иногда на помощь приходит кавалерия.

Жаль, что нет такого же четкого набора правил для соцреализма, где «хоршее» призвано сражаться с «лучшим».

О К. Иствуде, главном актере вестерна, были сказаны такие слова: «Продолжающееся восхищение работой Иствуда частично появляется из-за его отказа делать четкое отличие морального выбора между социальным обязательством и личной независимостью. Оба выбора показываются равно ценными и равно возможными, что является необычной и провокационной позицией в культуре фильма, где социальные ценности почти всегда без вариантов побеждают индивидуализм» [36].

Нам представляется, что сказанное скорее обозначает зрительскую позицию современного человека, для которого не так интересна простота вестерна, как это было в прошлом.

В. Макнейл объединил слова myth и history в новый термин mythistory [37]. Он считает, что история и миф не так далеки друг от друга, что историки для понимания моделей на какие-то факты внимание обращают, а какие-то факты отбрасывают, рассматривая их как шум. Он подчеркивает: «Принципиальным источником исторической сложности является тот факт, что человеческие существа реагируют как на естественный мир, так и на другой сквозь посредничество символов».

Современные исследователи выделяют три современных американских стратегических мифа, касающихся обороны: технологии выигрывают войны, один тип войны лучше другого, американская экономическая мощь равняется постоянному военному доминированию [38].

Исследователи считают эти мифы неверными. Например, по последнему пункту отмечается, что страны, считающиеся «несвободными» (Китай, Россия, Саудовская Аравия) в ближайшие десятилетия станут

экономически более сильными, чем либеральные демократии, что разрушит функционирование последнего мифа.

При этом стратегическая культура страны порождается как общим опытом, так и разделяемыми нарративами [39]. Последнее как раз и относится к мифологии. Виртуальность все время реализуется в окружающей нас действительности. В случае кино, например, получается даже двойная символизация, оно должно отражать не только госинтересы, но и строиться как кино символически.

Вестерн – это конкретный период американской истории, препарированной под массовое сознание, которое под этим углом зрения и видит реальность того времени. Но виртуальные механизмы, заложенные там, переносятся и должны переноситься на любой другой период. Точно так в советское время были препарированы революция 1917 г. и война 1941–1945 гг., причем сделано это было еще более жестко, поскольку «резалось» по живым людям и подлинным событиям, из которых убиралось то, что считалось «шумом» для сюжета. И преданность государству переносится из контекста войны в мирную жизнь.

Однако не только художественная действительность подвергается препарированию, алгоритмы соцплатформ делают то же самое при своем собственном создании/описании реальности (см. пример работы алгоритма YouTube [40–41]). Один из инженеров, работавших с этим алгоритмом, говорит: «YouTube является чем-то похожим на реальность, но она изменена так, чтобы вы больше времени провели в онлайн. Рекомендации алгоритма не направлены на оптимизацию того, что является правдивым, или сбалансированным, или правильным для демократии».

Русский мир тоже является таким же виртуальным конструктом, как и вестерн, выстраивающий мир под одним углом зрения. Язык как политика, а не как собственно язык ведет к реализации уже в практической политике, приводя в результате к военным действиям в Крыму и на Донбассе [42]. Британия в свое время отказалась от удержания англофонии в своих приоритетах, окончательно расставаясь с имперским прошлым, чего не сделала Россия.

Русский мир, являясь конструктом типа вестерна, создает виртуальную рамку для нужной картинки. Подобные виртуальные конструкты обладают силой удерживать, оправдывать, активировать физические действия.

Разведчик/шпион. Если вестерн строится на прямом и глубинном понимании границы между мирами, диким и цивилизованным, видя мир справедливости у себя и несправедливости – у них, то разведчик и шпион даже находятся по разные стороны этой границы.

Западная и советская шпиономания была захватывающим представлением, где хорошее боролось с плохим. Ярким

представителем этой борьбы с чужой стороной был Дж. Бонд. Даже У. Эко посвятил ему множество своих страниц. И сделал это именно потому, что как виртуальный герой Дж. Бонд строился на энном числе простых формул поведения, характерных для массовой культуры, где многое может быть предсказано наперед.

В том чужом виртуальном мире мы тоже показывали своих на фоне чужих, чем также сужали возможности их поведения. Когда немцы пили в фильме «Подвиг разведчика» за «нашу победу», наш разведчик в немецкой форме присоединялся к ним, акцентируя слово «нашу» в этом тосте.

Только Штирлиц из «Семнадцати мгновений весны» поменял эту простоту на сложность. Он стал человеком разумным, более приближенным к современному миру. Но вместе с ним стали более «человекообразными» и немецкие руководители, которых до этого мы видели либо в виде трусов, либо идиотов. То есть «наш герой», изменившись, сделал другими и «их» героев, поскольку он не мог бы проявить себя во всей полноте, если бы сражался с «идиотами».

На любовь к фильму никак не повлияло то, что «за 45 лет стало окончательно ясно, что сюжет фильма не имеет почти никакой связи с реальностью; за исключением того, что сепаратные переговоры между нацистами и союзниками в 1945 году действительно шли, но они ничего уже не могли изменить» [43].

А. Архангельский видит разницу советского и российского кино про шпионов в следующем: «Советское кино любило шпионов, в отличие от российского. Это можно объяснить. [...] В советском кино шпионская тема мощно покоилась на идеологическом фундаменте – противостоянии двух систем; шпионский жанр «работал» именно в ситуации полярного мира, где есть «свои» и «чужие». С другой стороны, шпионское кино в советское время было лазейкой для более свободного высказывания художника; жанр в силу специфики мог позволить себе, что называется, человеческую сложность. Шпион вынужден контактировать с людьми, далекими от идеологии; так возникал некто «третий», который усложнял схему «свой-чужой». Классический пример – пастор Шлаг из «Семнадцати мгновений весны», который помогает Штирлицу не по идеологическим причинам, а во имя универсальных ценностей. Из российских шпионских сериалов 2000-х, пожалуй, стоит отметить только «Красную капеллу», но затем случился длительный перерыв» [44].

В советское время какая-никакая идеология все же была. Все ее проклинали и относились к ней как к подразумеваемому обязательным ритуалу. Но она была как бы точкой отсчета, что облегчало выстраивание сюжета, кто и за что гибнет в экстремальных случаях.

Сегодняшняя ситуация выглядит даже хуже. Идеологический инструментарий вместе с бойцами идеологического фронта типа

журналистов, режиссеров и актеров остался, а идеология исчезла. Идеологию приходится выдумывать из головы: она оказалась нужна везде – от армии до школы. Она все равно является неизбежной составляющей даже тогда, когда ее нет.

И вот мнение аналитика: «В нынешней России идеология, конечно, тоже есть. Но сформулировать ее невозможно, поскольку она представляет собой смесь из текстов Дугина, сериала «Щит и меч» и пособия по цифровой экономике для сотрудников Сбербанка» [45].

Подчеркнем самое важное: идеология есть, но не в явно сформулированном виде. В этой формулировке забыта советская составляющая этой неявной идеологии, которая очень важна для нее, поскольку все эти «Можем повторить» идут именно оттуда.

Тем более по сегодняшний день Россия пытается удерживать советскую политику. Д. Орешкин пишет: «люди понимали, что советская система уже тупиковая. По данным ВЦИОМ конца 80-х – начала 90-х, проблема распада СССР занимала шестое-седьмое место в списке озабоченностей советских людей. Их прежде всего волновало отсутствие нужной продукции: еды, детских ботинок, тетрадей, книг, кроме того, люди опасались войны, их волновала личная безопасность из-за всплеска уличной преступности, волновала тема зарабатывания денег, и только потом их волновал распад СССР. Но к 1999 году распад СССР, как оказалось благодаря работе ряда пропагандистов, был самой большой болью респондентов. Каких пропагандистов, спросите вы. Не чисто ельцинских, а пропагандистов из спецслужб, которые все чаще, примерно после выборов 1996 года, начали говорить, что у нас была великая страна, нас все боялись и уважали, а то, что теперь ее нет, мы, мол, считаем катастрофой» [46].

Сильная идеология может вести людей на подвиги, а если ее нет, то нет и подвигов, ведь никто не пойдет на них ради новой марки автомобиля. Сегодняшняя виртуальность создает образы шпионов/разведчиков (российский сериал «Спящие» или американский «Американцы»), но они куда менее героичны, чем герои советского времени.

Виртуальностью в прошлом всегда пользовались жрецы, возвышая своих божеств над населением. Потом современные формы религии и идеологии создали индустриальные варианты использования виртуальности, одним из которых являются государственные праздники.

Государственные праздники создают концентрацию счастья в одной точке пространства и времени, они «цементируют» счастье с сакральными местами, создавая преемственность между прошлыми и современными руководителями, делая из счастья государственный продукт, который «отпускается» только тем, кто любит государство.

Солдат должен уметь стрелять, а гражданин – боготворить государство. Это как С. Королев, который сначала набирал людей на работу по тому, какой он специалист, лишь потом думая, какой он человек. А в конце

жизни он в первую очередь думал, какой человек, и лишь потом – какой специалист. Так и государство склонно думать в первую очередь, как гражданин его любит, и лишь потом, что он за человек.

Современные исследователи пишут о государственных праздниках: «смыслы, декларируемые государственными праздниками, подразумеваются в качестве единственно возможных и законных. Вследствие чего праздники как символические системы и собственно политическое действие, наделенное идеологическим содержанием, способны производить и навязывать представления о социальном мире» [47].

Вернувшись к нашей главной теме, повторим некоторые характеристики виртуальности в ее функции управления поведением:

- виртуальный объект должен останавливать внимание своей физической реализацией, к примеру, золотые купола церквей, которые даже сейчас останавливают взгляд, а что было тысячу лет назад,
- виртуальность предполагает определенную организацию поведения сегодня и завтра,
- виртуальность является мостиком между прошлым и будущим, как, например, памятники, это формула поведения,
- виртуальность привязана к возрасту – октябренок, в отличие от пионера и комсомольца, имел своего собственного Ленина. Как записано у нас в голове:

«Когда был Ленин маленький
С кудрявой головой,
Он тоже бегал в валенках
По горке ледяной».

Однако это оказалось народным исправлением оригинала, который был совсем другим [48–49].

Наши мозги не справляются со всем, что происходит, мы стали видеть больше, но меньше понимать, мы подошли к какому-то пределу понимания. Как говорит о наших возможностях нейрофизиолог А. Каплан: «Мозг был заточен под жизнь в пещере. Подготовлен ли он к современным дворцам и потокам информации? Вряд ли. Все же природа экономна, она затачивает животное под ту среду обитания, в которой оно существует. У человека, конечно, менялась среда, но суть ее варьировалась мало. Несмотря на разительные изменения, произошедшие с древности, механика среды в рутинном понимании осталась той же. Как изменилась деятельность конструкторов, делающих ракету вместо «Жигулей»? Разница, конечно, есть, но смысл работы один и тот же. Сейчас же среда принципиально изменилась: огромные автотрассы, бесконечные телефонные звонки, причем все это случилось

всего за 15–35 лет. Как отшлифованный под пещеру мозг будет с этой средой справляться? Мультимедийность, огромные, неадекватные человеческим скорости поступления информации, новая ситуация с перемещениями по планете. Нет ли опасности, что мозг уже не может выдерживать такие нагрузки?» [50].

Мы все время жили в эпоху боязни иностранного влияния. Даже если признавать справедливость этих страхов, следует обратить внимание на то, что сегодняшняя эпоха иная – она строится наоборот, на связности, и развитие будет заторможенным без нее, поскольку исчезает доступ к новым технологиям.

И из этого также вытекает и другое отношение к критике. Государство любит, чтобы его хвалили. А наличие связности разрешает иные точки зрения, которые могут быть достаточно критичными. Однако наличие нескольких точек зрения позволяет избегать ошибок, что хорошо уже в принципе. Государство не любит тех, кто его ругает, например, за плохие дороги. Оно начинает бороться с теми, кто пишет о разбитых дорогах, но совершенно равнодушно к тем, кто эти дороги должен приводить в порядок. Этот парадокс и помогает исправлять чужая критика.

Литература

1. Титаев К. и др. Как реальная преступность отличается от официальной // www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/06/14/772694-realnaya-prestupnost-otlichaetsya.
2. Когда в России чаще всего обращаются в полицию? // paperpaper.ru/campus/kogda-v-rossii-chashe-vsego-obrashayutsya-v/.
3. По убийствам – впереди планеты всей (о чем молчали в СССР) // newsland.com/user/4297710442/content/po-ubiistvam-vperedi-planety-vsei-o-chem-molchali-v-sssr/6438500.
4. «Чернобыля никогда не было» или невидимая сторона мирного атома // civr.ru/news/chernobylya-nikогда-ne-bylo-ili-nevidimaya-storona-mirnogo-atoma/.
5. Доцент ЕГУ: 30 лет спустя – а был ли Чернобыль? // ru.delfi.lt/news/live/docent-egu-30-let-spustya-a-byli-chernobyl.d?id=71092480.
6. Дружников Ю. Доносчик 001, или вознесение Павлика Морозова // www.druzhnikov.com/text/rass/donos/.
7. Дружников Ю. Катриона Келли, Павлик Морозов и Лубянка // magazines.russ.ru/voplit/2006/3/dru12.html.
8. Процесс. Дело Павлика Морозова // diletant.media/process/34226264/.
9. Фанайлова Е. Павлик Морозов жив // www.svoboda.org/a/24198174.html.
10. Дружников Ю. Культ доноса // www.druzhnikov.com/text/besed/6.html.

11. Оригинальную Девушку с веслом наказали за излишнюю сексапильность // korrespondent.net/world/3417609-korrespondent-zhenskaia-ystoryia-oryhynalnuui-devushku-s-veslom-nakazaly-za-yzlyshnuui-seksapylnost.
12. «Девушка с веслом»: вопреки идеологии, войне и времени // ria.ru/weekend_art/20110903/429315200.html.
13. Еремеева С. Памятники стали знаками власти. Интервью // www.kommersant.ru/doc/3701425.
14. Семенова А. Рабочий и колхозница вышли на пенсию // www.gazeta.ru/social/2017/05/24/10689653.shtml.
15. Руденко Б. «Рабочий и колхозница». Возвращение // www.nkj.ru/archive/articles/16680/.
16. «Рабочий и колхозница». Сложная судьба эталона соцреализма // ria.ru/spravka/20070411/63472592.html.
17. Data Mining Reveals the Six Basic Emotional Arcs of Storytelling // www.technologyreview.com/s/601848/data-mining-reveals-the-six-basic-emotional-arcs-of-storytelling/.
18. There are just SIX plots in every film, book and TV show ever made: Researchers reveal the 'building blocks' of storytelling // www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-3679510/There-just-SIX-plots-film-book-TV-Researchers-reveal-building-blocks-storytelling.html.
19. Давлятчин И. Как мемы убивают людей // www.rosbalt.ru/russia/2018/08/12/1724097.html.
20. Fulton W. I found the world's first meme with help from meme historians // www.thrillist.com/entertainment/nation/first-meme-ever.
21. Collins N. Conspiracy theories are more rampant than ever. Can they be stopped? // www.theguardian.com/us-news/2018/aug/14/conspiracy-theories-misconceptions-rampant-politics.
22. Laux C. Fourteen words that define the present // www.bbc.com/culture/story/20180808-a-new-vocabulary-for-the-21st-century.
23. Korody N. Timothy Morton on haunted architecture, dark ecology, and other objects // archinect.com/features/article/149934079/timothy-morton-on-haunted-architecture-dark-ecology-and-other-objects.
24. Harman G. Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything. – London, 2018.
25. Kimbell L. The Object Strikes Back: An interview with Graham Harman // www.lucykimbell.com/stuff/Kimbell_Harmaninterview_final_public_2013.pdf.
26. Nyhan B. a. o. Conspiracy and Misperception Belief in the Middle East and North Africa // www.dartmouth.edu/~nyhan/mena-conspiracy.pdf.

27. Medick V. Alex Jones Meet Donald Trump's Propagandist // www.spiegel.de/international/world/a-visit-to-the-infowars-studios-of-alex-jones-a-1136654.html.
28. Edroso R. The Week Alex Jones Became a First Amendment Hero // www.villagevoice.com/2018/08/13/the-week-when-alex-jones-became-the-first-amendment-hero-of-the-right/.
29. McDonald A. Alex Jones' Infowars Removed From Vimeo For Violating Terms Of Service // www.huffingtonpost.com/entry/alex-jones-removed-from-vimeo-for-violating-terms-of-service_us_5b71d19ee4b0530743cc5515.
30. Greene D. Alex Jones is far from the only person tech companies are silencing // www.washingtonpost.com/.
31. Blumenthal P. The Problem Isn't Alex Jones' Free Speech, It's Digital Platform Monopolies // www.huffingtonpost.com/entry/alex-jones-first-amendment_us_5b6d9b57e4b0530743c95939.
32. Символы в системе управления обществом // tehnovar.ru/43075-simvol-y-v-sisteme-upravleniya-obschestvom.html.
33. Щербинин А. И. Игры с Родиной: к вопросу о технологиях конструирования политической реальности // Символическая политика. Вып. 2. Споры о прошлом как проектирование будущего. – М., 2014.
34. Winner L. Do Artifacts Have Politics? // innovate.ucsb.edu/wp-content/uploads/2010/02/Winner-Do-Artifacts-Have-Politics-1980.pdf.
35. Clapp J. C. Codes and conventions of the Western film genre // facweb.northseattle.edu/jclapp/HUM%20110/.../Western_Film_Genre.pptx.
36. Kehr D. Eastwood noir // www.pbs.org/wnet/americanmasters/clint-eastwood-eastwood-noir/582/.
37. McNeill W. H. Mythistory, or Truth, Myth, History, and Historians // methodologyuwg.files.wordpress.com/2009/12/mcneill.pdf.
38. Cavanaugh M. L. Star Wars and american strategic myths // mwi.usma.edu/star-wars-american-strategic-myths/.
39. Mahnken T. G. United States Strategic Culture // www.au.af.mil/au/awc/awcgate/dtra/mahnken_strat_culture.pdf.
40. Lewis P. 'Fiction is outperforming reality': how You Tube's algorithm distorts truth // www.theguardian.com/technology/2018/feb/02/how-youtubes-algorithm-distorts-truth.
41. Lewis P. a. o. How an ex-YouTube insider investigated its secret algorithm // www.theguardian.com/technology/2018/feb/02/youtube-algorithm-election-clinton-trump-guillaume-chaslot.
42. Російській світ (термін) // [uk.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%96%D0%B9%D1%81%D1%8C%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%81%D0%B2%D1%96%D1%82_\(%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BC%D1%96%D0%BD\)](http://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%96%D0%B9%D1%81%D1%8C%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%81%D0%B2%D1%96%D1%82_(%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BC%D1%96%D0%BD)).

43. Архангельский А. Штирлиц остался // www.kommersant.ru/doc/3701424.
44. Архангельский А. Гуманизм под прикрытием // www.kommersant.ru/doc/3263571.
45. Мартынов К. Лайкам пора на свободу // www.novayagazeta.ru/articles/2018/08/09/77444-laykam-pora-na-svobodu.
46. Орешкин Д. Все три пика популярности Путина связаны с войнами. Интервью // realnoevremya.ru/articles/108851-intervyu-s-politologom-dmitriem-oreshkinym?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.
47. Ефремова В. Н. Государственные праздники как инструменты символической политики: Возможности теоретического описания // Символическая политика. Вып. 2. Споры о прошлом как проектирование будущего. – М., 2014.
48. Когда был Ленин маленький // lenin-ru.livejournal.com/22313.html.
49. Калмыков П. О Ленине большом и маленьком // www.gazeta.ru/culture/2008/04/24/a_2705326.shtml.
50. Николаева Н. Миллион миллиардов контактов: справится ли наш мозг с жизнью в цифровом мире // theoryandpractice.ru/posts/16800-million-milliardov-kontaktov-spravitsya-li-nash-mozg-s-zhiznyu-v-tsifrovom-mire.

2. Зачем захватывают информационное и виртуальное пространства, или спасут ли мир запреты и кордоны

Захват физического пространства понятен, на этом человечество выросло и сформировалось, поскольку войны за физическое пространство сопровождали его все время. Виртуальное пространство прошлого также было связано с физическим: захват земель сопровождался сменой религии населения. В этом плане христианство и ислам также воевали веками, хотя во многом это придуманный конструкт противопоставления западного и мусульманского миров. Как пишут исследователи: «Термин «мусульманский мир» впервые появился в 1870-е. Исходно это европейские миссионеры или колониальные офицеры предпочитали его как отсылку ко всем тем между «желтой расой» Восточной Азии и черной расой Африки. Они использовали его также для выражения своего страха против потенциального мусульманского восстания, мусульмане в империях были не более повстанчески настроены к своим империям, чем индуистские или буддистские субъекты» [1].

США и СССР воевали в идеологическом поле, реализацией чего была холодная война, которую можно обозначить как войну виртуальную. Это

была война за мозги, но не за тела. Это была война на расстоянии. Она была долгой. И по сути была войной за следующие поколения, которых мягко переводили на свою сторону.

Виртуальная война:

- за разум, а не за тело,
- на расстоянии,
- долгая война,
- война за следующее поколение,
- часто ведется мягкими методами, привлекая, а не принуждая.

Вся систематика пропагандистского воздействия получила в противостоянии холодной войны новое развитие. После этапа Первой и Второй мировых войн идеологическое пропагандистское воздействие было поддержано опытом рекламы и паблик рилейшнз.

Однако выиграно оно было не в сфере идеологии, а в сфере массовой культуры. СССР жестко контролировал идеологию и связанные с ней продукты (радио и телевидение, литературу и искусство, книги и журналы). Однако массовая культура и быт уже не могли так контролироваться, как в прошлые времена, и именно оттуда пошел виртуальный поток, размывавший идеологию и превращавший ее в ритуал.

Сегодняшний захват чужого виртуального пространства носит мягкий характер. Это американские телесериалы или «Гарри Поттер» Роулинг как пример победного шествия по миру. Здесь вхождение в чужое пространство имеет и финансовую подоплеку, поскольку присутствует коммерческая составляющая как со стороны производителя этого контента, так и его распространителя. Здесь возникает даже финансовая зависимость от потребителя, которая может диктовать определенные интервенции в сценарий, как это происходит между Китаем и американскими кинопроизводителями из-за огромных объемов китайского рынка проката.

Естественно, что виртуальный продукт несет с собой модель мира производителя в скрытом или явном виде, которая может конфликтовать с моделью мира получателя. И тогда начинаются мирные войны, сходные с тем, которые ведет Иран с западной культурой. Мы назвали их мирными войнами по той причине, что Иран, не пуская в свою страну чужой виртуальный продукт, создает вместо него свой. Свою детскую мультипликацию, своих кукол типа Барби, но в национальной одежде.

Для Ирана это серьезная борьба цивилизационного характера [2–6]. Одновременно понятно, что она обречена на поражение, поскольку с каждым новым поколением будет приходиться определенное поражение. Хотя Иран имеет право на эту борьбу, как и любая другая страна с

уникальной культурой типа Японии или Китая. Иран удерживает свою границу исключительно из-за того, что Ислам является по-настоящему государственной религией, которая охватывает все общество. А религиозно-культурному конфликту выживать легче, чем просто культурному.

Мы можем вспомнить аналогичного типа конфликт в СССР, который был идеологически-культурным. Шла мощная борьба то с джинсами, то с прическами, то с западной музыкой. Резко ограничивались западная кинопродукция. Но все это все равно рухнуло из-за резкого несоответствия интересов населения и правящей идеологии.

Побежденная идеология «отползла» в сторону. Но вход был облегчен тем, что цивилизационный конфликт был только идеологическим, а не религиозным. Тем более идеология стояла на глиняных ногах, функционируя как ритуал, а религия была в загоне, поскольку СССР был атеистическим государством. Запад победил СССР не в области идеологии, а в сфере массовой культуры.

Перекрыть информационные потоки очень трудно в сегодняшнем мире интернета и соцмедиа. То же самое касается виртуальной продукции: 65 % жителей Тегерана имеют спутниковые тарелки и 30–40 % в других местах. Социология 2016 г. показала, что у 51 % иранцев положительное отношение к американцам, 68 % – приветствуют увеличение культурных, экономических и образовательных обменов, 80 % – хотели бы, чтобы американцы и иранцы путешествовали как туристы друг у друга.

Это результат определенной усталости от пропаганды, который сейчас также появился в отношении россиян к Западу. Результаты опроса Левада Центра таковы [7]: 42 % относятся к США хорошо, 40 % – плохо. К ЕС – 42 % хорошо, 38 % – плохо. А вот к Украине 36 % – хорошо, а 49 % – плохо. К Грузии – 46 % хорошо, 31 % – плохо.

Л. Шевцова делает следующий вывод из этой социологии: «Самое страшное здесь – это то, что наша система не может себя переформатировать. Не может отказаться от единственной идеи выживания, т. е. от поиска внешнего врага, который создает врагов внутренних. Другой идеи у самодержавия не случилось. А это значит, что эти ребята будут искать пути вернуть население в состояние агрессивности и враждебности к либеральному миру, который воспринимается властью, как гибельная для нее альтернатива. Это делать нужно быстро, чтобы не дать растущему недовольству россиян найти иной объект – сами понимаете, какой. Значит, власть будет создавать новые мифические «угрозы», искать новые поводы для того, чтобы ошетиниться и пугать мир страшным оскалом. Будет искать новый способ заставить людей испугаться и вновь мобилизоваться вокруг Кремля» [8].

И В. Иноземцев тоже объяснил падение рейтинга Путина не пенсионной реформой, а футбольным чемпионатом, когда мир вокруг оказался не

таким страшным для россиян: «Для страны, идеологией которой является жесткое противостояние остальному миру (вне зависимости от того, насколько она закрыта), масштабные события с участием сотен тысяч иностранцев выглядят серьезным испытанием. Пусть и в намного меньшей мере, таковым в 1957 году стал Всемирный фестиваль молодежи и студентов, проводившийся в одной лишь Москве, но послуживший углублению тогдашней оттепели» [9].

Миростроение можно делать на враге как базе и на друге как базе. Сложность миростроения радикального ислама состоит как раз в неверно выбранной базе. Это касается и России. Таким путем они несомненно достигают единения нации. Но это только одна из задач. Современный мир стал более связным, чем это было раньше. По этой причине, отрезая себя от остального мира как «неправильного», больших успехов не достичь. Это показывают опыт Китая и Северной Кореи. Китай сохранил и связь с Западом, и марксизм, пошел вперед семимильными шагами, являясь в то же время чуть ли не главным врагом с точки зрения американской доктрины. А Корея, поссорившись со всем миром, оказалась у разбитого корыта.

Кстати, только сегодня мы узнаем, что и Калашников не совсем свой, что Т-34 доводили до ума американцы, что ракеты строились первоначально по немецким чертежам и немецкими инженерами, вывезенными в СССР. С другой стороны, СССР был первым в мире по числу убийств и самоубийств на душу населения [10]. Так что не все было так прекрасно, как нам рассказывали.

В сегодняшнем мире во многом правят бал невоенные силы: экономические, финансовые, культурные, информационные. Они стоят перед глазами граждан как признак могущества государства. Наличие врага, настоящего или придуманного, позволяет все эти мирные силы отменить и концентрироваться только на военном измерении. При этом акцент на военном оправдывает отсутствие результата в мирном, поскольку все уходит на подготовку борьбы с врагом.

Сегодня более серьезным способом воздействия является невоенный. Это в корне отлично от прошлых веков, когда все было наяву. Сегодняшние конфликты ведутся на более глубинном уровне. Частично это связано также и с тем, что возникли конфликты других уровней. Это не только государство против государства, но и государство против негосударственных акторов. Например, С. Рютин добавляет еще другой тип: «военные конфликты уже идут не между странами, а между странами с одной стороны и глобальными организациями с другой, не обязательно криминальными. Видимо, в ближайшем будущем нас ждет период конфликта интересов изоляционистов и глобалистов, который будет принимать часто невоенные формы» [11].

Невоенные силы во главе угла меняют типологию вооруженного противостояния, делая акцент на информационном и виртуальном

компонентах. Мы говорим о виртуальном компоненте в синтезе с информационным в гибридной войне. Все значимые физические события имели акцентуированные информационные и виртуальные составляющие. «Зеленые человечки» несли смыслы мира и спокойствия, «распятый мальчик» отсылал к христианству, «хунта», «фашисты», «неонацисты», «каратели», с помощью которых описывалась ситуация, демонстрировали украинскую ситуацию под углом зрения нацизма, а именно победа в войне 1941–1945 гг. заменила в российской мифологии базовую точку отсчета – революцию 1917 г. Подключение виртуального компонента делает это воздействие, по сути, уже не информационным, а информационно-виртуальным или чисто виртуальным.

В чем смысл интервенций в информационное пространство, которые сегодня стали предметом борьбы и контрборьбы в развернутой борьбе с помощью фейков и против фейков? Информационные интервенции могут влиять на модель мира человека в тактическом плане.

Стратегически они работают, если человек постоянно находится в информационном поле, чужом по отношению к его собственному, тем более в случае конфликтности двух моделей мира. Например, это как слушание радио Свобода в советское время. При этом они не могли менять общую картинку, но вносили туда то, что можно обозначить как «идеологическая эрозия».

В случае американских президентских выборов фейки создавали хаос в головах, поскольку «подпитывали» противоположные группы. И этот хаос действовал в первую очередь на республиканцев-консерваторов, для которых самым неприятным является изменение их картины мира, в то время как либералы-демократы, наоборот, ориентированы на изменения.

Виртуальная война в виде холодной или любой другой работает в пространстве между полюсами правды и неправды. Нам следует признать, что мы не так часто пользуемся правдой. Как говорится в сериале *Altered Carbon: правда* – это самое страшное оружие. И нам честно следует признать это. В нашем межличностном общении мы стараемся говорить то, что приятно для собеседника, а не то, что является правдой. В бюрократических коммуникациях наверх передается то же самое, любая структура отчитывается о своих достижениях, умалчивая о своих промахах.

Власти боятся информационных атак. По непонятной причине их больше волнует, как это выглядит в информационном поле, чем то, как это выглядит в реальности. Плохая реальность не так волнует власть, как ее негативное описание в медиа.

Одно из объяснений этого феномена состоит в том, что когда человек сталкивается с плохой реальностью за окном, он считает свой взгляд исключением, поскольку медиа переполнены рассказами о хорошей жизни других. Когда же об этом напишут, происходит слияние

индивидуального и общественного понимания негатива. Революции, кстати, характеризуются именно таким пониманием и вырастают из него.

Конспирологии и фейки усиливают те предрасположенности, которые уже нашли место в голове человека. И решение о принятии или отторжении фейка, дезинформации, слухах, конспирологии дается не на самом фактаже, а на его соответствии или нет идентичности человека – конфликтует информация с идентичностью или нет.

Идентичность может конфликтовать с фактом или подтверждаться им. По этой причине политические пристрастия работают либо на принятие, либо на отторжение фейков. То же самое касается так называемого языка ненависти.

Защита идентичности мотивирует потребление фейковых новостей, как считают в йельском проекте культурной когниции [12–13]. Там пишут о российских постах: «Ее посты в Фейсбуке не о фактах, имеющих отношение к той или иной политике, а о фактах социального доказательства – кто борется с кем и по поводу чего». Понятно, что в такой полемике не играет существенную роль сам факт, он выступает в роли триггера, активирующего социальную борьбу.

Есть даже пример использования сети LinkedIn со стороны России, о чем почти не писали [14]. Здесь речь идет об опоре на личностную информацию о пользователях этой сети просто в беседах с живыми людьми. Как говорят специалисты: «Российские спецслужбы определенно используют LinkedIn для сбора личной информации об определенных людях для возможного рекрутирования и шантажирования их. Они действуют под фальшивыми идентичностями и документами, в то время как российские пропагандистские и троллинговые кампании широко используются на платформе».

Одновременно получается, что никто не хочет менять свою картину мира, поскольку это очень болезненный процесс. Например, изменение советской картины мира началось до перестройки и не завершилось по сегодняшний день. Большая часть населения не хочет и не будет от нее отказываться, что является его законным правом.

Сегодня в США развернута большая дискуссия по поводу запрета на тиражирование А. Джоунса как конспиролога во всех сетях, кроме Твиттера. Как считают аналитики: «Есть много вариантов запретов, каждый из которых представляет собой иной инструментарий, используемый технологическими компаниями для ограничения языка ненависти. Платформы могут ослабить распространение контента, который им не нравится. Они могут закрыть обнаружение контента, который не нравится, как Apple делает с подкастами Джоунса.

Платформы могут отказаться держать у себя контент, который не нравится, как YouTube и Facebook делают соответственно с видео и страницами InfoWars. Платформы могут запрещать нахождение

контента, который не любят, независимо от того, он там ищется и располагается» [15].

И это вовсе не новый опыт, пришедший с Джоунсом, например, есть чуть ли не бесконечный список запрещенных видеоигр по разным странам [16]. Китай [17] и Россия активно блокируют «плохие» сайты, а Россия борется даже с распространителями чужих «нехороших» постов, а не только с самими постами, подвергая их уголовному преследованию.

Правда, в отчете Пью Центра за 2017 г. нам встретилось такое важное замечание: «Увеличение цензуры и массового наблюдения приведет к созданию официальных «правд» в разных частях мира» [18]. Или такое: «В открытом обществе нет заранее заданного определения, какая информация является правдивой, а какая фейком». Но все они звучат из уст анонимов, опрошенных Пью.

А институт дигитальных новостей Рейтерс провел эксперимент на 2000 британских респондентов и выяснил, что большинство из них помнили, каким путем они нашли новость (Facebook, Google и под.), но меньше половины могли вспомнить, из какой новостной структуры пришла эта новость [19]. Интересна еще одна цифра – 71 % потребляет новости в текстовом виде и 14 % использует равноправно текст и видео. Это число даже ниже 10 % в Великобритании и скандинавских странах. И самое странное, что молодежь тоже повсюду предпочитает текст. Это, получается, говорит о том, что пропагандируемый переход на визуальные каналы в новостях не состоялся.

Шум, поднятый вокруг запрета в соцмедиа сайта А. Джоунса с его сайтом InfoWars, кажется, затмил даже российское вмешательство в выборы (см. лишь некоторые примеры [20–25]). По этому поводу высказываются все или почти все.

Это можно объяснить тем, что российские интервенции все же были иностранными, а это свое, родное. Российское вмешательство было скрытым, а это открытое вещание. И это, по сути, запрет на свободу слова, на что американцы должны реагировать в любом случае более активно.

Сегодня в этом обсуждении высказываются разные аргументы. Эта дискуссия в сильной степени напоминает ту, что ведется в Украине в рамках двух полюсов – свободы слова и войны: может ли быть свобода слова во время войны или нет.

Приведем некоторые из американских аргументов:

– «В чисто академических беседах защита свободы слова вне зависимости от контента, кажется, имеет смысл. Но абсолют свободы слова игнорирует тот факт, что в действительности слово не является равным по всем темам и платформам для каждого. Этот взгляд не способен учесть работу реальной власти и то, как общество работает на пользу и поддержку тех, кто за белый супрематизм и белую хрупкость.

Часто вопрос свободы слова поднимается, как в случае Джоунса, в контексте тех, кто хочет свободы выражения взглядов, которые не только одиозны или непопулярны, но также напрямую связаны с дегуманизацией и подавлением других» ([26], см. также [27]),

– «язык ненависти является опасно эластичной меткой, которой долго пользовались в Америке, чтобы демонизировать непопулярное выражение. Если мы будем чрезвычайно усердно ограничивать так называемый язык ненависти, мы рискуем создать западню для тех самых людей, которых пытаемся защищать» [28],

– «мистер Джоунс является только одним из 2,2 миллиарда пользователей, но он стал символом несогласованности и нежелания технических платформ заниматься войной с дезинформацией» [29],

– «Что демонстрирует нам это шоу? Что вы как интернет-пользователь имеете мало власти над контентом, который вы считаете оскорбительным и вредным в онлайн. Все в руках у технических компаний. В этом, конечно, нет ничего нового. До интернета люди высказывали свое возмущение телевизионными и радио ток-шоу. Интернет просто оказался более доступным, менее управляемым пространством» [30].

Сегодняшний мир увидел реальность информационного и виртуального пространств. На них, как оказалось, вполне можно стоять двумя ногами, как и в пространстве физическом. И точно так они могут быть опасными для человека. Интернет и соцмедиа принесли новые возможности, но и новые опасности.

Литература

1. Aydin C. What is the Muslim world // aeon.co/essays/the-idea-of-a-muslim-world-is-both-modern-and-misleading.
2. Iran's War Against Western Culture: Never Ending, Always Losing // www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/tehranbureau/2011/12/media-the-regimes-war-against-western-culture-never-ending-always-losing.html.
3. Meotti G. Iran's Leaders at War with Western Civilization. Why is the West Putting Up with It? // www.gatestoneinstitute.org/12293/iran-western-civilization.
4. Witmer S. Myth vs. fact: Iranians&Western culture // www.us-iran.org/resources/2017/6/6/myth-vs-fact-iranians-western-culture.
5. Kruse S. Iranians' Consumption of Western Media, and the Government's Concessions // www.huffingtonpost.com/shermin-kruse/iranians-consumption-of-w_b_5615714.html.
6. Glauber B. Influence of Western Culture in Iran // prezi.com/mhpkse9ubhvb/influence-of-western-culture-in-iran/.
7. Гудков Л. Россия и Запад // www.levada.ru/2018/08/02/rossiya-i-zapad-3/.

8. Шевцова Л. Провал кремлевской пропаганды // www.rosbalt.ru/blogs/2018/08/06/1722706.html.
9. Иноземцев В. Зарождающиеся сомнения // www.rosbalt.ru/posts/2018/08/09/1723651.html.
10. По убийствам впереди планеты всей (о чем молчали в СССР) // newizv.ru/news/society/10-08-2018/po-ubiystvam-vpered-planet-ya-vsey-o-chem-molchali-v-sssr.
11. Рютин С. Видеоигры с эффектом присутствия // litrossia.ru/item/videoigry-s-jeffektom-prisutstvija/.
12. Kahan D. What's worse? Macedonian «fake news» or Russian distortions of social proof? // www.culturalcognition.net/blog/2018/3/5/whats-worse-macedonian-fake-news-or-russian-distortions-of-s.html.
13. Kahan D. Fake news vs. «counterfeit social proof»-lecture summary & slides // www.culturalcognition.net/blog/2018/6/22/fake-news-vs-counterfeit-social-proof-lecture-summary-slides.html.
14. Stein J. How Russia Is Using LinkedIn as a Tool of War Against Its U. S. Enemies // www.newsweek.com/russia-putin-bots-linkedin-facebook-trump-clinton-kremlin-critics-poison-war-645696.
15. Madrigal A. C. What Does It Mean to Ban Alex Jones? // www.theatlantic.com/technology/archive/2018/08/what-does-it-mean-to-ban-alex-jones/566960/.
16. List of banned video games // en.wikipedia.org/wiki/List_of_banned_video_games.
17. Гордієнко Т. Як працює китайський Інтернет: без літери N і з забороненим Вінні Пухом та річковими крабами // ms.detector.media/media_law/government/yak_pratsyue_kitayskiy_internet_bez_literi_n_iz_zaboronenim_vinni_pukhom_ta_richkovimi_krabami/.
18. Anderson J. a. o. The future of truth and misinformation online // www.pewinternet.org/2017/10/19/the-future-of-truth-and-misinformation-online/.
19. Reuters Institute digital news report 2017 // reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/Digital%20News%20Report%202017%20web_0.pdf.
20. Fisher M. With Alex Jones, Facebook's Worst Demons Abroad Begin to Come Home // www.nytimes.com/2018/08/08/world/americas/facebook-misinformation.html?hpw&rref=world&action=click&pgtype=Homepage&module=well-region@ion=bottom-well&WT.nav=bottom-well.
21. Gatekeepers or Censors? How Tech Manages Online Speech // www.nytimes.com/2018/08/07/technology/tech-companies-online-speech.html?hpw&rref=technology&action=click&pgtype=Homepage&module=well-region@ion=bottom-well&WT.nav=bottom-well.

22. Roy E. A. Twitter CEO Jack Dorsey defends failure to ban Alex Jones // www.theguardian.com/technology/2018/aug/08/jack-dorsey-defends-failure-to-ban-alex-jones-from-twitter.
23. Nicas J. Tech Companies Banned Infowars. Now, Its App Is Trending // www.nytimes.com/2018/08/08/technology/infowars-app-trending.html?hpw&rref=technology&action=click&pgtype=Homepage&module=well-region@ion=bottom-well&WT.nav=bottom-well.
24. Rappoport J. The war to destroy Alex Jones, part 1 // www.infowars.com/the-war-to-destroy-alex-jones-part-one/.
25. Rappoport J. The war to destroy Alex Jones, part 2 // www.infowars.com/the-war-to-destroy-alex-jones-part-2/#disqus_thread.
26. Changa A. Alex Jones' 'Free Speech' Shouldn't Be Your Primary Concern // www.huffingtonpost.com/entry/opinion-changa-alex-jones-free-speech_us_5b6baef7e4b0530743c6e08d.
27. Watson P. J. Purged: Facebook permanently bans Infowars for «hate speech» // www.infowars.com/purged-facebook-permanently-bans-infowars-for-hate-speech/.
28. Nielsen P. If We Silence Hate Speech, Will We Silence Resistance? // www.nytimes.com/2018/08/09/opinion/if-we-silence-hate-speech-will-we-silence-resistance.html?action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-heading&module=opinion-c-col-left-region@ion=opinion-c-col-left-region&WT.nav=opinion-c-col-left-region.
29. Roose K. Facebook Banned Infowars. Now What? // www.nytimes.com/2018/08/10/technology/facebook-banned-infowars-now-what.html?hp&action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-heading&module=first-column-region@ion=top-news&WT.nav=top-news.
30. Chen B. X. The Internet Trolls Have Won. Sorry, There's Not Much You Can Do // www.nytimes.com/2018/08/08/technology/personaltech/internet-trolls-comments.html?hpw&rref=technology&action=click&pgtype=Homepage&module=well-region@ion=bottom-well&WT.nav=bottom-well.

3. Фейки становятся частью большой ПОЛИТИКИ

Политика, как и бизнес, являются достаточно креативными в своем инструментарии. Как только новый тип инструментария заявляет о себе, его сразу берут на вооружение. И политика, и бизнес являются высоко конкурентной средой, что объясняет такое их внимание к инновациям. К тому же они имеют в своем распоряжении достаточное финансирование, чтобы запускать новый инструментарий.

Фейки стали таким инструментарием большой политики. Самым ярким примером использования фейков все еще является российское информационное вмешательство в американские президентские выборы 2016 года.

Однако им в спину уже дышит Китай. Вот как Нью-Йорк Таймс сопоставляет российский и китайский подходы: «Сравнивая с их российскими коллегами, китайские офицеры разведки исторически следуют целям внешней политики своей страны, скорее культивируя долговременные отношения, а не занимаясь дезинформацией. Российские операции склонны усиливать политические разногласия, чтобы вбить клин в целевое общество: связанные с Россией боты продвигали информацию «за» и «против» вакцинации в США между 2014 и 2017, а российское агентство, связанное с Кремлем, покупало рекламу в Фейсбуке о таких разделяющих вопросах, как раса, аборт, гендерное равенство перед выборами в 2016. Китайские операции вместо этого культивируют общие интересы с влиятельными акторами» [1].

Китайский интерес понятен в этом плане, поскольку они, скорее, формируют будущее, а не настоящее. Россия своими активными дезинформационными кампаниями как раз играет в настоящем, поскольку дезинформация рано или поздно все равно вскрывается. Но она все равно выполняет свою задачу в данной точке пространства и времени.

Генерал Бридлав говорит о российском подходе: «Россия полностью использует новый медиа ландшафт, продвигая дезинформацию, чтобы породить разочарование среди американцев. Россия эксплуатирует разделение американского населения для продвижения того, что может быть названо «культурной войной». Исследования показали, что США более поляризованы, чем когда бы то ни было, по таким проблемам, как контроль над оружием, иммиграция, религия и раса. Российские специалисты, видя такую возможность, заказывают рекламу в соцмедиа, чтобы продвигать такие взгляды по этим проблемам, которые еще более увеличат разрыв. Российские реклама и профили не имеют последовательной политической позиции. Единственным последовательным аспектом является то, что они продвигают позиции по чрезвычайно разделяющим проблемам» [2].

Китай серьезно нацелен на удержание своих отношений с китайской диаспорой за рубежом [3]. Он нацелен на независимые китайские медиа, китайских студентов, китайский бизнес, важных не-китайских индивидов и организации, являющиеся донорами политических кампаний. Все они становятся объектами влияния для того, чтобы продвигать политику Китая в своих странах. Получается, что перед нами сеть, построенная на человеческих отношениях, но имеющая вполне конкретные политические цели.

Китаю как супердержаве, которая тем более находится на взлете, мало места только внутри своей страны или своего региона, которые к тому же давно «освоены».

Даже Россия позволила себе выступить с развернутой статьей на тему продвижения Китая в мире, в том числе с помощью Институтов Конфуция: «Институты Конфуция получали различные претензии от местных органов власти в Канаде, Японии, Австралии, США и даже в России. Проблемы заключаются в том, что периодически правоохранительные органы и общественные деятели обвиняют Институты Конфуция не только и не столько в популяризации китайской культуры, сколько в политическом влиянии. Им приписывают вмешательство в академические нормы и свободы, слежку за другими китайцами и даже шпионаж. Очевидна и крайне прокитайская позиция таких учреждений по вопросам Тибета и Тайваня. По этим причинам долго не открывались ИК в Индии и, например, в Узбекистане, который боится чрезмерного одностороннего влияния. Вообще, в Центральной Азии у Китая продвижение идет с переменным успехом – достаточно вспомнить антикитайские «земельные» протесты в Казахстане в марте 2016 года» [4]. Есть даже опыт закрытия Институтов Конфуция, например, в России в 2010 г. В США университет Северной Флориды отказался продлевать сотрудничество с функционирующим на его базе Институтом Конфуция после 2019 года.

Речь вице-президента Пенса по поводу Китая и вмешательства в промежуточные выборы трактуют как предзнаменование новой холодной войны [5]. Директор ФБР К. Рэй рисует картины китайского влияния и научно-технического шпионажа в американских университетах и Институтах Конфуция [6–9]. Мы видим, как открытый мир предоставляет множество новых возможностей для шпионажа.

Появился и австралийский анализ китайского влияния под грифом top-secret. Аналитики признают: «Под бескомпромиссным руководством президента Си Цзиньпина деятельность Китая стала настолько наглой и такой агрессивной, что мы больше не можем ее игнорировать» [10]. Это достаточно громкие слова, поскольку Австралия довольно близко находится к Китаю. Там есть даже телесериал «Тайный город» («Secret city»), где некоторые австралийские правительственные деятели оказываются агентами влияния именно Китая.

И еще мнение одного из австралийских руководителей спецслужб: «Иностранные акторы пытаются скрытно влиять и формировать взгляды представителей австралийского населения, австралийских медиа, официальных лиц в австралийском правительстве».

Китай является сильным игроком мировой политики, поэтому он будет все время проверять свои возможности по влиянию, как делает это постоянно в плане кибершпионажа (см. некоторые подробности [11–13]).

Прощупывание этого воздействия нацелено как на технические секреты, так и на управление критической инфраструктурой.

Р. Вальцман, говоря о необходимости когнитивной безопасности, видит следующий тип наступательной стратегии против населения целой страны [14]:

- следует разделить население на сообщества, основываясь на критериях (политика, интересы, хобби, потребности, проблемы и под.),
- следует выделить в каждом сообществе тех, кто поддастся влиянию имеющемуся набору сообщений,
- определить социальную динамику коммуникации и движение идей в каждом сообществе,
- определить, какие нарративы разных типов доминируют в разговорах в каждом сообществе,
- использовать все перечисленное для создания и продвижения нарратива, способного заменить неблагоприятный для вас нарратив на благоприятный,
- постоянный мониторинг для определения успешности попытки и реагирования в реальном времени.

Обосновывая создание Центра когнитивной безопасности, Р. Вальцман сказал, что в ближайшем будущем исследователи, правительства, социальные платформы вступят в постоянную гонку за влияние и защиту от него в отношении больших групп в онлайн.

Он видит следующий тип отличий от привычного использования социального инжиниринга в кибербезопасности:

- это влияния не на нескольких индивидов, как в кибербезопасности, а на большие социальные группы людей,
- компьютерная безопасность фокусируется на введении в заблуждение с целью внести компрометацию в компьютерную систему, когнитивная безопасность – на социальном влиянии как конечной цели,
- социальный инжиниринг в компьютерной безопасности ориентирован на качественные подходы, когнитивная безопасность имеет количественное измерение.

Сегодня возник еще один скандал, раскрытый Блумбергом, который состоит в том, что в комплектующих, поставляемых из Китая, обнаружен шпионский микрочип [15–17]. А это касается 30 крупнейших американских компаний, включая Apple и Amazon. Они, правда, стали отрицать наличие таких микрочипов, но особого доверия это не вызвало [18]. И это привлекает всеобщее внимание, поскольку Amazon к тому же был задействован в создании специального компьютерного оборудования для ЦРУ.

Все это делает информационные интервенции в американские президентские выборы 2016 г., столь активно изучаемые (см., например, [19]) малой проблемой, поскольку: а) они уже позади, б) результативность их могла не выйти за пределы статистической погрешности.

Везде одним из инструментариев такого влияния становятся фейки, дезинформация, распространяемые в соцмедиа, роль которых все это время растет, поскольку они являются наиболее незаметным инструментарием.

Последним примером такого рода стало российское влияние на британских подростков [20–24]. Здесь распространялись фальшивые интерпретации об отравлении в Солсбери, шотландской независимости и Брексите. В одном из мемов в Твиттере актриса из «Гарри Поттера» Эмма Уотсон заявляла, что феминизм то же, что ненависть к мужчинам. Один из тинейджеров сказал: «Если бы я увидел это у себя в соцмедиа, я, наверное, послал бы это в чат моей группы, не задумываясь над тем, откуда оно появилось и с какой целью».

Кстати, и для американской подростковой аудитории активно использовались мемы, для чего был создан в соцмедиа город мемов Мемополис. Там были мемы с героями из Улицы Сезам, Губки Боб Квадратные Штаны и из Покемон Гоу [25]

Все это в очередной раз подтверждает то, что статус информационного пространства в современном мире многократно вырос. Именно поэтому любые попытки манипуляции с ним будут и сегодня, и завтра иметь существенные последствия.

Литература

1. Segal A. Will China hack the U. S. midterm? // www.nytimes.com/2018/10/05/opinion/china-cyberattack-hacking-us-midterm-election.html.
2. Breedlove P. M. Russian interference in domestic politics // docs.house.gov/meetings/AS/AS00/20180321/108048/HHRG-115-AS00-Wstate-BreedloveP-20180321.pdf.
3. Allen-Ebrahimian B. China Built an Army of Influence Agents in the U. S. // www.thedailybeast.com/how-china-built-an-army-of-influence-agents-in-the-us.
4. Кулагин В. Солдаты Конфуция. Китай тайно проник почти во все страны. Под угрозой половина мира // lenta.ru/articles/2018/10/02/chinese_influence/.
5. Perlez J. Pence's China speech as portent of a «New Cold War» // www.nytimes.com/2018/10/05/world/asia/pence-china-speech-cold-war.html.

6. Redden E. The Chinese Student Threat? // www.insidehighered.com/news/2018/02/15/fbi-director-testifies-chinese-students-and-intelligence-threats.
7. Gertz B. FBI investigating Confucius institutes // www.washingtontimes.com/news/2018/feb/14/inside-the-ring-fbi-investigating-confucius-instit/.
8. Peterson R. Get China's pernicious Confucius Institutes out of US colleges // thehill.com/opinion/education/375092-get-chinas-pernicious-confucius-institutes-out-of-us-colleges.
9. Johnson T. FBI says Chinese operatives active at scores of U. S. universities // www.mcclatchydc.com/news/nation-world/national/national-security/article199929429.html.
10. Borys S. China's 'brazen' and 'aggressive' political interference outlined in top-secret report // www.abc.net.au/news/2018-05-29/chinas-been-interfering-in-australian-politics-for-past-decade/9810236.
11. Denning D. Cyberwar: how Chinese hackers became a major threat to the U. S. // www.newsweek.com/chinese-hackers-cyberwar-us-cybersecurity-threat-678378.
12. Creekman D. M. A Helpless America? An Examination of the Legal Options Available to the United States in Response to Varying Types of Cyber-Attacks from China // digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=http://scholar.google.com/&httpsredir=1&article=1223&context=auilr.
13. APT1 Exposing One of China's Cyber Espionage Units // www.fireeye.com/content/dam/fireeye-www/services/pdfs/mandiant-apt1-report.pdf.
14. Waltzman R. The Weaponization of Information. The Need for Cognitive Security // www.rand.org/pubs/testimonies/CT473.html.
15. Robertson J. a. o. The big hack: how China used a tiny chip to infiltrate America's top companies // www.bloomberg.com/news/features/2018-10-04/the-big-hack-how-china-used-a-tiny-chip-to-infiltrate-america-s-top-companies.
16. Bogost I. The Chinese Motherboard Hack Is a Crisis, Even If It Didn't Really Happen // www.theatlantic.com/technology/archive/2018/10/political-cost-chinese-hardware-hack/572383/.
17. Носов Ю. «Китайский глаз». Безопасностью вычислительной техники должен заняться ВПК? // regnum.ru/news/polit/2495563.html.
18. Robertson J. a. o. The Big Hack: Statements From Amazon, Apple, Supermicro, and the Chinese Government // www.bloomberg.com/news/articles/2018-10-04/the-big-hack-amazon-apple-supermicro-and-beijing-respond.

19. Шейн С. и др. Заговор с целью подрыва выборов в США // inosmi.ru/politic/20180921/243293349.html.
20. СМИ: британские подростки стали мишенью интернет-троллей // www.bbc.com/russian/news-45770748.
21. На российских «троллей» повесили прогулы британских школьников // lenta.ru/news/2018/10/06/oh_lovkachi/.
22. Stow N. Vlad targets Brit kids. Russian trolls using Harry Potter and pics of celebs to target Brit teens with fake news on social media // www.thesun.co.uk/news/7430644/russian-trolls-harry-potter-pictures-celebs-brit-teens-fake-news/.
23. Stickings T. Russian bots target British teenagers: Kremlin-backed trolls use stars like Emma Watson to spread discord in the West with onslaught of viral memes on feminism, vaccines and GM foods // www.dailymail.co.uk/news/article-6246613/Russian-bots-target-British-teenagers-using-celebrities-like-Emma-Watson.html.
24. Pyne H. British teenagers targeted by Russian trolls // talkradio.co.uk/news/british-teenagers-targeted-russian-trolls-18100628245.
25. Ng A. Russian trolls targeted teens on Facebook with memes From Russia, with memes // www.cnet.com/news/russian-trolls-targeted-teens-on-facebook-with-memes/.

Глава тринадцатая

Соцмедиа и общество

1. Что происходит в информационном «стаде»

Современный человек попал в новую среду, к которой он оказался не совсем готов. Информационные «джунгли» лишили его флера современности, вернув в более первобытную форму, когда индивид полностью растворяется в коллективе, поскольку социальные страхи и желания становятся его собственными, а они стали максимально транслируемыми благодаря соцмедиа. И это создает единую форму психологического восприятия и реагирования. «Мы» и «Они» во многом слились воедино.

Происходит активация стадного инстинкта. Частично это связано с ожиданием будущих социальных катаклизмов, которое уже реализовалось в виде выборов популистов по всему миру. Трамп ли, Орбан ли должны спасти своих граждан от ужасов грядущего мира.

Вероятно, соцмедиа усилили индивидуальные страхи перед будущим, переводя их на социальный уровень.

Отрицательное влияния соцмедиа уже вышло наружу, когда врачи просят правительство Великобритании взимать дополнительную плату с Facebook и Instagram, которая бы шла на решение проблем с ментальным здоровьем, которые они порождают [1]. Например, беспокойство, несчастье, депрессия достигли эпидемического уровня у детей и подростков, нанося урон одной из пяти девочек-подростков.

Что касается взрослых, то британский ученый Уильям Ван Гордон предложил новый третий тип зависимости по аналогии с наркозависимостью [2]. Химическая зависимость – это наркотики и алкоголь, поведенческая – к игре или компьютерным играм. Третью он назвал онтологической – зависимостью к себе. Он говорит: «Зависимость к себе становится истощающей после некоторого периода времени и принуждает нас не обращать внимание на правду и мудрость реальности».

Для Гордона это образ Нарцисса из греческой мифологии, который влюбился в свое собственное отражение. Сегодня это люди, которые постят свои селфи, чтобы продемонстрировать свой образ жизни.

Правда, авторы выводят онтологическую зависимость из изучаемых ими ментальных практик буддизма [3]. Они считают, что глубинные представления человека отражают их доминирование в сегодняшней и прошлой жизни (см. также [4]).

Ван Гордон подчеркивает, что с помощью соцмедиа люди конструируют другой уровень себя, опираясь на лайки, посты и фолловеров, что не отражает реальной сущности человека [5]. Интересно его мнение также о том, что технологии уводят нас от реальности, от текущего момента. И тут могут помочь ментальные практики буддизма.

Он утверждает: «Чтобы определить есть ли у человека онтологическая зависимость, ему следует быть честным с собой, проанализировав, до какой степени его это управляет его мыслями, словами и действиями. Например, проявляя акт доброты, человек должен спросить себя, хочет ли он реально в глубине себя получить поощрение или признание».

Гордон был десять лет буддистским монахом. Он видит онтологическую зависимость в том, каким мы видим свое существование. Он говорит: «Люди, у которых неверный или ошибочный взгляд на себя, начинают думать, что они являются центром мира, в котором все другие формы жизни, объекты, понятия менее важны. Такое восприятие мира порождает обратную связь зависимости, которая постоянно поддерживает эту веру в себя, что может приводить к функциональным нарушениям и ментальным болезням».

Одновременно следует признать, что соцмедиа не создали эту «ловушку» для человека, поскольку она была всегда. Они резко

облегчили ее появление у современных людей, так как соцмедиа позволяют создавать искусственный мир под себя.

Если задуматься об этом феномене еще немного в ином направлении, расширяя его, то онтологическая зависимость советского человека состояла в зависимости не от себя, а от государства. Ему внушали, что все его мысли и все его счастье связано только с государством. Этого не могло быть у западного человека, индивидуализм которого был заложен намного раньше. Коллективное счастье, жизнь всегда сильнее индивидуального, поэтому герои и отдают свою биологическую жизнь за социальное выживание.

Ван Гордон и его соавторы еще в 2013 году заговорили об онтологической зависимости в статье, посвященной использованию буддистской философии в лечении игровой зависимости. Здесь они определяли ее так: «Онтологическая зависимость отсылает к нежеланию отказаться от ошибочного и глубинного представления во внутренне существующем «себе» или «Я», как и «неполной функциональности», возникающей из такого представления. Буддийское учение заявляет, что благодаря ошибочному представлению о себе и абсолютном способе, в котором существует этот феномен, возникает дуалистическое (я и другие) представление» [8].

Еще одним проявлением этой зависимости является колоссальное отвлечение человека от его работы, которое создают ему соцмедиа. Исследования, проведенные в Лондонском институте психиатрии, акцентируют, что постоянное отвлечение и прерывание имеют очень сильный эффект. Электронная почта и телефонные звонки дают падение на 10 пунктов в уровне IQ, что в два раза больше влияния курения марихуаны. Постоянное прерывание имеет тот же эффект, что и ночное невысыпание.

В 2018 г. в Британии обнаружили, что люди проверяют свой смартфон в среднем каждые 12 минут, когда бодрствуют. А 71 % никогда его не выключают, 40 % проверяют его в первые пять минут после просыпания.

Линда Стоун, экс-консультант Apple и Microsoft, предложила для описания этой проблемы термин «постоянное частичное внимание» [9]. У себя на сайте она рассказывает: «Когда я интервьюировала 18-22-летних, то заметила, что они используют коммуникативные технологии способом, который я обозначила как «полусинхронно». Это не совсем синхронно и также не асинхронно. Текстовая переписка часто используется полусинхронным способом». То есть полное внимание сегодня не используется.

Последнее время много говорилось, что молодое поколение обладает способностью к занятию сразу несколькими вещами. Возник даже соответствующий термин multitasking. Однако реально это снова быстрое переключение между разными деятельностью, а не одновременное занятие ими.

И для этого нужна физиологическая адаптация к новым нагрузкам, чем помогает выделение адреналина и кортизола. Однако кортизол влияет на серотонин и допамин, не давая нам стать счастливыми и спокойными. Отсюда влияние на наш сон и пульс.

Еще один исследователь Э. Баллмор говорит, что у каждого из нас есть высокая вероятность стать депрессивным в какой-то период времени [10]. Он считает, что социальный стресс провоцирует воспалительный процесс в теле, влияющий на то, как работает мозг, что в свою очередь ведет к ментальным симптомам депрессии.

Есть определенная связка ментальности с предпочитаемым вариантом соцмедиа. Анализ американской политической онлайн рекламы показал, что организации, имеющие левые взгляды, более широко представлены в Facebook и Twitter, чем правые [11]. В то же время правые тратят больше на рекламу в Google, чем либеральные группы. И это потому, что именно там находятся их сторонники.

Раз они так жестко распределяются, то это является еще одним последствием возникшего вместе с соцмедиа феномена поляризации взглядов. Частично это связано с исчезновением «магистральных» СМИ – печати и телевидения, которые задавали более умеренные взгляды, и они были доминирующими. Эти СМИ были более ориентированы на всех, сегодняшние соцмедиа могут быть ориентированы на самые разные группы.

Сегодняшний человек не хочет слушать другого, не хочет признать его правоту, считая себя правым во всем. Ему помогли в этом соцмедиа, где теперь может быть найден любой взгляд. Люди с асоциальными взглядами легко находят своих сторонников. То есть информационное стадо теперь может быть сформировано на базе любой истины. При этом не важно, насколько она правдива. Значима лишь ее способность запустить процесс самораспространения. Именно отсюда преобладание негатива в таких вирусных истинах.

М. Косински и Cambridge Analytica воспользовались психологическим таргетингом для того, чтобы выходить на людей, которые запустят этот процесс вирусного распространения наиболее активно [12]. Их психологические портреты, сделанные на базе лайков Фейсбука, позволяют определить их систему представлений, ее «болевые точки». Именно это позволило российским информационным интервенциям влиять на американские президентские выборы.

В «стаде», даже информационном, намного безопаснее и комфортнее жить, чем на воле. Но долгая история создания и воспитания свободного человека с помощью образования, книг, газет не должна оборваться на нас. Давайте оставим хоть чуточку свободы следующим поколениям.

Литература

1. Donnelly L. Facebook should pay a 'mental health' levy for the damage it causes, says NHS boss // uk.news.yahoo.com/facebook-instagram-pay-a-apos-mental-160448793.html.
2. Pettit H. Social media 'can feed people's addiction to THEMSELVES' and lead to withdrawal symptoms similar to those felt by drug and gambling addicts // www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-6253335/Social-media-feed-peoples-addiction-THEMSELVES.html.
3. Shonin, E., Van Gordon, W., & Griffiths, M. D. Ontological addiction: Classification, etiology, and treatment // www.researchgate.net/publication/295687871_Shonin_E_Van_Gordon_W_Griffiths_M_D_2016_Ontological_addiction_Classification_etiology_and_treatment_Mindfulness_Doi_101007s12671-016-0.
4. Van Gordon W. a. o. Ontological addiction theory: Attachment to me, mine, and I // akademai.com/doi/full/10.1556/2006.7.2018.45.
5. Facebook users can become addicted to themselves, expert warns // punchng.com/facebook-users-can-become-addicted-to-themselves-expert-warns/.
6. Being self obsessed identified as new type of addiction according to Derby research // www.derby.ac.uk/news/2018/being-self-obsessed-identified-as-new-type-of-addiction-according-to-derby-research-/?utm_content=buffer1aa57&utm_medium=social&utm_source=twitter.com&utm_campaign=buffer.
7. Griffey H. The lost art of concentration: being distracted in a digital world // www.theguardian.com/lifeandstyle/2018/oct/14/the-lost-art-of-concentration-being-distracted-in-a-digital-world.
8. Shonin E. Buddhist philosophy for the treatment of problem gambling // akademai.com/doi/pdf/10.1556/JBA.2.2013.001.
9. Stone L. Continuous Partial Attention // lindastone.net/qa/continuous-partial-attention/.
10. Bullmore E. This revolution in our understanding of depression will be life-transforming // www.theguardian.com/commentisfree/2018/apr/29/revolution-in-our-understanding-of-depression-will-be-life-transforming.
11. Levin S. Political ads study finds the right favors Google, the left Facebook and Twitter // www.theguardian.com/media/2018/oct/15/political-ads-study-google-facebook-twitter.
12. Matz S. C. a. o. Psychological targeting as an effective approach to digital mass persuasion // www.pnas.org/content/early/2017/11/07/1710966114.

2. Современный мир фейков

Производя массово неправду в виде фейков, мир потерял право на правду, за которую боролись сотнями лет. Потерянной оказалась античность, эпоха Просвещения, мощные последствия изобретения книгопечатания... Все это постепенно уничтожает новая эпоха – эпоха «кинопечатания», резко уменьшившая объем циркуляции знаний, которые раньше были связаны с книгой.

Мы должны уточнить происхождение и появление фейков. Информации всегда было много во все века, но тогда фейки как вариант лживых сообщений не были проблемой. Казалось бы, то же самое мы должны видеть и сегодня, поскольку идет быстрая сменяемость новостей, где одно новое сменяет другое.

Ложь, по сути, живет в рамках конкретного временного промежутка, если она не поддерживается сознательно религией или идеологией, как это было в прошлые века. Ложь идет на опровержение, если это стандартная ложь. Значит, важной чертой фейка мы должны признать то, что он не так легко поддается опровержению. И это переводит его на позиции скрытой пропаганды, поскольку она работает с тем, что близко и понятно населению. Она не «передавливает» население, как это свойственно идеологии или обычной пропаганде.

«Сталин – это Ленин сегодня» написал А. Микоян к юбилею Иосифа Виссарионовича, и эта чеканная формула стала определенным «дорожным указателем» советской политики, с которой нельзя было съехать ни влево, ни вправо. Это было блокиратором любого другого понимания ситуации. Это и есть поддержка факта идеологией, вряд ли в СССР нашелся бы кто-то в то время, кто осмелился бы это оспорить.

Интернет создал не столько массив информации, как множественность источников информации. Цензура, по крайней мере советская, до этого больше была направлена не на контент, а на источники, поскольку контролируя источник, контролируется все: и контент и его распространение. Сегодня в точке «источник – распространение» цензура, причем любая: и редакторская, и квазигосударственная, исчезла.

Есть даже ощущение, что все это сделано намеренно. Техгиганты никак не хотят вводить борьбу с фейками. Цукерберг даже отрицание Холокоста разрешил. То есть технические платформы предложили как бы иное деление на правду-ложь: есть ложь, в которую можно верить, и есть ложь, в которую верить нельзя.

Множество источников информации несут свои версии правды и лжи. Теперь мы можем верить только официальным учебникам, да и то, если никто не выступил против них. Как и в сегодняшнем дне можно выбрать один реальный случай и сделать его правилом, так и в исторических промежутках можно найти примеры то для одного правила, то для другого.

Мифология сильнее правды, поскольку мифология отражает доминирующую картину мира. Герои могут побеждать только тех врагов, на которых указывает мифология. В мифе нет ошибки, что доказывает их более чем тысячелетняя история.

Д. Быков вообще считает, что мифологичность распространена гораздо шире: «Русская правда и есть мифология. Правда ведь то, во что консенсусно предложено верить, а истинное положение вещей никому не интересно. Россия – предельно мифологизированная страна, она непрерывно творит мифы и в них верит. Некоторое время верила, что она во вражеском кольце и все отдаст за помощь братьям. Сейчас верит, что под коркой режима в ней живы честь и свобода. Потом еще что-нибудь придумает. В конце концов, Бородинское сражение происходило совсем не так, как написал Толстой, но кого это волнует?» [1].

В этих словах всю зазвучала аналогия и близость к фейкам. Поскольку главным оказывается не правда, а то, что написано классиком, даже если она расходится с реальностью. В данном случае побеждает художественная действительность, поскольку событие расположено далеко в прошлом, реальная его значимость падает, а художественная возрастает.

Дополнительно к этому мир вступил в определенную полосу перехода, когда определенные старые правила перестают действовать, а новые правила еще не пришли. Мир уже не тот, каким он был вчера, но и не тот, который идет ему на смену.

А. Фурсов уже неоднократно говорит о следующем: «Мы находимся в ситуации кризиса слома системы, не имея даже понятийного аппарата для анализа этого процесса. У нас и дисциплин таких нет. В нынешней ситуации социальная сфера скукоживается, а социология исчезает. Политика превращается в композицию шоу-бизнеса и административной системы. Следовательно, и с политологией можно попрощаться. Первыми на эту ситуацию откликнулись англо-американские спецслужбы и истфаки нескольких крупных западных университетов. Они начали готовить студентов по двум новым специальностям: историки-системщики и историки-расследователи. Это их ответ на нынешнюю ситуацию. Кадры, безусловно, решают все, но сначала их нужно подготовить» [2].

Нужное сообщение может стать фейком, анекдотом, слухом, оно как угодно может разнообразить свои приемы, проявляя чудеса креативности. Пропаганда будет видна только по цели, по результату, но не по самому сообщению. Вот пример такого анекдота: «Сидит на дереве ворона с куском сыра, к ней подбегает лиса и спрашивает: «Ворона, будешь ли ты голосовать за Путина?» Ворона молчит. Лиса продолжает: «Ворона, ты понимаешь, что если ты не будешь голосовать за Путина, страна будет охвачена игом олигархов?» Ворона молчит. «Ворона, ты понимаешь, что если ты не будешь голосовать за Путина, к

нам ворвутся орды чеченских террористов, они будут жечь наши дома, насиловать наших жен. Ворона, ты будешь голосовать за Путина?» Ворона говорит: «Да». Сыр падает, лиса убегает, ворона чешет голову: «Ну сказала бы я нет, что бы изменилось?» [3].

Скрытая пропаганда – это то, о чем мы думаем, когда ее нет, пропаганда – это то, о чем мы забываем, когда ее нет. Мы живем, конечно, в мире пропаганды, поскольку скрытая пропаганда более креативна и по этой причине менее частотна. Несомненно, что тяжело наладить индустриальное производство скрытой пропаганды, хотя чисто теоретически это возможно.

Известно, что фейк распространяется потому, что его распространяют люди. Боты могут запускать фейки, но свое главное распространение они получают за счет тех, кто хочет поделиться этой информацией с другими.

Именно это создает питательную среду, которая может нести угрозы. Эта среда, где распространяются конспирология, слухи, ненависть. Отсюда выходят люди, стреляющие в других людей. Психолог Л. Армер говорит о таких «стрелках»: «Специалисты сходятся в том, что, если псих сидит в какой-то своей деревне и вынашивает некие планы изолированно, он знает, что эти планы странные. Но вдруг он находит в Интернете сообщество, в котором выясняет, что он не один такой, что это не какие-то ненормальные задвижки, а есть куча людей, которые разделяют его мысли. И патология может концентрироваться и усиливаться» [4].

При этом следует признать, что такое «дворовое» общение всегда присутствует, но социальные правила его запрещают. Однако соцмедиа снова смогли сделать его публичным, поскольку выросла поляризация населения. Теперь информационные вбросы сквозь соцсети, тем более управляемые, могут задавать дискуссии любой накал и даже выводить на уличные протесты. При этом граждане думают, что все это они делают самостоятельно.

Такой тип поведения вернулся даже в международную политику, когда разговоры в ООН начинают напоминать беседы на некоторых сайтах. А. Архангельский отмечает: «Представитель российской власти высмеял такого-то» (оппонента) – теперь частое клише в российских СМИ. Язык пропаганды более всего напоминает язык кухни, причем коммунальной. На коммунальной кухне, выражаясь языком Негри и Харта, нет истории, а есть только событие – оно теперь и определяет мировоззрение. Язык коммунальной кухни – это способ с помощью языка, превентивно оградить себя от возможного посягательства; он не доверяет никому и во всяком видит угрозу, поэтому он всегда на взводе. Отсюда эта странная смесь сарказма и злорадства, которые также играют роль своеобразной защиты от Другого» [5].

Наш мир потерял не только правду, он утратил способность разделять правильные и неправильные поступки. Прошлый мир был очень цензурирован, но сегодняшний мир стал слишком свободным, что не соответствует уровню развития человечества.

Литература

1. Быков Д. Над чем смеетесь? Интервью // www.dp.ru/a/2018/09/13/Nad_chem_smeetes.
2. Россия в новом мире // www.aif.ru/event/info/rossiya_v_novom_mire.
3. Переседов И. Блеск и нищета интеллигентности в информационную эпоху // peresedov.pro/spbgup/.
4. «Времени на психологическое изучение нет, надо идти на перехват». Как распознать «колумбайнера». Интервью с Л. Армером // www.fontanka.ru/2018/10/18/117/?fbclid=IwAR1r3vKHWXxAgn577gBoXc5dz3r9jb92M8xSZ0DS3_e6JqqMCEbSFs7g-kl.
5. Архангельский А. Путинский человек и символизм двора // poistine.org/putinskiy-chelovek-i-simvolizm-dvora.

3. Почему няням кремниевой долины запрещено подпускать детей к экранам?

Человечество оказалось не готовым ни к цифровой реальности, ни к параллельной ей визуальной коммуникации, также набирающей обороты в нашей жизни, например, в виде телесериалов, которые теперь можно смотреть хоть круглосуточно. В свое время человечество пришло к своему триумфу, сделав индустриализацию, отталкиваясь от вербальных алгоритмов обучения и распространения знаний.

Нам выпало жить в эпоху перехода к новым наукам и новым знаниям. Резко возросло устаревание прошлых знаний. Для инженерных наук – это несколько лет, что приведет к тому, что диплом как пакет кефира будет иметь срок годности.

Параллельно возникает вопрос, нужны ли будут в ближайшем будущем университеты, тем более выстроенные на сегодняшней вербальной передаче информации. Уже в наше время ценится не диплом, а голова, а где человек получил эти знания, если они хороши, фирму не интересует. Сегодня Япония и Австралия отказываются финансировать из госбюджета гуманитарные науки, говоря, что они готовы финансировать все, что влияет на экономику, так что перестраивайтесь.

Если разобраться, то всем, включая, например, журналистов, нужен десяток предметов по профессии, которые на сегодня преподаются хуже

всего, поскольку преподаватели оторваны от практики. И нагнать возникшую скорость изменений они не могут.

Если раньше мы сидели за книгами, пытаюсь расти, в том числе и профессионально, то сегодняшние данные совсем другие. Взрослые американцы тратят более 12 часов в день у экрана [1]. Понятно, что это не только работа, но и развлечения. Но признаем, что это достаточно много. Ведь все прогнозы на будущее только увеличивают эту цифру.

Одновременно молодые люди, которые проводят у экрана семь и более часов, в два раза вероятнее будут иметь депрессию или тревожность как психологическую характеристику [2]. Пока это касается 20 % 14-17-летних, которые сидят у экранов более семи часов. В результате дети стали спать меньше семи часов ночью [3]. Сегодняшняя рекомендация для детей от 2 до 5 лет составляет не более часа в день у любого из экранов.

Соответственно возникает разделение на богатых и бедных детей по отношению ко времени, проводимому у экрана [4]. Дети из более бедных семей тратят в среднем 9 часов 7 минут в день, а из богатых семей – 5 часов 42 минуты.

По другим исследованиям, дети меньшинств смотрят на 50 % больше телевидения, чем их белые сверстники, а у компьютеров сидят на полтора часа больше [5]. По результатам опросов семейного фонда Кайзеров, белые дети тратят на экран каждый день 8 часов 36 минут, в то время как афроамериканские и дети-латинос – 13 часов.

Все это имеет важные негативные последствия. Чем дольше ребенок сидит у экрана, тем он хуже понимает невербальные эмоциональные подсказки, у него возрастает уровень ментальных отклонений, включая депрессию, увеличивается риск получить ожирение. То есть добравшись до экрана, можно не только получить, но и потерять много хорошего.

В Силиконовой долине и по всей Америке родители подписывают с нянями контракт о неиспользовании даже телефонов [6]. Няня не может демонстрировать никакой экран в присутствии детей, причем ни при каких ситуациях.

Это полюс полного отрицания техники. Но на другом полюсе находится, например, термометр, который передает информацию фармацевтам, что они должны слать рекламу, поскольку температура зашкаливает [7]. Одновременно возникли новые фейки, которые строятся на фабрикации уже визуальной информации – дипфейки [8]. Активизировались страхи из-за возможного вмешательства в американские выборы, теперь уже промежуточные [9-11]. Причем справедливо утверждается, что слухи о возможном вмешательстве будут такими же разрушительными, как и само реальное вмешательство [12]. И это очень понятно, поскольку будет разрушена вера в легитимность выборов.

Соцсети придумали в том числе и для того, чтобы дать силу оппозиции против авторитарных режимов, что и продемонстрировала «арабская весна». Но, как оказалось, объединяться могут не только они, но и вполне реакционные силы. Возможно, хотя об этом особо не говорят, это и является одной из причин прихода популистов к власти по всему миру.

Последний расстрел синагоги в Питтсбурге привел к соцсети Gab, где находил свой «вдохновение» в беседах с себе подобными стрелок [13–15]. Сеть сейчас убрали из онлайн, но ее анализ показал, что основной тематикой в ней были не кошечки, а политика, давшая более 56 % постов [16]. Тема идеологии, религии и расы дала 10,23 %, Трамп, Клинтон и конспирология – 5,10 %, глобализм, за которым прячется антисемитизм, дал 1,95 %.

Всю политическую тематику платформы, анализ которой был сделан еще до стрельбы, можно увидеть в отдельном специальном исследовании [17]. Оно завершается такими словами: «Есть многочисленная литература по вопросу создает ли использование соцмедиа мобилизацию людей стать более политически активными. Gab можно использовать для анализа связей между пользователями этой платформы и ультраправой политической деятельностью». И жизнь уже ответила на этот вопрос.

Есть у взрослых и другие проблемы, связанные с экраном. Исследование Би-Би-Си по одиночеству, а Британия ввела даже пост министра по одиночеству, показала и роль соцмедиа. Оказалось, что люди, которые говорят о высоком уровне своего одиночества, не сидят в соцмедиа больше других. У них просто много друзей в онлайн, которые не пересекаются с их друзьями из реальной жизни [18–19].

Интересно, что определенные искажения характерны и для обычных людей. Например, анализ Твиттера показал, что 33 % из ста наиболее посещаемых аккаунтов на поствыборной карте оказались ботами [20]. В случайной выборке их оказалось 63 %, а поскольку 15 % были закрыты после американских президентских выборов сумма автоматических аккаунтов составляет 70 %. Причем все автоматические аккаунты серьезным образом между собой связаны.

В Twitter обсуждают возможность отказаться от функции ретвита, поскольку это основной путь распространения фейков, поскольку негатив распространяется в несколько раз быстрее позитива [21]. Twitter выложил девять миллионов твитов, являющихся продукцией российской фабрики троллей, и более миллиона иранских, направленных на создание положительного образа Ирана на Западе [22–23].

С другой стороны, Фейсбук тоже удалил сеть влияния из Ирана в октябре 2018 [24]. Это 82 страницы, группы и аккаунты, включая 30 страниц в Фейсбуке, 33 аккаунта в Инстаграм и три группы в Фейсбуке. Они посещались одним миллионом людей в США и Британии. В августе 2018 Фейсбук тоже находил операцию влияния, имевшую корни в Иране и

России. Удалено было 559 страниц и 251 аккаунт американцев, которые в координации друг с другом использовали фальшивый контент.

Как видим, мы постепенно переходим в мир, информация которого становится все менее достоверной. А раз ей нельзя верить, то и нельзя принимать решения на ее основе. Бурный рост информации прошлых веков сменил не менее бурный рост дезинформации.

Это определенная архаизация массового сознания. Когда правду и ложь было трудно разделить, приходилось верить лжи, поскольку негативное сообщение может нести отрицательные последствия, и на него нельзя не реагировать. Архаизация привела к возрождению ультраправых, белого супрематизма, анти-семитизма. Даже Дж. Сорос попал в число врагов в Венгрии [25]. Американцы в целом стали хуже относиться к политической корректности, которая заставляет их прибегать к эвфемизмам [26].

Мир находится в круговороте правды и лжи, в рамках которых все сложнее понять происходящее. С одной стороны, Би-Би-Си рассказывает о работе фабрики троллей, с подачи которой в США были созданы тысяча новых учетных записей в 2017 г. [27]. С другой – британское правительство запрещает пользоваться термином «фейк», говоря, что его следует поменять на «дезинформация» [28]. Газета New York Times выходит со статьей, заголовок которой спрашивает: «Тайна промежуточных выборов: где же русские?», поскольку все службы были нацелены на них, но вмешательство не нашли [29]. И одновременно говорится, что такая тишина обманчива, она может быть знаком того, что избирателей в последний момент убедят в том, что их голоса не смогли правильно подсчитать.

Чтобы не остаться в конце без позитива, добавим и радостную весть – туристы стали выбирать места для будущих путешествий по картинкам в соцсетях, начиная с Инстаграма [30]. Хотя это тоже относительно позитивная новость, поскольку она отражает повышение управляемости массовым сознанием с помощью соцсетей.

Мы видим, как разные виды информационного влияния трансформируют нашу жизнь. Это возможно как движение в сторону позитива, так и в сторону негатива. Но одновременно человек все больше теряет свои возможности по влиянию на эти процессы. Однако самым страшным становится то, что человек просто не видит этого влияния, рассматривая информационные и виртуальные потоки вокруг себя не системными, а случайными. А это значит, что он не может от них защититься, так как опасность ему не видна.

Литература

1. US Adults Now Spend 12 Hours 7 Minutes a Day Consuming Media. US adults will spend more than half the day with major media //

www.emarketer.com/Article/US-Adults-Now-Spend-12-Hours-7-Minutes-Day-Consuming-Media/1015775.

2. Heid M. There's Worrying New Research About Kids' Screen Time and Their Mental Health // time.com/5437607/smartphones-teens-mental-health/.

3. Twenge J. M. Decreases in self-reported sleep duration among U. S. adolescents 2009–2015 and association with new media screen time // www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1389945717303507.

4. Bowles N. The digital gap between rich and poor kids is not what we expected // www.nytimes.com/2018/10/26/style/digital-divide-screens-schools.html?action=click&module=Well&pgtype=Homepage&ion=Style.

5. Riley N. S. America's Real Digital Divide // www.nytimes.com/2018/02/11/opinion/america-digital-divide.html?module=inline.

6. Bowles N. Silicon Valley Nannies Are Phone Police for Kids // www.nytimes.com/2018/10/26/style/silicon-valley-nannies.html?action=click&module=RelatedLinks&pgtype=Article.

7. Maheshwari S. This Thermometer Tells Your Temperature, Then Tells Firms Where to Advertise // www.nytimes.com/2018/10/23/business/media/fever-advertisements-medicine-clorox.html.

8. Scoles H. These new tricks can outsmart deepfake videos – for now // www.wired.com/story/these-new-tricks-can-outsmart-deepfake-videos-for-now/.

9. Singer P. W. a. o. The election hackers are back – and they're starting with the US midterms <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/oct/26/election-hackers-us-midterms-democracy>.

10. Freedman D. H. Here's How Russia May Have Already Hacked the 2018 Midterm Elections // www.newsweek.com/2018/10/26/how-russia-may-have-already-hacked-2018-midterm-elections-1170909.html.

11. Solos M. Could Russia hack the 2018 election? Some states still not protected against cyberattacks // www.newsweek.com/will-russia-hack-2018-election-some-states-still-not-protected-against-cyber-764357.

12. McCabe D. Rumor of an election hack could be as damaging as the real thing // www.axios.com/election-hacking-fake-misinformation-1539707863-da5da319-5575-4797-b876-7c2ce8fc994b.html.

13. Hennigan W. J. How Big a Role Does Social Media Play in Homegrown Terrorism? // time.com/5438481/terrorism-social-media/?fbclid=IwAR0IYq2vsx8lfPTqZpY8TJSmljGcHt4XL1a9m5BkDJthYUHMV4ChenRI3Ok.

14. Pittsburgh shooting: Gab drops offline after attack // www.bbc.com/news/technology-46017529?fbclid=IwAR2MPPrR04oE-XNXCUodacH9JGBsNa_9rBMADoXVUv-6YSGoVDJRL2H27PgY.
15. What is Gab? The social network used by Pittsburgh synagogue shooting suspect Robert Bowers // 6abc.com/what-is-gab-the-social-network-used-by-pittsburgh-shooting-suspect/4570305/.
16. Berlatsky N. How gab empowered the Pittsburgh shooter's hatred // forward.com/opinion/413143/how-gab-empowered-the-pittsburgh-shooters-hatred/.
17. Zhou Y. a. o. Gab: The Alt-Right Social Media Platform // sbp-brims.org/2018/proceedings/papers/latebreaking_papers/LB_9.pdf.
18. Hammond C. Who feels lonely? The results of the world's largest loneliness study // www.bbc.co.uk/programmes/articles/2yzhfv4DvqVp5nZyxBD8G23/who-feels-lonely-the-results-of-the-world-s-largest-loneliness-study.
19. Alberti F. B. Loneliness is a modern illness of the body, not just the mind // www.theguardian.com/commentisfree/2018/nov/01/loneliness-illness-body-mind-epidemic.
20. Disinformation, 'fake news' and influence campaigns on Twitter // knightfoundation.org/reports/disinformation-fake-news-and-influence-campaigns-on-twitter.
21. Lorenz T. Twitter Should Kill the Retweet // www.theatlantic.com/technology/archive/2018/10/twitter-should-kill-retweet/574321/.
22. Крутов М. МН17, «ЧВК Вагнера» и другие. Архивы «фабрики троллей» // www.svoboda.org/a/29552818.html.
23. Twitter's focus is on a healthy public conversation // about.twitter.com/en_us/values/elections-integrity.html#data.
24. Isaac M. a. o. Facebook Removes Iranian Network That Was Spreading Disinformation // www.nytimes.com/2018/10/26/technology/facebook-removes-iranian-network-that-was-spreading-disinformation.html?action=click&module=Well&pgtype=Homepage&ion=Technology.
25. Maltby K. The loathsome connection between anti-Semitism and white supremacy // www.cnn.com/2018/10/31/opinions/white-supremacy-anti-semitism-maltby/index.html.
26. Mounk Y. Americans Strongly Dislike PC Culture Youth isn't a good proxy for support of political correctness, and race isn't either // www.theatlantic.com/ideas/archive/2018/10/large-majorities-dislike-political-correctness/572581/.

27. Сошников А. Путин, MH17 и расстрел Корана: как российские тролли поработали в «Твиттере» // www.bbc.com/russian/features-45900854.

28. Murphy M. Government bans phrase 'fake news' // www.telegraph.co.uk/technology/2018/10/22/government-bans-phrase-fake-news/?WT.mc_id=tmg_share_tw.

29. Sanger D. E. Mystery of the Midterm Elections: Where Are the Russians? // www.nytimes.com/2018/11/01/business/midterm-election-russia-cyber.ht.

30. Горяшкиева И. Эксперты считают, что Instagram меняет туристический бизнес // www.eg.ru/society/648192-eksperty-schitayut-cto-instagram-menyaet-turisticheskiy-biznes/.

Глава четырнадцатая

От информации к фейкам

1. Как мир информации превратился в мир фейков

Мы долго жили в мире информации, где ценилось приближение к единственной истине. Именно на этой базе была выстроена объективная наука, которая помогла прогрессу, видоизменившему человечество.

Поиск истины был базой для естественных наук. Гуманитарные науки, хоть и декларировали то же самое, но для них поиск единственной истины был более затруднен. Они стали примером, где единственная истина могла быть утверждена постановлением ЦК.

В свое время мир получил взрыв знаний, обеспеченный в том числе изобретением книгопечатания, способствовавшего превращению науки в объективный инструментарий. Сегодняшний взрыв информации, чему способствовали соцмедиа, не привел ни к чему подобному.

Наука находила закономерности в природе, соцмедиа – нашли в человеке. Знания стоят иерархически выше информации и факта. А факт теоретически может иметь любой наблюдатель. Но к знанию, отталкиваясь от факта, могут прийти единицы. Так что с соцмедиа пришли факты и информация, но не знания.

Соцмедиа породили еще два феномена. С одной стороны, они смогли дать голос тем, кто его не имел, и поэтому их развитие активно поддерживал Запад. И действительно так называемая арабская весна помогла сбросить ряд неадекватных режимов. Но это не привело к улучшению жизни населения.

А. Сахаров писал о роли информации в социальном управлении: «Эти проблемы не могут быть решены одним или несколькими лицами, стоящими у власти и «знающими все». Они требуют творческого участия

миллионов людей на всех уровнях экономической системы. Они требуют широкого обмена информацией и идеями. В этом отличие современной экономики от экономики, скажем, стран Древнего Востока. Однако на пути обмена информацией и идеями мы сталкиваемся в нашей стране с непреодолимыми трудностями. Правдивая информация о наших недостатках и отрицательных явлениях засекречивается на том основании, что она «может быть использована враждебной пропагандой». Обмен информацией с зарубежными странами ограничивается из боязни «проникновения враждебной идеологии». Теоретические обобщения и практические предложения, показавшиеся кому-то слишком смелыми, пресекаются. В корне, без всякого обсуждения под влиянием страха, что они могут «подорвать основы». Налицо явное недоверие к творчески мыслящим, критическим активным личностям. В этой обстановке создаются условия для продвижения по служебной лестнице не тех, кто отличается высокими профессиональными качествами и принципиальностью, а тех, кто на словах отличаясь преданностью делу партии, на деле отличается лишь преданностью своим узко личным интересам или пассивной исполнительностью. Ограничения свободы информации приводят к тому, что не только затруднен контроль за руководителями, не только подрывается инициатива народа, но и руководители промежуточного уровня лишены и прав и информации и превращаются в пассивных исполнителей, чиновников. Руководители высших органов получают слишком неполную, приглаженную информацию и тоже лишены возможности эффективно использовать имеющиеся у них полномочия» [1].

Такое мнение, конечно, раздражало руководителей партии и правительства, которые считали, что только у них есть право на истину в последней инстанции. Тем более эту иллюзию в них удерживало КГБ. Комитет первым создал у себя социологическую службу. И по крайней мере претендовал на то, что он знает тайные мысли советских людей.

А. Архангельский подчеркивает: «Мир к началу 1990-х уже был виртуальным и всюду производил символический продукт – вместо чугуна и стали. Россия поздно влилась в эту символическую экономику, и ей приходилось искать собственный эксклюзив. В качестве такого эксклюзива ситуативно сложилась торговля конфликтом – сначала, в «лихие девяностые», буквально физически, на внутреннем рынке; затем в 2000-2010-е насилие перешло на символический уровень, преобразовавшись в специфический язык ненависти, язык пропаганды. Это и есть наш вклад в мировой аматериальный труд, по Негри и Харту. Затем советский человек попытался это ноу-хау – умение производить конфликт – капитализировать, поставив его на мировой рынок. Советская жизнь приучила людей бескорыстно ненавидеть, компенсировать несвободу внешнюю внутренним насилием по отношению друг к другу. У нас хорошо получается ссориться, ругаться, ненавидеть; мы не умеем договариваться и даже презираем это как

проявление слабости; мы умеем производить конфликт буквально из воздуха, из ничего. Накоплены неограниченные запасы насилия, а также навыки его производства. Мы производим то, чему нас научила советская власть, – недоверие и агрессию. Мы майним конфликт, выражаясь современным языком. Радио- и телепропагандисты, фабрика троллей или пранкеры, спикеры министерств – это все производители конфликта, и надо признать, в большинстве своем они производят его бескорыстно, потому что только этим умением и обладают. Фабрика троллей майнит конфликт уже в мировом масштабе. Тролли работают не столько в пользу одного из кандидатов, сколько ради желания “подпитать атмосферу враждебности и хаоса”» [2].

Любые отклонения в картине мира, искажающие ее, приводят к порождению неадекватных решений. Так получилось, что Советский Союз со своей картиной мира проиграл Западу с его. Запад тоже многократно менял свою картину мира, например, Тэтчер и Рейган перешли в свое время на либеральный капитализм, отказавшись от капитализма государственного. Но в этом и состоит сила, не застыть в одной позиции, а менять ее в зависимости от происходящих в мире изменений. Ведь недаром возник термин «застой» для восемнадцати лет брежневского правления.

Сегодня пост-правда и фейки вносят свой вклад в искажение картины мира. В данном случае понятны истоки этого явления. Развитие информационных технологий привело к тому, что право на публичный голос получили низовые в социальной иерархии структуры общества. И этот новый поток информации и мнений оказал негативное влияние на общую картину мира, поскольку пустил в оборот информацию, которая не проходила стандартных процедур проверки фактов. Эта «низовая» информация и не нуждается в такой проверке, это уровень разговора двух людей между собой. Но когда он получил такой объем публичной трансляции, то оказалось, что это влияние может быть использовано индустриальными, а не индивидуальными игроками, которые и стали распространять массовые фейки. Индивидуальный фейк не страшен сам по себе. Он страшен, когда его делают сознательно и потом индустриально начинают распространять.

Наши индивидуальные модели мира могут не совпадать, мы можем принадлежать разным религиям, идеологиям, можем иметь разное образование, жить в разных странах и под. Иногда это несовпадение ведет к войнам. Примерами были религиозные войны далекого прошлого или война холодная из не столь давнего прошлого.

Раньше модель мира, доминирующая в данном обществе, в определенной степени «приглушала» модели мира остальных членов данного общества. И чем эта страна была более тоталитарной или авторитарной, тем жестче она удерживала свою модель в головах граждан. Если Советский Союз был атеистической державой, например, то он плохо смотрел на верующих. И это можно понять также и так, что

реально он боролся против иного центра власти в стране. Было два полюса как бы правильного и неправильного гражданина. Если у правильного главной характеристикой было членство в КПСС, то у неправильного – вера.

Есть определенный тип зависимости между профессией и индивидуальной моделью мира человека. Р. Нозик, например, видит связь между интеллектуалами и неприятием капитализма [3]. Под интеллектуалами он понимает не просто людей с определенным уровнем образования и знаний, а таких, которые в своей работе имеют дело с идеями, выражаемыми словами. Это поэты, писатели, литературные критики, журналисты и множество профессоров университетов.

Нозик пишет: «Интеллектуалы слова живут хорошо в капиталистическом обществе, у них есть свобода формулировать, сталкиваться и продвигать новые идеи, читать и обсуждать их. Их профессиональные умения востребованы, их доходы выше средних. Почему же они диспропорционально против капитализма? Действительно, некоторые факты подтверждают, что чем более хорошо и успешно живет интеллектуал, тем более вероятно то, что он будет против капитализма. Эта оппозиция капитализму в основном левая. Но Йейтс, Элиот и Паунд возражали против рыночного общества справа. Оппозиция словесных интеллектуалов капитализма является социально значимым фактом. Они формируют наши идеи и образы общества, они предлагают политические альтернативы, рассматриваемые бюрократами. От трактатов до слоганов они дают нам предложения для того, чтобы выражать себя. Их оппозиция имеет значение, особенно в обществе, которое зависит существенным образом от понятных формулировок и распространения информации» [3].

В целом в чопорный мир информации ворвался низовой мир фактов и победил его. Еще одним фактором стало умирание печатной прессы, которая, по сути, выступала в роли кордона между реальной и фейковой информацией.

Новый мир стал ближе населению, поскольку население эпохи Интернета меньше читает и в принципе не интересуется длинными текстами. Ушло поколение, которое было в состоянии читать такие тексты.

Советские люди – это люди длинных текстов, чтение которых сегодня утрачено по множеству причин. С одной стороны, СССР проходил процесс индустриализации, гонки вооружений, поэтому ему нужны были образованные люди в большом количестве. Это как подготовка спортсменов, когда для того чтобы получить на выходе одного, надо заниматься с тысячами. С другой стороны, это несомненно давление новых технологий, позволяющих если не читать в старом смысле, то

просматривать быстрее, а большинство вообще не выходит за пределы первой страницы, поданной на экран.

М. Ефимов описывает ситуацию данного «нечтения» с позиции еще дореволюционного интеллигента: «Помните, как Алданов вспоминал слова Ходасевича о том, что поэзия пришла в упадок с тех пор, как поэты перестали жить в деревне. (И Алданов, конечно, возражал и «отвечал примером Гете», все же признавая, что «что-то в мысли Ходасевича было верное».) Я бы это применил не к поэтам, а к читателям. «Читатель повывелся». Не любой читатель, а читатель толстых книг. Тут, кажется, впору вспомнить и рассказанное Шкловским про извозчика, у которого под хороших лошадей «ездоков нету». Вот толстые книги у нас есть, а читателя, у которого достанет – огрубим – времени, чтобы их читать, нет. Ни времени, ни воздуха. Воздуха – в прямом смысле слова. Где ныне «лето на даче»? Все эти подмосковные (уже не имения, а только съемные) дачи, или Коктебель, или Прибалтика, или Зеленогорск, вся та «география», куда, как сказал Мандельштам, «ездили додумать то, чего нельзя было додумать в Петербурге»? А ведь «дачное чтение» – это едва ли не из самого важного, что «образует человека», в России, по крайней мере. Я бы и еще уточнил. «Дачное чтение» – это ведь всегда «детство-отрочество» (и уже совсем редко – «юность»: там уж не до того, как правило). И опять же «по Мандельштаму» (зацитированное, увы, почти насмерть): «У интеллигента не биография, а список прочитанных книг». Почти все самое главное мы прочли в «детстве» и «отрочестве». Дальнейшие открытия при всей их значительности – они если не вторичны, то все же имеют смысл лишь в перспективе того, первичного, детского и отроческого. Когда оно есть» [4].

Ему вторит В. Соловей уже с позиции современного студенчества: «Доля умников и дураков среди студентов, в общем, не меняется, а более-менее воспроизводится с каждым новым набором. Вероятно, это генетически детерминированная закономерность. Но вот что меняется, причем заметно, так это историко-культурная эрудиция. Подавляющее большинство студентов потрясающе невежественно. Причем я бы не стал винить в этом школу – к ней у меня иные (и весьма серьезные) претензии, – но сей грех я все же не решусь ей вменить. На мой взгляд, нарастающее невежество новых поколений суть следствие заката гуттенберговской эпохи. Проще говоря, молодые люди не имеют вкуса и привычки к чтению, прежде всего, систематическому чтению толстых и серьезных книг. Большой нарратив не исчезает как вид, но превращается в удел избранных. Для подавляющего большинства молодежи характерно преимущественное (или почти исключительное) потребление информации из Интернета и социальных сетей и через мобильные гаджеты, что кардинально ограничивает возможности чтения. Поясню на примере. Сейчас лонгридом считается текст в четыре-пять тыс. знаков. В бытность моей работы в газете полтора-два десятка лет тому назад, лонгрид начинался от 10–12 тыс. знаков. А нынешний лонгрид претендовал бы на заметку. В общем, шансы текста, не

вмещающегося в одну прокрутку «мышки» (один тачскрин), быть прочитанным стремительно уменьшаются. В свою очередь, уменьшение чтения больших и непростых текстов резко уменьшает способность к интеллектуальной концентрации и думанию как систематическому организованному процессу. Сразу отмечу, что чтение электронных книжек неспособно заменить чтение бумажных. Дело в том, что тип нейронных связей, выстраиваемый при чтении с разных носителей, качественно отличается. Именно чтение бумажных книг формирует нужные человеку для интеллектуального развития нейронные связи. Меня лично гибель гуттенберговской галактики удручает» [5].

Сегодняшний мир как-то потерял интерес к умному человеку. Исчезли лидеры мнений, публичные интеллектуалы не интересны широкой публике. Раньше они удерживали на себе мир мнений. В эпоху постправды мнения всех стали равны. Более того, в эпоху поляризации другое мнение в принципе перестало быть интересным, поскольку все хотят слышать только то, что совпадает с их мнением.

Литература

1. Сахаров А. и др. Письмо руководителям партии и правительства // antology.igrunov.ru/authors/saharov/1125404394.html.
2. Архангельский А. Путинский человек и символизм двора // poistine.org/putinskiy-chelovek-i-simvolizm-dvora.
3. Nozick R. Why do intellectuals oppose capitalism? // www.libertarianism.org/publications/essays/why-do-intellectuals-oppose-capitalism.
4. Быков Д., Ефимов М. Мережковский – из двух углов // www.intelros.ru/readroom/oktyabr/o10-2018/36849-merezhkovskiy-iz-dvuh-uglov.html.
5. Соловей В. По ту сторону кафедры (1) // ludirosta.ru/post/po-tu-storonu-kafedry-1_429?fbclid=IwAR1lgCrGkekZ1Rqcr5wXhW1NKAzSVqsOb-0D7TRFY17zILrvF3xIP3_dNw.

2. Фейки как информационно-виртуальный объект

Главным распространителем фейков являемся мы сами, поскольку точечные информационные вбросы, сделанные сознательно, направлены на создание цепной реакции массового сознания, которое само заинтересовано в продвижении. Все это происходит потому, что перед нами не просто информация, а информация, которая опирается на виртуальные составляющие: на то, что любит или боится человек, его

мечты и его обиды на мир. Виртуальные страхи управляют нами сильнее любых позитивов.

Не менее важно и то, что фейк дает возможность превратить любого человека в часть группы, мыслящей, как он сам. Человек может думать, что он один носится с этой идеей, в результате замыкаясь в себе. Но когда с помощью исходно запущенного фейка он увидит себя в кругу «информационных друзей», он становится способным на групповые действия, идущие вразрез с ожиданиями большинства.

Фейк служит мостиком объединения одинаково мыслящих людей. В прошлом такого объединения быть не могло, поскольку печать и телевидение не могли распространять такую информацию. Раньше объединение достигалось за счет информации мейнстрима, разделяемой многими. Сегодня объединение достижимо за счет фейковых, конспирологических и подобных новостей, близких малому числу людей. Именно соцмедиа позволяют найти их и сделать единым целым.

Фейк опирается как на информационное, так и на виртуальное пространство. Хотим мы этого или не хотим, но он является таким же изобретением человечества, как, например, роман. И тот и другой связаны с технологией. Взлет романа был обеспечен появлением книгопечатания, массовый приход фейков – соцмедиа. Это связано с облегчением технического порядка, которое порождает и закрепляет соответствующие психологические реакции.

Давно появилось объяснение, почему негативные новости распространяются лучше и быстрее. Именно по этой причине фейки всегда идут впереди нормальных сообщений. Они опережают их по скорости в несколько раз. В принципе, всегда считалось, что негативная информация более полезна для человека, чем позитивная, причем с давних времен, поскольку она помогала избежать опасных ситуаций. То есть она важнее для разговаривающих, поскольку способствует выживанию. Скорее тактическому выживанию сегодняшнего дня, тогда как сказки, например, задают более стратегические правила, носящие долговременный характер.

М. Петерсен с коллегами решили проанализировать, что мотивирует граждан распространять враждебные политические слухи в развитых демократиях [1]. Они считают, что распространение враждебного слуха имеет две цели. С одной стороны, это мобилизация против целевой группы. С другой – это демонстрация желания включиться в эскалацию конфликта.

Все это происходит на фоне двух тенденций: возросшей поляризации внутри элит, которая передалась и населению, и также возмущению по поводу существующей политической системы. Люди разочарованы тем, как работает демократия.

Поляризация ведет, например, к распространению негативных слухов о республиканцах со стороны сторонников демократов. Правда, авторы оговариваются, что вера в негатив необязательно связана с его распространением. Поэтому распространение негатива они объясняют имеющимся разочарованием в ситуации в обществе и месте человека в нем. Часто политически активные люди распространяют негатив вне зависимости от своих партийных симпатий. Они стремятся не помочь системе, а пытаются уничтожить саму систему.

М. Петерсен с коллегами фиксируют: «В каждом обществе есть разочарованные радикалы. Однако в эпоху соцмедиа эти радикализованные индивиды могут более легко находить думающих так же других и могут более легко распространять свои взгляды. Более того, сегодняшние общества сталкиваются с особыми социополитическими условиями, побуждающими к желанию хаоса в большей степени, чем это было в прошлые десятилетия». То есть он выстраивает цепочку «разочарование – желание хаоса», ссылаясь при этом на исследования П. Турчина.

П. Турчин, анализируя социополитическую нестабильность аграрных обществ, выделяет три фактора, вытекающих из роста населения без соответствующего возрастания урожайности. Во-первых, это рост цен, сельская бедность, миграция и возрастающая частотность голодных бунтов и протестов по поводу оплаты. Во-вторых, перепроизводство элиты при малом росте элитных мест. В результате элиты делятся на группы и враждуют. В-третьих, из-за роста населения возникает рост армии и бюрократии, который не может быть поддержан доходами. Государству приходится увеличивать налоги. Все это ведет к кризису и борьбе с центральной властью [2]. То есть рост населения с неизбежностью приводит к кризису.

Интересно, что хотя это модель кризиса аграрного общества, но все эти причины присутствовали и в кризисе, который привел к развалу СССР. Мы тоже имели войну элит, когда одна элита вытесняла другую с целью получить в руки все ресурсы.

П. Турчин предлагает три принципа, в рамках которых трактует историю США до 2010 года:

- принцип переизбытка труда: цена труда падает, как и жизненные стандарты большинства, обнищание населения создает хорошие экономические условия для элит,
- принцип перепроизводства элиты: число элиты возрастает, как и ее аппетиты, что приводит к невозможности общества содержать элиту, что ведет к внутриэлитным конфликтам,
- принцип нестабильности: перепроизводство элиты способствует конфликтам, обнищанию населения, фискальному кризису государства.

П. Турчин считает, что аграрные общества наиболее удобны для изучения [3]. Они трансформировались очень медленно в отличие от современных государств, где изменения проходят очень быстро. К тому же 95 % исторических письменных источников посвящены именно аграрным обществам.

Турчин прогнозирует пик социальной нестабильности и политических волнений на двадцатые годы нашего столетия [4–5]. Отсюда можно сделать вывод, что приход Трампа, Орбана и других является предвестником изменений в массовом сознании, ведущих к наступлению хаоса. Мир увеличивает скорость изменений, не имея в своих руках никаких предохранителей.

Фейки на самом деле это усилители того, что уже было записано в индивидуальном и массовом сознании до их появления. Фейки эксплуатируют этнические, расовые, гендерные противоречия, уже имеющиеся в обществе. Вспомним наиболее частотные темы информационных вбросов в кампанию Трампа. Мигранты и миграция – хорошо/плохо. Ислам – хорошо/опасно. Афроамериканцы – хорошо/плохо. Стрельба полиции – хорошо/плохо. Все это входит в пакет негативных ожиданий и страхов обычного человека.

Появилась подробная временная схема всех событий американских президентских выборов с информационными интервенциями [6]. Здесь также цитируется высказывание Н. Хрущевой о мотивации, стоящей за этими интервенциями: «Эта операция должна была показать американцам, что вы, ублюдки, такие же, как все. Путин выполнил мечту каждого советского лидера – указать США на их место. Думаю, это будет изучаться последователями КГБ еще долгое время».

Сегодняшний мир теряет свою понятность. Он становится менее управляемым. Возникают сложные и простые проекты, направленные на разрушение прошлых правил. И начало таких сложных проектов деструкции можно найти в истории разрушения СССР. Со своей версией этого проекта деструкции часто выступает С. Кургинян (см., например, его книгу «Красная весна» [7]). При этом мы все время слышим только версии, никто не хочет раскрывать правды. А версии всегда будут иметь вероятностные основания, то ли было так, то ли нет.

Ю. Харари увидел интересные характеристики революционных движений для будущего [8]. Восстания двадцатого века были против эксплуатации и хотели транслировать в политическую власть свою важную роль в экономике. Брекзит и выборы Трампа имеют другую траекторию: у людей есть политическая власть, но они боятся того, что теряют свою экономическую силу. Возможные революции двадцать первого века будут против экономической элиты, которая уже не нуждается в людях. Но бороться против своей ненужности будет сложнее всего.

Сегодня на помощь большой политике пришли социальные медиа с их использованием фейковых новостей. Если раньше пули были

физическими, то теперь они стали информационными и виртуальными. Под последними мы понимаем такие фейки, которые направлены на виртуальный мир человека, порождаемый его моделью мира.

Какие характеристики фейковых сообщений исследователи рассматривают как базовые? Саманта Бредшоу из проекта компьютерной пропаганды говорит: «Мусорные новости представляют собой конспирологический, высоко поляризованный контент, который необязательно является правдивым. То есть в них есть элемент того, что мы вкладываем в понятие фейковых новостей. Но они также включают большое количество реально поляризующего контента, направленного на разделение людей. Мы увидели также многое из этого в распространении по социальным медиа, где были политические мысли или элементы программ, предназначенные для повтора человеческого поведения, распространяющего и усиливающего эти месседжи, давая фальшивое ощущение популярности, связанное с этими месседжами» [9].

Современный мир переполняют страхи и разочарования. Новые поколения не видят возможности вырваться за пределы этих коллективных настроений, поскольку соцмедиа направлены на усиление социальных страхов и желаний, демонстрируя их всеохватность.

Политические функции соцмедиа не новы, их выполняли и раньше в виде организации, поддержки, раскрутки разных движений. Но теперь технологии позволяют использовать социальные сети и доверие путем превращения друзей в усилителей распространяемых месседжей [10]. То есть рупором стал сам отдельный человек, поскольку соцмедиа многократно усилили его голос.

А на смену спешат новые технологии. Возникло, например, понятие *deerfake* как создание уже не вербального, а визуального фейка. Ожидается использование дополненной реальности, искусственной реальности, распознавания голоса [11].

И один из выводов состоит в том, что коммуникация – это не просто передача сообщений, для людей важно подтверждение близости с большим драматическим нарративом о мире, то есть с моделью мира. По сути, люди ищут новости, подтверждающие их модель мира. И это вновь проявление определенного стадного инстинкта.

Интернет принес тенденцию, которую обозначили как пост-печать [12]. Это отказ газет от печати и переход их полностью в онлайн-форму. Это произошло с британской газетой *Independent* в 2016 г., когда газета уже была в руках российских олигархов А. и Е. Лебедевых. А до этого на такой эксперимент пошли в 2007 г. финская газета *Taloussanomati* и американская *Christian Science Monitor* в 2009. То есть постпечатный мир идет семимильными шагами вместе с постправдой.

Анализ читательской аудитории газеты *Independent*, которая пошла этим путем, показывает, что читатели печатного издания тратили на газету от

37 до 50 минут на каждый номер. В 2017 г. онлайн-читатели тратят всего шесть минут за месяц. Правда, есть рост читателей за рубежом в первый год на 50 %, второй год – еще на 20 %. Это тем более удивительно, что печатной газеты за рубежом особенно не было.

Бывший редактор данной печатной газеты А. Раджан с неким, вероятно, сожалением подчеркивает, что у газеты теперь совершенно иной тон [13]. Он говорит о нем как о популистском, ориентированном на клики, на вирусное распространение информации. Даже не споря, можно заранее согласиться с этим, ведь онлайн-издание всегда будет отличаться от печатного.

Соцмедиа усилили поляризацию и радикализацию, создав облегченные пути их роста. При этом мы все время смотрим на Facebook, но точно такие процессы развиваются в YouTube [14] и в Twitter [15]. Вероятным параллельным процессом следует признать и выход на арену популистских лидеров по всему миру. Они легко обошли сложные схемы прошлой политики, заговорив с населением на понятном языке с четким обозначением «врагов», активируя во многом забытую старую модель мира.

В современном лидерстве возник новый инструментарий: «Политические и военные лидеры постоянно пытаются и достигают успеха в использовании информации в такой степени и скорости, которой еще не было в истории, чтобы достичь результата внутри других стран. Эти лидеры более не могут освободиться от внешних попыток повлиять на население своих стран, они или сами формируют восприятие, или позволяют другим делать это» [16].

П. Зингер, один из авторов новой книги «Как война» об использовании соцмедиа в качестве современного оружия, пишет: «Чтобы победить интернет, надо научиться совмещать вместе элементы нарратива, аутентичности, сообщества и скопления. И если вы можете «победить» интернет, вы можете победить глупые распри, выборы и смертельно опасные битвы» (цит. по [17]). Зингер говорит, что идея книги пришла еще до Трампа, а когда в 2014 году силы Исламского Государства захватили Мосул: «Это создало момент не просто разрыва в войне и политике, а смятение. Что это за группа и как им удалось сделать невозможное – победить военную силу, намного большую, чем они, обученную и вооруженную самой мощной страной в мире? Не принимался во внимание элемент соцмедиа. Главной частью того, как ИГИЛ поднялся, а затем победил, было использование той же тактики, которую используют для своих побед знаменитости, маркетологи и подростки».

Кстати, в предисловии к книге авторы тоже говорят о Мосуле, когда распространяемые слухи привели к бегству тысяч солдат и полиции, что позволило полуторатысячному отряду ИГИЛ легко его занять. На фоне рассказов о будущей кибервойне Исламское Государство провело

вирусную маркетинговую кампанию, захватив не сеть, а информацию в ней. После этого с помощью интернет-кампании привлекло к себе 30 тысяч новых бойцов.

Главная идея авторов такова – социальные медиа революционизировали уже все, от бизнеса до политики, теперь настало время и для войны. Они пишут: «Интернет долго восхвалялся за способность объединять людей. Но сегодняшний день демонстрирует, что та же технология легко становится оружием. Смартфоны и социальные приложения четко изменили азы конфликта: от рекрутирования до сообщений с поля битвы. Но наибольшие результаты могут быть более фундаментальными, расширяющими причины, частотность войны и охват. Платформы соцмедиа усиливают нарративы «мы против них», открывая уязвимым людям опасные идеологии, разжигая даже давно спящую ненависть. Они создают массовую поддержку общественному мнению, которое практически невозможно предсказать или проконтролировать» [18].

Еще одним примером переноса технологий стал феномен использования самими американцами внутри страны технологий российских информационных интервенций [19–20]. При этом не утихает внимание и к возможности иностранного вмешательства [21]. Новым феноменом стало то, что растет число внутренних дезинформационных кампаний и падает число внешних. А домашние кампании сложнее идентифицировать, чем внешние, поскольку они отражает реальные сети американцев в онлайн.

Современный мир вступил в полосу резких изменений. С одной стороны, это результат развития информационных технологий, которые все глубже входят во многие социальные процессы. С другой – это следствие ускорения множества самих социальных процессов, которые сами становятся источником изменений.

Литература

1. Petersen M. B. a. o. A «Need for Chaos» and the Sharing of Hostile Political Rumors in Advanced Democracies // psyarxiv.com/6m4ts/.
2. Turchin P. Ages of Discord. A structural-demographic analysis of American history. – Chaplin, 2016.
3. Турчин П. Теории и модели эмпирического исследования исторической динамики // cyberleninka.ru/article/v/teorii-i-modeli-empiricheskogo-issledovaniya-istoricheskoy-dinamiki-1.
4. Turchin P. Entering the Age of Instability after Trump // economics.com/science-predicting-rise-fall-societies-turchin/.
5. Turchin P. Political instability may be a contributor in the coming decade // peterturchin.com/PDF/Turchin_Nature_2010.pdf.

6. Shane S. a. o. The plot to subvert an election. Unraveling the Russian story so far // www.nytimes.com/interactive/2018/09/20/us/politics/russia-interference-election-trump-clinton.html.
7. Кургинян С. Красная весна. – М., 2015.
8. Harari Y. N. Why technology favors tyranny // www.theatlantic.com/magazine/archive/2018/10/yuval-noah-harari-technology-tyranny/568330/.
9. Oxford Study: Political Data Mining Companies are Manipulating Elections Around the World // therealnews.com/stories/oxford-study-political-data-mining-companies-are-manipulating-elections-around-the-world.
10. Diresta R. How bots ruined clicktivism // www.wired.com/story/how-bots-ruined-clicktivism/?CNDID=50699076&mbid=nl_091618_backchannel_list1_p2.
11. Wardle C. a. o. Information disorder. Toward an interdisciplinary framework for research and policymaking // rm.coe.int/information-disorder-report-november-2017/1680764666.
12. Thurman N. With presses silenced, a newspaper is side-lined // neilthurman.com/blog-reader/with-presses-silenced-a-newspaper-is-side-lined.html.
13. Rajan A. Should other papers follow The Independent's digital lead? // www.bbc.com/news/entertainment-arts-40774421.
14. Lewis B. Forget Facebook, YouTube videos are radicalizing millions of young people – and the company is profiting // www.nbcnews.com/think/opinion/forget-facebook-youtube-videos-are-radicalizing-millions-young-people-company-ncna916341.
15. Disinformation, fake news and influence campaigns on Twitter // knightfoundation.org/reports/disinformation-fake-news-and-influence-campaigns-on-twitter.
16. Zenco M. The problem isn't fake news from Russia. It's us // foreignpolicy.com/2018/10/03/the-problem-isnt-fake-news-from-russia-its-us/.
17. Axe D. Social Media Is a Weapon of War. How We Use It Is Up to Us // motherboard.vice.com/en_us/article/pawny7/social-media-weaponized-likewar.
18. Brooking E. T., Singer P. W. War goes viral. How social media being weaponized around the world // www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/11/war-goes-viral/501125/.
19. Frenkel S. Facebook Tackles Rising Threat: Americans Aping Russian Schemes to Deceive <https://www.nytimes.com/2018/10/11/technology/fake-news-online-disinformation.html?action=click&module=Well&pgtype=Homepage&ion=Technology>.

20. Frier S. Facebook Has Removed More Than 800 U. S. Accounts Spreading Fake News // time.com/5422546/facebook-removes-800-fake-news-accounts/.

21. Kumagai J. Will Foreign Agents Rig the U. S. Midterm Elections Through Social Media? // spectrum.ieee.org/tech-talk/telecom/internet/.W5LFQGpFJRI.twitter.

3. Управляя своей коммуникацией в соцмедиа, потребитель информации сам выступает в роли автора

В прошлом информация попадала к читателю, а потом и зрителю вне всякой зависимости от него. Условный пример: глашатай короля не нуждается в подстраивании под слушателей. У получателя информации испокон веков была чисто пассивная роль. Но постепенно эта роль стала меняться. Чем выше статус говорящего (боги устами жрецов, цари-короли), тем его менее волнует слушатель, «священное» слово и так дойдет в неприкосновенности, обладая обязательностью для выполнения всеми.

Эта система стала рушиться при появлении зависимости от получателя, например, коммерческого порядка. Читатель/зритель стал нужен, поскольку он сам покупал тот или иной информационный продукт, либо его, сидящего у телевизора, продавали рекламодателям. Все это с каждым шагом облегчает процессы социального управления.

Одновременно это прямое или косвенное программирование поведения человека. Двадцатый век применил все возможные методы для этого, включая использование всех новых медиа – радио, кино, телевидения. Государство со своим словом вошло в каждый дом и в каждую голову. Тоталитарные государства добавили в эту коммуникативную цепочку использование аппарата принуждения, заставляя слушать и выполнять сказанное под угрозой наказания. Демократические государства воспользовались не жесткой, а мягкой силой в тех же целях программирования поведения, они не заставляли, а привлекали людей к правильному поведению.

Большие объемы населения всегда будут нуждаться в таком программировании поведения. Полиция регулирует экстремальные отклонения, малые колебания поведения программируются образованием и медиа. Кстати, система социального кредита Китая, когда отслеживаются любые, даже малые отклонения, тоже связана с большими массами населения, которыми, вполне вероятно, нет возможности управлять никаким другим способом.

Если реклама имеет короткий цикл такого программирования, завершающийся покупкой, то паблик рилейшнз работает с долгими

циклами, когда определенный тип поведения будет активирован не сейчас, а в нужное время.

XX век завершил ситуацию социального управления, создав массового человека, массовую культуру и массовую коммуникацию. Мы все стали смотреть те же фильмы, читать и смотреть те же новости, увлекаться теми же книгами. И уже с детства каждый знает все о Гарри Поттере и почти ничего об астрономии, если ее нет в программе средней школы.

Человек стал более унифицированным в своем мышлении и поведении. У нас возникло множество общих тем для разговоров, но мы не беседуем на эти темы, поскольку за нас все говорят другие: раньше – телевизор, сегодня – соцмедиа.

Это имеет позитивные последствия и для бизнеса, и для политики. Человек потерял все свои защиты и возможности сопротивления, поскольку информационные и виртуальные потоки во многом превосходят его силы. Он может «плыть» только туда, куда они его направляют. Но самое главное – современный человек попадает в зависимость от этих потоков, он уже не может жить без них. В результате он сидит у экранов разного вида по восемь и более часов в день.

В этом контексте появился бихевиористский вариант подталкиванию к нужному поведению, так называемый *nudge*, взятый на вооружение правительствами Британии, США и Франции. Сторонники данного направления называют свою профессию архитектурой выбора, а себя архитекторами выбора. Свою задачу они видят в том, чтобы поставить человека перед таким выбором, который подтолкнет его принять нужное решение. Британия уже проэкспериментировала с этим подходом в сфере медицины, поскольку там большая часть финансирования уходит на болезни, созданные неправильным поведением пациента.

Наконец пришло время Интернета, который был создан в том числе и с политическими целями. Он должен был усилить слабых в их противодействии с властью, помогая им в их объединении и организации. «Арабская весна» стала ярким примером использования этого инструментария. Информационное сопротивление превратилось в физическое, когда люди вышли с протестами на площади.

Соцмедиа начали новый этап использования информации человеком, а точнее программирования поведения с опорой на связку информации и человека. Это сделали в политических целях, когда личная информация о человеке из соцсетей стала публичной, что дало разработчикам психологического таргетинга новые возможности невидимого влияния на наше поведение. Каждый человек, исходя из своих интересов и лайков, принадлежит определенной информационной группе, поэтому с ним можно разговаривать на основании общих характеристик этой группы.

К тому же человек в соцсетях сам стал «репродуктором», распространяющим как фейковые, так и другие сообщения, которые ему близки, и он хочет поделиться ими со всеми. Реально он становится

«соавтором», например, фейка, поскольку от него зависит широкое распространение. Фейк активизирует человека, а человек запускает фейк дальше, как это было раньше со слухами и анекдотами.

Впервые человек попал в эту новую роль в момент создания массовой литературы. В рамках ее, в отличие от литературы «высокой», роль читателя резко изменилась. Если «высокую» литературу пишет писатель, то массовую, как условно говорится, и писатель, и читатель, поскольку без учета роли читателя никакой бестселлер невозможен.

Еще один новый феномен привнесли Нетфликс и подобные компании. Они дали возможность смотреть телесериал хоть круглосуточно, не ориентируясь, как раньше, на программу телевидения, тем самым значительно уничтожив развлекательный статус телевидения, которое перестало быть монополистом.

Телесериал и без этого имел функцию почти бесконечного удержания внимания на себе. Пустеющие улицы советских городов в момент трансляции первых зарубежных телесериалов являются ярким доказательством этого.

Сегодня такую же функцию удержания внимания заложили во все технические платформы. Все ставят свои лайки и следят за чужими, не выходя за пределы соцмедиа. Жизнь человеческая стала измеряться лайками и селфи. Теперь жизнь надо прожить так, чтобы оставить после себя не поступки, а как можно больше лайков.

Все эти примеры демонстрируют изменившуюся роль получателя информации, который занимает все более активные позиции. Еще более важным он станет в будущем, когда будет реализована идея выбора варианта развития сюжета зрителем. Он сам будет выбирать развилки сюжета, интересные ему самому, и будет смотреть как бы свой индивидуальный телесериал.

Если посмотреть на данное развитие информационно-коммуникативных технологий в истории, то мы увидим следующие скачки развития человечества:

ЭТАП – ЦЕЛЬ – ПРИМЕЧАНИЕ

Боги, цари, короли – Поразить всех авторитетом – Максимальное подчинение верховному существу

Книгопечатание – Охватить как можно большую аудиторию – Разрушение старых авторитетов, появление новых, связанных с коммуникацией

Массовая литература – Максимальное вовлечение в развлекательный модус – Развлекательность становится управляемой

Кино и телевидение – Переход на визуальные коммуникации – Визуальные коммуникации не требуют даже грамотности, поэтому они дают взрыв популярности

Интернет – Антииерархичность – Говорение становится доступным малым группам и даже отдельным людям

Сегодняшние технические новинки тоже стали «говорящими». Информацию о потребителе шлют даже детские игрушки. А новый тип термометра сигнализирует фармацевтам, куда надо направлять рекламу лекарств, поскольку о температуре больного моментально становится известно.

Мир все время трансформируется, результаты этого не всегда видны, поскольку нам доступны только физические их проявления, а сами операции влияния на нас спрятаны и почти незаметны. Мы думаем, что наши поступки самостоятельны, но это далеко не так.

Заключение

Мир ускорил свое функционирование и развитие за счет более сильной опоры не только на физическое, но и на информационное и виртуальное пространства. Новый инструментарий, такой, как, например, использование соцсетей, постепенно становится обыденностью. Но одновременно он помогает не только тем, кто управляет, но и дает большую свободу управляемым. И это обратное воздействие будет только усиливаться. Использование соцсетей для интервенций в американские и французские выборы, Брекзит и каталонский референдум демонстрирует еще одну новую возможность, когда управляющий пытается замаскировать себя под массовые действия управляемых.